

КАРЕЛЬСКОЕ
НАРОДНОЕ
ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

КАРЕЛЬСКОЕ
НАРОДНОЕ
ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО

Подготовка и перевод текстов

В. Я. Евсеева

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1981

Ответственный редактор

В. М. СИДЕЛЬНИКОВ

Рецензенты: А. К. Микушев, П. Е. Никитин, В. Д. Рягоев

К $\frac{70700-593}{042(02)-81}$ 478.81.4702270000.

© Издательство «Наука», 1981

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разнообразие и богатство карельского фольклора во всех его жанрах трудно показать в одном сборнике. Тем не менее давно назрела необходимость дать хотя бы общее представление о состоянии народнопоэтического творчества карел на широком фоне как современных, так и более ранних записей устной народной поэзии начиная с первой половины XIX в. Обстоятельства заставляют также рассеять распространенное среди широкого круга читателей и даже научной общественности мнение о том, что, например, устная поэтическая традиция карел восходит к «Калевале». На самом деле в этом национальном эпосе литературно переработаны, композиционно слиты воедино бытующие среди народа произведения разных — главным образом песенных — жанров фольклора не только финнов, но прежде всего карел.

Карелия издавна была заселена как карелами, так и русскими. Этим определялась близость карельской и русской культур, общность исторических судеб обоих народов, о чем красноречиво свидетельствует фольклор карел, в частности их исторические песни. Это же сказалось на специфике их народной поэзии, обнаружив параллели не только с финским, но и русским фольклором. Результатом этого является отмеченное уже в XIX в. бытование среди карел русских былин в сказочном изложении об Илье Муромце, Добрыне, Алеше Поповиче. С другой стороны, отмечалось и обратное явление: севернорусский сказочник М. М. Коргуев исполнил нам по-карельски эпическую песню о герое «Калевалы» старом Вяйнямейнене.

В сборнике читатель найдет переводы не только тех устно-поэтических текстов, записанных в первые десятилетия XIX в., которые были непосредственно использованы Ленротом в «Калевале», но и записи более поздних собирателей фольклора. Сопоставление народнопоэтических произведений, собранных в разное время и в разных местностях, дает представление о степени трансформации текстов. Каждый вошедший в сборник текст представляет собой характерную по своим идейно-художественным особенностям запись от определенного сказителя. В отдель-

ных случаях даются фольклорные тексты, записанные от трех поколений наиболее крупной и талантливой сказительской семьи (например, от Перттуненов). Подчас нельзя было ограничиться публикацией только одного варианта того или иного произведения: в сборник отобраны сильно отличающиеся друг от друга версии произведений всех жанров, тем более что они выглядят разными сюжетными разработками.

Нередко собиратели первой половины XIX в. (Ленрот, Европеус, Кастрен и др.) в своих записях не называют сказителя, но поскольку некоторые из таких фольклорных произведений представляют значительный интерес, они также использованы в нашем сборнике. Внутри каждого жанрового раздела тексты располагаются хронологически, что более рационально, особенно при их комментировании. Наибольшее место в сборнике уделено его составителю В. Я. Евсееву, записи которого охватывают 1932—1967 гг. и относятся ко всем жанрам. Но в зависимости от качества и ценности записей здесь представлены и другие фольклористы. Таким образом, сборник содержит лучшие образцы карельского фольклора, записанные на протяжении 150 лет.

Все фольклорные материалы группируются по жанрам. Сначала даются произведения наиболее древнего, архаичного жанра — заклинательной поэзии. Здесь наряду с текстами, отражающими первобытные языческие религиозные воззрения наших предков, даются и более поздние заклинательные формулы средневековья, нуждающиеся в историческом комментарии. Например, карельский заговор против чумы связан с именем литовского наместника Наримонта, посаженного в Кореле в последний период новгородской независимости реакционным боярством, занесшего со своей дружиной туда эпидемию чумы и имевшего в своей дружине христианских миссионеров, искоренявших остатки язычества среди карел. Без такого исторического освещения текст заговора был бы совершенно непонятен.

Наиболее широко представлены в сборнике карельские эпические песни и баллады. Рядом с древними рунами о старом Вяйнямейнене и кузнеце Ильмаринене более поздние по происхождению эпические песни о Лемминкяйнене и Куллерво. Разные версии эпических произведений в северной и южной Карелии свидетельствуют о различных путях развития этого жанра, о разных условиях его бытования там и тут, дают историческое отражение действительности через призму стилистических средств, художественных образов и характеризуют различия в стилистике и структуре вариантов этих произведений. Поэтому нельзя было ограничиться публикацией одного варианта каждого сюжета, тем более что эти сюжеты встречаются в разных комбинациях.

Особый раздел составили в жанровом отношении не установленные и сюжетно однообразные карельские исторические песни, которые группируются вокруг имен русских царей Ивана

Грозного и Петра Первого и шведского полководца Пунтуса Делагарди.

Кроме того, в сборнике выделяются разделы карельских свадебных песен и причитаний, трудовых и колыбельных песен, а также детского фольклора. В текстах этих фольклорных произведений также прослеживаются разные идейно-художественные напластования. Особенно это заметно в географической номенклатуре образцов этих жанров. Наряду с Царьградом, Киевом и Новгородом упоминаются в них Москва и Питер—Петроград.

Значительное место в сборнике отведено карельским сказкам, представленным чаще всего международными сюжетами этого жанра эпической прозы. Разумеется, при всем желании невозможно охватить в одной книге все наиболее распространенные в Карелии сказочные сюжеты. Это не удалось сделать даже в двух томах академического издания «Карельские народные сказки» (М.; Л., 1963, 1967). Но доступность его для читателя избавила составителя данного сборника от необходимости повторять те же сюжеты. Отдельные повторения неизбежны, но мы стремились обратить внимание читателя на ранее не публиковавшиеся записи, которым не нашлось места в вышеуказанном двухтомнике.

Сравнительно небольшие разделы составляют карельские предания, легенды и былички. Героями этих преданий являются не только местные патриоты-крестьяне, такие как Ворна, Челли, Рогачу, но и русский царь Петр Первый. Невелики также и разделы карельских пословиц, поговорок и загадок.

Из традиционного фольклора старой и новой записи более многочисленны тексты лирических песен и частушек, составляющие также особые разделы нашего сборника. В них, как и в произведениях других жанров, звучат мотивы недовольства социальным неравенством в классовом обществе.

Сборник завершается разделом современного народного творчества, который включает произведения почти всех перечисленных жанров без особого их выделения. Материалы этого раздела отразили историю, культуру и быт Советской Карелии. В своих произведениях карельские сказители стремились показать также роль Ленина в нашей жизни.

Какой бы жанр карельского фольклора мы ни взяли, лучшие относящиеся к нему произведения народнопоэтического творчества отличаются достаточно высоким художественным уровнем, в достижении которого свою роль сыграли многие поколения карельских сказителей. Композиционно более слабыми предоставляются отдельные образцы современного народного творчества карел, но и в них читатель может отметить умение сказителей использовать лучшие идейные и эстетические традиции.

В большинстве произведений почти всех песенных жанров читатель заметит, например, единообразие ритмики, т. е. характерный для карельской народной поэзии восьмисложный стих. Отметит он и много общего в других поэтических особенностях, худо-

жественной форме карельского фольклора. Но при всем своеобразии метафоры, синонимии, эпитетов, гипербола и других изобразительных средств произведений карельского фольклора в них нельзя не отметить и то, что характерно и для устной поэзии других, особенно родственных народов, например для финского фольклора. О взаимодействии карельского и русского народно-поэтического творчества свидетельствуют не только отдельные мотивы, но и целые сюжеты как эпической песни, так и некоторых карельских лирических песен, возможно, возникших в результате их вольного народного перевода с русских образцов. Многие карельские сказки, пословицы, поговорки, загадки и произведения других жанров, как это легко заметит читатель, также имеют параллели в русском фольклоре.

Но если и можно говорить о прочных многовековых связях карельского фольклора с русским народнопоэтическим творчеством, то необходимо помнить и о его национальном своеобразии, проявляющемся во всех жанрах, а особенно в эпосе.

Принципы отбора текстов для сборника определялись многими, прежде всего идейно-художественными их особенностями. В частности, отдавалось предпочтение записям, которые незаслуженно оставались не опубликованными в русском переводе. Составитель сборника стремился выделить место фольклорным произведениям, записанным наиболее крупными собирателями карельского фольклора прежде всего от известных его носителей. Как один из этих собирателей составитель сборника достаточно широко представил и свои записи.

Необходимо высказать несколько замечаний по истории собирания и публикации произведений карельского фольклора, привлекавшего к себе внимание ученых уже в конце XVIII—начале XIX столетия. Здесь нужно отметить роль русско-финских ученых Шегрена, Кастрена, а также особенно важное значение собирательской деятельности финского литератора Ленрота и его сотрудников (Европеуса и других), которые наиболее активно занимались записью произведений песенных жанров карельской народной поэзии, использованных в «Калевале». Проявившийся при Ленроте интерес к народной поэзии позднее сменился относительным равнодушием к фольклору, но уже в 70-е гг. XIX в. в Карелии снова появляются собиратели фольклора (Борениус, Сирелиус, Генетц и др.), продолжающие записи также и в тех жанрах, которым ранее уделялось меньшее внимание. Эту работу продолжили известный финский фольклорист К. Крон, поэт Эркко и ряд других финских собирателей, записи которых представлены в сборнике. Нельзя также умолчать о собирании карельского фольклора в конце XIX в. русско-карельским краеведом Н. Лесковым. В начале XX столетия многие финские ученые продолжали записывать в Карелии произведения народнопоэтического творчества. Огромное количество накопленных записей частично уже в XIX в., но главным образом в первые десяти-

летия XX столетия были опубликованы в отдельных сборниках, а также в многотомном издании карельского и финского фольклора. На протяжении истекшего после издания «Калевалы» века интенсивно развивалось в Финляндии и изучение карельской народной поэзии, особенно карело-финского эпоса.

После Великой Октябрьской революции, уже в годы гражданской войны, в Карелии снова возобновился интерес к карельскому фольклору. Командир севернокарельского партизанского отряда Г. Х. Богданов между боями с интервентами производил записи устной народной поэзии карел, а позднее, в 1927 г., участвовал в экспедиции Академии наук СССР по фольклорно-этнографическому изучению северной Карелии. С 1930—1932 гг. начинается работа по собиранию произведений карельского фольклора составителем данного сборника В. Я. Евсеевым и другими карелами. Наряду с проводимой В. Я. Евсеевым из года в год записью устной поэзии карел развернулась активная собирательская деятельность, возглавленная Карельским научно-исследовательским институтом. До Великой Отечественной войны в эту работу включились Т. Ананина, во время войны расстрелянная оккупантами, К. Белова, также трагически погибшая в конце войны, карельский поэт Я. Ругоев, П. Куйкка, Ф. Фомкин, Н. Хрисанфов и другие. После войны, кроме В. Я. Евсеева, эту работу продолжили Э. Тимонен, У. Конкка, Г. Н. Макаров, А. С. Степанова. Одновременно В. Я. Евсеев, У. С. Конкка и Г. Н. Макаров, А. С. Степанова подготовили ряд публикаций произведений разных жанров карельского фольклора и соответствующие свои исследования.

В нашем сборнике литературные и ритмические адекватные оригиналу переводы произведений карельского фольклора публикуются без параллельных текстов на языке карельских сказителей. Из-за несоблюдения передачи диалектных особенностей в записях собирателей XIX столетия такое издание с параллельным текстом по-карельски и по-русски в данном случае оказалось неосуществимым. Да оно и не представило бы интереса для более широкого, чем языковеды-финноугроведы, круга читателей, на который сборник рассчитан. Так как этим изданием могут пользоваться также и филологи, историки, этнографы, нет необходимости добиваться полной передачи всех поэтических средств карельского текста (например, аллитерации), что привело бы к заметному смысловому отклонению от оригинала. Характерную для карельского фольклора систему художественных средств составитель сборника пытается передать в такой мере, чтобы не нарушить смысловую адекватности перевода, не сводящегося к подстрочнику.

Где для большинства песенных жанров карельского народно-поэтического творчества типичен восьмисложный хорейский стих, там и в переводе сохраняется четырехстопный хорей. Однако в более поздних, восходящих к русским образцам лирических песнях карел восьмисложный стих перебивается семисложным хорейским. Встречаются и другие отклонения от господ-

ствующих ритмических схем, которые также передаются в переводах. Особенно это характерно для ритмически неустойчивых карельских частушек — жанра, сложившегося недавно, не получившего широкого распространения среди всех групп карел, поэзии которых почти совсем не свойственна конечная рифма.

Под текстами произведений разных жанров карельского народного творчества даются лишь ссылки на собирателя, год записи, указываются исполнители (если они известны) и их местожительство, а также архивный либо по более ранней публикации источник карельского оригинала. Остальные сведения, касающиеся других вариантов того или иного фольклорного произведения, размещены в разных разделах комментария. Поскольку под каждым текстом основного корпуса сборника не указано, в каком районе Карельской АССР и других районах расселения карел в СССР и Финляндии произведена эта запись, в особом указателе рядом с перечнем населенных пунктов указываются места их нахождения согласно современной районизации.

Комментарии к произведениям разных жанров карельского народного творчества состоят из примечаний, содержащих не только ссылки на ранее публиковавшиеся записи от карел, но и некоторые другие сведения, в частности связанные с историческими реалиями.

Поскольку, как уже отмечалось, все собранные в сборнике тексты внутри каждого жанра размещены в хронологической последовательности их записи, указания на год записи в отдельных указателях сборника позволяют быстро найти необходимые сведения. Например, предметно-именной указатель к пословицам и поговоркам со ссылками на годы записи и другие, более ранние публикации также предназначен для облегчения поисков тематических и исторических реалий и сравнительного материала из разных изданий карельских пословиц и поговорок. Загадки в особом указателе систематизированы в алфавитном порядке их отгадок с приведением годов записи загадок и сравнительных ссылок на другие публикации.

В комментариях к сказкам даны общие сведения о более ранних публикациях, сравниваемых с помещенными в сборник текстами в том порядке, в каком они помещены в общепринятых указателях сказочных сюжетов Андреева—Аарне и Томпсона. Наличие пространных примечаний в академическом сборнике карельских народных сказок позволило составителю воздержаться от более подробного комментирования.

Кроме того, сборник содержит предметно-именной пояснительный словарь и список сокращенных обозначений.

Остается надеяться, что сборник избранных произведений разных жанров карельского народного творчества представит интерес для читателей.

ЗАКЛИНАНИЯ

На зимней охоте

Много снегу навалило,
Много нанесло снежинок
После осени на землю.
Снег скрыл зимнего зайчонка.
И тогда мне захотелось
Прогуляться по полянам,
Обновить здесь наст по снегу:
Нет на нем следов зайчонка,
Нет следов и лыж мышиных.
Что тогда охотник скажет?
У меня всегда обида,
На душе бывает горько,
Видя, что другие — с дичью,
Что догадливы другие.
Я один сижу без дичи,
Без лесной сижу добычи.
Почему творец рассержен,
Почему не даст он дичи?
Ведь кормил наш род он раньше
И давал он предкам пищу.
Почему меня не кормит
На больших пожарах рода,
Как кормил он наше племя?
Ведь другие-то не лучше:
Все охотники на славу,
Все они живут охотой,
Хитростью всё дичь находят,
Все охотятся с обманом.
Хитростей лишь я не знаю,
Не люблю я и обмана.
Почему не дашь мне дичи?
Обещай мне дичь, создатель,
На весь век мой, на все время,
Мне, охотнику младому.
Многого ведь не прошу я,
Но и малым не доволен,

Я прошу побольше дичи
И хочу иметь я шкурки
У себя перед глазами,
Жажду я всегда добычи —
Молодой годами парень.

Ленрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — К14, 1096.

От укуса паука

По лесу лиса бежала,
Через горку пробегала:
«Где теперь мои лисята,
Где мои бедвяжки-детки?»
«Лисьи шкурки в Кемь попали,
Станут шубами в Стокгольме,
Будут греть солдат в походе,
Будут для мужчин одеждой».
И тогда лиса спросила:
«Эй, паук на паутине,
Почему меня ты встретил?
Ведь с тебя сниму я шкуру,
Ухвачу тебя я лапой;
Шкуру поделю в России
Между теми городами,
Где солдаты воевали, —
Чтоб мужчинам дать одежду
На больших полях сражений,
На местах военной брани!»

Ленрот, 1835 г., от С. Мийхкалинена,
Келловарака. Оригинал — К14, 354.

При ческе овечьей шерсти

Шерсть найду я на горушке,
Шубу новую в Стокгольме,
Шубу лучшую в Гааге,
В Выборге платок из шерсти,
Чтоб овца была в обновках,
Чтобы шерсть овца давала
Своему кормильцу лучше.

Кастрен, 1839 г., Ухта. Оригинал —
К14, 1727.

При охоте на горностаю

Чистенький мой зверь прекрасный,
Ты, зверек с красивой шкуркой,
Приходи сюда ты ночью
Пробовать в моей ловушке
Вкусную мою приманку.
Здесь земля тебе пониже,
И сюда вода стекает
Около моей ловушки,
Около моей приманки.

Европеус, 1845 г., Кормилисто. Оригинал — КИ, 960.

Против колик

Сам кователь Ильмаринен —
Стан для кузницы он ищет,
На скале железной место.
На стальной горе кователь,
Обнаружил он болото,
Место мокрое увидел,
Тут меха свои устроил,
Тут и горн установил он,
А мехами взял рубаху.
В кузнице той и дверей нет;
Из окна огонь виднелся,
Искры лезли через щели.
Там же дикая старуха
Град железный побросала
Кузнецу на угли горна.
Тут-то колики рождались,
Тут она отяжелела
И отменно пополнила.
То что надо родила там
И, родивши, притащила
Внутрь дубового бочонка;
Бросила бочонок в море.
Но не так родилось чудо
В том бурливом водопаде,
Где вода вьюном крутится,
Где природа веселится.
Девять родилось сынков там,
Их крестить хотел поганый,
Сам крестил он сыновей тех,
Сам их окунул в купели.
Так те колики родились.

Европеус, 1845 г., Реболы. Оригинал — КИ, 895.

При заговаривании банного пара

Море я прошел, другое,
Полморья десятого.
Не нашел тебе добра я,
Не нашел и красоты я;
Баня теплая и с паром,
В мох тепло там заходило,
В бане, чтобы мох остался,
Не стращай меня от боли.

Европеус, 1845 г., Вешкелицы. Оригинал — КII, 848.

При травле волков

Убегай отсюда, серый,
Жадный зверь из края Виро,
Уходи на крайний север,
На простор земли лапландцев,
Где деревья стали падать,
Где у трав верхушки сохнут.
Убегай до тех пор, серый,
Жадный зверь из края Виро,
Пока когти есть на лапах
И на челюстях есть зубы.

Европеус, 1848 г., Кормилисто. Оригинал — КII, 995.

Против колик

Три сынка у беса было:
Тот хромой, а этот хилый,
Третий же совсем слепой был,
Он стрелял пониже солнца,
Выше всех стрелял он в солнце.

Борениус, 1877 г., от Х. Каккине, Янгозеро. Оригинал — КII, 879.

При установке силков на лисицу

Ты, лесной король известный,
Ты, лесной хранитель сильный,
Ты, хозяин скал огромных,
Ты, всех гор наш управитель,
Выдай нам теперь добычу —

И давай уговоримся,
Чтобы никогда на свете
Месяц золотой не злился.
Выпьем мы вино от злобы,
Пивом мы зальем пушнину.

Крон, 1884 г., от Е. Путуни, Лубо-
сальма. Оригинал — КII, 958.

Против зубной боли

Застрелю зубного змея,
Истреблю я костоеда,
Чтобы зубы не болели,
Чтобы челюсти не ныли.
Уходи, куда велю я,
Через двери Похъелы, где
Дупла для тебя найдутся,
Чтобы боль ты причинял там.

Крон, 1884 г., от Е. Путуни, Лубо-
сальма. Оригинал — КII, 819.

При кровоизлиянии

Как стена, стой, кровь, при ране,
Точно изгородь усадьбы,
Стой, как меч, упавший в море,
Точно море с черным камнем,
Как священный камень в поле,
Как скала из водопада,
Как вода в большом колодце,
Пусть же кровь стекать не станет,
Жилы с кровью пусть сомкнутся,
Пусть срастется мясо в ране.

Крон, 1884 г., от Е. Л. Пёбрус,
Салми. Оригинал — KVII, 1425.

При ранении камнем

Камень ведь не знает боли,
И плита не знает хвори,
Если в них загнать все боли,
Поместить в них много хвори.
Пусть же пахнут только корни

Всех черемух и березок
И не пахнет только кожа
Сына матери родимой.

Крон, 1884 г., от Ф. Чанникка, Суй-
стамо. Оригинал — KVII, 1300.

При ранении деревом

Пеллервойнена сын Самса
Выбрал пять ячменных зерен,
Семь семян он лучших выбрал,
Засевать пошел он землю,
Вересняк весь по болоту,
По борам он сосны сеял,
В чаще вырастил он ели,
А в лощине-то березы.

Крон, 1884 г., от П. Шемейкка, Суй-
стамо. Оригинал — KVII, 1323.

От укуса змеи

Куллерво, сын Калерво,
Направлялся на войну
Через девять всех морей,
Полморья десятого.
В камень он воткнул копые
И в скалу тот медный гвоздь.
Петр святой туда же шел,
Повстречался он ему;
Он покрыт корой ольховой,
А затем и шкурой Хийси,
Также кожей сатанинской.
Можно ли ему дать душу?
Нет, ему нельзя дать душу,
В нем сидит поганый дух,
Он у нечестивца в роте,
У него сидит он в пальце
И запрятан он в мизинце,
Человеку он опасен,
Принесите мне снадобье,
Что с межи Петра святого.
Мать Христа, Мария-дева,
Принеси сюда снадобье,
Что с межи Петра святого,
Чтоб спасти здесь человека.
Пусть же боль уходит в землю,

Пусть падет зуд на поляну,
Чтобы боль утихла в ране
От змеиного укуса,
Чтобы зажила та рана.

Реландер, 1888 г., от И. П. Мара,
Суоярви. Оригинал — KVII, 1076.

Перед медвежьей охотой

Лыжи ждали огонька,
Лыжи — скользкого пути
По обкатанному насту,
Как девица паренька,
Как зазноба жениха —
Краснощекая невеста.
Рано утром, хоть был иней,
Поднялся я очень рано,
И на снег я лыжи бросил,
Лыжи новые надел я.
«Ой ты, Укко, бог всевышний,
Дряхленький небесный старец,
Укажи ты нам дорогу;
За рукав веди мужчину
И тяни его за куртку,
За кружочек лыжной палки
И за воротник тяни ты!
Приведи на дальний остров,
Доведи ты до горушки,
Где все ели золотятся,
Где их ветки в медных кольцах,
Чтобы мне достать добычу,
Чтобы принести мне шкуру.
Поднимись из сажки, парень,
Из костра, где сажки много,
С ложка из хвои еловой,
Поднимись с хвои смолистой,
Где темнел костер потухший».
Поднимись брать золотые,
Брать серебряные деньги;
Поднимись-ка за деньгами
По проулку золотому,
По серебряной дороге,
По земле, как печень, бурой!
Славная сосны хозяйка,
Ты, красивая дочь леса,
Ставь на всех деревьях метки
И следы оставь на горах,

Чтобы гость не заблудился
И герой свой путь нашел бы.

Мерияйнен, 1888 г., от С. Рийко,
Тухкала. Оригинал — К14, 1199.

Против чумы

Наримус, сын Наримона,
Книгоноша Иисуса,
Золотые стрелы знавший,
Ты ко мне не прикасайся
И к моим всем домочадцам.
Проклят ты давно здесь мною,
Проклят ты здесь — в нашем доме,
Проклят ты всем нашим родом.

Мерияйнен, 1889 г., от И. Пестерине,
Муезеро. Оригинал — К11, 912.

При весеннем севе

Маннутар, земли хозяйка,
Ты заставь-ка дерн ожить,
Землю плодородной быть;
Не живет без сил земля,
Без корней травы — лужок,
Если милость будет нам
От природы дочерей.
Просыпайся-ка, земля,
Отгони свой сон, лужок,
Пусть поднимутся здесь стебли,
Пусть появятся здесь всходы,
Будет много тысяч всходов
И корней в них много сотен
На моей бедняцкой пашне;
После вспашки и посева
Неимущий озабочен.

Мерияйнен, 1889 г., от Т. Ивановой,
Ругозеро. Оригинал — К11, 1036.

При тяжбе

Пусть я буду так же злобен,
Как и стрелы ос зловредных,
Пусть же речь моя польется,

Как и речь у Кейтолайнен,
Пусть же сила моя будет,
Как и сила бесов Хийси!

Мерияйнен, 1889 г., от Т. Ивановой,
Ругозеро. Оригинал — КII, 1087.

При вывихе

Моисей заехал в церковь
На коне, подобном лосю,
А по масти, точно щука,
Да по форме, точно лосось.
Вывихнул ездок тут руку,
Около плеча был вывих,
Вывихнул у Тапомяки,
На пригорке Таповара.
Моисею нужен знахарь,
Кто бы осмотрел тот вывих.
Знахарем творца приводит,
Кто бы осмотрел тот вывих.
Вот уже на третий день он
Знахарям творца приводит,
Посмотреть на вывих — бога.
И когда стянул он жилы,
Кости сдвинул он на место,
Руку обвязал он шелком,
Укрепил узлом добротным,
Завернул бинтами руку,
Снизу хоть была здоровой,
Сверху устранил он вывих,
Посредине боль утихла.

Мерияйнен, 1889 г., от Л. Артенева,
Сума. Оригинал — KI₄, 763.

При сборах на войну

Старый верный Вяйнямейнен,
Заклинатель вековечный,
Изготовь из камня плиты,
Со скалы сдери ты корку,
Изготовь из них укрытье,
От войны спастись в нем можно
И стрелять из-за укрытья
В неприятельское войско
И сразить врагов поганых,
Все военные отряды.

Мерияйнен, 1889 г., от П. Онтроп-
пайнена, Келловарака. Оригинал —
KI₄, 2084.

Защита от войны

Золотой король наш Укко,
Славный наш отец небесный,
Дай мне огненную шубу,
Дай кольчугу, как рубаху,
Чтобы на войну идти мне,
Сделай каменную стенку,
Чтобы я стоял за нею.

Мериляйнен, 1889 г., от Р. Никитина, Кимасозеро. Оригинал — KI₄, 2085.

Оберег от войны

Поднимись, земля, защитой,
Защити на поле брани,
Где сражаются мужчины.
Пусть здесь каменные плиты
От войны защитой будут,
Чтоб за ними укрываться,
Чтобы головы не гибли,
Даже волос не упал бы
На большое поле брани,
На кровавые поляны.

Мериляйнен, 1889 г., от Е. Афанасьева, Ухта. Оригинал — KI₄, 2087в.

На укусе осы

Здесь, у вехи, дом сосновый,
Дряхлая ты ос хозяйка,
В землю загни отсюда
Ты своих мужей с мечами,
Ты запрячь-ка осам крылья,
В масло талое сунь перья,
Поверни назад их жала,
С крыльями сломай их стрелы
И ударь их быстро сзади.

Вихман, 1891 г., Суйстамо. Оригинал — KVII₃, 930.

При изготовлении снадобий

Из земли ты, Леммингяйнен,
Ты мужчина слабосильный,
Ты иди, лети отсюда

Через восемь городов
В сумрачную Табиолу,
Мазь мне принеси оттуда —
Из ближайшего притока,
Из прибрежной вязкой грязи.
Ты на эту грязь подуй мне,
Из нее ты мазь мне сделай,
Смажу я больное место,
Пусть оно здоровым станет.

Ниэми, 1901 г., от Т. Трихпони, Сааренпя. Оригинал — КII, 814.

Привораживание парня

Молодых со дна поднимем
И возьмем людей на воздух,
На дубраве их оденем
В красные одежды шведов,
В штатские мундиры русских,
В шелк и в финские рубахи.
О же, пчелка, ты на свете
Девять всех морей видала,
На десятое ты море
С медным коробом летала,
С поясом серебряным.
Деве кружкой золотой
Принеси воды любовной.

Хярккенен, 1901 г., от П. И. Поччи, Сямозеро. Оригинал — КII, 1038.

Против дождя

Отгони в Россию тучи,
Радугу сдай в край карельский,
Там в воде нуждаются:
Молоком там моют избы,
Маслом парятся там в бане.
Здесь воды и так уж много.

Лесоев, 1908 г., от М. Хуовинен, Хиэтоярви. Оригинал — KI, 1793в.

От дождя

В Пиэгула уйдите, тучи,
Там в воде нуждаются,
Там и лужи обсыхают,

Там и дети некрещены,
Там народ весь некрещеный.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — К14, 1794.

При укусе собаки

Шерсть в твоих грехах и роде,
Шерсть в твоих пяти зубах ведь,
Шерстью ты сама покрыта,
Выпей, как вино, всю злобу,
Бешенство пей, точно пиво.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — К14, 365.

При работе на гумне

Старая гумна хозяйка,
Ты, подземная старуха,
Дым пускающая к небу,
Прокопти все жито дымом,
Обезвредь добро от бога,
Как ты делала и раньше.

Паулахарью, 1915 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — К14, 1766.

Рождение огня

Высекал огонь бог Укко,
Выбил кремнем Вяйнямейнен,
Стукалок пять в кремне было,
Колотилок шесть в нем было, —
В огниве с семью концами
Три пера орлиных было.
И огонь прошел сквозь землю,
Сквозь шесть пестрых крышек тверди,
Сквозь отдушину для дыма.
Грудь у матери обжег он,
Ободрал сосцы у девы.
Мать та лучше, чем другие,
Делать многое умела:
И огонь в клубок смотала,
Отнесла в реку Туонелу.
И тогда река Туонела
Спенилась, как ель, высоко,
Поднялась там до обрывов.

Проглотил огонь сиг гладкий,
Сиг тот гладкий стал метаться,
Плавать стал от мыса к мысу,
Между островами плывал.
Нет того, сига кто съел бы,
И огонь, несущий муки,
В Ангерво он погасил бы.
Красным лососем сиг съеден.
Кем бы лосось тот был съеден, —
И огонь, несущий муки,
В Ангерво кто погасил бы?
Братья в красных рукавицах
Стали у сетей трудиться.
Им пришлось прислушиваться,
Про огонь они узнали
И домой уже попали.
Лен посеяли те братья,
Конопля там вырастала.
Коноплю всю отмочили
И связали братья невод,
Закрепили с верхним краем.
Летом за одну ночь невод
Потянули по теченью,
Не попала в невод рыба.
Поперек теченья тянут,
В неводе нет рыбы красной.
И вот старый Вьянмяейнен
Сам пошел ботать боталом;
Разботал тот невод в клочья.
Пойман ими красный лосось,
Но к нему не подступиться
Без дельничек пестрых теплых
И без медных рукавичек.
«Эй ты, зимних льдов девица,
Пестрые носи дельницы,
Медные дай рукавицы!»
Тут она домой бежала
И бегом она вернулась.
Пестрые несла дельницы
И из меди рукавицы.
Вот разрезан лосось красный,
В нем был гладкий сиг запрятан;
А затем и сиг распластан —
Огненный клубок в сиге был,
Золотой крючок скрипел там,
Там в клубке огонь скрывался.

Богданов, 1927 г., от Д. Лазаревой
Кимасозеро. Оригинал — А, 11, 13.

При ранении камнем

Позову я из могилы
Мать, родившую все камни,
Чтобы скверну устранила,
Смазала больное место.
Палки из ольхи дам Лемпо,
Пусть-ка он скользит на лыжах
Через все поляны Лемпо,
Пусть возьмет из раны скверну,
Пусть уймет всю боль от камня.

Богданов, 1927 г., Ухта. Оригинал —
А, 11, 28.

При рыбной ловле

Петр святой, кормилец рыбы,
Рыбий бог краев карельских,
Подплывай с уловом славным,
Пригони плечами рыбу
Лишь к моим сетям хорошим,
Лишь к моим снастям рыбацким,
Миновав соседей сети,
Обойдя соседей снасти,
Скройся черным духом в море.
Поднимись виденьем белым.

Богданов, 1927 г., Бабья губа. Оригинал —
А, 11, 9.

На рану от дерева

Бесом создана береза,
Чертом сделана рябина,
А сосну создатель сделал,
Коль вредит ее верхушка,
Медом комель пусть разварят.

Топпинен, 1934 г., от М. Ремшу, Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 106.

При сборах на охоту

Шлю я мужа на охоту,
На медведя шлю героя,
Лес, прими его достойно,
В чаще приюти героя.

Но откуда муж приходит,
Раздались где песни мужа?
Убери-ка свои лыжи,
Палки прибери подальше.
Чем обрадовала чаща,
Рысь ли там убил хозяин?
Рысь я весь свой век желала,
Шкурку рыси ожидала
На подарок от Тапио,
От хозяина лесного.
У окна сидела вечер,
Целый день я ожидала,
Утром в клеть я забежала,
На болоте я стояла;
Таяли земля, болото,
И пески там расплзались.
Здравствуй, рысь! Медведь, здорово!
Много ли в ладони меду?
Долго задержался в чаше,
Там и славился ты долго,
Бегая в края эстонцев
И берлоги покидая,
Пустовать их оставляя.
Но в тебя ведь не стреляли
И с ружьем тебя не брали,
Сам пришел ты, косолапый,
С медным животом от меду.
На сосну забрось ты злобу,
А досаду — в можжевельник.
Ведь у нас стада прекрасны,
Хороши и все хозяйки.
Прочь с дороги, все мальчишки,
Не мешайте и девицы
Заходить в избу медведю,
Что с мохнатыми ушами.
Вымыли избу девицы,
Выскоблили все скамейки,
Подмели и пол почище
Для большой медвежьей шкуры.

Харламова, 1934 г., от М. Ремпу,
Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 56а.

На сенокосе

Дай, творец, деньки сухие,
Чтобы высушить все сено,
Дай на время сенокоса.

В Пиэтулу пошли все тучи,
Там в дожде нужда большая,
Выгорело там болото,
Выгорел там бор сосновый,
Там от дедов и до внуков —
Все воды там не видали.

Куйкка, 1934 г., от В. Реттиевой,
Вокнаволок. Оригинал — А, 12, 110.

Против забегания ласки в конюшню

Ой ты, Лембой Лембокайне,
Отвернись-ка, бес ты лишний,
Убеги, творящий козни.
Ты бери-ка лыжи Хийси,
Палки лыжные Лембоа,
Ты скользи на земли Хийси.
И иди, куда велю я, —
Через девять океанов
На десятое на море,
В северную ту деревню,
Гриву заплетать лошадке.

Евсеев, 1935 г., от А. Н. Никитина,
Родинозере. Оригинал — А, 93, 11.

Оберег молодоженов

Прилетел орел с востока,
Ястребок парил высоко,
Он земли крылом касался,
А другим касался неба.
Под крылом — героев сотня,
Тысяча мужчин на перьях.
Все мужчины те с мечами,
С ружьями все те герои,
Старшим — старец Ильмойллине,
Пекка он святой, небесный.
И летит тот Ильмойллине
К морю черному на берег,
К камню белому садится,
Золотых сигов там ловит.
Там поет сигов хозяйка:
«Я сигов здесь направляю,
Их ловить жених собрался!»

Евсеев, 1935 г., от А. Федоровой,
Чалкосельга. Оригинал — А, 93, 16.

При выгоне скота на пастбище

Приходи домой, коровка,
Молоко носи в коровник.
Молоко пролить нельзя нам,
В молоке — нужда большая;
Приходи и молока дай.

Евсеев, 1936 г., от М. М. Машковой,
Мандере. Оригинал — А, 93, 7.

Привораживание парня

Вот возьму воды любовной
И спрошу у водяного:
«Кто такой здесь дух любовный,
Кто склонил любовь девицы?
Подниму любовь девицы
Выше всех других любовей,
Пусть не спит в сырой землице.
Женихов зову к девице».

Евсеев, 1936 г., от М. М. Машковой,
Мандере. Оригинал — А, 93, 5.

При ранении железом

О ты, жалкое железо,
Ранившее человека!
Знаю я твой род и племя,
Ты — не водопад бурливый,
Шелковую кровь не пей ты!
Ой ты, соловей-бабулька,
Через девять всех морей ты
В полдесятого отправься,
Принеси лукошко мази
И намажь мне незаметно
Сверху, снизу эту рану,
Чтобы боль вся в ней утихла.

Евсеев, 1936 г., от М. М. Машковой,
Мандере. Оригинал — А, 93, 6.

При ожоге

Правили кудель золовки,
Сестры пряли рыбам пряжу.
Тут-то старый Вяйнямйни

В сажень шесть связал им невод,
Этот невод в сотню сажень;
Из камней грузила сделал
И мотало изготовил.
Пойман был тут лосось красный,
В нем был красненький клубочек,
А в клубочке была искра,
Из нее огонь родился.

Евсеев, 1952 г., от Т. В. Перттунен,
Ухта. Оригинал — А, 24, 30.

При ранении железом

О ты, жалкое железо,
Почему, не зная, рану,
Почему, не видя, мужу,
И не слыша, причинило?
Почему же не спросили
Из-за десяти порогов
И под окнами мирскими,
Есть ли здесь такие люди,
Кто помог бы в этой ране
Кровь остановить мне в жилах.
Ведь побольше этой раны
Здесь могли остановить же!

Евсеев, 1956 г., от В. Е. Никулиной,
Лоухи. Оригинал — А, 2, 236.

При спуске по порожистой реке

Дочь порога-водопада,
Дева быстрого потока,
Ты позволь бежать сосновой,
Мягко пробежать смолистой
Лодке по камням порога,
Расстели-ка свой подол нам,
Чтоб водой не захлестнуло.

Евсеев, 1967 г., от М. М. Ключаревой,
Тикша. Оригинал — АФ, 1662, 4.

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Сампо

Косоглазый Лаппалайнен
Злобу затаил надолго
К Вяйнямейнену седому.
В море что-то там чернеет,
Что-то на волне синеет.
Лук он натянул и старцу
Огненный нацелил в ухо.
Он стрелу в него направил,
Но стрела не долетела,
Вот второй раз он стреляет,
И стрела перелетает.
Он на третий раз стреляет,
Прямо в цель он попадает
Лосю синему в лопатку.
Старец с лося пал на пальцы,
Распростер на волны руки.
Шесть он лет плывет по морю,
Целых семь бежит бедняга.
Где он дна ногой касался —
Там возникли рыбам тони,
Омуты для рыб возникли;
Где он в море становился —
Там в воде поднялись рифы,
Под водой возникли камни,
Корабли купцов там гибли
И купцы там погибали.
Мимо гусь из птиц небесных
Пролетал, осматривался,
Для гнезда искал он место.
Тут-то старый Вяйнямейнен
Выставил из волн колено,
Точно с зеленью там кочка,
Точно с прошлогодней травкой.
Ну, а гусь из птиц небесных
Свил гнездо на том колене,
Свил из трав он прошлогодних,

Вереском скрепил гнездо он
На колене старца Вяйне.
Шесть яиц снесла гусыня,
Семь яиц снесла железных
На колене старца Вяйне.
И почувал Вяйнямейнен,
Как горит его колено,
Как его нога согрелась.
Шевельнул он тут колено —
Яйца все скатились в воду,
Стукнулись об риф подводный.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Нижние яйца частицы
Матерью-землей пусть будут,
Верхние яйца частицы
Пусть же станут верхним небом,
Скорлупа яйца пусть будет
Звездами на верхнем небе;
А желток яйца пусть будет
Солнцем согревать всю землю,
А белок яйца пусть будет
Месяцем светить всю землю,
Светочем на верхнем небе!»
Направлялся Вяйнямейнен
Плыть с валежником еловым
И с чурбаном плыть сосновым.
Сам слова такие молвил:
«Вреден под водой валежник,
Как бедняк перед богатым!»
Видно, гибель приближалась
На восьмой год к старцу Вяйне.
«Ах, попал я, бедный парень,
На чурбан попал вертлявый,
На непрочную корягу.
Переправь мне лодку, дева,
Поперек реки Похъелы,
Из низин Маналы мрачной!»
А хозяйка из Похъелы
Подмела свою избушку,
Медный пол в ней подметала,
Выпесла на двор весь мусор,
Бросила на дальнем поле
Около конюшни задней,
Там прислушиваться стала.
Слышит: плач доносит море.
Но не детский плач там слышен
И не женский плач там слышен,
Так лишь бородатый плачет.

И хозяйка из Похьелы
Веслами гребет на лодке
К Вяйнямейнену седому.
Ближе к старцу подплывала
И, подплыв туда, сказала:
«Ох, старик ты непутевый,
Или ты — бедняга парень,
Как попал ты на чужбину,
На места, где и попов нет,
К нам, на земли некрещеных?»
В лодку отнесла беднягу,
Сотню ран перевязала,
Тысячу лечила ветром.
Старика тут накормила,
На корме ладьи сажала.
Привезла его в Похьелу
И, подплыв туда, сказала:
«Ох ты, старый Вяйнямейнен,
Сможешь ли сковать мне сапмо
С росписью на пестрой крышке
Из двух косточек ягненка
И из трех ячменных зерен
И еще из половинки?»
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Не могу сковать я сапмо
С росписью на пестрой крышке,
Но у нас кузнец есть славный,
Нет здесь кузнеца исправней,
Ковача нет аккуратней,
Чем кузнец наш Ильмаринен;
Это он сковал нам небо,
Небосвод он изготовил,
След от молота не виден,
Не видны следы клещей в нем!»
И хозяйка из Похьелы
Вяйнямейнену относит
К матери его родимой,
К женщине, его родившей.
И запел тут Вяйнямейнен,
В край родной к себе вернувшись.
Ель там с золотой верхушкой,
А на ели той куницу
Он создал напевом песни.
К кузнецу он направлялся,
Ильмаринену сказал он:
«Ох, кузнец ты Ильмаринен,
Девушка там есть в Похьеле,
Девушка в селе холодном,

Знаменитая девица,
Хвалят все ее в Похъеле,
В ней насквозь видны все кости,
Даже костный мозг в ней виден».
И промолвил Ильмаринен:
«Ох ты, старый Вяйнямейнен,
Обещал меня ты, видно,
Чтоб себя спасти от смерти,
Чтобы сам мог откупиться!»
И сказал тут Вяйнямейнен:
«Ох, кузнец ты Ильмаринен,
Ель есть с золотой верхушкой,
И куница золотая
Прыгает на этой ели.
Вот, пойдём смотреть куницу!»
И кузнец тот Ильмаринен
К ели шел смотреть куницу.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Поднимись-ка за куницей
И схвати куницу-белку
С ели с золотой верхушкой!»
И кузнец тот Ильмаринен
Поднимался за куницей
И схватил куницу-белку
С ели с золотой верхушкой.
И промолвил Вяйнямейнен:
«Поднимись-ка, буйный ветер,
Преврати ты елку в лодку,
Отнеси-ка кузнеца ты
Ураганом в край Похъелы!»
И поднялся буйный ветер,
Буря небо покрывала,
И отнесен был в Похъелу,
Ильмаринен был отправлен
В край хозяйки той Похъелы.
И промолвила хозяйка:
«Ты — кузнец ли Ильмаринен?»
«Я — кузнец тот Ильмаринен,
Нет здесь кузнеца исправней,
Ковача нет аккуратней!»
«Сможешь ли ковать нам сампо,
С росписью на пестрой крышке?»
«Я смогу ковать то сампо
С росписью на пестрой крышке
Из двух косточек ягненка,
Из трех зернышек ячменных
И еще из половинки!»
И кузнец тут Ильмаринен

Целый день кует то сампо,
Ночью с девушкой ревится.
Вот он сампо изготовил
С росписью на пестрой крышке.
А хозяйка-то Похъелы
Отправляла в край родимый
Ильмаринена обратно.
Он сказал, домой вернувшись:
«Ох ты, старый Вяйнямейнен,
Сампо сделано в Похъеле
С росписью на медной крышке:
Там и вспашка, и посевы,
Там и в житнице все злаки;
Добывать пойдём-ка сампо
С росписью на пестрой крышке
Из Похъелы вечной темной!»
И тогда-то Вяйнямейнен
Добывать поехал сампо
С росписью на пестрой крышке.
Вот они уже и едут,
Так доехали до мыса.
Видный парень Лийто Лайто
С мыса так промолвил старцу:
«Ох ты, старый Вяйнямейнен,
В путь меня с собой возьми-ка,
Ведь и я — мужчина славный,
Буду вам героем третьим,
Добывающим то сампо,
Что рогов имеет сотню!»
И тот старый Вяйнямейнен
В лодку взял его с собою,
И поехали так дальше
В дальний край Похъелы темной.
Там народ весь усыпили,
Спать поганных заставляли.
Там закрыто было сампо
За девять замков всяких.
Смазали замки те маслом,
Вскрыли со свиным их жиром:
Сампо там пустило корни
В девять сажен глубиною,
И не шевелится сампо,
Что рогов имеет сотню.
Видный парень Лийто Лайто —
Тут быка из рта он сплюнул,
Им вспахал он корни сампо;
И зашевелилось сампо,
Что рогов имеет сотню.

Вскоре старый Вяйнямейнен
В лодку взгромоздил то сампо,
Уложил в ней с пестрой крышкой.
Плыли день в болотных водах.
Черный муравей в болоте,
Калева из двух частичек,
К журавлю подполз тихонько,
Но журавль тут громко вскрикнул
Голосом своим противным.
Разбудил он всю Похъелу;
Черти с длинными хвостами
Думали: мычит корова.
И хозяйка из Похъелы
Видит, что исчезло сампо,
Увезли его без спроса.
Тут хозяйка из Похъелы
Сто мужей грести призвала,
Тысячу сажала к веслам.
К плечам прикрепила крылья,
Косы вставила когтями,
И гребут они на веслах.
Тут промолвил Ильмаринен,
Вяйнямейнену сказал он:
«Спой-ка песню, Вяйнямейнен,
Напевай-ка, благородный,
Ведь добыли же мы сампо!»
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Рано нам здесь веселиться,
И не время петь нам песни,
Слушай-ка, ты, Ильмаринен,
Поднимись на мачту лодки,
Рядом с парусом привстань ты,
Осмотри восток и запад,
Северный проверь весь берег!»
И кузнец был Ильмаринен,
Поднимался он на мачту,
С парусом привстал он рядом,
Осмотрел восток и запад,
Северный проверил берег.
«Ястребы там на осинах,
И орлы сидят на ветлах!»
«Узнаю в тебе лжеца я;
Осмотри восток и запад,
Северный проверь весь берег!»
И кузнец тут Ильмаринен
Осмотрел восток и запад,
Берег северный проверил.
«Подплывает лодка Похъи,

Стоуключинная лодка,
Сто мужчин гребут на лодке,
Тысяча сидит на веслах!»
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Сотворю немножко чуда,
В море пусть подводный камень
Преградит им путь на время!»
Старый верный Вяйнямейнен
Кремния кусочек выбрал,
Трут он взял ему в придачу,
Сотворил преграду в море,
Бросив их с плеча налево.
Там застряла лодка Похьи,
Стоуключинная лодка.
А хозяйка из Похьелы
Жаворонком подлетела,
Крылышком чижа взмахнула,
Подлетела к лодке с мачтой
И за парус ухватилась.
Тут-то старый Вяйнямейнен
Руль с веслом поднял из моря,
Из воды тот руль дубовый,
По костям ее ударил,
Лишь мизинец и остался.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Ох, хозяйка из Похьелы,
Так и быть, поделим сампо
С росписью на пестрой крышке,
На мысу его поделим
Рядом с островом туманным!»
Но хозяйка из Похьелы
Сампо поделить не хочет
С росписью на пестрой крышке.
Тут-то старый Вяйнямейнен
Решетом туман посеял,
Мглу развеял он по ветру
У туманного мысочка.
Сам слова такие молвил:
«Здесь и вспашка, и посевы,
Здесь различное довольство,
Здесь и месяц, здесь и солнце,
Здесь и звезды небосвода!»
Но старуха из Похьелы
Ухватилась тут за сампо,
«Повредить могу немного
Вспашке и твоим посевам,
Град железный их погубит,
Град стальной наплю на них я!»

Молвил старый Вяйнямейнен:
«Пусть падет тот град железный,
Град стальной пусть погуляет
В Похъеле по всем проулкам,
По суглинистым пригоркам!»

Шегрен, 1825 г., от А. Малинена,
Войницы. Оригинал — КІ, 79.

Вяйнямейнен и дева Велламо

Мудрый старый Вяйнямейнен
Был всегда на рыбной ловле,
На мысу туманном удил,
Серебро визжало в леске,
Медь в удилице дрожала,
Золото в шнурке звенело,
Вяйнямейнен же все удил.
Семга на крючок попала,
Таймень — на крючок железный.
Вытащил он рыбу в лодку
И на дно той лодки бросил.
Осмотрел ее, проверил,
Не узнал он эту рыбу:
Сиг не может быть так гладким,
Не пестреет так пеструшка,
Чешуи нет, чтоб быть семгой,
Перепонок нет — тюленю,
Голова не как у девы,
И без пояса дочь Вяйне,
И ушей нет — быть домашней.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Вяйнямейнен нож имеет,
И кузнец котел имеет,
Чтобы семгу ту разрезать,
Чтобы распластать ту рыбу,
На обед ее сготовить,
Закусить на завтрак ею!»
Семга в море ускользнула,
Рыба пестрая в нем скрылась,
Правое плечо подняла,
Поманила левым боком,
Точно безымянным пальцем,
На седьмой полоске моря,
На шестом валу прибрежном,
На волне морской девятой.
«Ах, старик ты неразумный,
Как не знал ты удержать здесь

Дочь единственную Ахти,
Деву Велламо русалку,
Не затем я появилась,
Чтоб меня, как семгу, резал,
Чтоб разрезывал, как рыбу,
На обед себе готовил.
Для того я появилась,
Чтобы старцу быть опорой
И дрожащему утехой,
Чтоб очаг был теплым в доме,
Чтобы разжигать огонь в нем,
Чтоб тебе постель готовить,
На постель взбивать подушку,
Не лишен ума ты, старец,
Но лишен большого сердца!»

Ленрот, 1833 г., Ухта. Оригинал —
КІ, 262.

Подсека Калевы

Тот красивый сын Калевы
Подсеку рубить собрался;
Дерево срубил он быстро,
И на пень его поднялся,
И кричал во весь свой голос:
«Пусть-ка подсека здесь будет,
Пусть здесь станет поле брани,
Голос мой пока здесь слышен!
Пусть-ка пни здесь не мешают,
Пусть ростки не вырастают,
Здесь на подсеке Калевы
Золотого землепашца».

Ленрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — КІ, 925.

Игра на кантеле

Старый верный Вяйнямейнен
По дороженьке шагает,
Море синее обходит,
Слышит он, как плачет лодка,
Парусник там причитает.
Он подходит к новой лодке,
Спрашивает, вопрошает:
«Лодка новая, что плачешь,
Без уключин, что желаешь?»

«Без уключин я горюю,
По кокорам я скучаю,
Даже худшие все лодки
На войну идут охотно
И везут с войны добычу,
Драгоценности привозят,
Только я на своих щепках
Без движения валяюсь;
Змеи худшие на свете
Под моей живут обшивкой,
Птицы худшие на свете
Гнезда вьют на мне бесстыдно».
Тут-то старый Вяйнямейнен
Целый день весло готовил,
На второй день борт он сделал,
Изготавливал кокоры
И налаживал скамейки;
Так он смастерил ту лодку.
В воду он спустил ту лодку,
По каткам спустил с помоста,
По сосновым сходням в доке.
Сам слова такие молвил:
«Пусть в воде не тонет лодка,
Пусть-ка по волнам несется!»
На одном борту сажал он
Женихов с прической важной,
Причесавшихся гребенкой,
На втором борту сажал он
Дев в уборах оловянных.
Сам он на корме уселся,
Точно куль финляндской соли,
Точно тюк хмельной стокгольмский.
Стариков грести сажал он;
Старики, гребя, дрожали,
Старым уж не быть гребцами;
Молодых грести сажает,
Краснощеких ставит к веслам.
У юнцов тех весла гнулись.
День и два дня плыл на лодке
Вдоль туманного мысочка.
В море он утес увидел.
И он стал грести к утесу,
Кости лосося заметил,
Кости рыбы на мысочке,
Зубы преогромной щуки.
Кантеле бы можно сделать.
Из чего же короб сделать?
Из черемухи бы вышло

Кантеле, из гулкой ели.
Из чего же струны сделать?
Из волос отличных конских.
Тут-то старый Вяйнямейнен
Инструмент из щучьей кости,
Кантеле изготавливает.
Старые, юнцы пытались,
Но никто играть не может.
Сам тут старый Вяйнямейнен
Кантеле взял на колени,
Струны вверх на нем смотрели,
Сам играл и сам запел он,
Кантеле то зазвенело:
«У других не заиграло,
Только у того, кто сделал,
Кантеле то заиграло».
И тогда у музыканта
Слезы на глазах явились.
Крупные те слезы были,
Как у ласточек головки.
И сама хозяйка леса
Стала кантеле то слушать.
И сама воды хозяйка
Грудью на траве лежала,
Слушая, как зазвучало
Кантеле из рыбьей кости.
А ведь слезы все стекали,
Слезы с глаз его стекали,
И все ниже-то стекали
По его широким скулам,
И пониже все стекали
По его груди широкой,
И пониже все стекали
По его ногам на землю,
И еще стекали ниже,
По земным прозрачным водам
В землю черную стекали.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Есть ли здесь среди молодежи
Кто-либо в огромном роде,
Кто бы мог собрать мне слезы
Под водой земной, прозрачной?»
Молодые отвечали,
Старые же им вторили:
«Нет здесь в этой молодежи,
Нет в огромном нашем роде,
Нет в отцовском этом роде,
Кто бы мог собрать те слезы

Под водой земной, прозрачной,
Да и под землей здесь черной».
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Утка синяя здесь часто
Под водой земной ныряет,
Даже иней ей не страшен!
И она собрала слезы
Под водой совсем прозрачной,
Да и под землей той черной.

Лепрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — К1, 615.

Лемминкяйнен

Жил-был старый Лемминкяйнен.
Он всегда ходил рыбачить;
Взяв с собой рыбачьи снасти,
Удил на мысу туманном,
Что на острове виднелся,
Медная уда дрожала
И серебряная леска.
Лемминкяйнен же все удил.
Как-то раз, лишь солнце встало,
Рано утром он увидел:
Рыба на крючок попала,
Таймень на крючок железный.
Вытащил он рыбу в лодку
И на дно ладьи он бросил,
Сам же про себя он молвил:
«Чтоб сигом быть — слишком гладка,
Щука — та не так прохладна,
Плавников нет — был бы лосось;
Нет волос, чтоб быть девицей!
Если б здесь была мотыга
Или же резак для прутьев —
Лосося бы я разрезал,
Приготовил бы я рыбу,
На обед себе зажарив,
Или к завтраку оставил
Лососину, что зажарил».
Ускользнул тот лосось в море,
Рыба пестрая поплыла
И затем лишь поднялася,
Пятый вихрь пронесся мимо,
На шестом поднялася вале,
На волне морской девятой,
И сама ловцу сказала:

«Эх ты, хитрый Лемминкяйнен,
Был ты глуп и неразумен,
Коль не мог ты догадаться,
Для чего я появилась.
Лососиной не хочу быть:
Чтобы ты меня зажарил,
На обед бы приготовил
И на завтрак бы оставил
Лососину, что зажарил.
Ведь к тебе я собиралась
Вековечную супругой
Убирать твою постельку
И сбивать твою подушку!»
Так сказав, волной покрылась.
И тогда наш Лемминкяйнен,
Голову склонивши низко,
Шлем свой на глаза надвинув,
Шел к себе домой поспешно.
Дома мать его встречала:
«Сын мой младший, ненаглядный,
Чем же ты так опечален,
Шлем свой на глаза надвинул?»
Сын ей отвечал сердито:
«О, родная мать, послушай,
Рыбу удить я поехал
И с рыбачьими снастями
Удил на мысу туманном,
Что на острове виднелся.
Медная уда дрожала
И серебряная леска.
Рыба на крючок попала,
Вытащил я рыбу в лодку
И на дно ее я бросил,
Сам же про себя так молвил:
„Чтоб сигом быть — слишком гладка,
Щука же — не так прохладна,
Плавников нет — был бы лосось.
Если б здесь была мотыга
Или же резак для прутьев,
Лосося бы я разрезал,
Приготовил бы я рыбу,
На обед себе зажарив,
Или к завтраку оставил
Лососину, что зажарил“.
Ускользнул тот лосось в море,
Рыбка пестрая поплыла
И затем лишь приподнялась;
Пятый вихрь пронесся мимо,

На шестом поднялась вале,
На волне морской девятой,
И сама мне так сказала:
„Был ты глуп и неразумен,
Коль не мог ты догадаться,
Что к тебе я собиралась
Убирать твою постельку!“
Так сказав, волной покрылась».
Говорил еще сын Лемпи:
«Сообщи свой сон, Унтамо,
Где же спит дочь старца Вяйне,
Где находится Войола
Дочки Вяйне проживают?»
— «Там живет дочь старца Вяйне:
На волнах за синим морем,
Там, где пестрый камень виден,
В той избе на курьих ножках,
Что замков имеет сотню,
С тысячей ключей, замочков».
Молвил хитрый отпрыск Лемпи:
«Анникки, моя сестрица,
Натопи теперь мне баню,
Курную мою избушку,
Нанеси поленьев малых,
Ты неси растопки мелкой!»
Сам он в кузницу уходит
И ключей кует там сотню.
Уж уха давно сварилась.
И натоплена уж баня.
Жаворонком он умылся
И в красавца превратился,
Грязь осеннюю всю смывши,
Сажу зимнюю из кузни;
И холщовую рубаху
Надевал герой скорее,
Взял он золоченый пояс
На холщовую рубаху
И доспехи из железа
Надевал поверх рубахи.
Ведь в доспехах быть надежней —
В тех железных одеяньях,
В панцире герой сильнее, —
Превращается он в зверя,
Изменяет лик поспешно.
Пробегал тайгу он волком,
В роще мчался горностаем,
А в бору сосновом — белкой.
Знал искусство превращений,

Лик свой изменял поспешно,
И в змею тут превратился,
Проникал он через щели,
Через сруб проник в избушку,
Так, что даже пес не слышал,
Лайками он не замечен
И не виден был собакам.
Вскоре Войолы хозяйка
Посредине пола встала,
На мостки встав, всполошилась:
«Эй, ты кто такой, мужчина,
Как в деревне появился,
Что не слышали собаки,
Не заметили чужого,
И не лаяли-то лайки?
Были раньше здесь собаки,
Мясо ели, кости грызли,
Кровь из ран ягненка пили!»
Молвил хитрый отпрыск Лемпи:
«Ведь сюда я не собрался
Без познаний, без сноровки,
Без умения и без толку
В волчьи пасти, Унтамойнен,
В пасть проклятых дев, медведей,
Видимо, я гость не милый,
Раз мне пива не приносят,
Раз не подают пришьельцу
Пива, чтобы зять напился?»
Молвит Войолы хозяйка:
«Коль пришел бы на ночь раньше,
Либо на денек позднее —
На мою пришел бы гибель,
Унижать меня приехал.
Все здесь выпили и съели,
Опрокинуты все чарки,
Собраны все кружки в кучу».
Сам на двор он забегает,
Кружку пива он приносит,
Духушастой кружкой носит.
Много змей кишело в кружке.
Змеи в кружке извивались,
Пиво пеною покрылось.
Тут-то хитрый отпрыск Лемпи
Руку в свой карман засунул,
В кошелек он сунул руку,
Взял из кошелька крючок,
Крюк железный из кармана,
Опустил крючок тот в пиво,

На крючок змея попала,
На железный крюк ехидна.
Сто лягушек поднял крюком,
Тысячу он черных гадов,
Сам слова такие молвил:
«Грязь я выброшу на землю,
Пиво же я мигом выпью!»
Выпил пиво он на счастье,
Мед тот черный на здоровье,
Сам слова такие молвил:
«Видимо, я гость не милый,
Коли не приносят пива,
Подобающего гостю,
Зятю, что сюда приходит, —
Коли скупость проявляют,
Не дадут большой посуды,
Коль быка не убивают».
Запевал он сам тут песню,
Стал он заклинать словами,
Превратил молодых и старых,
Взрослых полной силой песни
В золото с холодным блеском,
В серебро он превратил их.
Одного лишь не заклил он —
То был старец Улапшалы,
Тот слепой и дряхлый старец,
Что всегда посуду моет,
Что здесь ложки вытирает
И скреблит здесь сковородки, —
Тот оставлен не заклятым.
И тогда тот старец молвил:
«О ты, хитрый отпрыск Лемпи,
Всех заклил ты, старых, юных,
Пожилых всех, силой песни,
Отчего дал мне пощаду?»
Этот хитрый отпрыск Лемпи
Говорил слова такие:
«Оттого я дал пощаду,
Что, когда еще был молод
И носил собак в утробе,
В печени таил ты злобу —
Лошадей всех перепортил,
Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющейся почве».
Дряхлый старец Улапшалы,
Тот слепой и дряхлый старец,
Был в обиде очень злобен,

Из воды ехидну поднял,
И змею из вод холодных
Он вонзил герою в сердце.
Молвил хитрый отпрыск Лемпи:
«Поступил я очень дурно,
Что у матушки родимой
Не спросил я заклинаний
От змеиных жал смертельных
И укусов злой ехидны».
Дряхлый старец Улапалы
Относил к реке героя,
Снес его на берег речки,
Погрузил он сына Лемпи
В воды черные Туони.
На течениях Маналы
Несся он по водопадам,
По теченью он носился. . .
Прежняя жена героя,
Раньше взятая хозяйка,
Проживала в доме Лемпи.
Бык большой мычать принялся,
Тот огромный бык, рогатый,
Что был съеден прошлым летом:
Сапоги из шкуры сшили,
Сапоги уж изнасились.
Показалась кровь в гребенке,
Капля красная из щетки.
Молвила жена героя,
Раньше взятая хозяйка:
«Пропадает Лемминкяйнен,
Погибает муж мой милый!»
Вот уж ищут сына Лемпи
Лето все на лодках легких,
А зимой на лыжах скользких —
Но найти его не могут.
И тогда жена героя,
Раньше взятая хозяйка,
Кузнеца пошла проведать,
Грабли в кузнице сковала,
В сотню сажен зубья грабель,
В двести сажен — ручка в граблях.
Вот она вступила в воду,
По просторам вод пустилась,
Глуби моря загребала,
Волны на море подняла,
Не нашла лишь сына Лемпи.
Шла она к реке Туони,
Вдоль реки проводит грабли,

Поперек ведет другой раз,
В третий наискось проводит,
Так находит сына Лемпи;
Вот жена качает мужа,
Возвращает снова к жизни.
Молвил хитрый Лемминкяйнен:
«Из меня не будет мужа,
Из утопшего героя,
Муж пропал, коль мясо тухло!»
И тогда жена героя,
Раньше взятая хозяйка,
Подойдя к реке Туони,
Бросила его в Маналу;
Водопад его уносит
И течение морское.
Обратился он трескою,
Он в кита преобразился,
Что едят одни лишь шведы,
Господа жарким считают,
А попы так лучшим блюдом.

Ленрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — KI, 758.

Уход Вяйнямейнена

Мальчик на болоте найден,
Как назвать его — не знают.
Чтоб крестить — попа искали,
Весь народ крестить собрался.
Ильмари — отцу он будет,
Матери он будет сыном,
Сестрам будет он подкидыш,
Братьям чужаком он будет,
Всей семье он — безымянный.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Голову разбить дубиной
Или же шестом бы надо!»
Двухнедельный сын промолвил,
Полумесячвент^ю дугался:
«Эх ты, старый Вяйнямейнен,
Даже по причине худшей,
По провинности по большей
Голову не разбивали
Ни шестом и ни дубиной,
Хоть ты мать свою позорил
На морском мысочке раньше,
На морском песке прибрежном».

Тут-то старый Вяйнямейнен
Опечалился с обиды,
Голову склонил печально,
На глаза он шлем надвинул,
Медную нашел он лодку
И поплыл на ней по морю,
И поплыл на ней по морю
К землям самым нижним, дальним,
К небесам высоким несся,
Погрузился он в пучину.

Кастрен, 1839 г., Лонка. Оригинал — К1, 697а.

Ахти и Кюллики

Тут был Ахти Сарелайнен,
Износил сапог он сотню,
Добывая деву в Сари;
К Кюллики напрашиваясь,
Обещал быть вечно вместе,
Вечные давал он клятвы
Ей перед иконой медной:
«Не пойдет войной он, Ахти,
Кюллики сидеть в деревне!»
Но сестра сказала Ахти:
«Кюллики в деревне нашей
Шла уже к чужим воротам!»
Молвил Ахти Сарелайнен:
«Мне военные доспехи
Принеси, сестра, скорее!»
Кюллики ему сказала:
«Милый Ахти Сарелайнен,
Не ходи-ка на войну ты,
Видела я сон тревожный,
Темной ночью отдыхая:
Запылал огонь в горнице
Под окном жилища Ахти».
«Женским снам я не поверю,
Да и женской лжи не верю,
На войну пойду я все же».
Кюллики ему сказала,
Молвила жена та дома:
«Ведь хватает пива дома
Пить тебе в ольховой бочке
За дубовой-то затычкой!»
«Нет нужды в домашнем пиве,
Лучше воду пить из моря

За веслом — рулем смолистым,
Та вода мне будет слаще!»
Все же Кюллики сказала,
Молвила жена та дома:
«На войну не собирайся,
Денег дома нам хватает!
Гадов раб вспахал на поле,
Змей перепахал он в поле,
И сохой поднял он ларец,
В нем и пфеннингов хватает,
Там их было очень много!»
«Нет нужды в добре домашнем,
Марку на войне добуду,
Будет мне она дороже!»
Тут на снег он лыжи бросил
И скорее в путь пустился,
Заскользил на тех он лыжах,
Палками отталкиваясь;
Сам слова такие молвил:
«Где себе ночлег найду я?»

Европеус, 1845 г., от С. Кюэтти-
нена, Емельяновская. Оригинал —
KII, 232.

Лодки на войну

Был он старый Вяйнямейнен,
С ним был юный Евкамойнен,
Шли они искать лошадку,
Долгогривую разведать.
Слышно, точно плачѣт дева,
Точно курочка горюет.
Лошадь тут в песках осталась,
Хоть она сто марок стоит.
Шли они на плач девицы.
Но ведь там не дева плачет
И не курочка горюет,
Плакала без весел лодка,
Без уключин горевала,
По гребцам она скучала,
Кто бы вел ее по волнам:
«На войну плывут три раза,
За лето плывут три раза,
И плывут с сукном стокгольмским,
С полотном плывут саксонским!»

Европеус, 1846 г., Суоярви. Ориги-
нал — KVII, 585.

Возвращение солнца

Кто в лесу был старший, слушал,
Утомлен игрой он Вяйне;
Кто был старшим в море, слушал,
Как на кантеле играл он.
На сосну уселось солнце
Слушать, как играет Вяйне.
Так тогда поймали солнце,
За девять замков замкнули,
За десятую подпорку.
Молвил юный Еукахайнен:
«Если от меня толк будет,
Пусть замки те разомкнутся,
Поломается подпорка!»
Он в сердцах лягаться начал,
Но замки не разомкнулись
И подпорка не сломалась.
И сказал тут Ильмаринен:
«Если от меня толк будет,
Пусть замки те разомкнутся!»
Но и он не мог сломать их.
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Если от меня толк будет,
Пусть замки те разомкнутся!»
И замки те разомкнулись,
И подпорка поломалась,
Солнце стало греть всю землю,
Месяц стал светить на небе.

Европеус, 1846 г., Суоярви. Оригинал — KVII, 694.

Плавка железа и меч Калевы

Волк бежит через болото,
Через бор медведь проходит.
Пар от волчьих лап поднялся,
Мох от лап медвежьих падал.
Признаки руды железной
На следах остались волчьих,
На следах от лап медвежьих.
Тут кузнец наш Ильмаринен
На следы набрел медвежьих.
Снял куски руды железной
Со следов огромных волчьих,
Со следов от лап медвежьих.
И кует кузнец прилежно,

Ударяет в наковальню
В кузнице, где и дверей нет,
Где и окон не бывало;
Меч он выковал отменный,
В кузнице щит славный сделал
Сыну Калевы в знак дружбы.
Куллерво же, сын Калервы,
Меч в ножны свои засунул
И рожок в мешок запрятал.
Подковал себе лошадку,
Оседлал коня отважный.
На войну с боями ехал,
С радостью он рвался в битву.
Ехал он совсем недолго;
Из мешка рожок он вынул,
Заиграл он на болоте,
На бору трубил в рожочек.
И тряслись земля, болото,
Бор навстречу поднимался.
Куллерво же, сын Калервы,
Следовал своей дорогой
На большое поле брани,
На равнину смерти мужей.
Направляясь в бой, промолвил:
«И в живых не остается
Ни один герой в доспехах
На огромном поле брани,
На равнине смерти мужей!»
Куллерво погиб в той битве,
Калервы сынок сражен был
На равнине смерти мужей,
На огромном поле брани.

Алквист, 1846 г., Иломанци. Оригинал — KVII, 654a.

У Анкерво Випунена

Старый верный Вяйнемейнен
Делал лодку, заклиная,
Силой песни парус делал.
Но трех слов и не хватало,
Чтобы край у лодки сделать,
Чтобы укрепить ту лодку
И уключины поставить.
Сотня слов бы там имелась,
Тысяча всего заклятий
У Анкерво Випунена,

Что давно спит под землю,
Долго отдыхает в Манну:
Ива бородой поднялась,
На бровях — густые елки,
На плечах росла осина.
К Анкерво шагает Вяйне,
Он идет туда поспешно,
Так прошел пути немного,
Мало он прошел дорогой,
Левая нога попала
В пасть Анкерво Випунену,
Что давно спит под землю,
Долго отдыхает в Манну,
Борода его — из ивы,
На бровях — густые елки,
На плечах его — осина.
Видит он: беда приходит,
Наступает день несчастий.
Кузницей рубаху сделал,
А мехами взял он шубу,
Молотками стали локти,
А клещами были пальцы,
Наковальной же — колено.
Он кует там понемногу,
Ударяет звонко, мерно,
Он кует там коромысло
Из отличного железа
И сует кол в рот Анкерво.
Раскусить то коромысло,
Ту стальную вещь не мог он,
Не сумел он кол железный.
Молвил Анкерво Випунен:
«Выходи из рта, негодный,
Мимо десен выйди, гадкий,
Угли рот мой весь забили,
Жжет язык мой головешка!»
«Я могу отсюда выйти,
Если сотню слов мне скажешь,
Тысячу всех заклинаний!»
Анкерво открыл свой ларец,
Песенный зажег он ларчик,
На колени опираясь.
Достает слова из сампо,
Окуней дает в озера,
В море — маленьких рыбешек.

Борениус, 1871 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ, 401.

Лемминкяйнен и лось Хийси

Хитрый парень Лемминкяйнен
Лыжи осенью готовил,
Их обтачивал зимою,
А весной строгал он палки.
Приготовил он те лыжи
И приладил он к ним палки.
Бросил он на снег те лыжи
И принес две лыжных палки,
Рядом с лыжами поставил.
С мех лисы ценою палка,
А другая стоит марку.
Молвил хитрый Лемминкяйнен:
«Нет таких существ в чащобе,
Кто бы не был мной обогнан,
Пусть летит он хоть на крыльях
Либо бегают, как звери!»
Те слова услышал Хийси,
Услыхали и Ювттахи —
Лося Хийси сотворили,
Ювттахи создали лося,
Голову из кочки сделав,
Из валежника все тело,
Ноги смастерив из кольев,
Уши из цветов озерных,
А глаза же — из болотных.
«Ты беги, беги, лось Хийси,
Ты беги, олень мой славный,
По полям сынов лопарских,
Кю дворам Похъелы мрачной.
Опрокинь в костер похлебку,
Варево всплесни на землю,
На песок уху всю вылей,
Мясо же в золе запачкай!»
Тут залаял лес в Похъеле,
И заплакали девицы,
Женщины же засмеялись,
Удивлялись все в Похъеле.
Слышал хитрый Лемминкяйнен,
Что все женщины смеялись,
Что заплакали девицы,
Что залаял лес в Похъеле.
Он сказал, на лыжах стоя,
Спрашивать он стал на лыжах:
«Почему смеются бабы,
Почему девицы плачут?»
Молвят женщины Похъелы:

«Пробежал здесь лось от Хийси,
Проскакал олень прекрасный,
Ши в огонь он опрокинул,
Варево всплеснул на землю
И уху в песок он вылил,
Мясо же в золе запачкал».
Снова хитрый Лемминкяйнен
Произнес слова такие,
Собираясь в путь на лыжах:
«Нет таких существ в чащобе,
Кто бы не был мной обогнан!»
Этот хитрый Лемминкяйнен
Первый раз тут оттолкнулся
И исчез он с глаз на лыжах.
Он второй раз оттолкнулся
И уже не стал он слышен.
Третий раз он оттолкнулся —
И вскочил на спину лося,
Он уселся на олене.
Этот хитрый Лемминкяйнен
Гладил мирно спину лося,
По спине похлопал лося.
Клеть кленовую он сделал
И дубовую конюшню.
Молвил хитрый Лемминкяйнен:
«Хорошо бы здесь поспать мне
Вместе с молодой девицей,
Щекотать ее под мышкой
На спине такого лося,
На такой оленьей шкуре».
Тут разгневался лось Хийси,
Разъярился и сердился.
Клеть кленовую ломает,
Ту дубовую конюшню.
Так и убежал лось Хийси
И исчез олень прекрасный.
Хитроумный Лемминкяйнен
Оттолкнулся тут на лыжах,
Поперек сломал он лыжи,
Также разломал он палки.

Борениус, 1872 г., от С. Михкалинена, Келловарака. Оригинал — КІ, 858.

Лемминкяйнен и его сестра

То был хитрый Лемминкяйнен.
Ехал, проезжал он мимо
По заброшенным полянам,
По пожогам старца Вяйне,
Там, где девушки играли
На заброшенных полянах,
На пожогах старца Вяйне.
Девушку схватил он в сани,
Сам он с ней уселся рядом.
Ночи две поспал с девицей
И на третий день тот парень
Стал расспрашивать девицу:
«Да велик ли род твой, дева,
Или род твой самый храбрый?»
Девушка же отвечала:
«Невелик мой род убогий,
Да и он не самый храбрый,
Нищие в нем все мужчины,
Бедняки в нем все мужчины!»
И тогда тут Лемминкяйнен
Сам в свои уселся сани,
Он ножом гужи разрезал,
Он распряг свою лошадку.
Из дуги тут кровь струилась,
Из гужей же жир закапал.
На коня вскочил он быстро,
На его спине уселся.
Едет, проезжает мимо,
По морским просторам едет,
К матери своей приехал.
«Ой ты, мать моя родная,
Припаси в мешок мне пицци,
Положи в посуду масла:
Я хочу бежать отсюда,
От грехов своих скрываться!»
«Ах ты, мой сыночек младший!
Почему ты хочешь скрыться,
От чего бежать ты хочешь?»
«Ой ты, мать моя родная!
С дочерью твоей поспал я,
Соблазнил свою сестрицу
На краю морских просторов;
Где бы, грешнику, мне скрыться
И куда бежать, бедняге?»

Борениус, 1872 г., от И. Ахапей-
нена, Ледмозеро. Оригинал — К1,
958.

Месть сына Калевы

Куллезерский сын Калевы,
Новый раб, какой работой
Нанятой он будет занят?
Послан он смотреть ребенка.
Проколот он глаз ребенку,
Сам поел, кормил ребенка.
Новый раб, какой работой
Нанятой он будет занят?
С неводом грести он послан.
Петтери тут скоро молвил:
«И какой же в нем гребец-то,
Коли нет грести в нем силы?»
Стал грести он с полной силой:
Лодка плакала, как лебедь,
Тосковала, как тетерка,
Лодка рывкала, как рябчик,
Каркала корма, как ворон.
У вдовы разбил он лодку,
Разломал он в лодке дуги.
Новый раб, какой работой
Нанятой он будет занят?
Неводом ботать он послан.
Петтери тут вскоре молвил:
«И какой же в нем ботальщик,
Если в нем ботать нет силы?»
Скривил рот, сверкнул глазами,
Черные нахмурил брови,
Стал ботать он с полной силой,
Взял себе боталом камень,
Ручку из сосны приставил,
Воду замутил, как кашу,
Рыбаков столкнул он в воду.
Новый раб, какой работой
Нанятой тут будет занят?
Подсеку рубить он послан.
Ночь он делал топорнице,
Целый день топор точил он.
Им по дереву ударил:
«Так два дерева срублю я!»
На второй раз он ударил:
«Тут четыре пня оставлю!»
Третий раз топор ударил:
«Шесть деревьев тут срублю!»
Он тогда на пень поднялся:
«И пока мой голос слышен,
Пусть-ка подсеку срублю;

Пусть поднимутся здесь всходы,
Пусть здесь сорняков не будет,
Пусть сгниют все травы в поле,
Пусть весь перегной промокнет!»
Новый раб, какой работой
Нанятой здесь будет занят?
Тут пасти он стадо послан.
В пастухи пошел тот парень.
В сумку хлеб сует хозяйка.
Он коров загнал в лесочек —
В лес осиновый рогатых.
К пастуху подкрался голод,
Ведь закуска есть в котомке.
Взял кошель он на колени,
Взял он хлеб из той котомки,
Стал ножом он хлеб тот резать,
Вдоль тот хлеб ножом стал резать.
И задел ножом он камень,
Запеченный в этом хлебе.
Скривил рот, сверкнул глазами,
Черные нахмурил брови:
«Как я отплачу хозяйке?
Всех коров я в лес запрячу —
В лес осиновый рогатых;
Загоню домой медведей,
Загоню на двор хозяйки!»
Ведь уже пора хозяйке
Подойти коров в хлевушке,
Ждут они доить хозяйку!
И тогда пошла хозяйка
Подойти коров в хлевушке,
Ждавших будто бы хозяйку.
Встретили ее медведи
И ее тут разорвали,
Разнесли избу хозяйки.
Отомстил пастух хозяйке
За плохое обхождение.

Борениус, 1872 г., от О. Ярассимай-
нена, Хяме. Оригинал — КІ, 951.

Охота на лося Хийси

Хитрый Вийни Войелайнен
И красивый Лаппалайнен
Осенью стругали лыжи,
Летом мастерили копья.
Он зимой готовил лыжи,

Оттолкнулся и по снегу
Заскользил за лосем Хийси,
По следам пошел оленя
И глазам не стал он виден,
И ушам не слышен лыжник.
В пот загнал в погоне лося,
Сам же заскользил тихонько,
Не спеша он шел на лыжах.
По пути еще промолвил:
«Сколько всех мужчин лопарских,
Пусть-ка все скользят на лыжах,
По следам идут оленьим.
Сколько женщин всех лопарских,
Пусть котлы они все моют,
Пусть скользят за лосем Хийси!»

Крон, 1884 г., от П. Шемейки, Суй-
стамо. Оригинал — KI, 870в.

Русский и Вяйнямейнен

Хитроумный русский парень
Лодку на скале готовил,
Челн красивый ловко строил.
Наконец, ладью он сделал,
Шесть уключин в этой лодке.
В воду он ладью спускает,
Просмоленный челн на волны,
В шесть уключин весла вставил.
И уселся в этой лодке
Старый верный Вяйнямейнен,
Сел и юный Еугамойнен.
Лодка красная застряла,
Верно, на подводном камне.
Молвил юный Еугамойнен:
«Это не подводный камень,
То — спина огромной щуки.
Ой ты, старый Вяйнямейнен,
Ты ударь мечом по щуке!»
По воде мечом ударил,
Но осталась щука целой.
«Ты попробуй, Вяйнямейнен,
Рулевым веслом ударить».
Шесть частей из щуки вышло,
Даже семь кусков немалых,
А весло осталось целым.
«Что же можно изготовить
Из костей огромной щуки?»

И тогда кузнец промолвил:
«Кантеле бы можно сделать!»
«Из чего колки поставим?»
А кузнец и это знает:
«Из зубов огромной щуки». —
«А откуда взять нам струны?»
И кузнец опять ответил:
«Волосы возьмем от Хийси
И из них устроим струны!»
Вскоре юный Еугамойнен
Кантеле берет под пальцы,
На свои колени ставит.
Но, как видно, не игрок он,
Нет в его игре веселья.
Только старый Вяйнямейнен,
Взявши кантеле то в руки,
Из него извлек те звуки,
Что веселье породили.
Десятью играл ногтями,
Точно это сотня пальцев.

Крон, 1884 г., от К. Соттинен, Суй-
стамо. Оригинал — KVII, 561.

Поиски дерева для лодки

Дерево искать собрались,
Дуб подыскивать для лодки.
Вот уже тот дуб подыскан,
Дерево допрашивают:
«Будет ли из дерева здесь
Годный киль для красной лодки,
Для морской ладьи основа?»
Поиски всё продолжались,
Пройдено пути немало,
Снова дуб в лесу подыскан.
«Будет ли из дерева здесь
Годный киль для красной лодки,
Для морской ладьи основа?»
Дерево тут отвечало:
«Да, тут будет деревянный
Годный киль для красной лодки,
Для морской ладьи основа!»
Но раз найдена основа,
Годный киль для красной лодки, —
Как его домой доставят?
«Мерина в лесу найду я,
Дважды бывшего в извозе;

Жеребца того на славу
Летом и зимой кормили,
Чтобы здесь для красной лодки
Остов был домой доставлен,
На стальные стапеля здесь,
К медной пристани основа».
Вот и жеребец тут найден,
Даже трижды груз возивший.
И коня тут запрягали,
Возница уселся в сани
И поехал за основой;
Спрашивала вся деревня,
Все сельчане знать хотели,
Что затеял Вьянмяейнен.
Но ни слова он не скажет,
Отмолчаться он умеет.
«Сам я знаю путь-дорогу,
В лес мне надо так заехать,
Чтоб не слышала деревня,
Чтоб народ не ужаснулся,
Чтоб не помешал в работе».
Тут он сам уселся в сани,
Никого с собой не взял он,
Чтоб везти для лодки остов,
Для морской ладьи основу.
К дереву он подъезжает
На молоденькой лошадке.
«Поднимись-ка в сани, остов,
Поднимись, не поднимать чтоб
И руками не касаться».
Дерево же отвечало:
«Не пойду в твои я сани,
Если ты военной лодки
Из меня не будешь делать,
Поднимусь к тебе я в сани,
Чтобы быть военной лодкой!»
Тут-то старый Вьянмяейнен
Отвечал и дал он клятву:
«Будешь ты военной лодкой,
Отличишься ты в сраженьях,
По морям в крови скитаясь,
На войне потоком горьким
Кровь охотно проливая».
Дерево поднялось в сани.
Так-то старый Вьянмяейнен
Годный киль домой привозит,
К стапелям стальным отвозит,
К медной пристани основу;

И военную он лодку
Сделал с красными краями,
На войну собрался ехать,
Он в сражение стремился.

Ихва, 1894 г., от С. Симанайнена,
Кольёла. Оригинал — КІ, 1018.

Ранение Вяйнямейнена

Умный парень Вяйнямейнен,
На горе тесал он лодку,
На скале ее готовил.
Не похож топор на камень,
Но скользнул топор на тело.
Умный парень Вяйнямейнен
Тут в свои уселся сани,
Он в своих санях разлежся;
К нижней он избе подъехал,
Он спросил там за порогом:
«Есть ли здесь, кто боль унял бы,
Кто тут кровь остановил бы,
«Нет того, кто кровь унял бы,
Кто ту кровь остановил бы,
Кто перевязал бы жилы!»
Умный парень Вяйнямейнен
Вновь в свои уселся сани,
Он в своих санях улежся,
К средней он избе подъехал,
Вновь спросил он за порогом:
«Есть ли здесь, кто боль унял бы,
Кто мне кровь остановил бы,
Кто перевязал бы жилы?»
«Нет того, кто кровь унял бы,
Кто здесь кровь остановил бы!»
Вяйнямейнен, умный парень,
Вновь в свои уселся сани,
Он в своих санях улежся,
К верхней он избе подъехал,
И спросил он за порогом:
«Есть ли здесь, кто боль унял бы,
Кто мне кровь остановил бы,
Кто перевязал бы жилы?»
И старик слезает с печки,
С каменной он печки сходит:
«Есть такой, кто боль унял бы,
Кто и кровь остановил бы,
Кто перевязал бы жилы:

Это здесь старуха Хийси
Дедает стальные нити,
Медные растягивает!»
Были те, кто боль уняли,
Кто и кровь остановили,
Кто перевязали жилы.

Вяйсянен, 1915 г., от К. Карпова,
Софьянга. Оригинал — КІ, 2149.

Калерво и Унто

Мать моя растила дома —
Курочек растила много,
Стаю лебедей огромных;
Ястреб налетел на стаю,
Разогнал всех птиц пернатый.
Утащил одну в Россию,
А в Карелию — другую,
Третью же оставил дома
Доставлять отцу досаду,
Сокрушать и мать родную.
Кто увезен был в Россию,
Из того купец здесь вырос,
Кто в Карелию отнесен,
Из того родился Унто.
Унтамо имел овечек,
Съевших весь овес Калерво.
Унтамо войну назначил,
Высосал ее из пальцев,
На ногах войну он вынес,
Перебил семью Калерво.
Лишь один сынок Калервы
В люльке маленькой остался,
В колыбели он качался.
(Парня хоть убить хотели,
Но убить его не могут).

Богданов, 1927 г., Бабья губа. Ори-
гинал — КС, с. 102—103.

Вяйнямейнен в Туонеле

У певца разбились сани,
Певчий полоз в них сломался.
Шел он в Туони за кокорой,
Шел за вязками в Маналу.
Сам тот старый Вяйнямейни

Подошел он к речке Туони,
Закричал он громким криком,
Засвистел он громким свистом:
«Лодку мне, девица Туони,
Мне карбас, Маналы дева!»
Говорят девицы Туони,
Дети Калмы звонко молвят:
«Подадим тебе мы лодку,
Если скажешь ты причину,
Что тебя вело в Маналу,
Что тебя вело в Туони?»
Говорят девицы Туони,
Звонко молвят дети Калмы:
«Мы обманщиков ведь знаем,
И лжецов мы сразу видим.
Если бы несли в Маналу
И в Туони тебя волны,
То вода с одежды ливнем,
С шумом бы с нее стекала».
Сам тот старый Вьянмяейни
Снова закричал им криком,
Засвистел он громким свистом:
«Лодку мне, девица Туони,
Мне карбас, Маналы дева!»
Говорят девицы Туони,
Звонко молвят дети Калмы:
«Подадим тебе мы лодку,
Если скажешь ты причину,
Что вело тебя в Маналу,
Что несло тебя в Туони?»
Сам тот старый Вьянмяейни
Он слова такие молвил:
«Да огонь тень в Маналу,
- Вел меня огонь в Туони!»
Говорят девицы Туони,
Звонко молвят дети Калмы:
«Если бы огонь в Маналу,
Если бы он вел и в Туони,
То огонь бы по одежде
Польхал бы и слетал бы!»
Сам тот старый Вьянмяейни
Снова закричал им криком,
Засвистел он громким свистом:
«Лодку мне, девицы Туони,
Мне карбас, Маналы дева!»
Говорят девицы Туони,
Звонко молвят дети Калмы:
«Подадим тебе мы лодку,

—
Если скажешь ты причину,
Что вело тебя в Маналу,
Что несло тебя и в Туони?»
Сам тот старый Вяйнямейни
Он слова такие молвил:
«Сани у певца разбились,
Певчий полоз в них сломался.
За кокорой шел я в Туони,
В Маналу за вязками!»
Дала лодку дева Туони,
Карбас тот — Маналы дева.

Евсеев, 1936 г., от М. Ремшу, Вок-
наволоок. Оригинал — А, 49, 64.

Вести о смерти родных

Куллерво, сынок Калервы,
На болото шел, играя,
Затряслись земля, болото,
Лес навстречу попадался:
«При смерти отец твой дома!»
«Коль умрет, так что поделать,
У него глаза льняные!»
Снова весть к нему приходит:
«При смерти твоя мать дома!»
«Коль умрет, так что поделать,
У нее глаза льняные!»
Снова весть к нему доходит:
«Ведь жена твоя при смерти!»
«Ах, я бедный, горемычный,
Некому печь широги мне,
Некому стирать бельишко,
Некому качать ребенка!»

Евсеев, 1936 г., от П. Буккиевой,
Гаройла. Оригинал — КЭП, 168.

Сватовство Ильмойллинена

Был кузнец он Ильмойллине,
Матери своей промолвил:
«Мать моя, родительница,
Растопи скорее баню
Да медовыми дровами
И найди-ка мне рубаху,
Тканую на трех куделях,
Сквозь кольцо протянутую!»

«Ты куда, сынок мой, едешь?»
«В гости к Хийси я поеду
Свататься к его дочурке,
Что три года сватаема,
Что три года продавали,
Что на белки покупали,
Что князья приобретали, —
К девушке, что звали Анни!»
«Не ходи, сыночек милый,
Многие туда ходили,
Но никто не возвращался;
Сотня кольев в землю вбита
На дворе у Хийси Хитто.
Только кол один не занят,
Головы кузнец лишится!»
«Все же я туда направлюсь,
Не пугай меня, мать, этим!»
Мать готовила баню,
Натопив дровами с медом.
«Вымой волосы льняные,
Шею, как яйцо от куры,
Тело хорошенько вымой!»
Женихом кузнец оделся,
Своему отцу промолвил:
«Запряги лошадку-лося,
Соловьев заставь дорогой
В санках трелью разливаться,
Куковать поставь кукушек,
Собери собак здесь лаять!»
Свататься кузнец поехал
Со своим отцом по морю.
Евкахайнена он встретил.
Юный Евкахайне молвил:
«Эй, кузнец, посторонись-ка!»
Встречному кузнец ответил:
«Не сойдет мой конь с дороги!»
На сбрую коня наехал
Евкахайнену кователь.
И дугу тот Евкахайне
Потерял в своей упряжке,
А кузнец поехал дальше,
Вдоль по морю ехал дальше.
Соловьи поют на славу,
И кукушечки кукуют,
И собаки звонче лают.
Вышла дочка Хийси Хитто
За водой на берег моря.
Слышит, как кузнец оттуда

Вдоль по морю подъезжает.
В домик свой вбегает Анни,
Говорит отцу там Анни:
«То ли там пожар пылает,
То ли там войска подходят:
Соловьи поют там, слышно,
И кукушечки кукуют,
И собаки звонко лают!»
Дочери отец ответил:
«Это не пожар пылает,
Это не войска подходят:
То кузнец там Ильмойллине
В женихи сюда стремится!»
И кузнец тот появился
На дворе у Хийси Хитто,
И вошел кузнец в избушку.
«Выдашь ли мне в жены Анни?»
Отвечает Хийси Хитто:
«Нет, еще не выдам Анни,
Гадов ты вспаши на поле
С помощью лошадки-лося,
Руки же — без рукавичек,
Ноги чтобы — без сапожек,
Голова твоя — без шапки!»
И кузнец пахать уходит.
Гадов он вспахал на поле
С помощью лошадки-лося,
Он вспахал без рукавичек,
Ноги были без сапожек,
Голова его — без шапки.
Подошел кузнец к избушке.
«Выдашь ли теперь мне Анни?»
«Нет, еще не выдам Анни,
Отправляйся-ка на поле,
Запряги лошадку-лося,
Сделай изгородь на поле,
Змей используй ты жердями,
Ты из ящериц ставь колья,
Пугалами ставь медянок,
Всем хвосты оставь болтаться,
Пусть шипят тех гадов жала!»
Сердится кузнец на Хийси,
Пашет он второй раз поле
С помощью лошадки-лося;
Изгородь он изготовил
На том поле каменистом,
Змей использовал жердями,
Ящериц взял вместо кольев,

А медянок — пугалами.
Говорил кузнец сердитый:
«Выдашь ли уже мне Анни?»
Молвил Хийси Хиттолайне:
«Нет, еще не выдам Анни,
Принеси мне рыбу-щуку,
Щуку из реки Туони,
Что длиною в три сажени,
Шириной же в две сажени,
Лишь тогда я выдам Анни!»
Был сердит кузнец на Хийси,
Возмущался, раздраженный,
Но пошел в реке Туони.
Крестится кузнец на запад,
На восток он шлет молитву.
И тогда там град посыпал —
Конской головы поменьше,
А яиц куриных больше.
Град пригнал на берег щуку.
На плечо кузнец взял щуку,
Хвост ее земли касался.
Щуку ту принес он к Хитто
И на стол ему забросил —
Был сердит кузнец на Хитто;
Пополам стол раскололся.
«Выдашь ли уже мне Анни?»
Кузнеца глотает Хитто,
Закричал кузнец из чрева:
«Ах, спаси, отец родимый.
Ты у матери узнай-ка:
Выйти ли отсюда рвотой?
Нахожусь я в чреве Хийси!»
И отец домой приехал,
К матери он обратился:
«Ведь кузнец наш в чреве Хийси,
Выходить ли ему с рвотой?»
Мать отцу совет давала:
«Пусть он с рвотой не выходит,
Пусть он выскочит из чрева!»
Тут пришел отец обратно,
Кузнецу отец промолвил:
«Через рвоту кто выходит?
Выскочи из чрева прямо!»
Плачет Хийси Хиттолайне:
«Выхода нет здесь из чрева,
Выдам я дочурку Анни!»
Также Анни умоляет:
«Не губи, кузнец, отца мне,

Выйду за тебя я замуж!»
Но кузнец не верит Анни,
Нож кует кузнец там в чреве;
В Хийси Хиттолайнене он
Взял колено наковальной,
Кулаки же — молотками,
А рубашку взял мехами.
Слышал Хийси Хиттолайне,
Как кузнец ковал в нем ножик,
Покорился Хиттолайне:
«Не губи меня, кузнец мой,
Выдам за тебя я Анни!»
Но кузнец не верил больше,
Вскрыл ножом он чрево Хийси.
И вошел кузнец в избушку.
«Собирайся, Анни, в сани!»
Анни кузнецу сказала:
«Нет, не буду собираться,
Пел, отца ты убивая,
Спой и мне, и смерть пошли мне!»
Но кузнец ответил Анни:
«Я губить тебя не буду!»
И пришлось одеться Анни,
И кузнец поехал с Анни,
В путь направился по морю.
Но на середине моря
Сани разломала Анни,
Пятками копылки сбила.
Спел кузнец и с песней сани
Новые он изготовил,
Не могла сломать их Анни.
Но ершом уплыла Анни,
А кузнец за нею — щукой.
Говорит ершу та щука:
«Повернись ко мне ты, Анни,
Съем тебя в личине рыбьей!»
Ерш же отвечает щуке:
«Нет, к тебе не повернусь я,
Ешь с хвоста, коль съесть ты можешь!»
Но не мог кузнец ерша съесть.
«Коль не хочешь повернуться,
То тебя я проклинаяю!
Проклял бы тебя вороной,
Но ведь будешь знаменитой.
Проклял бы тебя сорокой,
Но ведь будешь знаменитой,
Нет, не стать тебе вороной,
Нет, не стать тебе сорокой.

Будешь ты всего лишь чайкой
На морских песках метаться
И стонать при встречном ветре,
Сети рвать всем рыболовам!»
Проклинал ее как чайку
Все стонать при встречном ветре,
Рыболовам сети портить.

Евсеев, 1936 г., от И. Афанасьева,
Тулдозеро. Оригинал — КЭП, 167.

Погоня за лосем

Люсмикко был лыжный мастер,
Капо, мастер лыжных палок;
Осенью готовит лыжи,
А зимой строгает палки.
Изготовил лыжи мастер,
Скоро палки изготовил.
Он на снег забросил лыжи,
Лыжные воткнул он палки
Рядом с лыжами своими.
Первый раз он лыжей двинул —
С глаз он очень скоро скрылся,
Двинул лыжей во второй раз —
И его не стало слышно.
С третьим разом у героя
Лыжа длинная споткнулась,
Палка лыжная уткнулась
В плечевые кости лося.
Тут-то старый Вяйнямейни
По спине ударил лося,
Зверя по спине похлопал.
«Хорошо бы тут мне было
С молодой девицей вместе,
Рядом с курочкой растущей.
Но не знал, что будет шкура
Для жены моей любезной,
Лисья шкура для девицы!»

Евсеев, 1948 г., от Т. А. Перттунен,
Ухта. Оригинал — КЭП, 60.

Вяйнямейни и Ильмарини

Анни, дева молодая,
Мыть белье пошла на берег,
Постирать пошла одежду
На мосток прибрежный, длинный,
На туманный шла мысочек,

На мысочек островочка.
На восток она взглянула,
Взгляд на запад устремила,
Видит: на море чернеет
Что-то синее на волнах.
Говорит она, гадает:
«Если там пернатых стая —
Пусть она вся разлетится,
Если рыб косяк там виден —
Пусть все рыбы уплываюи,
Пусть покроются водою.
Если это Вьянмяёни,
Пусть сюда он подплывает,
К пристани чужой стремится!»
То был старый Вьянмяёни.
Лодка этого пришельца
К пристани чужой пристала.
Анни старцу говорила:
«Ты куда собрался, Вьяне,
В путь куда, жених Ументо?»
Верный старый Вьянмяёни
Говорил слова такие:
«Лососей ловить я еду!»
Анни старцу возражает:
«Нет, не так отец мой раньше
Промышлять лососей ездил
Там, в реке Туони мрачной,
На низинах у Маналы.
Невода в челне лежали,
Сети находились в лодке,
Под сиденьями — остроги.
Ты куда собрался, Вьяне,
Ты куда, жених Ументо?»
«Лебеда хочу поймать я!»
Анни старцу возражает:
«Нет, не так отец мой раньше
Лебеда искать собрался,
Подстрелить святую птицу
С длинной шеей, с белым пухом;
На цепи была собака,
Брал с собой он лук свой лучший;
Так-то он, отец мой, раньше,
Так-то мой родитель славный
Лебеда ловить собрался».
Анни говорила старцу:
«Сущую скажи мне правду,
Поклянись, что не обманешь,
Ты куда собрался, Вьяне?»

«Свататься я к деде еду,
Что живет в Похъеле мрачной
И в туманной Тапиоле,
В селах диких людоедов,
Где героев топят в море!»
Анни подобрала платье,
В горсть подол свой подобрала,
Пробежала в лес волчицей,
По сосне скакала белкой,
Горностаем мчалась рощей,
К брату-кузнецу заходит:
«Слушай, брат, кузнец мой славный,
Если мне скуешь ты серьги,
Если изготовишь кольца,
К поясу приладишь пряжки,
То скажу тебе я новость!»
В кузницу кузнец вбегает,
Там сестре сковал он серьги,
Деве изготовил кольца,
К поясу приладил пряжки
И домой бегом вернулся.
«Слушай, брат, кузнец мой славный,
У тебя хотят похитить
Ту, что сватал ты три года,
Заплативши много денег,
Тысячу внеся за деву!»
«О сестра моя ты, Анни,
Натопи получше баню,
Ты нагрей ее скорее,
Наложь дрова потоньше,
Нащепи помельче щепок,
Нанеси воды побольше
Маленьким котлом в ту баню —
В том котле всего два пальца
Умещается с мизинцем!»
Из избы выходит Анни,
Жарко натопила баню,
Наскоро ее нагрела,
Расколов дрова потоньше,
Наложив помельче щепок.
Нанесла воды побольше
Маленьким котлом в ту баню —
В том котле всего два пальца
Умещается с мизинцем.
И кузнец помылся в бане,
В ней очистился тот зяблик,
В ней умылся он, наш птенчик,
От кузнечной зимней гари

И от сажи всей осенней.
Полотняную рубаху
На свое надел он тело
И кафтан надел он синий
На надетую рубаху;
Поясочком он пушистым
Подпоясывал кафтан свой.
Торопился одеваться,
Лучшие надел одежды:
Рукавицы из железа,
И еще стальной был пояс.
Говорил кузнец сестрице:
«Муж в доспехах будет крепче,
С поясом стальным он краше,
Краше он в железных латах!»
Жеребца он запрягает
Перед красными санями.
Тут он сам уселся в санках,
В розвальнях он уместился,
Он коня кнутом ударил
С ручкой, жемчугом покрытой,
Конь бежит, и путь короче.
По дороге едут санки.
К Похъеле он подъезжает,
Каменные стены видит;
Там залаял пес дворовый,
Та собака городская.
Молвит Похъелы хозяйка:
«Ты иди смотреть, работник,
Что там лает пес дворовый,
Городская та собака?
Без причины пес не лает,
Городская та собака,
Не рычит щенок без дела».
Но работник отвечает:
«Нет мне времени здесь бегать,
Расколоть дрова мне надо —
Дров поленица большая,
Дровосек я слабосильный!»
Молвит Похъелы хозяйка:
«Ты иди смотреть, служанка,
Что там лает пес дворовый?
Без причины пес не лает,
Не рычит щенок без дела!»
«Мне же некогда, хозяйка,
Я верчу огромный жернов,
Мелкую муку мелю я
И из сил я выбиваюсь!»

Молвит Похъелы хозяйка:
«Ты смотреть иди-ка, Анни,
Что там лаает пес дворовый?
Без причины пес не лаает,
Не рычит щенок без дела,
Задом в землю упираясь,
По земле хвостом виляя».
Из избы выходит Анни,
И на дальние поляны,
На межу она выходит.
Осмотрелась там девица:
Женихи на санках едут,
Это едет Ильмарини,
Он на санках подъезжает.
Едет в лодке Вяйнямёйни
Мимо леса и залива.
Молвит Похъелы хозяйка:
«За кого пойдешь, девица,
За того, кто в санках едет,
Иль того, кто в лодке едет?»
«Не уеду с тем, кто в санках,
За того пойду, кто в лодке.
В санках тех коварство едет,
В расписных оно уселось!»
Верный старый Вяйнямёйни
Мигом тут в избу вбегает:
«Отдадут ли замуж Анни,
Сочетают ли пичужку?»
Молвит Похъелы хозяйка:
«Я свою не выдам Анни
И не выпущу пичужку,
Прежде чем ты не подстрелишь
Звезды в облаках на небе;
Коль змеиное мне поле
Вспашешь огненной сохою,
Что имеет медный лемех!»
Старый верный Вяйнямёйни
Из избушки выбегает.
«О старик, о бог всевышний,
Ты небес высоких старец,
Снегу нанеси побольше:
Высотой с копые слой снегу —
И до лба коня святого,
До спины святой лошадки!»
Запрягает он лошадку,
Шелковой уздой взнуздавши,
Затянув гужом железным.
Подстрелил на небе звезды,

Пятна между облаками.
Взял тут старый Вяйнямёйни
Каменные рукавицы,
Из песку связал перчатки
И змеиное то поле
Огненной сохой вспахал он,
Что имеет медный лемех.
Снизу змеи извивались,
По краям кишели гады.
Старый верный Вяйнямёйни
Забегает вновь в избушку:
«Отдадут ли замуж Анни,
Сочетают ли пичужку?»
«Лишь тогда получишь Анни,
Эту славную пичужку,
Если ты большую щуку
Из реки Туони словишь,
На низовьях той Маналы!»
Старый верный Вяйнямёйни
Из избушки выбегает,
Превращается он в птицу,
И на крыльях беса Лемпо
Пролетел он путь поспешно
До сосны и на верхушке
Сел. Кругом он осмотрелся.
В море им замечен лосось,
Рыбу пеструю увидел.
К лососю он подлетает
И из моря поднимает.
Тут он очень рассердился,
Разорвал он грудь той рыбе
И попробовал покушать.
Вновь берет он крылья птицы
И на крыльях беса Лемпо
Направляется обратно,
Прилетает он в Похъелу.
Он принес большую щуку
На гостинец — выкуп теще,
Чтобы съесть могла старуха.
Молвит Похъелы хозяйка:
«Поступил ты очень плохо,
Что раскрыл ты грудь у рыбы,
Рыбу пробовал покушать».
Отвечает Вяйнямёйни:
«Без изъяна нет добычи
Даже на угодьях лучших,
А не только в Туонеле,
На низовьях вод Маналы.

Выдадут ли замуж Анни,
Сочетают ли пичужку?»
Говорит старуха Похъя:
«Выдадим тебе мы Анни!»
Выдали ему ту Анни,
Сочетали ту пичужку.
А кузнец же Ильмарини,
Низко голову склонивши,
Шлем свой на глаза надвинув,
Вслед за тем домой вернулся.
И когда в свой дом он входит,
Золото он в горн бросает,
Серебро он добавляет,
Слуг своих к мехам он ставит;
Слуги плохо раздувают
И мехи качают слабо.
Сам мехи он раздувает,
Раскачал мехи кователь,
Раза два раздул горнило
И на третий раз он видит,
Как из горна меч выходит.
Был бы меч хорош собою,
Но повадки лишь плохие:
Каждый день мужчину губит,
Иногда и двух героев.
Золото он в горн бросает,
Серебро он добавляет.
Раздувать мехи он ставит
Слуг, работников поденных.
Слуги плохо раздувают
И мехи качают слабо.
Сам мехи он раздувает;
Он раскачивал мехи те,
Раза два раздул горнило
И на третий раз он видит,
Как из горна конь выходит;
Конь тот с золотистой гривой,
Был бы конь хорош собою,
Но лишь нрав плохой имеет:
Каждый день кобылку губит,
Иногда и двух лошадок.
Золото он в горн бросает,
Серебро он добавляет.
Раздувать мехи он ставит
Слуг, работников поденных.
Слуги плохо раздувают
И мехи качают слабо.
Снова сам он раздувает.

Раскачал мехи кователь,
Раза два раздул горнило
И на третий раз он видит,
Как из пламени девица
С золотой косой выходит.
Хороша она была бы,
Но повадки неизвестны.
Тут кователь Ильмарини
Сразу первую же ночью
Теплой шубою накрылся
И укрылся одеялом.
Бок остался нехолодным,
Что накрыт был одеялом.
Бок же, что касался девы,
Золотой девицы этой,
Был холодным, как зимою,
Стал он твердым, точно камень.
И кузнец-то Ильмарини
И уже вторую ночью
Теплой шубою накрылся
И укрылся одеялом.
Но накрытый одеялом
Бок остался нехолодным,
А другой был бок холодный,
В лед морской он превратился,
Стал он твердым, точно камень,
От прикосновенья к деве.
И тогда на третью ночь
Заявляет Ильмарини:
«Пусть никто на белом свете
Из людей всех поколений
Не кует златую деву,
Серебристую девицу:
Холод в серебре таится,
Блеск у золота холодный;
Человеком оставаться
Девушка должна повсюду!»

Евсеев, 1948 г., от Т. А. Перттунен,
Ухта. Оригинал — А, 25, 43.

Вяйнямёйни и дева-лосось

Старый верный Вяйнемёйни
Лошадей искать собрался,
Ржание их чутко слушать.
День и два дня он проходит
И на третий день услышал:

Громко жалуется лодка,
Горько парусник рыдает.
Тут-то старый Вяйнямёйни
Подошел на берег моря,
Спрашивает он у лодки:
«Что ты плачешь, новый парус,
Лодка гладкая, желаешь?»
«Я не плачу, что, гребная
Лодка хоть, я неуклюжа,
Горькую судьбу клянусь я:
Ведь другие хуже лодки
Трижды плавали за лето,
Плыли воевать в Суоми
И добра возили много;
С новым парусом одна я
Здесь гнию на этих щепках,
Мокну на своих я стружках».
Тут-то старый Вяйнямёйни
Сделал веник с медных веток,
Начисто подмел он лодку,
Чтобы больше не стонала.
И толкнул он лодку в воду,
Ту двухбортную на волны.
Молодых гребти сажал он,
Те гребли — и весла гнулись.
Старые гребли — дрожали.
Бросили с блесной дорожку
И гребли они с дорожкой.
Лосось на блесне из моря —
Рыба пестрая всплеснулась.
Тут-то старый Вяйнямёйни
Лосося тащил из моря,
Но не мог схватить руками
Без расшитых рукавичек,
Без железных рукавичек.
Молвил старый Вяйнямёйни:
«Нами, молодые парни,
Поймана большая рыба,
На обед полакомимся,
Будет и на завтрак утром!»
И тогда-то лосось в море —
Рыба пестрая, сверкая,
На водовороте пятом
Плыла на волне девятой,
Голову там поднимала:
«Ах, мужчина ты безумный,
Совершенно бестолковый,
Ведь пришла к тебе я вовсе

Не для лакомства к обеду
И не завтраком быть утром.
Ведь к тебе я приходила,
Чтобы быть твоей навеки,
Разувать твои-то ноги,
Класть под голову подушку!»
Тут-то старый Вяйнямйни,
Голову склонив печально,
К Ильмори плыл в кузницу:
«Слушай-ка, кузнец Ильмори,
Скуй-ка грабли мне скорее,
Скуй колодку во сто сажен,
Граблевище в двести сажен;
Мне женой она хотела
Быть, но этого не знал я!»
Он пошел с граблями к морю,
Чтобы выгрести скорее
Лосося со дна морского.
Не нашелся лосось в море,
Под волной пеструшка-рыба.

Евсеев, 1948 г., от Т. Перттунен,
Ухта. Оригинал — КЭП, 57.

Вяйнямейни ранит колено

Старый верный Вяйнямейни
На горе готовил лодку,
На скале ее он делал;
Хийси топориче дернул,
Бес коснулся к рукоятке,
Отскочил топор от камня,
И скалы коснулся обух,
Острие скользнуло в мясо,
Врезалось в колено парня,
В палец Вяйнямейнена.
Лемпо лезвие внес в мясо,
Хийси поразил суставы,
Заструилась кровь из раны,
Потекла потоком буйным.
Заклинать стал рану старец,
Он читал свои заклятья,
Заговаривал по снегу,
Но не помнил он подробно
Заговоры на железо,
Как железо появилось,
Как родилось, вырастало.
Жеребца запряг поспешно

Перед красными санями,
Сам уселся он в те сани,
Сам разлегся он на дровнях.
Жеребца прутом ударил,
Жемчугом обшитой плеткой.
Жеребец бежал, путь длился,
Сани по пути скользили.
Проезжает он поспешно,
По дороге нижней едет,
В нижний дом он заезжает.
Спрашивает у порога,
Под окном он умоляет:
«Есть ли в этом нижнем доме
Заклинающий железо,
Кто бы кровь остановить мог,
Кровь густую задержал бы
В ране на колене парня,
В пальце Вяйнямейнена?»
Проворчал старик там с печки,
С пола встав, сказала баба:
«Нет здесь в этом нижнем доме
Заклинающих железо,
Кто бы кровь остановить мог,
Задержал бы кровь густую
В ране на колене парня,
В пальце Вяйнямейнена».
Жеребца прутом ударил,
Жемчугом обшитой плеткой.
Жеребец бежал, путь длился,
Сани по пути скользили.
По дороге средней едет,
В средний дом он заезжает.
Спрашивает у порога,
Под окном он умоляет:
«Есть ли в этом среднем доме
Заклинающий железо,
Кто бы кровь остановить мог,
Кровь густую задержал бы
В ране на колене парня,
В пальце Вяйнямейнена?»
Малое дитя сказало:
«Нет здесь в этом среднем доме
Заклинающих железо,
Кто бы кровь остановить мог,
Задержал бы кровь густую
В ране на колене парня,
В пальце Вяйнямейнена».
Жеребца прутом ударил,

Жемчугом обшитой плеткой.
Жеребец бежал, путь длился,
Сани по пути скользили.
По дороге верхней едет,
В верхний дом он заезжает.
Спрашивает у порога,
Под окном он умоляет:
«Есть ли в этом верхнем доме
Заклинающий железо,
Кто бы кровь остановить мог,
Кровь густую задержал бы
В ране на колене парня,
В пальце Вяйнямейнена?»
Проворчал старик там с печки,
С пола встав, сказала баба,
Малое дитя сказала:
«Останавливали больше,
Чем твое, кровотечение;
Даже реки и озера
И заливы до проливов
Перед полуостровами.
И найдется в этом доме
Заклинающий железо,
Кто бы кровь остановить мог,
Задержал бы кровь густую
В ране на колене парня,
В пальце Вяйнямейнена».
Молвил старый Вяйнямейни:
«Сам я знаю, как железо
На болоте зародилось
На следах медвежьих лап.
Там железо уродилось,
Уродилось, выросло.
Ранило зачем ты братца,
Матери своей ребенка?
Дерево бы ты погрызло,
Ветки хвойные глотало.
Не было большим ты раньше,
Ни большим, ни малым телом,
Не было ты и блестящим,
Раз змеей в земле ты спало!»

Евсеев, 1952 г., от Т. Перттунен,
Ухта. Оригинал — АФ, 14, 8.

Состязание в пении и сватовстве

Был и старый Вяйнямёйне,
Был и юный Еугахайне,
Друг на друга наезжали.
Из дуги коня кровь каплет,
Из гужей-то жир стекает.
«Кто из нас в познанных лучше,
Чьи здесь ласковые песни,
Тот дорогу уступает!»
Молвив юный Лемминкяйне,
Старому сказал Вяйнямё:
«У меня познання лучше,
Я и ласковее в песнях!»
Тут и старый Вяйнямёйне
Сам слова такие молвил:
«Коль ты ласковее в песнях,
Если ты в познанных лучше,
Объяви войне войну ты!»
Тут-то старый Вяйнямёйне,
Где рыб, окуней нет вовсе,
До подмышек спел беднягу,
Перепел его в озерко,
Через тепленькое мясо.
И вот юный Лемминкяйне
Сам слова такие молвил:
«Ой ты, старый Вяйнямёйне,
Возврати свои заклатья,
Ты сними слова святые,
Ты освободи мужчину
Из безрыбного озерка;
Волны голову мне хлещут,
И морской песок здесь лезет
В мох между корягами,
По подводным рифам лезет!»
«Чем же ты себя откупишь?»
«У меня есть три собаки,
Ты возьми из них любую!»
«У меня их много дома,
Золото — детей игрушки,
Серебро — детей забава!»
«Ой ты, старый Вяйнямёйне,
Ты освободи мужчину,
Волны голову мне хлещут,
Мне морской песок мешает!»
«Чем же ты себя откупишь?»
«У меня три жеребца есть,
Воду пить бегом бегущих,

С водопоя бегающих,
Травку по пути жующих
И из тучи воду пьющих!»
«Сам богат я жеребцами,
Золото — детей игрушки,
Серебро — детей забава!»
«Ой ты, старый Вяйнямёйне,
Ты освободи мужчину!»
«Чем же ты себя откупишь?»
«А сестру единственную,
Дочку матери я выдам
В жены старцу Вяйнямёйне,
Дряхленькому быть опорой
И дрожащему утехой,
Выдам в вечное владенье
Курочкой тебе под мышку!»
Тут уж старый Вяйнямёйне
Возвратил слова святые,
Снял с юнца свои заклатья
И освободил мужчину.
Тут-то юный Еугахайне,
Он домой идет обратно,
Мрачен, голову понурил,
Нос повесил от обиды.
Мать его тут спрашивает:
«Ой ты, мой сыночек младший,
Что ты голову понурил,
Что же ты и нос повесил?»
«Ах ты, мать моя родная,
Ведь на это есть причина:
Ведь сестру единственную,
Дочь твою родную дал я
В жены старцу Вяйнямёйне,
Дряхленькому быть опорой
И дрожащему утехой,
Выдал в вечное владенье
Курочкой ему под мышку!»
«Ой ты, мой сыночек младший,
Ведь того я ожидала
В род свой знатного мужчину,
Вяйнямёйнена в зятя к нам!»
Вот уже собака лает
И хвостом своим виляет,
Задом в землю упираясь.
«Что там лает пес дворовый,
Что хвостом своим виляет,
Что воинственно рычит он,
Задом в землю упираясь?

Эй ты, казачонок малый,
Ты иди смотреть на море!»
«Ах, любимая хозяйка,
Мал топор, а дров-то много,
Дровосек я слабосильный,
Не пойду смотреть туда я!»
«Эй ты, девушка-прислуга,
Ты иди-ка посмотри-ка,
Без причины пес не лает,
С твердой челюстью не воеет
И хвостом так не виляет!»
Но прислуга отвечает:
«Ведь я слабая служанка,
Жернов же вертеть — тяжелый,
Некогда смотреть мне лаек!»
«Ой ты, милая дочь Анни,
Что там лает пес дворовый
И хвостом своим виляет?
Никогда ведь, — говорит мать, —
Без причины пес не лаял!»
Анни шла смотреть на море,
Видит: черное на море
Что-то на волнах синее, —
И слова такие молвит:
«Если рыб косяк плывет там,
Пусть под волны уплывает,
К илу черному стремится,
Под водой пусть пребывает;
Если стая птиц летит там,
Разлетись пернатых стая;
Если это лодка Похъя,
К берегу пусть подплывает,
К берегам чужим кормою!»
Подплыла тут эта лодка,
Что уключины имела.
Кузнеца сестра была там,
А она белье там мыла.
«Ой ты, старый Вяйнямёйне,
Ты куда собрался, Вяйне?»
«Лососей ловить поехал
В вечно темную Похъелу!»
Анни же ему сказала:
«Узнаю лгуна я сразу,
И обманщика я вижу,
Иначе отец мой раньше,
Иначе родитель старший
Лососей ловить сбирался:
В лодке было много сеток,

Снасти у него имелись,
У тебя их нет с собою!
Ты скажи-ка, Вяйнямёйне,
Ты куда собрался, Вяйне?»
«Я гусей стрелять собрался,
Посмотреть на длинношеих!»
«Узнаю лгуна я вижу,
И обманщика я вижу,
Иначе отец мой раньше,
Иначе родитель старший
На гусей-то собирался,
Посмотреть на длинношеих!
Лук тугой имел под мышкой,
Лук тугой имел под мышкой,
У тебя его с собой нет.
Отвечай же, Вяйнямёйне,
Ты куда собрался, Вяйне?»
«Сватать девушку собрался
В вечно темной Похъеле я,
В селах, где мужей съедают,
Где всегда героев топят!»
И тогда девица Анни
Тут домой скорей бежала:
«Ой, кузнец, мой славный братец,
Вековечный ты кователь,
Живший век на белом свете,
Знавший много поколений!
Если серьги мне починишь,
Если в них крючки уллучишь,
Сообщи тебе я новость,
Передам тебе я вести!»
В кузницу кузнец спешил тут,
С серьгами бегом вернулся,
«Вот теперь узнаешь новость,
Передам тебе я вести:
Ведь там старый Вяйнямёйне
В Похъелу поехал сватать
Девушку, что ты приметил,
Милую твою взять хочет!»
Тут кузнец домой вернулся.
«Натопи, сестра, мне баню,
Щелоку свари немного,
Чтобы мог жених помыться
И от копоти осенней,
Зимней ковки отлучиться».
Анни баню затопила,
Щелок развела для брата,
И кузнец помылся в бане,

Он попарился в той бане.
К Вяйнямёйнену идет он:
«Слушай, старый Вяйнямёйне,
Сватать не ходи ту деву,
Что другой заметил раньше,
Милую мою не трогай!»
Тут-то старый Вяйнямёйне
Заявил слова такие:
«Две войны не уместятся
На одном костре здесь ночью,
Не поладят и два мужа,
Сватаясь к одной девице;
Возвращайся-ка обратно,
Ничего здесь не получишь!»
Так тот старый Вяйнямёйне
Вскоре к Похъеле подъехал.
В Похъеле он появился,
Хоть в избе не сняты полки
И косяк дверей не поднят.
Тут-то старый Вяйнямёйне
Сам слова такие молвил:
«Сватать я пришел девицу,
Милой завладеть желаю!»
Все же Похъелы хозяйка
Говорит слова такие:
«Пал вспаши мне каменистый,
Взборозди-ка пал змеинный,
Вот тогда получишь дочку!»
Он вспахал пал каменистый,
Взбороздил он пал змеинный.
«Выдашь ли свою мне дочку?»
«Нет, пока еще не выдам,
Я тебя еще помучу,
Вот поймай большую щуку
Из реки той Туонелы,
Из глубоких вод Маналы,
Лишь тогда получишь дочку!»
Тут он, старый Вяйнямёйне,
Сам в орла он превратился
И поймал большую щуку
И, на дерево поднявшись,
Пробовал ее покусать.
Щуку ту принес он теще.
Молвит Похъелы старуха,
Ткавшая железной нитью:
«Эту рыбу ты отведал!»
«Без изъяна рыб не ловят,
Нет и дичи без изъяна!

Выдашь ли свою мне дочку?»
«Нет, пока еще не выдам,
Я тебя еще помучу;
Крышку пеструю мне сделай,
Лишь тогда я выдам дочку!»
Был он старый Вяйнямёйне,
Крышку пеструю он сделал.
Выдали ему девицу;
И на свадьбе бык был съеден
Да корова яловая.
Анни, дочь единственная,
К Вяйнямёйнену шла в лодку,
Сам он на корме той лодки
Сел на золоченый кончик,
Он за медный руль уселся.
Вот они плывут по морю,
По волнам несется лодка
(Уж язык устал от песни).
Говорит тут дева Анни:
«Ой ты, старый Вяйнямёйне,
Воевать старуха Похъи
Следом едет в лодке Похъи!»
Говорит ей Вяйнямёйне:
«Милая моя ты Анни,
Мне найди кусочек кремня!»
Подала она тот кремень,
Он тот кремень в море бросил:
«Пусть гора большая будет,
Пусть до неба вырастает,
От земли гора до неба
Из кусочка кремня Вяйне.
Пусть бежит та лодка Похъи
На нее и разобьется!»
Набежала лодка Похъи
На гору и вся разбилась.
И тогда старуха Похъи,
Ткавшая железной нитью,
Видит, что приходит время;
Превращается в орлицу,
Хвост из венника готовит,
Из метлы готовит крылья.
Подлетает та орлица
К Вяйнямёйненовой лодке.
Но и старый Вяйнямёйне
Видит, что приходит время,
Руль из моря поднимает,
По орлице ударяет,
По когтям священной птицы.

Выпали у той орлицы
Когти у священной птицы.
Тут уж Похъелы хозяйка
Возвратилася обратно,
Затаив плохие мысли,
Нос повесив от обиды.
И, придя домой, рыдает:
«Нет здесь дома больше Анни,
Больше нет здесь дома Анни,
Той, что хлеб пекла медовый,
Ткала золотые ткани.
Вяйнямёйнену седому
Стала вечною подругой,
Куручкой ему под мышку,
Дряхлому опорой стала
И дрожащему утехой».

Евсеев, 1967 г., от М. М. Ключарь-
вой, Тикша. Оригинал — АФ, 1662, 11.

Лемминкяйнен и большой бык

Был он хитрый Лемминкяйне,
Оседлал коней он сотню,
Тысяче мужчин мечи дал,
Их собрал он летней ночью.
Он отправился в путь дальний,
К водам Выборга стремился
И к саксонским шел проливам.
Хочет он искать невесту.
«Выдадут ли мне дочурку
Замуж за меня навеки,
Куручкой ко мне на шею?»
Мать ее тебе ответит:
«Долго я ждала мужчину,
Родовитого мужчину,
Вяйнямейнена в зятя мне!»
«Мать моя, ведь ты постарше,
Я теперь хочу жениться,
Взять себе хочу хозяйку
Замуж за себя навеки». —
«Не ходи, сынок мой милый,
Не ходи, сынок мой младший,
Три погибели ты встретишь».
«Смерть мне первую поведай,
Где я встречу смерть мужчины,
Где лежит судьба героя?»
«Как пойдешь шагать по свету

И пройдешь пути немного,
Огненный порог ты встретишь,
Огненный орел в пороге,
Тот орел все когти точит,
Целый день свой клюв он точит
Лемминкяйнену на гибель».
«Мать моя, хотя ты старше,
Но скажу: не смерть мужчины,
То не гибель для героя.
Мать моя, ведь ты постарше,
Смерть вторую мне поведай,
Где я встречу смерть мужчины,
Где лежит судьба героя?»
«С сотней ног лежит змей длинный,
Тысячью он языков всех
В пасть берет, и съест тебя он!»
«Мать моя, хотя ты старше,
Но скажу: не смерть мужчины,
То не гибель для героя;
Этот змей, ведь он подземный,
Он, ползучий гад, покорно
Склонит голову на кочку,
Шею же он в мох запрячет,
Путника пропустит мимо.
Мать моя, ведь ты постарше,
Смерть мне третью ты поведай,
Где я встречу смерть мужчины,
Где лежит судьба героя?»
«О, сынок мой самый младший,
Как придешь к вратам Пяйвелы,
Там плетень змеиный будет,
И хвосты у змей там выются,
Головы у змей шипят там!»
«Мать моя, хотя ты старше,
Но скажу: не смерть мужчины,
То не гибель для героя,
Я пройду там без ущерба».
Он пришел на двор Пяйвелы.
Там не лаяла собака,
Там не лаяла собака,
Челюсти не раскрывала.
Через сруб прошел он в избу,
У дверей остановился.
Молвит Пяйвелы хозяйка:
«Что за гость пришел сюда к нам,
Раз не лаяла собака,
Челюсти не раскрывала,
Через сруб прошел ты в избу,

У дверей остановился!»
«Выйдем, Пяйвелы хозяин,
Побеседовать с мужчиной!»
Вышел Пяйвелы хозяин:
«Будем измерять мечи мы,
Измерять мечи мы будем,
Проверять щиты мы будем,
У кого же меч получше,
У кого же щит красивей!»
Промахнулся тут хозяин,
Он напруг на шее жилы.
Молвил хитрый Лемминкяйне:
«Очередь теперь за гостем!»
Размахнулся Лемминкяйне —
И хозяина сразил он.
Стала плакать тут хозяйка,
Залила избу слезами
Лемминкяйнену до шеи;
Выпил бык в избе те слезы.
Этот бык был так огромен:
День бежал там летний заяц
По хвосту быка большого,
Как и белка меж рогами
До конца не добежала.
Так же, как и Вяйнямёйне,
Удалился Лемминкяйне
И пришел тогда на остров:
Соблазнил там сорок девок,
Взял свою оттуда деву.
Девушки остались плакать.
И совсем не жаль им лодки,
И совсем не жаль им лодки,
Паруса не жаль в той лодке,
Жаль того, кто правит парус.

Евсеев и Кюльмясу, 1967 г., от
М. В. Фоминой, Ругозеро. Ориги-
нал — АФ, 1661, 14.

БАЛЛАДЫ, ШУТОЧНЫЕ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ

Четыре девы

Было здесь четыре девы,
Было целых три невесты,
Что нашли любовный листик,
Отнесли его на поле,
На возвышенность поляны,
Вырастал там дуб красивый,
Поднимался прут зеленый,
Небо скрылось за верушкой,
Разрослись на небе ветви,
Облака остановились,
И рассеялись все тучки.
Капли длинные в тех тучках,
В каплях тех блестят озерки,
Красные плывут там лодки,
В лодках молодые парни
Тянут красную веревку,
Трос железный укрепляют,
Чтобы обуздилось море,
Чтоб залив не заливался,
Чтобы усмирилось море,
Чтоб смирились на то время,
Когда девушек увозят,
Девушек из Беломорья,
Куриц замуж покупают.

Лепрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — К1, 1230.

Потерявшийся в облаках

За брусничкой в лес шел парень,
А другой шел за черничкой,
Третий пострелять шел зайца.
Паренек пришел с брусничкой,
А другой пришел с черничкой,
Третий же и не вернулся.

Поискать отец шел сына,
Охмелев ячменным пивом,
Откусив овсяный ломтик,
Взял с собой ржаного хлеба.
Не нашел в лесу он сына —
Золотого яблочка.
Мать пошла искать сыночка,
Охмелев ячменным пивом,
Откусив овсяный ломтик,
Взяв с собой ржаного хлеба.
Не нашла в лесу сыночка —
Золотого яблочка.
С плачем мать домой вернулась,
Причитая на усадьбу.
Братец шел искать беднягу,
Охмелев ячменным пивом,
Откусив овсяный ломтик,
Взяв с собой ржаного хлеба.
Шла сестра искать беднягу,
Охмелев ячменным пивом,
Откусив овсяный ломтик,
Взяв с собой ржаного хлеба.
«Где ты, мой любимый братец?»
«Здесь я, милая сестрица,
Голова застряла в туче,
Волосы же в облачке,
Ноги также в облаках».

Лепрот. 1834 г., Ухта. Оригинал —
KI, 1170.

Молодуха плакала

Женка плакала в лесочке,
На лужочке причитала,
Стала выть на пестром камне,
На растрескавшемся камне.
«Что ты плачешь, молодуха,
Или свекр содержит плохо?»
«Хорошо мой свекр содержит».
«Иль свекровь содержит плохо?»
«Хорошо свекровь содержит».
Женка плакала в лесочке.
«Или деверь плохо смотрит?»
Женка плакала в лесочке.
«Может, ссорится золовка?»
«Хороша со мной золовка».

«Или муж твой плох с тобой?»
«Муж мой очень плох со мной».

Ленрот, 1834 г., Ладвозеро. Оригинал — К1, 1162.

Ахтонен и Кайя

Начал Ахтонен здесь думать,
Завернул мордастый к Кайе:
«Получу ли эту Кайю
В жены эту Куркиттари?»
Кайя парню отвечала:
«Я тому была бы рада,
Кто шесть золотых подвязок,
Юбок пять из чистой шерсти,
И домов предложит девять,
И коров рогатых сотню,
Тысячу коров доящих,
Бочки пива мне предложит,
Чтобы я пила в довольстве
Языком своим лакала!»
«У меня тебе найдется
Те шесть золотых подвязок,
Юбок пять из чистой шерсти,
И домов всех будет девять,
И коров рогатых сотня,
Тысяча коров доящих,
Полные пивные бочки,
Чтобы ты жила в довольстве,
Языком своим лакала!»
К Ахтонену Кайя входит:
Под навесом лишь теленок,
А в хлеву рогатых много,
Мохом их рога покрыты,
На полу хвосты валялись.
И один слепой был старец,
И глаза клевали птицы,
Мухи гадили на старце,
Мыши в нем нутро обгрызли.

Ленрот, 1834 г., Ладвозеро. Оригинал — К1, 1168.

Голод

Был тогда мороз и холод,
Приставал к народу голод,
Приходил к нему из тундры.

Хлеб ценили, как корову,
Крошку хлеба, как теленка,
А калач в цене, как нетель.
Рябчиков и тетеревов
Лемминкяйнену давали,
А синицу двум Калевам,
Пятерым же трясогузку,
Всё за доброту мужскую,
Всё за доблести героев.
Женщина, родив ребенка,
Поедала половинку,
А грабители — вторую.
Был тогда мороз и холод,
Приставал к народу голод,
Господа и все крестьяне
Стали два денька в неделю
С той поры всегда поститься.

Каян, 1836 г., Ухта. Оригинал — К1,
1159.

Пограничная война

Осенью война случилась,
А зимой все продолжалась,
Летом же не прекращалась:
Меч дан каждому мужчине,
И оружие давали
Из блестящего железа.
Женщины не рассмеялись,
Девушки не улыбались,
Нет, не радовались девы,
Расплетая свои косы.
Парни мерзли на морозе,
Холод их визжать заставил,
И в снегу пришлось валяться.
Скоро ли придет хоть лето,
Южное тепло нагрянет,
Чтобы с утренней зарею
Можно бы в тени валяться?
А они копали ямы,
Чтобы в них зимой скрываться.
Бегали там молодые,
Да и взрослые мужчины.
И мосты там наводили
Через все ручьи и реки,
Маяки в пути подняли,
И кобылы там худели,

Под дугой кровь проступала,
На боку печать виднелась.
Женщины все не смеялись,
Девушки не улыбались,
Хоть прошел угар военный,
Хоть прошел угар военный,
Хоть затем освободились
От своих мечей мужчины,
Хоть и солнце засияло,
И медведица на небо
С месяцем и солнцем вышла.

Каян, 1836 г., Ухта. Оригинал — К1,
1177.

Василий

«Слушай, царь-король Василий,
Ты куда теперь собрался,
Что отцу оставишь дома?»
«Славного коня в конюшне!»
«Слушай, царь-король Василий,
Ты куда опять собрался,
Что же брату ты оставишь?»
«Под скамьей топор хороший!»
«Матери ты что оставишь?»
«Ей кудель оставлю дома!»
«А сестре ты что оставишь?»
«Ей кудель оставлю дома!»
«Бабушке ты что оставишь?»
«Печку, чтоб на ней спала там!»
«Что своей жене оставишь?»
«Жернов будет ей в подполье,
Сколько раз он повернется,
Столько ей ударов плетью!»

Каян, 1836 г., Ухта. Оригинал — К1,
1194.

Руотус и слуга

Приказал слуге Руотус:
«Жеребца поить ступай-ка,
Скакуну воды дай выпить
С проруби студеной, зимней!»
«Жеребец там пить не хочет!»
Посмотрел разок в колодец,
На себя взглянул другой раз,
Тут он звездочку заметил

В небе между облаками.
На коня верхом уселся,
Он на скакуне помчался,
Мигом он домой приехал,
Прискакал на двор усадьбы,
Он узду на землю бросил,
На дворе коня оставил,
Забегал в избу скорее.
Там обжора был Руотус,
За столом он обжирался,
За столом сидел в рубахе,
Он сидел в белье исподнем.
И слуга перед обжорой
Произнес слова такие:
«С завтрашнего дня не буду
Твоего кормить конягу,
Больно вспылчив ты, хозяин.
Пусть-ка кормит сам Руотус,
За своим конем пусть смотрит.
Лучшее настало время,
Светит звездочка на небе,
Светит между облаками.
Плохо ты рабам всем платишь,
Всем работникам наемным:
Ты их потчуеть пинками,
Бьешь рабов плетеной плеткой!»

Кастрен, 1839 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — KI, 1182.

Руотус и рождение бога

Тот был юный Еукахайнен,
Он ходил поить лошадку.
Видел он звезду на небе,
Между облаков заметил.
Руотус сам смотреть приходит,
Через день туда приходит:
«Лучшие идут к нам власти,
Там теперь наш бог родился!»
В стол всадил свой нож тот Руотус,
Гребешок к стене забросил:
«Лишь тогда я в то поверю,
Если нож распустит почки,
Кровь из гребешка закаплет!»
Кровь и почки появились.
«Лишь тогда я в то поверю,
Если бык мычать здесь будет —

Бык, что съеден прошлым летом,
Сапогами бычьей кожа
За зиму протоптанная!»
Замычал тот бык забитый,
Бычьей кожа заскрипела:
«Вот теперь я в это верю,
Весть о боге том не лжива!»

Европеус, 1845 г., Емельяновская.
Оригинал — КИ, 376.

Потонувший брат

Их всего три брата было,
И один за зайцем гнался,
За лисой другой погнался,
Корюшку ловить шел третий.
И один вернулся с зайцем,
Заячью в руках нес лапку.
А второй с лисой вернулся,
Нес за пазухой лисицу,
С корюшкой остался третий.
День и два его прождали,
Третий день его прождали,
По селу спрашивали
И у женщины-соседки:
«Кто последний видел брата?»
«Днем вчера я увидела,
Как он в лодке по заливу
И по морю проплывал здесь.
Голову своей гребенкой
Он расчесывал, печальный.
Гребешок скользнул под воду.
Он хотел схватить гребенку,
Посмотреть он наклонился
И упал за гребнем в воду.
И когда тонул, то крикнул:
„Пусть же мать сюда не ходит
За водой в квашню для теста —
Из печального залива!
Для нее вода в заливе
Вся моей запахнет кровью.
Пусть отец мой не приходит
Лошадей поить отсюда!
Если напоит — пусть знает:
Через сутки послезавтра
Вся вода в морском заливе
Здесь моей запахнет кровью.

Пусть же мать сюда не ходит
Собирать на берег щепки —
Это будут мои ребра!»

Европеус, 1846 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 1236.

Хаhti и его родные

С острова старейший Хаhti,
Он король был знаменитый,
На войну пошел мальчишкой,
Рулевым считался с детства,
Был на корабле он старшим.
«Будешь ли, отец мой, плакать?»
«По тебе я плакать буду,
На порог упав локтями,
Так, что вся земля растает;
Да и мать, сестра и братец
По тебе здесь плакать будут!»

Европеус, 1846 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 931.

Слезы кукушки

Кто там плавает по морю?
Плавают там шилохвосты. . .
А челнок в руках вертелся,
Как куница в поленице.
Золотая нить сорвалась,
И серебряная рвалась.
Связывать их мать позвали,
Но чужой злодей приходит,
А в руках был прут в пять сажень,
Можжевеловая ветка
И березовая ветка,
Чтобы наказать сиротку,
Проучить несчастливую.
И заплакала девица:
«Лейтесь, лейтесь, слезы девы,
Лейтесь, лейтесь, мои слезы!»
Тут возник лужок красивый —
На слезах одной девицы.
На лугу растет три дуба,
Яблоко на каждой ветке.
Три кукушки прилетело,
Куковали: счастье, счастье!

Куковали: долю, долю!
Жениха накуковали.
Куковавшая со вздохом
Оставалася несчастной,
Куковавшая игриво
Вдовушкой была беспечной,
Куковавшая с весельем
Привела к веселой жизни.

Европеус, 1846 г., Суоярви. Оригинал — KVII, 248.

Хозяин и раб

Благородный шел хозяин,
Нес рабу он кружку пива,
А у кружки той — две ручки.
«Выпей, бедный раб, из кружки,
Ведь не пил ты раньше пива,
Будучи рабом бесправным!»
«Пил уже я чашку горя,
Будучи рабом бесправным
И работником господским:
Воду грязную пил в тюрьмах,
Воду рыбную в поселке,
Пил на берегах я шведских,
У проливов пил саксонских!»

Европеус, 1846 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 1407.

Поиски коня

Брат ко мне приехал в гости,
Вез он два яйца куриных,
Вез он восемь караваев,
Вез он девять бочек масла,
Вез он десять шкур куницы.
Жеребец исчез у брата.
Я раба искать послала,
Раб искал, копые нашел он,
Сыну тетки топорнице.
Я сама искать пустилась,
Трех собак взяла с собою,
Пять и шесть пушистохвостых.
Поднялась в кругую гору.
Конский колокольчик слышен
На бобовом поле Павла,

На ячменном поле Олли,
Около покоса Хейкки,
На поляне длинной Антти.
Я коня там обузда
Золотой своей уздечкой.
Берегом я поскакала,
Этот берег был песчаный,
И песок в глаза летел мне.

Европеус, 1846 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 1387.

Свадьба в пеленках

Молодым женили Лавра,
Свадьбу справил он в пеленках,
В жены выбрали соседку
Из сварливого семейства,
Что на горке петушиной.
Выдали жену оттуда,
Бабу с вицей подобрали,
Толстозадую девицу.
Не могла везти лошадка,
С гривой льняной кобыла,
Конь с копытом из железа.
По воде везли невесту,
Погребли пути немного
И отъехали маленько,
Видят, что за поварешка?
Много денег уплатили,
Еще больше обещали.
Невод из волос был конских,
Ламбушка была лесная,
Многие на ней бывали,
Воевали там солдаты,
Неженатые мужчины
И женатые герои.

Полен, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 1465.

Девушка и дракон

«Девушка, пойдем в ложбину,
На скалу пойдем, красотка,
Там мы будем вить веревку,
Длинную с петлей веревку,
Парня мы на ней повесим!»

Так повешен был насильник
У дороги, в подворотне,
Около угла забора.
Вот король прошел там мимо.
Старший городской начальник,
Тот городской спросил тут:
«Почему повешен парень
У дороги, в подворотне,
Около угла забора?»
«Он насильно, против воли
Девушки, ее испортил».
«Отведите эту деву
К пасти страшного дракона!»
Рассудил дракон тот мудро:
«Нет, не проглочу девицу,
В красной юбке ту красотку,
Пять парней я съем здесь лучше
И попа с поповским причтом,
Короля я в племе съем здесь,
Молодых парней с мечами,
Чем мне есть девицу эту,
В красной юбочке красотку.
Девушка парней рождает,
Женихов воспитывает,
Чтобы шли они на сходку,
Чтобы бегали повсюду!»

Полен, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 1292.

Сын счастья

Счастья сын, счастливый парень,
Сын творца, имевший деньги,
Вез домой в санях добычу,
Вез он полный воз товаров.
Едет нижнею дорогой,
В нижний дом он заезжает,
У порога вопрошает,
Под окном ночлега просит:
«Есть ли место здесь для счастья,
Будет ли счастливец принят?»
Отвечает старец с печки,
На полу ворчит старуха:
«Нет здесь, в этом доме, счастья,
Никогда его не видят,
К нам не ходит счастье в гости».
В средний дом он заезжает,

У порога вопрошает,
Под окном ночлега просит:
«Есть ли в этом доме место
Под убежище для счастья,
Будет ли счастливец принят?»
Отвечает с печки старец,
На полу ворчит старуха:
«Нет здесь, в этом доме, счастья,
Никогда его не видят,
К нам не ходит счастье в гости».
По дороге верхней едет,
В верхний дом он заезжает,
Под окном ночлега просит:
«Есть ли в этом доме место
Под убежище для счастья,
Будет ли счастливец принят?»
На полу ребенок молвит:
«Есть, конечно, в этом доме
Место для гостей счастливых,
Здесь всегда гостило счастье».
Вот к гумну он подъезжает,
Вывалив добычу с воза,
Ставит на порог той риги,
А затем к клетушке едет,
В клеть заносит все товары,
Ставит за порог клетушки.

Борениус, 1871 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ,
1160.

Сухой закон

В Швеции король известный
Запретил гнать самогонку,
Черные дни наступили.
И король тот шведский сдался,
Снял запрет свой с самогона,
Черные дни отступили,
Приспособили все ведра,
Чтобы самогон в них капал,
Чтобы веселились люди
В честь известного народа.

Борениус, 1877 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ,
1243.

Огой и попович Кобелич

Славная сестрица Огой
В миску молоко налила,
Молоком лицо помыла,
И намазалась помадой,
И белилами белилась.
Тут к ней швед в избу заходит.
«Дай попить, сестрица Огой!»
«Нет, не дам, чтоб рук не пачкать,
Года три я руки мыла,
И все мазалась помадой,
И белилами белилась!»
Швед сказал: «Не дашь, так силой
Увезу тебя отсюда!»
Из избы тот швед уходит,
И берет сестрицу Огой,
И к скале ее подводит,
К камню пестрому бросает,
К берегу реки огромной,
Видит Огой, светит солнце,
На реке — гребная лодка.
«Кто гребет там — в этой лодке?
Это же отец мой в лодке:
Эй, отец, возьми дочь в лодку!»
«Не могу взять, дочь родная,
Шведскую везу одежду,
Русские везу я сети
И несу улов карельский!»
Смотрит вверх: все светит солнце,
Смотрит вниз: гребут там в лодке.
«Кто гребет там — в этой лодке?
Это мать гребет в той лодке.
Мать, возьми-ка дочку в лодку!»
«Не могу взять, дочь родная,
Шведскую везу одежду,
Русские везу я сети
И везу улов карельский!»
Смотрит вверх: там светит солнце,
Смотрит вниз: гребут там в лодке.
«Кто гребет там — в этой лодке?
Это брат гребет в той лодке.
Брат, меня возьми ты в лодку!»
«Я возьму тебя, сестрица,
Заходи же, Огой, в лодку!»
Вот они гребут в той лодке
И идут на бал поповский.
Там попович Кобеличча

Стол накрыл и бал устроил.
«Пусть убогие, хромые,
Старые и молодые,
Пусть ко мне на бал приходят!
На балу хочу жениться».
Спрашивает всех попович:
«Кто же здесь кого похвалит,
Кто же хвастаться здесь будет?»
Хвастаться стал брат Гаврила:
«У меня сестрица Огой
Девяти девиц всех краше!»
Тут промолвил швед бесчестный:
«Ты сиди и будь ты с Огой,
Ведь ее без поясочка
И босую я прощупал,
Вместе с ней поспал я ночью!»
Стало стыдно брату Гаврой
И обидно стало Гаврой,
И ушел он прочь оттуда,
Вслед за ним бежит попович.
И попович Кобеличча
Взял с земли комочек снега,
Бросил он в окошко к Огой.
Бросилась к окошку Огой,
Видит: с братом шел попович.
И Огой тут стыдно стало
И обидно Огой стало.
Пояс шелковый схватила,
И к стропилам привязала,
И повесилась бедняжка.
Опечалился попович,
От печали сильной помер,
Раз скончалась дева Огой.
И могилы отделяла
Церковь, и на их могилах
Две березки вырастало,
Корни их переплелися.

Базилья, 1885 г., от И. Богдановой,
Суоярви. Оригинал — KVII, 1310.

Маркетта

Дева славная Маркетта
Подметала пол избушки,
Отнесла весь сор на поле,
На ячменевое поле,
В поле, где овес посеян.

Слышала крик ягодинки,
На горе кричал крыжовник.
«Приходи за ягодинкой,
Приходи за мной, девица!»
На губах — след ягодинки,
Сладость ей была по вкусу —
И в живот попал крыжовник.
И она была довольна,
Что живот стал наполняться;
Вот полнеть она тут стала,
Девушка затяжелела.
Плача, шла домой красотка,
На усадьбу шла, рыдая,
Из окна отец все видел;
У порога мать сказала,
Молвила, сбивая масло:
«Ах, негодная девица,
Как ты плохо поступила!»

Эркко, 1895 г., от Т. С. Кана, Суо-
ярви. Оригинал — KVII, 742.

Сватовство к дочери Коски

Летом подковал лошадку,
А зимой готовил сани,
Свататься поехал парень
К младшей знатной дочке Коски,
К лучшей дочери боярской.
Огненный конь запряжен им
На меже, огнем объятой.
Свататься он ехал к Коски
На высокую горушку,
К младшей знатной дочке Коски,
К лучшей дочери боярской.
На крыльце была старуха.
«Можно ли купить девицу,
Курочку здесь продают ли?»
А старуха отвечала:
«На меже коней ты купишь,
Белых кобылиц на поле,
Черных меринов на пожне,
Жеребцов же на конюшне,
Девушек в избе ты купишь!»
Повернулся, осмотрелся
И зашел в избушку парень.
Нет девицы в той избушке.
«Приведите-ка девицу!»

Привели в избу девицу,
Привели ее невестки,
Привели ее сестрицы.
Осмотрел девицу парень:
«Моет ли лицо девица?»
Шею никогда не моет,
Щеки век воды не видят,
А сорочка, как кострика,
На ногах чулки со штопкой.
«Отведите ее в баню,
Пусть она там век пробудет,
Пусть там потолок весь грохнет,
Пусть грибком покроет стены,
Пусть сотрутса камни в печке,
До тех пор пусть там пробудет!»

Низми, 1909 г., от Т. Мироновой,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 457.

Морские женихи

Аннукка островитянка
Около моста сидела,
Милого ждала мужчину,
Жениха с медовой речью.
Муж из моря поднимался,
Серебром уста покрыты,
Серебром — и рукавицы,
Серебро в тех рукавицах.
«Будешь ли моей, Аннукка?»
«Быть твоей не обещаю!»
Аннукка островитянка
Около моста сидела,
Милого ждала мужчину,
Жениха с медовой речью.
Муж из моря поднимался,
Золотом уста покрыты,
Золотом — и рукавицы,
Золото в тех рукавицах.
«Будешь ли моей, Аннукка?»
«Быть твоей не обещаю!»
Аннукка островитянка
Около моста сидела,
Милого ждала мужчину,
Жениха с медовой речью.
Тут приходит Лемминкяйнен.
«Что виднеется там в море?»
Лемминкяйнен так промолвил:

«Хлебом рот я наполняю,
Хлебом пахнут рукавицы,
Хлебный дар в тех рукавицах.
Может, за меня ты выйдешь?»
Аннукка островитянка
Тут промолвила, сказала:
«Быть твоей я обещаю!»

Кемпспайнен, 1915 г., от И. Онойла,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 1190.

Оклеветанная девушка

Анни дочь единственная
Шла за венниками в рощу,
С милым париться хотела.
Тут отцу связала венник,
Матери второй вязала,
Начала вязать и третий
Своему Ивану-братцу.
Принесла отцу тот венник,
Но отец бил топорischem:
«Прочь отсюда, портомойка,
Дальше отойди, блудница,
За водой ты не сходила,
Жениха искать ходила,
Завлекать сапожника,
С рыжим разговаривать!»

Салминен, 1918 г., от Е. Афанасьевой,
Ухта. Оригинал — KI₄, 2209.

Дочь царя

Свахой стала дочь царя,
Крот невесте сватом стал,
Баню натопила муха,
Воду натаскал комар.
Жук бежал, попов позвал;
В бане париться стал поп —
Жару таракан поддал.
Ласточка попа помыла,
Осы принесли тут мыло,
А глухарь-то в лес ушел.
Рябчик Пете спину вытер,
И глухарь пришел домой.
Тетерев там хлеб стал печь,
Старый лис жениться шел,

Ехал к мыши под окно.
Отдала мышь дочку замуж,
Молодая была мышка,
Смолоду шла мышка замуж.
А велик ли сам жених?
«Ах, какой ты, бедный лис!
Где теперь твой отчий дом?»
Петя — парень молодой,
Маленький там пал спалил,
К счастью там ячмень посеял,
Вырос там ячмень отменный.
Вдов он нанял жать ячмень,
Журавлей взял ставить скирды,
И тогда стал славно жить.

Богданов, 1927 г., Святозеро. Оригинал — А, 91, 1, 8—9.

Закованный кузнец

Дева славная Мария,
Божья мать, служанка неба,
По обугленным борам шла,
По межам святых потоков;
В омуте там полоскалась,
Полоскалась, умывалась,
К милому в путь отправлялась.
По болотам шла, по суше,
По борам прошла до Хийси,
До межей святых потоков.
Ей кузнец там повстречался.
Но поймали тут Марию,
Спешно в яму закопали,
Камни сверху навалили.
Вышло праведное солнце,
Эти камни раскидало.
Вышла из-под них Мария,
В кузницу зашла поцутно,
Где кузнец ковал ей цепи.
«Какова Марии шея?»
«Какова кузнечья шея,
Такова и у Марии».
Примерял кузнец те цепи,
Их Мария тут замкнула.

Евсеев, 1935 г., от С. Марковой, Сяпчезеро. Оригинал — КЭП, 117.

Сватовство сына Похьелайнена

Темный Похьелайне сына
Свататься отправил раньше
За девять морей огромных,
За десятого полморья.
Там, за морем за девятым,
Женщина была такая —
Девять дочерей имела.
Но одна дочь всех милее, —
Да и всех она красивей.
Похьелайнена сыночек
К ней и свататься поехал.
Не было попов в то время,
Люди без имен ходили.
Похьелайнена сыночек
Стал им говорить — тем людям:
«Выдадите ли из дочек
Лучшую из всех красавиц?»
«Выдадим, коль подберешь ты
К свадьбе дружку-свадьбовода!»
«Кто вам — в дружки-свадьбоводы?»
«Мавру Мангингойне нужен!»
Мавру Мангингойне вызван,
Дружка-свадьбовод из лучших,
Похьелайнена сыночком,
Начал Мавру Мангингойне —
Стал он сваряжать ту свадьбу:
Надевал чулки из шелка
На ноги невесте юной,
Похьелайнена сыночку —
Серебристую подкладку;
И поехали со свадьбой.
Шлет тут Мавру Мангингойне
Огненные крылья свадьбы
Впереди их на семь сажен.
И поехали так дальше.
Похьелайнена сыночек
Так с женой домой вернулся,
Прибыл он домой с невестой.
И жена дитя родила,
С месяцем на лбу ребенка,
Заблестел на лбу тот месяц,
На затылке светят звезды.
Похьелайнена сыночку
С тех пор жизнь светлее стала,
Стал он жить с женой прекрасно.

Евсеев, 1935 г., от И. Федулиной,
Лахта. Оригинал — КЭП, 147.

Убийство родителей

Дочь единственная Анни
Десять зерен сеет в землю,
Вырастает восемь копен
Там, где пень один чернеет.
Муж из мрачной бездны моря
С медной головой поднялся,
Медным колпаком покрытой,
В рукавицах медных руки.
«За меня ты выйдешь, Анни?»
«Нет, не выйду, нет, не выйду,
У тебя ведь мать плохая!»
Дочь единственная Анни
Девять зерен сеет в землю,
Вырастает восемь копен
Там, где пень один чернеет.
Муж из моря поднимался,
Муж с серебряной макушкой,
Шлем был серебром покрытый,
Серебром же — рукавицы.
«За меня ты выйдешь, Анни?»
«Ведь убил я мать родную!»
«Нет, я за тебя не выйду,
У тебя отец прескверный!»
Та девица, Анни-дева,
Десять зерен сеет в землю,
Вырастает восемь копен
Там, где пень один чернеет.
Муж из моря поднимался,
С золотой макушкой парень,
Шлем был золотом покрытый,
Золотом же — рукавицы.
«За меня ты выйдешь, Анни?»
«За тебя не выйду замуж!»
«Я уже отца зарезал!»
«За тебя не выйду замуж:
Всю семью ты уничтожил —
И меня убить ты можешь!»
«Мне себя убить придется!»

Евсеев, 1936 г., от А. Буддуевой,
Вохтозеро. Оригинал — КЭП, 128.

Похороны родителей

Анни все посуду моет,
Катти ткет себе холстину.
«Золотую ткань сотки мне!»

И челнок гремит железный,
Медные жужжат там нити.
Шла на улицу девица,
Мать у ней там умирала.
«Ой ты, милая сестричка,
Наша мать там умирает».
«Где ж ее здесь похоронят?»
«Там, где слышен звон церковный,
Там ее и похоронят».
«Чем же вымоют ей тело?»
«Теплой вымоют водою».
«А во что ее оденут?»
«В платя белые оденут».

Евсеев, 1936 г., от А. Семеновой,
Вохтозеро. Оригинал — А, 71, 43.

Анни и морские женихи

Анни-дева, Туру-дева,
У мостка на островочке
Ждет себе в мужья героя,
Ласкового жениха ждет.
Муж из моря поднимался,
Волны поднял он высоко;
Он кричал, где хвост виднелся.
В камышах раздалось эхо,
В можжевельнике звучало.
С золотой уздечкой парень
В лодке золотой подъехал.
«Выйдешь ли ты, Анни, замуж?»
«Нет, не выйду за тебя я:
Подоить коров мне надо,
Девять подоить коровок!»
Анни-дева, Туру-дева,
У мостка на островочке
Ждет себе в мужья героя,
Ласкового жениха ждет.
Муж из моря поднимался,
Волны поднял он высоко;
Он кричал, где хвост виднелся.
В камышах раздалось эхо,
В можжевельнике звучало.
Серебром блестит уздечка,
В лодке с серебром плывет он.
«Выйдешь ли ты, Анни, замуж?»
«Нет, и за тебя не выйду,
Подоить коров мне надо,

Деять подоить коровок!»
Анни-дева, Туру-дева,
У мостка на островочке
Ждет себе в мужья героя,
Ласкового жениха ждет.
Муж из моря поднимался,
Волны поднял он высоко;
Он кричал, где хвощ виднелся.
В камышах раздалось эхо,
В можжевельнике звучало.
Хлебные в руках уздечки,
В лодке с хлебом подплывает.
«Выйдешь ли ты, Анни, замуж?»
«Вот уж за тебя я выйду,
За тебя я выйду замуж».

Евсеев, 1936 г., от А. Семеновой,
Вохтозеро. Оригинал — А, 71, 35.

Павел и Маша

Некий Павел в Питер едет
И в Олонец он шагает,
В Видлицы он попадает,
Прямо к Павловым он едет.
Баба Павла у окошка.
«Ты иди, иди, Павлуша,
Не тужи, иди смелее,
Не горюй ты, не печалься,
Умерла здесь наша Маша,
Там, на берегу, зарыта».
Павел звать попа собрался
И исправника искать шел.

Евсеев, 1937 г., от А. Ф. Никифоровой.
Вохтозеро. Оригинал — А, 71, 61.

Гибель влюбленных

Были старец со старухой,
И детей у них лишь двое:
Огой-дочь и сын Гаврила.
Огой-дочь не вышла замуж,
А Гаврила не женился.
Сорок лет они прожили,
Умерли отец и мать их.
Прожили они два года.
Родила Огой три сына,

Их прижала всех коленом,
Так она их задавила.
Одного — под яслями,
А другого-то под камнем,
Третий к изгороди брошен.
Стало жаль ей тех сыночков:
«Брошенный в хлеву под ясли
Воином бы вырос славным,
Брошенный под серый камень
Стал бы пахарем прилежным,
Брошенный под изгородью
Стал бы писарем отличным».
Пояс шелковый сняла тут,
Поясом тем удавилась.
Стали хоронить сестрицу
На один край церкви местной.
Брат Гаврила от кручины
Голову себе отсек.
И его похоронили
На другой край этой церкви.
На могилках их березки
Выросли, переплетаясь,
В них кукушки куковали.

Евсеев, 1938 г., от А. Богдановой,
Вешкелицы. Оригинал — КЭП, 154.

Молодуха плачет

Молодуха в роще плачет,
А мужик тот плач услышал.
«Что ты плачешь, молодуха,
Или свекор твой плохой?»
«Свекор, как отец родной!»
Молодуха в роще плачет,
А мужик тот плач услышал.
«Что ты плачешь, молодуха,
Иль свекровь твоя плохая?»
«Да свекровь, как мать родная!»
Молодуха в роще плачет,
А мужик тот плач услышал.
«Что ты плачешь, молодуха,
Или деверь твой плохой?»
«Деверь мой, как брат родной!»
Молодуха в роще плачет,
А мужик тот плач услышал.
«Что ты плачешь, молодуха,
Иль твоя золовка злая?»

«Как сестра она родная!»
Молодуха в роще плачет,
А мужик тот плач услышал.
«Что ты плачешь, молодуха,
Или муж твой злой, плохой?»
«Муж мой, точно черный змей!»
«Чем ты свекра одарила?»
«Половинкой горсти льна».
«Чем свекровь ты одарила?»
«Половинкой горсти льна».
«Деверю что подарила?»
«Половинку горсти льна».
«Чем золовку одарила?»
«Половинкой горсти льна».
«Чем ты мужа одарила?»
«Мужу на основу кострику
Еловые иглы на уток ставила».

Евсеев, 1948 г., от М. Песковой, Ан-
генплахта. Оригинал — А, 97, 5.

Исакойне

Исакойне Суллервойне
Кудри расчесал у моря,
Над волной, над серым камнем,
Уронил он гребень в море.
Он послал лису за гребнем,
Но лиса не ищет гребень.
«Нет, лиса, ты не годишься,
Не узнаешь ты, где гребень!»
Волка он послал за гребнем.
Не нацел и волк тот гребень.
«Нет, ты, волк, тут не годишься,
Не узнаешь ты, где гребень!»
Исакойне Суллервойне
Прыгнул тут на серый камень.
Зайца он послал за гребнем.
Заяц же нашел тот гребень.

Евсеев, 1952 г., от А. Ф. Никифоро-
вой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 5, 5.

Похититель девичьих нарядов

Поднялась молодка утром
Раньше, чем петух пропел здесь,
Птица черная проснулась.

Подмела свою избушку
Веточками медными,
Листками оловянными.
Собрала в подол свой мусор
И за дверь пошла, на дворик,
И за задние ворота.
Тут она на мусор встала.
Слышит шум из Дюргилы,
Песню скверную попову,
Слышит спор в поповском доме:
«Я взяла золотые брови,
Нити синие в глазенках,
Серебристый поясочек —
И пошла я за лесочек.
Шла я лесом и болотом
И пришла я на чужбину,
На красивую поляну.
Там хитрец в кустарнике,
Вор за прутьями сидел,
Взял он брови золотые,
Нити синие в глазенках,
Серебристый поясочек!»
Дочь единственная Анни
Там в лесу осталась плакать.
«Ты не плачь, моя Анюта,
Вора оловом закаплем,
Медью мы его зальем!»

Евсеев, 1960 г., от П. В. Зайцевой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ, 109, 6.

Проданная дева

Бедной я была пастушкой
И коров пасла я часто,
Все смотрела я за стадом.
Девять братьев я имела,
А невесток было восемь.
Вот подходит Ирѣ к стаду,
Сын вдовы к моим коровам.
«Ты куда шагаешь, Ирѣ?»
«Я иду с твоей усадьбы!»
«Что приметил в нашем доме?»
«Перед ним черемушник есть,
Крест в окошке гумна виден,
Дуб стоит там на поляне,
Верестняк же у колодца,
Над ним — золотая крышка,

Ковш серебряный на крышке!»
«А кого там выдавали,
Что кому там продавали?»
«Дев везли там к Беломорью,
Продавали рыб поморам,
Всех других другим продали,
А тебя мне обещали».
«За меня чем заплатил ты,
Много ли дал за красоту?»
«За тебя платил я много,
Очень много за красоту:
Твоему отцу — лошадку,
Что не станет на дороге
И не устает в упряжке.
Матери твоей — корову,
Что не устает с теленком
И не бесится при дойке.
Лодку красную дал брату,
Легкая на ход та лодка;
Дал твоей сестре овечку,
Что не устает с ягненком
И не тяготится с шерстью;
Зятю твоему дал ложку,
Оловянный чан — невестке,
Старику сложил я печку,
А квашню я дал старухе!»
«За меня платил ты мало,
Очень мало за красоту!»
Сильно рассердился Ирѐ:
«Если заплатил я мало,
Если мало за красоту,
То пусть у отца та лошадь
Изнурится за упряжкой,
Упадет пусть на оглоблю,
Пусть у матери корова
Мучается с тем теленком
И пусть бесится при дойке,
Лодка красная у братца
На корягу пусть наскочит,
Оловянный чан невестки
На полу пусть разобьется,
Пусть твой зять той пестрой ложкой,
Сунув в рот ее, подохнет,
Свалится под дедом печь пусть,
Пусть квашня у бабки треснет.

Евсеев, 1967 г., от М. М. Ключаревой-Коноваловой, Тикша. Оригинал — АФ, 1662, 1.

Оклеветанная девушка

Анни, девушка-красотка,
Подняла ушат на плечи,
С ним взяла и ковшик в руки.
Шла на горку, на другую,
Поднялась на третью горку.
Ключевой воды источник
Обнаружив, стала черпать,
Стала черпать вдоволь воду,
Черпала ковшом тем медным.
Дала парню воду выпить,
Принесла домой водицы.
«Уходи прочь, портомойка,
Ты не за водой ходила,
Жениха ты там искала!»

Евсеев, 1967 г., от Е. И. Шуттиевой,
Ругозеро. Оригинал — АФ, 1661, 25.

Поиски сына и закованный кузнец

Ягодка с горы кричала,
С бора молвила брусника:
«Подбери меня, девица,
С оловянной брошью выйди,
Или съест меня улитка,
Черная змея проглотит!»
Собирать пошла девица,
С оловянной брошью вышла,
Ягоду в свой рот совала —
И тогда отяжелела,
Стала пухнуть, округляться.
Но она скрывала брюхо,
Лежа под саями дома,
Сидя между жерновами
И под решетом укрывшись.
Шла она к коню в конюшню,
Там она сынка рожала,
На коленях уложила.
И когда заржала лошадь,
Точно банный пар поднялся.
А хвостом взмахнула лошадь,
Точно веник рассыпался.
Голову расчесывала
Мать, родившая ребенка,
И с колен упал сыночек,
К лопарям был в лес отнесен.
Начала искать сыночка,
Корни вереска срывала,

Всю траву она примяла.
«Куллерво, ты сын Калервы,
Парень в сивеньких чулочках,
Видел ли ты, где мой мальчик,
Где мой маленький сыночек,
Яблочко мое золотое?»
«Не скажу, твой сын заставил
И меня сгрести железо!»
Дева вереск вырывала,
Всю траву она примяла.
«Путь, проложенный здесь богом,
Видел ли ты, где мой мальчик,
Где мой маленький сыночек,
Яблочко мое золотое?»
«И меня твой сын заставил
По ночам служить дорогой
В день морозный по чащобе,
Чтобы направляться к Хийси!»
Дева вереск вырывала,
Всю траву она примяла.
«Солнышко, создание божье,
Знаешь ли ты, где мой мальчик,
Где мой маленький сыночек,
Яблочко мое золотое?»
«Знаю, только не скажу я,
Сел он на ольховой ветке,
Он вскочил на сук березы!»
Слышит: кузнецы ковали,
Кузнецы лесного Хийси
В кузнице ковали цепи.
Кузнецы ей так сказали:
«У тебя глаза большие,
Как у давешнего бога!»
«Как кто ест — смотрела долго,
Потому глаза большие!»
«Дай примерю цепь по шее,
Длинная ли цепь для бога,
Широка ли посредине?»
Не могли измерить шею,
И тогда та цепь замкнула
Кузнецов лесного Хийси.
На колени взяла сына,
Обняла она ребенка,
И с тех пор звенят те цепи
В пятницу страстную пасхи.

Степанова, 1971 г., от К. И. Галактионовой, Калевала. Оригинал — АФ, 1600, 7.

Калевайнен и Анни

Славная сестрица Анни
Шла за венниками в рощу,
Там отцу связала веник,
Матери другой связала,
Третий веник наломала
Младшему она братишке.
Вышел Осмонен из чащи,
Калевайнен шел с пожоги.
«Для меня расти, девица,
В дорогих расти одеждах,
Вырастай в суконной юбке,
Подрастай, питаясь хлебом,
Ешь пшеничный хлеб ломтями!»
Славная сестрица Анни
Стала плакать безутешно
И домой вернулась с плачем.
Плач ее отец услышал:
«Что ты плачешь, дочка Анни?»
«Вышел Осмонен из чащи,
Калевайнен шел с пожоги,
Для него расти велел он
В дорогой суконной юбке!»
«Что там лает пес дворовый,
Без причины пес не лает,
Городской не лает сторож.
Мать, иди-ка посмотри там!»
«Некогда смотреть на псов мне,
Замесить квашню мне надо,
Приготовить хлеб из теста!»
Шла сама смотреть и видит:
Там на лодке подплывают
И в санях там подъезжают.
«Ой ты, маленькая Анни,
Натопи быстрее баню,
Поскорее затопи ты
Мелкими дровами баню,
Тонкими растопочками,
Щелок завари для бани,
Приготовь скорее мыло,
Чтобы голову жених твой,
Добрый молодец, помыл бы!»

Степанова, 1971 г., от К. Галактионовой, Калевала. Оригинал — АФ, 1601, 20.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Петр I и Ильмаринен

Петр царем был знаменитым,
Знатным молодцем московским,
Корабли спускает в море.
Сколько на горушке сосен,
Столько матч в петровском флоте,
Хитростью проник он в Выборг
И на Финский полуостров.
«Можно ли достать здесь мясо,
Коли гость сюда придет,
Что приехать обещает?
Каковы запасы масла,
Есть ли в городе нам рыба?»
Молвил Выборга хозяин:
«В прошлый год здесь пала лошадь,
Околел и конь наш белый
На обед гостям приезжим».
Петр наш, царь тот знаменитый,
Рот скривил от злобы черной,
Очень сердится на шведа.
День стреляет с недолетом,
На второй день с перелетом.
И тогда он слово молвит:
«Эй, кузнец ты Ильмаринен,
Скуй трехгранное копьё мне,
С медной рукояткой сделай;
Брось копьё о пестрый камень!»
Пика, отскочив от камня,
В море синем утонула,
То копьё в пучине скрылось.
«Эй, кузнец ты Ильмаринен,
Шестигранное копьё мне
С медной рукояткой сделай!»
В небесах копьё то скрылось
И не выпало обратно.
Молвил Петр, наш царь известный,
Славный молодец московский:

«Многогранное копые мне
С медной рукояткой сделай!»
То копые он в камень бросил,
Камень отлетел за море.
Шведский барин Якко Пунтус
Корабли спускает в море.
День стреляет с недолетом,
А второй день с перелетом.
Петр же прямо в цель стреляет,
И стреха слетает с крыши
У хозяина из замка.
Тот ключи царю подносит
На серебряной тарелке:
«Золота берите вдоволь!»
Петр же шведу отвечает:
«Мне не надо злата шведов!»

Европеус, 1845 г., Вешкелицы. Ори-
гинал — КII, 281.

Король Карл и Петр I

Карл-король собрался в город,
Швед-убийца шел обедать,
Кровопийца шел за данью.
Питер братъ он собирался.
Войско сильное Петрово,
Знатные из ополченцев
С помощью трубы подзорной
Видят: Карл, властитель шведов,
В синие чулки обутый,
Между скал, подводных рифов,
Появился у утесов.
Войско сильное Петрово,
Знатные из ополченцев
Хлеб из камня выпекали,
Из скалы пекли мякушки,
С гравием месили тесто
Для гостей незваных — шведов,
Обещавших въехать в Питер.
Войско сильное Петрово,
Знатные из ополченцев
Собрались стрелять из ружей
Оловянную картечью
Из раскрытой пасти пушки.
Завели пальбу герои
Прямо по баркасам Карла,
Шведа с красной бородою.

Раза два пальбу заводят,
А на третий день сраженья
Шведы сильно испугались,
Мачты их судов унали,
И корма переломилась.
Карл-король был знаменитый,
Видал, что приходит гибель,
Карл тут обратился в бегство.
Обратился Карл с мольбою:
«Русский, дорогой мой братец,
Сохрани мне жизнь сегодня,
Коль приду я во второй раз,
Так и разум потеряю,
Вылезут глаза на лоб мой!»
Русский отвечает шведу,
И ему команда вторит:
«Ведь ты, наступаая, знал же,
Что сильно Петрово войско,
Знатные из ополченцев
Добровольно не уступят,
Не накормят, как обычно;
Ведь они стрельбой ответят
И картечью вас накормят!»
Обратился Карл с мольбою:
«Русский, дорогой мой братец,
Дай мне утолить здесь жажду!»
Русский отвечает шведу,
И ему команда вторит:
«Под ладьей ты можешь выпить,
За бортом вода в избытке,
Кровью вся вода морская,
Кровью шведской напиталась!»

Борениус, 1877 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ,
1071.

Петр I, кузнец и хозяин Выборга

Был сын Лаври — знатный Матти —
Хитрый Выборга хозяин,
Был он, как щенок, упитан.
В Питере был Петр Великий,
Так хитер был, что собрался
На разведку в крепость Выборг.
Вот он к кузнецу заходит.
Выборгский кузнец промолвил:
«Ты меня ковать возьми-ка,

Я силен, ковать умею!»
С кузнецом они ковали,
День и два ковали дружно,
Да и третий день ковали.
Так у кузнеца разведал
Петр дороги и подходы,
Что ведут на крепость Выборг,
На большой двор цитадели.
И кузнец был очень хитрый,
Все дела Петру поведал.
Петр был хитрый — все секреты
От него узнал про Выборг.
Пригласил Петра он в гости.
Петр заходит к сыну Лаври.
Но и дочь хитра у Матти,
Видела: тут Петр Великий.
И пришлось Петру убраться.
Кузнеца позвал с собою,
Молодцев московских вызвал,
Новгородцев белокурых.
Оседлал коней он сотню,
Тысячу мужей с мечами
Летней ночью собирает.
Так до Выборга добрался:
Стены крепости он сдвинул,
С крыш летели лишь обломки.
Взял он женщин на подмогу
(Девушек поставил к пушкам).

Крон, 1884 г., от О. Колохмайнена,
Лубосальма. Оригинал — КII, 288.

Царь Петр и Якко Пунтус

Важный барин Якко Пунтус,
Хитрый Выборга хозяин,
Посылает донесенье,
Шлет бумаги он поспешно,
Их в Стокгольм он направляет
Без гонцов, землей идущих,
Шлет их голубиной почтой,
Ждет обратного ответа.
Он под Питером три года
И за Выборгом воюет,
Но победы не добился.
Мывшая белье старуха
Повернула спину к войску
И к Петру спиною встала.

Царь направил в нее пушку,
Чтобы подстрелить ту бабу.
Но солдат стрелять не хочет:
«Не стреляйте в эту бабу,
Путь она нам показала!»
Свой корабль тут царь направил
К берегам земли под крепость,
Осмотреть пошел он город.
Но там Выборга хозяин,
Важный барин Якко Пунтус,
Сразу же царя приметил,
Он Петра узнал в нем сразу
И ему стрельбой ответил,
Отвечал пальбой из пушек.
Петр тогда улегся в сани
И накрылся покрывалом:
«Наложите-ка навозу
И свезите в город сани!»
Наложили воз навозу,
Отвезли те сани в Выборг.
Вышел Петр из-под навозу,
Все пути разведаль в крепость
И на свой корабль вернулся.
Тут послал указ он в город —
Пунтусу он шлет вопросы:
«Есть ли в крепости хоть мясо,
И богат ли город рыбой,
Чтобы пришлый гость отведал?»
Якко Пунтус отвечает:
«Прошлым годом сдох здесь мерин,
Белый окошел жеребчик,
Сварим гостю их копыта,
Конских черепов остатки,
Хоть нет конского в них мяса,
Но копыта — часть конины!»
Снова царь стрелять собрался,
Стал палить по башням замка.
Но солдат стрелять не хочет:
«Не стреляй, царь-император,
Смерть тебя настичь может,
Если башни ты разрушишь
При стрельбе по этим башням.
Надо здесь подкоп устроить,
Под стеною ямы вырыть
И из них взорвать те башни,
Упадут они на землю.
А стрельцам со стен ответят
Лишь от встречных залпов смертью!»

Царь послушался солдата
И его стрелять поставил
Прямо в эту башню замка.
Там под ней подкоп устроен,
Вырыта для входа яма.
Подорвал солдат ту башню,
И рассыпалась та башня.
И погиб солдат под башней.
Тут уж важный Якко Пунтус,
Хитрый Выборга хозяин,
Шесть гребцов с собой взял в лодку,
К кораблю Петра подплыл он,
Дал Петру ключи от замка.
«Вдоволь пищи, Петр, ты добыл,
Моего добра навечно
Для детей своих и внуков!»
Петр забрал ключи от замка
На тарелке золоченой
И отнес на берег моря
И на дно морское бросил.
«Без тебя я обойдусь тут,
Твоего добра не надо,
Своего добра хватает.
Побеждал своей я силой,
Собственных нам сил хватает;
И не только силой царской,
Вяйнямёйненской я силой,
Так же, как и с божьей силой,
Побеждал в больших я войнах
Да в боях кровопролитных.
Эта же война — полегче;
Чтобы враг всегда был в страхе,
Хитростью мы шли к победе;
Многие спаслись при этом.
Кончилась война победой,
Побежден ты, Якко Пунтус,
Хитрый Выборга хозяин!»
Питерское войско снова
В той войне пришло к победе,
Выборгом в ней овладело.
Правда тут торжествовала —
В той войне последней шведской,
Угодил в капкан швед хитрый,
Потерпел он поражение.

Салминен, 1908 г., от Е. Валёккай-
нена, Суйстамо. Оригинал — KVII,
1354.

Царь Иван под Выборгом

Царь Иван был наш хозяин,
Петр был царь наш знаменитый,
Собирал свои войска он,
Как утка собрала утка,
Как чирок птенцов готовил;
Паруса поднял на мачту,
Он установил ветрила.
День и два он плыл на судне
И на третий день за морем
Видит гадкие ворота,
Мерзкие торчат там двери —
Над огромным финским мысом
И под Выборгом враждебным.
Молвил Матти, сын Лаури,
Хитрый Выборга хозяин:
«Есть ли в Валмари нам масла,
Есть ли в городе хоть мяса,
Чтобы вам быка не резать,
Чтобы скот не перерезать?»
Спешно он послал указы,
Грамоты послал за ними.
Баб собрали очень много,
Собирали всех скуластых
На обед царю Ивану,
Русскому царю на ужин.
Там кобыла у конюшни,
Квасом вся она залита,
Чтобы там войска попили.
Царь Иван был наш хозяин,
Петр был царь наш знаменитый,
Кривил рот и головой тряс,
Брови черные нахмурил.
Из ружей стрелять заставил
И из луков благородных.
День и два стрелял по замку,
Он стрелял еще и третий.
Затрепала крыша замка,
Берестянка загорела.
Молвил Матти, сын Лаури,
Хитрый Выборга хозяин:
«Пощади, Иван царь грозный,
Ты убил отца и мать мне,
Пятерых моих всех братьев,
Семерых моих сестричек, —
Золота бери пригоршню,
Серебра бери шлем полный,

Голову мою оставь мне,
Жизнь свою я выкупаю!»
«Золото твое, негодный,
Серебро мне не потребно,
Тускло золото у шведов,
Серебро из края Саво!»
Царь Иван был наш хозяин,
Петр был царь наш знаменитый,
Голову ему отрезал,
Как ботву от репы, срезал.

Куйка, 1934 г., от И. Ремшу, Вок-
наволоок. Оригинал — А, 12, 34.

Царь Петр и хозяин Выборга

Петр наш царь был знаменитый,
Крепость Выборг брать собрался.
Говорит он: «Есть ли мясо,
Есть ли рыба здесь во граде,
Есть ли рыба у Волвари
Для гостей, сюда прибывших?»
«Мяса в крепости не будет,
В городе не будет рыбы,
Нет и масла у Волвари
Для гостей, сюда прибывших.
Мерин сдох здесь прошлогодний,
Нынче — белая кобыла,
Но язык еще не сварен,
Череп дохлой не обглодан,
Это — для гостей приезжих!»
Петр, наш царь тот знаменитый,
Брови черные насупил,
Пушки говорить заставил,
Ядра дюжие взрываться.
Подошел под крепость Выборг,
Он под ним стоял три года.
В город он попасть не может.
Поднялась на стену баба:
Шелковый передник — сверху,
Сзади же висит рогожа.
Значит, спереди есть крепость,
Позади же ничего нет.
Петр, наш царь тот знаменитый,
В крепость Выборг попадает.
Там же Выборга хозяин
Золотой нес ключ от замка.
«Будет у тебя здесь вдоволь

Под ружьем моих военных».
«Эх, и без твоих военных
Войска у меня хватает».
«Будет у тебя и денег».
«Без твоих негодных денег
Полную казну имею».
«Но уж соли будет вдоволь!»
«Без твоей негодной соли
Вдоволь соли я имею!»

Евсеев, 1935 г., от П. Т. Прокопьева,
Сыссойла. Оригинал — КЭП, 178.

Царь Иван и король Карл

Царь Иван, большой хозяин,
Одевался он в доспехи,
Снаряжал он сотни сабель,
Тысячу шуб приготовил,
Ружья собирал на плечи,
Все стрельцы с мечами были.
На усадьбах кони ржали,
Воины похода ждали.
Вот пришли на земли немцев.
Тот Иван, большой хозяин,
Попросил он пива выпить:
«Есть ли в городе мне пива,
Чтобы русский вдоволь выпил?»
«В городе есть вдоволь пива,
Кони нацедили в бочки,
Царь Иван, тебе на ужин,
Чтобы русский вдоволь выпил!»
«Есть ли в Воллари мне масло,
Для Ивана ужин нужен,
Чтобы лакомился русский?» —
Так спросил Иван-хозяин.
«В Воллари есть вам и масло,
Отстоявшее веками,
И столетнее есть сало
Для Иван-царя на ужин,
Чтобы мог наестся русский!»
Тут он очень рассердился,
Рот скривил, нахмурил брови,
Черные усы подергал.
Из ружей стрелять заставил,
Из стволов с открытой грудью;
Пали крепостные стрехи,
И дома попов упали.

Без рубахи поп тут в бегство,
Без подштанников пустился,
И монахи завопили,
В париках те шведы выли.
Карл-король был на коленях
Перед грозным тем Иваном:
«Русский, братец мой любимый,
Душу слабую оставь мне,
Дай воды мне вдоволь выпить!»
Тот Иван, большой хозяин,
Отвечал без колебаний:
«А воды под лодкой вдоволь,
Можешь выпить и под судном!»
Карл едва успел промолвить:
«Кровью та вода пропахла,
Падалюю весь берег шведский!»
Карл промолвил так Ивану:
«Я сижу здесь целый вечер
В лодке русского героя,
На скамье сижу красивой!»

Евсеев, 1952 г., от Е. И. Хямяляй-
нен, Ухта. Оригинал — АФ, 14, 5.

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Мельничная

Тяжеленько приходилось
Мне на сквозняке трудиться,
Под неволей мне работать.
Очень горько и тоскливо
Находиться здесь мне в рабстве,
В услужении ходить мне
И чужой вертеть здесь жернов.
Плечи ломит мне тот жернов,
Мне тот камень рвет рубашку.
Перестань, гора, вертеться,
Не греми, скала, напрасно.
Почему, скала, вздыхаешь,
Почему скрипишь ты, камень,
Под руками мукомолки?
Здесь любовь находит Лемпо,
Черт здесь честь девичью топчет.
Честь моя здесь стала жалкой,
Дали мне плохое имя,
Пусть же скатятся здесь горы,
Рассыпаются песками;
Пусть расколются все скалы.

Полен, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 3175.

При окончании работы

Я работу здесь кончаю,
Скоро выхожу я замуж
За поташкинских сыночков,
За латашкинских детишек,
Женихов за суоярвских,
кангасъярвских казаков.

Европеус, 1848 г., Тресна. Оригинал — KII, 1192.

Пастушья перед хозяйкой

«Лийло» я спою корове,
Не спою хозяйке «лийло»,
Пусть ей черт споеет то «лийло»,
Пусть ей бес пасет корову
На возвышенности беса,
Пусть себе поранит ноги,
Пусть себе сломает пальцы
На руке хозяйка левой,
Раз она не кормит маслом
Маленького пастушонка,
Что пасет большое стадо.

Борениус, 1877 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 3201a.

Пастушья на пастбище

Туру, туру, приходите,
Слушайте, все домочадцы,
Черного быка убили,
На сухую ель подняли.
Туру, туру, приходите,
Слушайте, все домочадцы.

Реландер, 1895 г., от А. Куокканен,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 2, 3293.

При выделке пряжи

«Эй вы, пряжи, пряжи,
Что вы там прядете?»
«А старухам шерсть прядем,
Для невест прядем царчу,
Для девиц мы лен прядем.
Пусть-ка девушки поспят,
А потом работать будут».

Алава, 1895 г., Козлово. Оригинал —
KII, 1205.

Прядильная

«Эй вы, пряжи, пряжи,
Что же дать вам прядь-то?»
«Старым бабам шерсти».
«Ой вы, пряжи, пряжи,

Что же дать вам прясть-то?»
«Лен дай прясть молодкам,
Шелку дай девицам».

Алава, 1895 г., от А. Ваняшиной,
Толмачи. Оригинал — КII, 1201.

При выдаивании коровы

Дойся, дойся, коровенка,
Дойся, дай-ка молока мне,
А гостям дай много масла!

Сойни, 1898 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 3179.

При молотье зерна

На гумне я молотила —
Худородная молодка;
Молотившая получит
И мякушку, и лепешку.
По углам стоят там бочки,
На полу тукач соломы.
На гумне я надрываюсь,
В помещении с соломой.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — KI, 1791.

Мельничная

При луне быть приглашенным
Хорошо — коль хромоногий,
И красив ведь колченогий:
На войну его не взяли,
Не хотели взять сражаться.

Салминен, 1918 г., от А. Богдановой,
Ухта. Оригинал — KI, 4, 2266.

Пастушья

Леро, леро, коровенку,
Пусть идет на луг зеленый,
Пусть пасется там коровка,
Летнюю пусть пьет там воду,
Ест зеленую пусть травку.

Я пасу корову эту,
Я на луг коров гоняю.
О ты, птичка-невеличка,
Матери доставь ты вести,
И отцу доставь ты вести:
«Нож мой здесь поломан камнем,
Запеченным в хлеб пастушки!»

Салминен, 1920 г., от В. Гришкиной,
Суоярви. Оригинал — КVII, 3218.

На пастбище

День, пройди! Спешу, неделя!
Проходи же, божье время!
Я, бедняжечка, в пастушках
Целый день коров пасу.
День, пройди в бору сосновом,
В ельнике ты, день, кончайся,
В вереске ты, солнце, скройся,
Скройся за горой, светило,
Уведи домой пастушку,
Уведи к хозяйке доброй,
Чтобы утолить мне голод,
Чтоб пойти в чулан скорее,
Пить, поесть там всласть и вдоволь,
Опуститься там в подполье,
Где свинины мне наесться,
И нарезать бы мне хлеба,
И помазать хлеб тот маслом.

Топпинен, 1934 г., от М. Ремпу,
Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 107.

Во время сева

Девять зерен я посею,
Вырастет же восемь копен.
Милый мой их брать прибудет,
Приплывет он из-за моря —
С золотой уздечкой милый,
С золотой придет он шапкой.
«За меня ты выйди замуж!»
«Нет, не обещаю выйти,
Ведь зерно еще не в копнах,
Не спекли еще и хлеба!»

Евсеев, 1937 г., от С. Марковой,
Сяпчезеро. Оригинал — А, 71, 42.

При рыбной ловле

Плыву, плыву в Финляндию,
Подплыву там в Лахти
Прямо к полуострову
Мимо островов с осиною,
Еду пить морскую воду,
Есть там рыбу, лососину.

Евсеев, 1938 г., от А. Богдановой,
Вешкелицы. Оригинал — А, 93, 61.

Мне не хочется

Мне не хочется проснуться,
Я хочу поспать немного,
Пусть прядут в деревне бабы,
Пусть стараются дурнушки.
В длинных рукавах красуюсь,
В купленной хожу сорочке,
Юбку из сукна надену.
Старичок мой притомился,
Умер, делая корзины,
Кошели изготавливая.
Петь велит челнок для вязки,
Ячей сетей ждут песни,
Невод напевать заставит.
В заморозки мечет щука,
В холод водная собака.
У язей плотва спросила:
«Где икру метать отныне,
Где икру метать мы будем,
Всюду ждут чужие сети,
Рыба общая всем людям!»

Хрисанфов, 1938 г., от М. Хотеевой,
Ухта. Оригинал — А, 20, 59.

Песня рыболова

Пусть крючок хватает рыба,
Пусть-ка на железный лезет.
У меня наживка слаще,
У меня и леска лучше.
Глаже ведь другой нет лески,
Слаще нет другой наживки,
Так гладка моя лишь леска,
Так сладка моя наживка.

Куйка, 1956 г., от А. Лесонен,
Ухта. Оригинал — А, 28, 173.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Шуточное величание

Свист кнута летит с болота,
Скрип саней с дороги слышен.
Думали: герой там едет,
Важный там жених приходит,
Шапка — видно, мех куницы,
Лисья шуба на герое.
Нет, там едет с пуговицей
Берестяный шлем на шубе
И сосновая рубаха;
Из сосны штаны героя,
Деревянные порточки.
Что ты ходишь, смерть чудная,
Берегом куда ты едешь,
Что разведать здесь ты хочешь?
Ведь печаль в ушах шумела,
И песок шуршал в подкладке
У беспечного в кошелке.
У него нет и кармана,
Он и денег не имеет,
А еще жениться хочет,
Девушку себе взять в жены.

Ленрот, 1834 г., Вокнаволок. Оригинал — KI, 1756.

Приглашение на свадьбу

Ты, глухой глашатай свадьбы
И гонец ты мой любимый,
Всюду ли ходил здоровым,
Заходил ли ты повсюду,
Звал ли бедных и убогих,
И слепых грести на лодках,
И хромым верхом на конях,
Были ль богачи в проулках,
Толстосумы на полянах?

Ведь давно вино мы ставим
И ячменное всем пиво
В честь глашатая на свадьбе.
Было ли на полке пиво,
Был ли мед в бочонках крепких
В честь глашатая на свадьбе?

Европеус, 1845 г., Кимасозеро. Оригинал — КИ, 1540.

При сборах сватов

А куда жених собрался,
Приготовился поехать?
Ночью он готовит сани,
Днем он делает повозку,
В женихи собравшись ехать.
«Мать моя родительница,
Натопи пожарче баню,
Накури медовым паром.
Мать моя родительница,
Там я голову помыл бы,
Вымыл бы свое я тело!
Мне холщовую рубаху
Принеси — и рукавицы,
Вышитые мне лопаркой,
Принеси — и шлем надень мне
На мои золотые кудри.

Европеус, 1845 г., Кимасозеро. Оригинал — КИ, 1555.

Заботы невесты

Сделайте, отец и мать, мне
Сапоги из лучшей стали,
А чулочки из железа,
Да шнурочки к ним из меди,
В них у стен стоять я буду,
У окна сидеть я буду,
Уходя в невестки к свекру!
Как войду туда я в избу,
Подойду к порогу двери,
К печи, где котел повешен,
Там щипцы кусаться будут,
Бревна будут зубоскалить.
У дверей — глаза косые,
На полу — глаза кривые,

Да и сзади-то все злые,
Робкие же — у-подполья.
Стала бы я там опорой,
В этом новом мужнем доме,
В новом срубе там поддержкой.
Стала бы я там опорой,
В маленькой избушке мужа,
Стала бы я там хозяйкой.

Европеус, 1845 г., Суоярви. Оригинал — КVII, 2944.

Величание на смотринах

Подмела свою избушку,
И свинец из листьев капал,
Медь из пальцев вытекала.
И на улицу я вышла,
И на купленное поле,
Там — ячмень, овес, пшеница.
Лыжный скрип летел с болота,
Скрип саней донесся с бора.
Но деревня не спала,
Эта девушка-ткачиха
Челноком своим ткала.

Европеус, 1846 г., Реболы. Оригинал — КII, 472.

Расспросы жениха

От забот герои наши
Тут с лучинушкой приходят
И при лунном свете ходят,
Выхватив за комель елку
И сосну схватив за ветви.
«Был ли ты в пути здоровый,
Сватаясь, жених хороший?
И распряг ли ты лошадку
На дворе широком тестя?
Подавали ли у тестя
Хлеб да соль, овес промытый,
Молодую рожь впридачу?
Съел ли вдоволь лососины,
Поданной в широкой миске?»
«Ведь просил-то я немного:
Лишь бы мне невесту дали,

**В чепчике льняном невесту,
Тонкую, как хвост мышонка».**

Европеус, 1846 г., Суоярви. Оригинал — XVII, 3028.

Хула невесте

Что тебя ума лишило,
Что твой разум помутило?
Ты, хороший мой, пригожий,
Шел неведомой дорогой,
На пути нашел сороку,
На заборе же — ворону.
Про нее же говорили,
Что обманывать умеет,
Будто сто голов имеет,
Тысячу голов приданым;
А всего — одна лишь телка,
Чтоб руками поднимали,
Чтобы грязными вертели.
Дома вороны сидели,
Птицы черные ей пели.

Крон, 1884 г., от Е. Сидоровой, Ключина гора. Оригинал — XII, 558.

Величальная патъвашке

Кто поставлен здесь патъвашкой,
Кто же будет свадьбоводом?
Лучший дружка наш патъвашкой,
Свадьбовод в деревне лучший,
Казначей в селе красивый.
Он у нас ведь златокудрый,
По ресницам он заметен,
Пальцы в кольцах золотых.

Варонен, 1886 г., от П. Охванайнен, Ухта. Оригинал — XI, 1718.

Утушная при свадьбе

Утка плывет, Сотка плывет,
Кто в балагане плачет и тужит,
Пальцы ломает, руки ломает
На берегу и в сильном потоке?
Кто же кричит там? Отец мой кричит.

Что же кричит он? Подарки дает.
Подарки приму я, сама не пойду:
Ночка темненька, вода холодненька,
Баня прохладна, порог в ней высокий,
Веник в ней жесткий, листья шершавы.
Кто же кричит там? Жених мой кричит.
Что он кричит? Подарки дает.
Подарки приму я, сама я пойду,
Ночка светленька, водичка тепленька,
Баня тепла там, низкий порог в ней,
Веник же мягкий, листики гладкие.

Смален, 1899 г., от М. Паяри, Суо-
ярви. Оригинал — KVII, 2957.

Хула свахе

Сваха очень здесь сварлива,
Съела всю свинью с щетиной,
Черную собаку съела,
Кошку черную всю с шерстью.

Низэми, 1904 г., от Х. Нюкянен, Сал-
поварака. Оригинал — KI, 1766.

При встрече невесты

Ты же, золотой мой братец,
Обещал найти кукушку,
Привезти здесь куковать нам,
А привез ты лишь драчунью,
Плаху под порог клетушки,
В сени под помост из бревен;
Будет под скамьей подставкой,
Веткой веника дрянного.

Салминен, 1908 г., от Н. Кирилловой,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 3093.

При отказе жениху

Чуть-чу-ру-ру, пяппя-ряря,
В Чуруле изба большая,
По полу корова ходит,
И старик рога ей держит,
А старуха под коровой.
Все, что выдоит старуха,
Тут же все старик и выпьет.

Посмотрели мы там в угол:
Девушек там полный угол,
Пьют, едят они, пируют,
А у них-то — стол дубовый,
Полотняная там скатерть,
Ячменя горсть в рот берут,
И ржаной хлеб там едят,
И пшеничный режут хлеб.
Посмотрели мы там в угол:
Полный угол женихов,
Пьют, едят они, пируют.
А столом их — двери хлева,
Шкурка телки — скатертью,
Хлеб у них — помет коровий,
Калачи же — кал собачий,
Ложка их — кошачий череп,
Квас у них — моча лошадки.

Салминен, 1908 г., Реболы. Оригинал — КII, 480.

При сборах жениха

А дрова-то в поленице
Надо расколоть почище,
Натопить слезами баню,
Щелок заварить из меду,
Голову там медом вымыть!
Принесите-ка порточки,
Соткала их мать родная,
Будучи еще невестой.

Паулахарью, 1908 г., от Архиповой,
Лендеры. Оригинал — КII, 460.

Хула жениху

Где жених работал летом,
Раз нет денег справить свадьбу?
Летом он сидел под елкой,
Под сосной с горы катался
И по берегам он ездил,
Всюду-то он бил баклуши.

Паулахарью, 1911 г., от А. Ляхто-
нен, Войницы. Оригинал — KI, 1762.

При встрече жениха

Прилетел орел с востока,
Взвился хищник в поднебесье,
Он летел, парил по небу,
Повернулся, осмотрелся,
В крепости на столб уселся,
Выбрал лучшую он в стае
С волосом густым девицу,
Деву с кольцами на пальцах.
«Как узнал ты, Телтамойни,
Яблочко ты золотое,
Что росла здесь эта дева,
Что росла и хорошела?»
«Копоть от печей поднялась,
Дым над трубами курился
Над жилищем этой девы —
Так узнал я, Телтамойни,
Слышал, яблочко, про деву!»

Богданов, 1927 г., Ухта. Оригинал —
А, 11, 59.

При одевании невесты

«Что сидишь ты, сын хозяйский,
В ожидании, мой братец?
Хочешь видеть ты богатство,
Или красоту хозяйки,
Или чистый дом хозяйский?»
«Видеть не хочу богатство
И люблюсь не хозяйкой
И не чистотой я в доме,
А прекрасною девицей,
Станом девушки чудесной».
«Ждал ты долго, жди немного,
Скоро девушки дождешься,
Красоту ее увидишь.
Ножку ей уже обули,
А вторую обувают,
И рукав надет на ручку,
На вторую надевают,
Косу заплели у девы,
А вторую заплетают,
Ручка девы в рукавице,
И вторую одевают.
Не устал ты ждать невесту».
Вот девица и готова,

Приготовилась красотка.
Уходите-ка, герои,
Те на двор, что подлиннее.
Ты предстань перед народом,
Проданная наша дева,
Раз охотно обручалась,
Жениха поцеловала.

Куйкка, 1935 г., от М. А. Ремшу,
Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 40.

При возвращении жениха в отчий дом

Кто сказал неправду эту,
Что мой брат ни с чем приехал?
Не один мой брат приехал,
Жеребцу везти что было,
Конь льногривый вез невесту.
Из дуги-то кровь все каплет,
Из гужей-то жир стекает.
Сани едут — путь короче.
Из прута скрипят завертки,
Кольца медные бряцают,
На дуге трещит береста.

Евсеев, 1935 г., от М. Ремшу, Вок-
наволок. Оригинал — А, 19, 115.

При встрече жениха в доме невесты

Прилетел орел с востока,
Поднялся на небо ястреб,
Он летел, парил по небу.
Осмотрелся, повернулся,
На окно уселся в замке.
Выбрал лучшую он в стае
С волосом густым девицу,
С косами, что всех красивей.
«Как узнал ты, Телтамойни,
О рожденье этой девы,
Что росла и хорошела,
Что она прекрасной стала?»
«С высоты здесь пес залаял,
С крыши этого жилища,
Так узнал я, Телтамойни,
Угадал я, яблочко,
Что росла здесь эта дева,
Что она прекрасной стала.

Дым веревочкой курился,
Дым густой здесь поднимался
Над жилищем знаменитым —
Так узнал я, Телтамойни,
Угадал я, яблочко,
Что росла здесь эта дева,
Что росла и хорошела,
Что она прекрасной стала».

Евсеев, 1952 г., от М. Михеевой,
Ухта. Оригинал — АФ, 14а, 15.

Прилетел орел

Прилетел орел с востока,
Он летел по поднебесью,
Он летел, парил по небу.
Осмотрелся, повернулся,
На окно уселся в замке.
Выбрал лучшую он в стае
С волосом густым девицу,
С косами, что всех красивей.
«Как, орел, схватил ту деву,
Как когтями прицепился
К волосам густым девицы,
К косам девушки красивой,
К деве с кольцами на пальцах?
Как узнал ты, Телтамойни,
О рожденье этой девы,
Что она прекрасной стала?»
«Сажа поднялась веревкой,
Дым густой взвился над крышей
В доме этой девы славной.
Так узнал я, Телтамойни,
Яблочко я золотое,
О рожденье этой девы!»
«Что сидишь ты, сын хозяйский,
Что ты ждешь здесь, узник брата?
Доброты отца не ищешь
И любви хозяйки дома,
Белизны в избе не жаждешь,
Чистоты в сенах не ищешь,
Ты сидишь здесь ради девы,
Красотой ее любуясь.
Посиди еще немного,
Долго ждал, ты жди немного».
Ножку ей уже обули,
А другую обувают,

Ты, невестушка-сестрица,
Так пройди в сенях по полу,
Чтобы пол не провалился.
Ты, невестушка-сестрица,
Осмотри избу всю утром;
По тебе изба скучает,
Сени ждут к себе хозяйку,
Что их приберет получше.
А конюшня поджидает
Ту, кто будет в ней топтаться.
Хлев коровий ожидает
Ту, кто приберет хлевушку.
Ты, невестушка-сестрица,
Листик девы Лаглуони,
Здесь старик посмотрит волком,
А медведицей — старуха.
Коль старик завоюет волком,
Ты его остерегайся,
И медведицу-старуху
Ты немножечко побойся;
Если деверь поругает,
И его ты тоже бойся.
Челюстей золовки злобной
Также ты остерегайся.
Мой скамейки осторожно,
И ушаты мой, как надо,
Ты, невестушка-сестрица,
Счет веди в избе всем ложкам,
Сохраняй в избе посуду,
Чтобы кошки не разбили,
Чтоб щенки не поломали.
И порог в избе нередко
Тонкий твой подол заденет,
И дверная ручка часто
До твоей руки коснется.
Где ты пыль в избе увидишь,
Вытри эту пыль скорее,
Где ты грязь в избе заметишь,
Оботри скорее тряпкой.

Евсеев, 1967 г., от М. В. Фоминой,
Ругозеро. Оригинал — АФ, 1661, 16.

При приходе жениха в дом невесты

Что за ветер буйный свищет
На купеческих проливах?
Зять с дружками к нам приходит,

Зять с друзьями к нам приходит.
А идет ли зять к нам первым?
Не идет наш зять к нам первым,
Не идет наш зять последним,
Зять посередине едет.
Ростом зять других повыше,
Спутников своих крупнее.
Зять в избу войти не может,
Коль косяк здесь не поднимут,
Если стены не раздвинут.

Евсеев, 1967 г., от М. И. и Е. А. Потаповых, Тикша. Оригинал — АФ, 1663, 4.

При одевании невесты

Ждал ты долго, жди немного,
Косу заплели у девы,
А вторую заплетают,
Ножку ей уже обули
И вторую обувают,
На руке же — рукавица,
На вторую надевают.
Уходите прочь, все парни,
Все на двор, что подлиннее,
Вот девица и готова,
Приготовилась красotka.

Евсеев, 1967 г., от М. И. и Е. А. Потаповых, Тикша. Оригинал — АФ, 1663, 3.

Советы невесте

Ты, сестра, не обижайся,
Если мы тебя поучим:
Иначе жить в мужнем доме,
Иначе жить на чужбине.
Счет веди в избе всем ложкам,
Сохраняй в избе посуду,
Чтоб собаки не разбили,
Чтоб щенки не поломали.
Там старик посмотрит волком,
А медведицей — старуха,
Деверь смотрит лютым змеем,
И золовка будет злиться.

На руку рукав надели,
На вторую надевают.
Косу заплели у девы,
А вторую заплетают.
Вот девица и готова,
Приготовилась красotka.
Проданная наша дева,
Ты предстань перед народом,
Раз недолго ты решалась,
Раз не поняла удел свой.
Целый век ты плакать будешь,
По три года сватанная,
Этот пир не будет хуже,
Коль гостей здесь будет меньше.
Уходите-ка, герои,
Те на двор, что подлиннее,
А в усадьбу — гости свадьбы,
У певиц охрип, спал голос,
И язык кукушки высох.
За слово копейку дайте,
Полкопейки за полслова,
От парней всего полтинник,
От девиц — четыре гривны.

Евсеев, 1956 г., от Е. Д. Кирилловой, Куккосалми. Оригинал — А, 2, 167.

Советы невесте

Ты, невестушка-сестрица,
Двигайся двумя ногами
Быстро по землице чистой,
Раз позарилась на деньги,
При помолвке ликовала.
Сохраняй в избе посуду,
Счет веди в избе всем ложкам,
Чтобы кошки не стащили,
Чтоб щенки не поломали.
Ждут тебя в хлеву телята,
Кто их накормил бы сеном,
Кто их напоил бы пойлом.

Евсеев, 1957 г., от А. И. Осиповой, Поросозеро. Оригинал — А, 79, 172.

Молодые в доме жениха

Сельский мир ждал новолунья,
Новолунья дожидался,
Поджидал восхода солнца,
Я ждала — приедет братец.
Брат гребет по водной глади.
Сельский мир встречал невестку.
Что привез жену он — правда,
Курочку он внес в избушку.
Разве маленькая женка
Или худенькая очень?
Ты, невестушка-сестрица,
Листик девы Лаглуони,
Поздоровайся ты с нами,
Поздоровайся со всеми,
Поздоровайся с деревней.

Евсеев, 1957 г., от А. Н. Сибиной,
Поросозеро. Оригинал — А, 79, 176.

При въезде молодых в дом мужа

Сельский мир ждал новолунья,
А село — восхода солнца,
Только я ждала, что братец
Привезет домой невестку.
Брат гребет по водной глади,
Мир разглядывал невестку,
И не зря тут все дивятся:
Не один приехал братец,
Он привез домой невестку,
Курочку в свой дом он вводит.
Ты, невестушка-сестрица,
Листик девы Лаглуони,
Просыпайся без будящих,
Ты вставай без посторонних;
Молод муж, тебя будящий,
Зелен, кто тебя поднимет.
Ты проснись с ним спозаранку,
Ты, хранительница смерти,
Ногу подними на полоз,
А другую на поляну,
Чтобы поле поднималось,
Пали крепостные стены.
Ты, невестушка-сестрица,
Ты спускайся по ступенькам,
Чтобы не сломать ступеньки.

Ты их всех остерегайся:
Деверя с холодной речью
И золовку с толстой шеей.

Евсеев, 1967 г., от М. И. и Е. А. Потаповых, Тикша. Оригинал — АФ, 1663, 6.

Прилетел орел

Прилетел орел с востока,
Он летел по поднебесью,
Он летел, парил по небу,
Выбрал лучшую он в стае
С волосом пушистым деву.
Подхватил орел девицу,
Осмотрел ее пернатый.
«Как узнал ты, Келтамойнен,
Яблочко ты золотое,
Что здесь выросла девица,
Родилась она красивой,
Поднялась на этом свете?»
«Так узнал я, Келтамойнен,
Яблочко я золотое:
Бык здесь промычал мне рано,
И ягненок здесь заблеял,
Ту встречая, что их кормит.
Да и город спать не может,
Эту девушку встречая,
С ткацким челноком девицу!»

Евсеев, 1967 г., от М. И. и Е. А. Потаповых, Тикша. Оригинал — АФ, 1663, 7.

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Плач матери перед дочерью

Выношенная мною курочка, тебя, дорогую мою, я теряю,
Выхоленная мною белая лебедушка,
Тебе я белые перышки приготавливала,
Белая моя выхоленная, тебе я приданое готовила
За очень короткое времечко.
Хорошая моя, выдаваемая замуж,
Тебе я выдаваемое приготавливала
За очень короткое времечко.
Дорогая моя, хорошая, мною выношенная,
Тебе я выношенное приготавливала.
За очень короткое времечко.
Милая моя, хорошая,
Тебя я заботливо оберегала
За очень короткое времечко.
Раньше, белая моя, хорошая,
Я приготавливала белье своих родителей.
Раньше двоих своих дорогих, хороших,
Красивых своих родителей я украшала.
Славная моя, превосходная,
Добрых моих наставлений слушавшаяся,
К дверям сеней подметать ходившая,
Доведется тебе прибирать большие сени до дверей.
Не могу я скрыть свою большую тоску теперь,
Когда тебе по двадцати куриным тропам ходить придется.
Прочные столбы на сотни щепок расколются у белой моей,
хорошей,
Ячменные поля на девять межей разделятся у тебя, моей
хорошей,
Раньше, чем ты на свои плечи, как сучья, будешь брать обузу.
Успокаиваемая мною уточка, красивая проданная бедняжка, не
чуждайся,
Помни свою большую родню на чужой сторонушке,
Примиришь около земель неверных
С краями языческих местностей.
Пусть идет твоя белая волюшка под белый свет
Белой лебедушкой на реке раньше, чем увянет.

Не могу я успокаиваемую успокоить.

Разве не пекут хлеб в роще, где находят много зверей?

Разве не носят в лесу высохшие можжевельники на борах
с вереском?

Пусть не хулят либо не берут невесту с хорошим рвением,

Пусть только не возьмут хорошо воспитанную,

Пусть не намереваются хорошую высмеять.

Каян, 1836 г., Ругозеро. Оригинал —
Мех., 1836, suyskuu.

Плач невесты (в доме жениха)

Не время мне, опечалившейся, сидеть без дела,

Не время мне, горемычной, молчать,

А время мне, изнеженной, выпрашивать счастье,

Очень у меня, истосковавшейся, короткие узы,

Очень у меня, страдающей, строгие сроки,

Чудеса, устроенные золотой милостью родителя.

Еще ли я могу со своим лицом двигаться?

Ведь завязались узлы, установленные милым суженым!

Еще ли будут возить меня на перекладных выхолонного милого?

Ведь наступили у меня, несчастной, печальные времена.

Еще ли могу я, истосковавшаяся, двигаться?

Как буду я, миром выкормленная, слушаться?

Как буду я, миром суженая, со всеми уживаться в не прожитой
раньше жизни?

Как мои белые, ласковые примут меня к созданным миром?

Выдайте мне, сотни спасов-прародителей, из сотен доль лучшие
доли.

Как я буду ходить по половицам своего милого суженого?

Не могу я со своим лицом двигаться в этих местах.

Как золотая воля белого родителя меня приневолила?

Прекрасную мою волю обменяли на вино-водочку.

Как буду я теперь со вчерашними родными разлучаться?

Как буду я теперь в мире сотворенных устраиваться?

Большое спасибо, мои лучшие близкие, за то, что давали мне
прекрасную долю!

Приходите еще, мои мудрые милостивые, наведывать меня
в мире оберегаемых.

Не забывайте меня, верные милостивые, уходя к вышестованным
всем миром!

Золотой мой носитель десятков месяцев, большое спасибо за
высыпанные под дымом сны!

Генетц, 1872 г., Ведлозеро. Оригинал —
SII, 17, с. 24.

Плач невесты перед патьвашкой

Из-за чего и что за чужие люди вы появились,
Пришли сюда к моим двум родителям,
Где ходит только один мой отец?
Из-за чего и что за чужие люди
Вы приволоклись сюда к моим родителям,
Хотя завтра рано собираетесь уехать,
Когда будут вставать мои родные?
Или это вы чужие похитители
Молодых родимых девушек,
Унижающие мое имечко перед родными?

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — SKS, 4945 : 2.

Невеста плачет перед матерью

Спасибо же тебе за баянные сны, что позволяла видеть их;
Как буду я, бедняжка, слушать новых родственников,
Жить жизнью той, которой раньше не жила?
В своем возрасте младом пеленки чувствую на теле я.
Теперь оплакивайте вы меня, отправленную в дом чужой,
И, как чужую, выставляйте-ка за дверь меня.

Оянсу, 1921 г., от А. Ющевой, Кой-
вуниеми. Оригинал — KKNII, с. 31.

Плач в бане

Находится ли славное дитя, где слышат ее уши,
Находится ли выдаваемая замуж, где доносятся слова,
Или девственница там, где ее глаза увидят?
Пойдем-ка с нами в баню, что натоплена так жарко!
Эту баню без измены натопили мы;
Ведь мы ее топили не осиновыми дровишками,
Чтобы в мужнем доме жизнь ее не стала горькой!

Ахтия, 1932 г., Суоярви. Оригинал —
KKNII, с. 52.

Плач за свадебным столом

Вы разойдитесь, миром выношенные, на две сторонушки,
Я попробую, горемычная, посмотреть,
Кто находится, милостивые, в большом углу.
Может быть, теперь дни лучших праздников?
Нет, это не праздничный народ здесь собирается,

Очень важные люди здесь собираются,
На них приобретенные на Шуньгской ярмарке,
В лучших лавках купленные,
Очень гладкие, хорошие одежды.
Вот теперь-то я узнала, многосникшая,
Вот теперь-то принесу я вести верные —
С юга пришлое здесь остановились,
Собирались гости знатные в большом углу,
Эти гости, девушка-невестушка,
У тебя отнимут волю девичью.
Первым за столом против тебя сидит
Твой суженый муж, добрый молодец,
Приготовься же в путь-дорогу, невестушка!

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал. — АФ, 97, 4.

Плач при растапливании бани

Находится ли Анна свет Ивановна
В местах, где уши слышат голос наш,
Где глаза увидят наши местности?
Здесь мы топим для нее одной,
Баню теплую мы топим, дети бедные,
Неизменно эту баню для нее.
Не взяли для нее мы шести полен,
Чтобы ей не стала во чужом краю
Жизнь подвластная кручинушке.
А ходили мы до Царьградских островов,
Чтобы взять там золотые веточки дубовые,
Наломать дрова там для нее, для этой бани.
А потом еще к колодцу за водой пошли,
Там, на Царьградских островах, были
Золотые колодцы с золотыми черпаками,
Которыми носили воду мы для этой баненки.
А когда в последний раз пойдешь да в эту баню ты,
Там увидишь ты на стенках золотые вешалки,
Чтобы вешала там золотую одежду ты.

Евсеев, 1948 г., от А. Е. Киброевой, Вешкелицы. Оригинал — АФ, 1, 3.

Плач подруг перед невестой

Почему ты, сиротливая птичка бедной женщины,
В это время замолчала?
Почему ты, послушная,

В это время находишься в иных местах?
Ведь тебя, сиротливая птичка упавшей женщины,
Приходят брать с очень большими обозами.
А надо бы тебя, несозданная птичка некоей женщины,
Раньше этого времени прийти брать замуж.
А надо было пригласить великих родственников
На время прихода твоих сватов, милое золотко,
На время прихода пригожих ростков.
А надо было построить городские крепости,
Пусть пригожие ушкуйники без оружия не проникнут.
Пусть пригожие молодцы по шесть недель
Ядрами чугунными палят из пушки по ним.
Не успел уже золотко за быстрое времечко,
За шесть недель пройти через построенные стены.
А надо было на время прихода сизых голубей
С земли до неба сделать водную преграду.
Пусть хоть эти сизые голуби семь недель мосты возводят.
Но успели уже они за чудесное времечко,
За семь недель мосты построить там.
А надо было, моя послушная,
На время прихода правдивых молодцев
Под окном своего серебряного дома море создать,
Пусть удалые ушкуйники не перейдут через него,
Пусть удалые ушкуйники восемь недель корабли строят.
Но успели уже за чудесное времечко,
За восемь недель работы попасть
К дорогой невесте на тех построенных судах.

Евсеев, 1953 г., от Е. Гавриловой,
Видлица. Оригинал — А, III, 3, 12.

Плач невесты при растапливании бани

Смотри, дорогая, родившая меня, курочку,
Слушайте, любимые мои родственники,
Натошите, любимые, бани,
Весь любимый народ приведите,
Принесите с Васильевского острова дубовые дрова,
Пригласите пильщиков с трех лесопильных заводов;
Не топите каменным углем,
Через красный платок процедите дорогую воду,
Чтобы смыть мою волю, волю вольную, волю.
И принесите, мои любимые родные,
Легкие вареные пироги;
Принесите, поколения народа, на подведенных плошках,
Принесите, люди добрые, тонкие свадебные одежды.
Приезжай, дорогая моя родительница,
На резвых жеребцах, стоящих пятьсот рублей.

Остатний, последний раз в дорогих комнатах нахожусь.
И, любимая моя родительница,
Когда я из теплой бани приду,
Все вышитые занавески повесь на окна.
И, качавшая меня на колене, ты начальными поступлениями
Покори мою белую волюшку перед спасом господом.

Евсеев, 1958 г., от А. И. Алимпиевой, Ключина гора. Оригинал — АФ, 39, 1.

Плач подруг невесты

Мы, робкие дети, не топили
Сосновыми дровами теплую баню,
Чтобы не увидело бедное дитя
Печальную жизнь после выхода замуж.
Мы, бедные дети, не топили ее еловыми дровами,
Чтобы не увидело бедное дитя
Жизнь-кручину после выхода замуж.
Мы, бедные женщины, не топили ее березовыми дровами,
Чтобы не наступила для нее
Трудная жизнь после выхода замуж.
Мы, прожившие жизнь женщины, не топили
Осиновыми дровами эту баню,
Чтобы не наступила для нее
Инеем покрытая жизнь после выхода замуж.
Мы, бедные женщины, топили
Ольховыми дровами эту баню,
Чтобы наступила жизнь без измены,
С любовью после выхода замуж.
Еще мы, бедные женщины, не носили
В эту баню веселую водицу
Из дальней Иордан-реки,
Чтобы не наступила для нее
Тяжелая жизнь после выхода замуж.
Уже мы черпали воду
Из золотых колодцев киевских церквей
Золотыми кружками,
Чтобы наступила для нее
Веселая жизнь после выхода замуж.
Уже мы, веселые женщины,
Без измены брали эту воду
В эту баню для выдаваемой замуж женщины,
Чтобы у нее с молодым мужем
Наступила веселая жизнь после выхода замуж,
Чтобы у этой женщины

Вся жизнь прошла в согласии с мужем.
Мы, бедные женщины, без измены,
Не хотим ничего плохого для нее
В ее жизни после выхода замуж.

Евсеев и Сало, 1961 г., от А. П. Петуховой, Крошнозеро. Оригинал — АФ, 110, 12.

Плач невесты перед отцом

Любимый мой, золотой отец,
Почему выдаешь меня замуж в это время
На чужую сторону против воли,
Ведь мое сердце не велит мне идти замуж,
Нет у меня любви к берущему меня,
Не лежат мои думы к нему, яблочко.
Не выдавай, мой хороший,
Эту теплую любовь в это время,
Раз не лежат мои думы к берущему, яблочко.
Поставь меня, лучший мой, хороший,
На худшую работу поденщицей
На это теплое летнее времечко.
Не зажигай, хитрый мой, хороший,
Эти свечи перед хитрыми большими гостями,
Раз не тянет мое сердце к нему, яблочко.
Не хочу я пойти, мой хороший,
Вместе с этим народом в путь-дорогу,
Не буду я свою молодую жизнь
В печальном безвременье проживать,
Ведь мне придется все время плакать.
Не губи, мой родной, самый хороший,
Мою красивую, как у курочки, жизнь,
Не ломай меня для двенадцати кошелей,
Мой белый, хороший мой,
Не приноси ущерб и страдания мне вечные.

Евсеев, 1967 г., от А. Кузнецовой, Ругозеро. Оригинал — АФ, 1661, 35.

Осмотр свадебного стола

Подожди-ка, посмотрю кругом,
Что за гости собрались тут за столом?
Кажется, они торговцы воли девичьей?
Кажется, мои дорогие, милые,

Меня, бедную женщину, готовят,
Чтобы выдать в чужие края?
Подожди-ка, посмотрю на этих высоких гостей.
Кажется, они торговцы воли девичьей?
Кажется, мои хитрые милые,
Меня бедную берут в чужие местности?
Надо женщине приготовиться,
Пусть меня дорогие гости не осудят здесь,
Я пойду готовиться в поездочку,
Чтобы счастливою уехать в чужие места.

Евсеев, 1967 г., от А. Е. Ипатовой,
Кяргяля. Оригинал — АФ, 789, 8.

Плач при получении подарков

Попроси же, уточка, из-под десяти пальцев
Довольно полные прощения,
Уходя на сторону славного света,
Выпарившись в бане.
Расскажи-ка, славная уточка,
Выскажи довольно полное прощеньице,
Уходя на сторону славного света.
(Затем, когда кто-нибудь даст подарок)
Сердечное спасибо, подобная моей матери,
Меня баюкавшей, за довольно хорошее подношение
Перед уходом к баюканным на чужую сторону света.
Как же буду я, славная уточка,
Устраиваться на стороне славного света
У чужих людей убаюканных?
Спасибо тебе, подобная меня баюкавшей матери,
За довольно обильные подношения,
За то, что эти довольные подарки
Дала моему уставшему стану
Перед уходом к баюканным
На чужую сторону славного света.

Степанова, 1967 г., от П. Кундозеро-
вой, Зашеек. Оригинал — АФ, 833, 2.

Плач матери, напутствующей дочь

Дорогая, милая, мною выношенная,
Я вложу во внутрь больших сундуков тебе
Огромную кучу талых теплых слов,
В большие ларцы вложу много ласковых слов.

Ой, дорогая, милая, мною выношенная,
Я еще тебе велю, не начни грубить
И не молви там ты обидных слов.
Будь же, милая, мною выношенная,
Уходя к миром созданным, там веселее.
Говори слова веселые, лъсти словами ласковыми,
Тогда, дорогая, милая, мною выношенная,
Будет у тебя житье повеселее.

Конька, Степанова, 1969 г., от О. Пименовой, Куйтежи. Оригинал — АФ, 1300, 14.

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Плач матери по умершему ребенку

Как уточка мое дитя ушлыло, все для меня стало безразлично.
Носимого мною, милого моего, всегда желанного не стало.
Ах, сотворивший моих желанных,
Как с не получившим причастия лукавить станут?
Будут ли добродушны к нему или сглазят недобрым взглядом?
Будут ли добросердечны или не будут огорчаться?
Может быть, не дадут печали расплодиться,
Горестями горькими в тоске сохраниться?
Может, не будут вносить бессердечность, не будут глухими?
Может, идти сквозь путь того света не станут мешать?
На белом свете выношенное мое дитя,
Стократно умытое в кадках с водой,
Не смогло ты жить среди молодых своих сверстников всей
деревни.
Почему на дорогом свете, выращенное и выношенное дитя, так
случилось?
Почему среди родившихся на свете рожденное мной ушло?
Почему на белом свете так остановилось мое времечко?
Почему на свете горестном осталась без опоры я, милое дитя?
Почему печальным времечком сменился мой короткий век?
Почему ты, уточка, отважно скоротала свое времечко?
Почему ты даже не дождалась и причастия?
Разве нельзя было взамен сразить бегающих в роще зверей?
Разве нельзя было принести бегающую в можжевельнике по
борам дичь?
Неужели там нельзя было обойтись без воспитанного мною чада?

Каян, 1836 г., Ругозеро. Оригинал —
SKS, q. 34; Мөһ., 1836.

Плач при постройке гроба

Что это теперь за странные постройечки?
Для моей родной прекрасной вечные избушечки здесь строят.
Золотыми ручками вы делаете для золотой моей родимой вечные
избушечки.

Поставьте для дорогой моей родной кровати из костей рыбы!
Постелите для умытой моей родной очень мягкие периночки!
Подставьте для моей родной гагары-птички подушечки под
голову,
Накройте вы умытую мою родную мягким покрывалом, —
Пусть после пройденного долгого пути моя умытая родная
отдохнет немного.
Устройте два красных подоконника для дорогой моей родной, —
Пусть прекрасная родная во времена печальные хоть смотрит
с тех подоконников на нас.

Генетц, 1872 г., Ведлозеро. Оригинал — SII, 17, с. 24—25.

Плач по отцу на похоронах

Не накладывайте на хорошего отца моего больших тяжестей,
Оставьте золотому моему отцу золотые проулки,
Чтобы по ним он мог ходить, когда петухи молчат.
Оставьте хорошему моему отцу проулки,
Чтобы он мог ходить, когда птички отдыхают.
Склони, дорогой мой отец, по обе стороны могильные плахи,
Пошевели, мой отец, свое лицо, поднимись, дорогой отец,
Когда бедная твоя жена приходит ко двум твоим стопам,
Встань, дорогой мой отец, на свои десять пальцев.

Куела, 1905 г., от И. Филипповой,
Тулмозеро. Оригинал — Vir. K, с. 184.

Плач по утонувшему сыну

Посмотри-ка, какие напасти случились,
Как от меня родившийся росточек мой
В молодые свои годы светлые
Под водой бурливой притомился он.
Кабы, бедная, сама я в тот прискорбный час
Под водой веселой притомилась!
Либо милое мое родное яблочко
Растянулось на деревьях правильных;
Надо же случиться-то несчастью,
Не позволили мне силы вселенские
Свою белую родительскую волю проявить тогда.
Посмотри-ка, какие напасти случились,
Как от меня родившийся росточек мой
В молодые свои годы светлые
Под водой бурливой притомился он.

Евсеев, 1940 г., от А. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ, 97, 12.

Похоронный плач по матери

Подожди-ка, сяду я последний разочек
Поговорить с той, что родила меня,
Чтобы дала она мне, бедной женщине,
На всю мою жизнь прощение.
Теперь, видать, ты перед своим чадом
Решила очень долго молчать,
С озябшей, ненаглядной своей
Не хочешь завести этот разговор.
Почему же ты теперь на меня рассердилась?
Видимо, язык твой очень сильно онемел.
Еще ли хоть разговор бедной женщины
Ты слышишь, дорогая моя матушка?
Дай ты мне, горемычной женщине,
На всю мою жизнь прощение.
Не вспоминай плохим ты
Меня, подлую женщину,
Если я и торопила тебя да поспешными словами
досаждала,
Не затаи ты на меня злобу долгую,
Дай на всю мою жизнь прощение.

Евсеев, 1967 г., от А. Н. Ипатовой,
Кяргяля. Оригинал — АФ, 789, 8.

Весточка на тот свет

Перекажи-ка от кручинной верные весточки.
Ведь до тебя уже проводили мы, несчастные,
Моего дорогого хорошего.
Расскажи-ка о нашем житье все без изменений.
Не сердись, не печалься на Туони,
Расскажи про все мое житье
Дорогим милостивым и дорогому хорошему.

Конкка, Лукина, Онегина, 1968 г.,
от А. Н. Ипатовой, Кяргяля. Оригинал — АФ, 989, 4а.

Плач по умершему брату

Ой, в одном чреве со мной выращенный,
Твой суженый,
Очень много раз приносил свежую рыбку.
А теперь у твоего суженого
Очень трудное времечко:
Не будет свежей рыбки,

Как уходит он не в урочное времечко
В неведомые дороженьки.
Твои выношенные остались
Без твоего дорогого милостивого,
Остаются все выученные на выучку.

Рягеев, 1969 г., от А. Чесноковой,
Святозеро. Оригинал — АФ, 1258, 2.

Плач после обмывания покойницы

Смотри-ка, моя ласковая соседушка,
Уже в последний разочек обмыли мы тебя.
По нраву ли тебе наше обмываньице?
По душе ли тебе, поникшая женщина, наше обряжаньице?
Как не успела ты, кручинная женщина,
Приготовить для себя одежкушку,
Которую надо было на тебя надеть
При отходе в эти необычные путь-дороженьки.
Видно, не думала ты еще оставить это житье-бытье,
Ничего, кручинная женщина, для себя не приготовила.
Так сумели ли мы, поникшая женщина,
Обрядить тебя по твоему вкусу?
И по душе ли тебе мы нарядили и убрали все?

Конька, Степанова, 1969 г., от
А. Мишкиной, Юргелица. Ориги-
нал — АФ, 1297, 4.

БЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Плач по бездетности

Нет у удрученной на белом свете своей опорухи,
Кто добывал бы хлеб-соль в желанном мире.
По дорогам с вехами в лукавый мир буду ходить,
По холодным дорогам буду, удрученная, скитаться,
Ободряя себя и уйдя из своего угла.
Буду ли я по земле шагать, и по миру бродить,
И по свету летать, как парящая птица спаса,
Коль, несчастная женщина, одряхлевшим своим станом
Ложусь я на свои оплаканные подушки,
Коль не добилась, бедная женщина, радости веселой,
Коль не родилась я, чтоб горяшка не знать,
От тяжести утробушки не рваться жилам при родах.
И так печально, одиноко волочу свое я времечко
Без нужды кому-то и опоры от меня, бездетной.

Европеус, 1845 г., Иломанци. Оригинал — SKS, N, 116, 204: 203.

Плач при увечье

Осиротевший детинушка, по порожистым водам
Сплавлявший проталкиваемые багром бревна,
Щекотали ли тебя красивые серебряные деньги
Для покупки муки, когда ты неся на узких бревнах?
Тревожили ли тебя погибельные деньги, по талым рекам
пльвшего,
Кормили ли тебя выдаваемые тебе деньги,
Давали ли они тебе обильную пищу?

Богданов, 1927 г., Зашеек. Оригинал — А, 1, 34.

Рекрутский плач

Раз ты собираешься на берега с окопами,
Не надевай суконной одежды на себя,
А спроси у матери домотканую свадебную одежду.

Когда в тебя будут враги стрелять, чтобы тебя не ранили,
Чтобы осколки снарядов не сразили тебя,
Уткнись лицом к лицу, телом к телу к другим солдатам.
И когда ты уткнешься лицом к лицу телом к телу к другим,
Уходя туда на приносящие несчастье берега,
То, может быть, ты вернешься с тех несчастных берегов,
Может быть, и не в последний раз вижу тебя, если вернешься
назад.

Гран, 1945 г., от Ф. И. Ванюшиной,
Паданы. Оригинал — А, 66, 22.

Рекрутский плач

Перед взятым в рекруты я плакала по несчастной дороге,
Взывая к очень великой помощи при несчастной доле,
Одевала я родненького на великую печальную дорогу военную,
В спешке спешно приготавливала в спешную дорогу,
И это приносило мне, бедной, нестерпимые боли,
Своего родимого я собирала в очень опасную дорогу.
Сказывая сказки, я приготавливала
Своего ненаглядного шагать по тем самым дорогам.
Это досаждало, раз мне надо было приготавливать
Своего родненького к этим дорогам.
На свою беду я готовила его шагать по несчастной дороге.
Беспокойная в своей любви, я готовила его к дорогам военной
жатвы,

К горячим дорогам царской службы,
К военным дорогам германской войны.

Евсеев, 1956 г., от В. Е. Никулиной.
Лоухи. Оригинал — А, 2, 233.

Рекрутский плач

Ой же ты, чадо, выхолощенное на коленях своей победной
матери,

Подойди-ка ты поближе к своей победной матери!
Начну я своими несчастными глазами
На тебя, лазоревое семечко своей матери,
Теперь смотреть последний разик на тебя.
Дорогой народ будет слушать плач несчастной матери.
Как дорогая мать соберет тебя в путь,
Во что в эти дни, уводимый от меня, твоя мать оденет
тебя?

Куда я буду, горькая твоя мать, провожать тебя?
Кажется, надо в казенные камеры провожать тебя.
Дорогая мать тебя на военную службу укладывает.

Ведь ты будешь на правом плече носить железное оружие.
Ты старайся не забывать свою дорогую мать.
А как буду я еще, твоя верная мать, мой ломтик,
Проводив тебя, свое безрадостное время коротать?
А кто будет, ой, кормилец мой, твою бедную мать
Кормить хлебом и в тепле держать?
Кажется, последний раз уже слезы твоей матери высохнут.

Вяйзинен, 1962 г., от Ф. М. Исаковой, Паданы. Оригинал — АФ, 214, 6.

Плач по горькой доле дочери

Лучше было тебя, в болях рожденную,
Из своей горькой утробушки
Камнем обронить, где нет камней,
Чем поднимать тебя, в болях рожденную,
На такую горькую долю.
Лучше было на дороге, где нет суков,
Оставить тебя, мною принятую,
Чем обрекать на горькую долю
Ходить на этом прекрасном свете.
Лучше было в вересковых зарослях
Выкинуть мною выношенную,
Чем на красивый свет вывести к печальной доле.
Оттого приходят огромные печали
На своем печальном стане.
Не могу без печальной водицы
Отвлечься от них и расстаться с ними.
Тяжко горемычному моему стану
Из-за того, что хитроумные спасы присудили
Горькую долю моей утешенной на свете.
Не могу без текущих горьких слез
Смотреть на их спасовы мудрости.

Степанова, 1966 г., от М. Маликиной, Хяме. Оригинал — АФ, 765, 9.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Сам спою я

Сам спою я песни дедов,
Передам здесь в древних рунах
Все слова, что раньше слышал,
Все, которым научился.
Слов же раздобыл я много,
Находил их на дорогах;
Из травы слова натерты,
Подарил слова мне вереск.
Был я пастушонком малым,
Пас немалое я стадо;
Я ходил тогда по кочкам,
У камней стоял я пестрых,
Около камней огромных.
И нашел я слов там много,
Все слова закрыл в кладовку,
В золоченый кошелечек,
В медный ларчик их запрятал.
И когда наступит время,
Ларчик песен я открою,
Крышку пеструю откину,
На колени ларь поставлю.
Хватит слов тогда про сампо
И про сына Лемпи песен.

Ленрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — К1, 1278.

Щука знает дно озера

Щука знает дно озера,
Птиц же всех орлица знает,
Ветер знает все пространства,
И лишь я не знаю, бедный,
Как мне быть и как мне жить здесь,
В этот возраст престарелый
Исчезают ломти хлеба;

Как зажгу в избе лучину
Иль воды снесу я в баню,
Так огонь сожжет избушку,
А вода зальет всю баню.
Но печаль мы в море бросим,
Уничтожим силой песни.
Пусть в веселье век проходит,
Пусть здесь радость торжествует.

Ленрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — К1, 1420.

Ива старше

Ива старше всех деревьев,
Всех земель старее кочки,
Ерш в воде — породы рыбьей,
Все синицы — родом птицы.
Щука мечет в заморозки,
Класть икру умеет в бурю;
Но горбатый окунь робок,
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом.
Плещется плотва в озерке,
Точно жеребенок резвый.
Жить тюленю превосходно,
Лососей на воле ловит
И сигов он поглощает,
Запивает их водицей.
Сиг живет на плоскодонье,
Он живет на ровном месте,
Редко щука в гости ходит,
Сиг же не гостит вовеки;
Не ходил и лосось в гости.
Синий свет сигу неведом,
Как овце неведом красный.
Рылом в дуб свинья уткнулась
И не знает, как здесь быть ей...
Братец милый, младший братец,
То поют нам песнопевцы,
Что из уст свободно льется,
Что рождается в мгновенье,
Чтобы слышали родные,
Чтобы люди восхищались,
Молодое поколение.

Ленрот, 1834 г., от А. Перттунена,
Ладвозеро. Оригинал — К1, 1998.

Пил бы пиво

Пил бы всюду я здесь пиво,
Лил бы из кувшина пиво,
Если бы из скал я деньги,
Из камней я пенни делал.
Многих девушек я знал бы,
И рабыню я добыл бы,
И ее я не кормил бы,
Без одежды содержал бы.
Но ведь в кошельке нет денег,
Нет и пива в доме Кирсти,
И не каждый тут напьется.

Ленрот, 1834 г., Лонкка. Оригинал —
KI, 2023.

Маленькая служанка

Маленькая я служанка,
Жернов мне вертеть нет мочи,
Жернов в Кийскиле огромный,
Толстый он в боярском доме,
Мой подол рвет этот жернов,
Камень рвет мою рубашку.

Ленрот, 1838 г., Иломанци. Оригинал —
KVII, 1963.

Где свинья

Где свинья добыла глазки,
Чтобы здесь глядеть на месяц,
Чтобы все смотреть на солнце?
Так ведь раньше не бывало,
Ведь она пути не видит
И медведицы на небе,
Не найдет в лесу и ягод.

Кастрен, 1839 г., Ухта. Оригинал —
KI, 2080.

Я не знаю

Я не знаю, бедный парень,
Как казна всю рожь отняла.
Фохт с гумна увез ячмень весь
И оставил лишь мякину.

Что же тут мужчинам делать?
Фохта маслом я умаслил,
Жиром смазал недоимки,
Чтобы не ругали судьи,
Да и фохт не грабил снова.

Европеус, 1845 г., Бабыя губа. Оригинал — KI, 2063.

Пусть родившая

Пусть родившая сыночка
Не летит на крыльях к небу,
Пусть родившая дочурку
Не заходит свайей в землю,
Камнем полевым под почву!
У жены, родившей сына,
Умереть в селе он может
И на берегу погибнуть,
На горе, как воин славный,
Пасть на поле брани может.
А родившиеся дочки
Чаще дома умирают,
В горнице, в отцовском доме,
Братом вытесанном доме,
Прибранном сестрою доме.

Европеус, 1845 г., Суоярви. Оригинал — KVII, 1824.

Был бы кузнецом

Был бы кузнецом мой дядя,
Был бы мельником мой братец,
Сделал бы узду из горя,
Недоуздок из печалей,
А удила-то из споров
И седло из сельских сплетен.

Европеус, 1845 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 2128.

Голод гнал

Голод гнал меня, бродягу,
Недород гнал на работу
К этим рубежам несчастным
С северных земель, беднягу.

Как, бедняга, проживу я,
Не вспахав и не посеяв,
И соху-то не наладив,
Не посеяв злачных зерен,
Не сводя коня на пашню?
Пахари живут неплохо,
Ведь соху они имеют.
Уходить пора отсюда,
Из деревни этой мрачной.
Не хотят здесь замуж девы,
И прислуги не желают.
Молодым ведь был я раньше,
Молодым и неженатым,
Нравился тогда я многим,
Стан мой девушек дурманил.

Европеус, 1846 г., Ключина гора.
Оригинал — КII, 426.

Заботы служанки

Я волков не опасаясь,
Не боюсь лесных зверишек,
Я тужу, что юность в рабстве,
В тягостях прожить придется.
Хорошо ли быть здесь в рабстве,
Курочкой расти красивой,
Хоть и не едят здесь с горем,
Не живут в заботах вечных,
Хоть здесь бубенцы на окнах,
Хоть застеклены здесь спальни
И звонки у подворотни,
Кантеле висит над дверью.

Европеус, 1846 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 2562.

Была красивой

Раньше я была красивой,
Курочкой росла я раньше,
Поднималась, точно травка,
Как осока там, где мшаник,
Как церковный щит, росла я.
Многие, меня увидя,
Стройным станом любовались,
Это сердце мне щемило
И живот мне поджимало.

Европеус, 1846 г., Суоярви. Оригинал — KVII, 2489.

Все, несчастный

Все, несчастный, я увидел,
Испытал я все невзгоды,
Трех лишь горестей не ведал,
Ведь не ел я хлеб у тещи,
Не ходил к сараю тестя,
Не ходил на суд золовки.
Парился тогда я в бане;
Видел брат — носил я воду,
Парился я со слезами,
Веник парил я потливым;
Выйди за меня, девица,
Не тужи ты, выйдя замуж,
У меня ведь ты запляшешь.
Две коровы я имею:
Комара дою и шмеля.
Хоть комар дает мне масла,
Молока от шмеля больше.
Три клетушки я имею:
На болоте — клеть с обратом,
С шишками — клеть на горушке,
Третья клеть — в чужой деревне.
Нечего в клетушках делать,
И в подвале нет работы.
Если хлеба и поменьше,
Но зато посплю я вдоволь.
Оба сна во сне увижу,
Пропою я обе песни.
Ты не плачь, моя девица,
Ты наплакаться успеешь.

Полен, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — XVII, 1950.

В отчем и мужнем доме

Будучи в отцовском доме,
На дворе большом отцовском,
Я резвилась безмятежно.
Золотцем отец меня звал,
Назвала зарей мамаша,
Братец мой меня звал рыбкой,
Синим камешком — сестрица.
Но когда вошла в дом мужа,
Все здесь стало по-иному.
Свекор кликал волокушей,

А свекровь — валежной веткой,
Деверь звал холодным камнем,
А золовка — злой женою.

Сирелиус, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 2446.

Иначе раньше

Иначе трудились раньше,
Иначе и пряли раньше,
Иначе дожди шли раньше,
Иначе шли ливни раньше,
Иначе скрипели двери,
Иначе — дверные петли,
Иначе дул ветер раньше,
Он склонял к земле березу,
Он склонял и сосны к полю.

Сирелиус, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 2212.

Бедная служанка

Ах я, бедная служанка,
Безрассудная прислуга,
Я на круглый скользкий мостик,
Я на шаткий путь ступила,
На несчастный сук уселась.
Ведь и для меня нашлись бы
Посчастливее сучочки,
Понадежнее опоры.

Сирелиус, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — KVII, 2518.

Петь начну я

Петь начну я свои песни,
Выпущу в слова свой голос,
Песенный костер зажгу я,
Так здесь время провожу я.
На других вы посмотрите,
Как они счастливы в жизни:
Сыновей своих имеют,
В них найдут себе опору
И добро свое умножат.
Я же — женщина-бедняжка,

В муках сына воспитала,
Чтоб работал для богатых,
Чтоб принес им много денег,
Чтоб рабом стал для счастливых.
Мне опоры в нем не стало,
От него не жду защиты.
Он чужим опорой будет.
Мне защитой будет ветер,
Мне сквозняк окажет милость,
Под забором мне опора,
У забора есть подпоры.
Сожжена моя избушка,
Своего не знаю крова,
А живу в чужом жилище,
Больше никогда огонь я
Не зажгу в своей избушке.

Сиреллус, 1847 г., Суйстамо. Оригинал — КVII, 1920.

Я не знаю

Я не знаю, бедный парень,
Как мне быть и как жить дальше
На глухой границе этой,
На земле Похъелы бедной!
Был рожден в России братец,
Сын в Карелии тот вырос,
До двенадцати лет мальчик.
Руки наши вместе сложим,
Пальцы пусть переплетутся,
И начнем мы петь здесь песни,
Распевать начнем мы руны,
Запоем и заиграем
И развеселим друг друга,
Дорогой товарищ детства,
Хоть засохнут наши глотки,
Хоть устанут наши пальцы.

Бореннус, 1872 г., от Е. Туавиттай-
нена, Макаръевская. Оригинал — КI,
1307.

Что за песню

Что за песню спеть мне надо,
Затянуть какую руну?
Петь ли, как поет лапландец,

Что живет в убогой юрте,
Ведь и раньше пел лапландец,
Старый Вихки бесновался,
Ножны из свинца бренчали.

Борениус, 1872 г., от Ю. Онтрейни,
Войницы. Оригинал — КІ, 1293.

Я шагала

Я шагала мимо Спирей
По песчаному нагорью,
В дом купеческий зашла там,
Села на крыльцо буржуев.
Пфеннингами подкупили
И монетой обманули,
Золотом озолотили,
Серебром меня надули.
Говорю теперь несвязно,
Бормочу, а рот весь связан.
Надо к кузнецу заехать,
Может, там поправят голос.

Борениус, 1877 г., Ухта. Оригинал —
КІ, 1465.

Слышал руны я

Слышал руны я повсюду,
Через стены слышал песни,
Через мох слова проникли.
Надо бы здесь петь мне песни,
Молодым распеть все руны,
Но ведь некогда и петь мне,
Палками слова отбили,
Розгами петь разучили.

Борениус, 1877 г., от С. А. Кюотти-
нена, Емельяновская. Оригинал —
КІІ, 414.

В узелок все песни

В узелок свяжу я песни
И запрячу их в клетушку,
Чтобы дети их не пели,
Чтобы парни не глумились.

Борениус, 1877 г., от Кюоттинена,
Емельяновская. Оригинал — КІІ, 394.

Все равно мой век

Все равно мой век прервется,
Смертью кончится мне время,
Если петь не буду песен,
Коль не буду веселиться.
Все равно не вечен возраст,
Пусть мне будет честь собачья,
Ум щенка пусть остается.

Боренкус, 1877 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ,
1325.

Лучше бы

Лучше бы моей мамаше
Не рожать меня в то лето
И не быть зимой на сносях,
Но она меня под сердцем
Выносила в это время.
Лучше бы мне при рожденье
Умереть на третью ночьку
И преставиться в пеленках.
На вершок холста потребно
И земли всего лишь с локоть,
И под звон-то колокольный
Пару слов поп произнес бы,
Пономарь три слова молвил.

Боренкус, 1877 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ,
1404.

Не поют скамейки

Не споют ведь здесь скамейки,
Подпевать не будут окна,
И столбы здесь петь не будут,
Коль не запоет сидящий
У окна здесь, на скамейке,
Около столбов сидящий,
Чтобы слышала деревня,
Чтобы веселились люди,
Нынешние молодые,
Подрастающие люди.

Боренкус, 1877 г., от М. А. Пертту-
нена, Ладвозеро. Оригинал — КІ,
1323.

Пение — труд рунопевца

Пение — труд рунопевца,
Выжимание — труд прачки,
Тканье — тяжкий труд ткачихи,
Кукование — кукушки.
Не родился я кукушкой;
Был бы куковать я создан,
Я бы пел на каждой елке,
Пел бы я на каждой ветке.

Борениус, 1877 г., от М. А. Пергтунена, Ладвозеро. Оригинал — К1, 1326.

Несчастный парень

Ах я, разнесчастный парень,
Ах я, бедный горемыка!
В Выборге я долго прожил,
Соль я продавал там долго.
Выдали мою там замуж,
Взяли ягодиночку-то.
Тут я вечерами плакал,
Плакал около окошка,
Плакал утром у порога,
Долго у дверей я плакал,
Месяц плакал у проулка.
Мне жениться в Саволаксе,
Взять девицу из Стокгольма
И из Хельсинки мне надо,
В Кармоле, что ль, взять красотку.

Базилья, 1884 г., от И. Павлова, Суоярви. Оригинал — КVII, 1902.

У меня — приятель

У меня один приятель,
Но он, бедный, чернобровый.
Едем, черный, на чужбину,
Черные ведь там белеют,
Море там их обеляет,
Мыло их там обмывает.

Крон, 1884 г., от О. Савельева, Суйстамо. Оригинал — КVII, 2667.

Отец не плачет

Мой отец теперь не плачет,
Не печалится мой братец,
Хоть меня снесло бы в воду,
Хоть снесло б на пищу рыбам,
Хоть и ряпушке к обеду,
Хоть и лососю на завтрак,
Хоть угрю-то и на ужин,
Прочим рыбам на закуску,
Лакомым куском для щуки,
Для ершей на пир подводный.

Крон, 1884 г., от Л. Луукконен, Им-
пилахти. Оригинал — КVII, 1770.

Бобыль непутевый

Ах, бобыль я непутевый,
По миру пашу я пашни,
Я — работник вековечный,
Пахарем хожу в деревне.
Я вспахал здесь все болота,
С соснами вспахал я горки,
И в березняке пахал я,
Запахал гадюк на поле,
Землю всю, весь клин змеиный,
Но лишь не вспахал я всходы.

Крон, 1884 г., от Л. Луукконен, Им-
пилахти. Оригинал — КVII, 2752.

Уходить парням

Уходить парням придется,
Направляться на чужбину
Из деревни этой мрачной,
Из Карелии коварной.
Уходить нам не хотелось,
Но и не уйти нельзя нам.
Нас скитальцами создали,
Нас бродяжничать послали.
Здесь хозяева все злые
И хозяйки все коварны.
Точно так хозяин смотрит,
Как медведь-то из берлоги.
Точно так хозяйка смотрит,

Как змея из-под колоды.
На меня они так смотрят,
Мой хороший прав пытаются.

Крон, 1884 г., от О. Савинена, Суй-
стамо. Оригинал — KVII, 2274.

Где мой милый

Где находится мой милый,
Где мой ягодинка бродит,
По земле или по морю,
По морским просторам ясным,
По морским волнам широким?
Для меня коль стал пригожим,
Ветер пусть несет здоровья,
Милости ему приносит;
Коли для меня ты скверный,
Ветер пусть несет несчастье,
Пусть его прострел сражает,
Колики пусть изнуряют.

Крон, 1884 г., от О. Савинена, Суй-
стамо. Оригинал — KVII, 2378.

Шилохвост поет

Шилохвост поет у мыса,
Птица водная щебечет:
Все же чудеса творятся,
Что в болоте тонет заяц,
На земле ворона гибнет,
А невеста — на покосе,
Куры малые — на нивах.
Воробья живот холодный,
Сердце голубя прохладно;
Птицы по проулкам сельским,
По дорогам деревенским
Из снопов склевали зерна.
Почему потоки речи
И проливы слов закрыты,
Что текли рекою раньше
И потоками шумели?

Крон, 1884 г., от П. Шемейки, Суй-
стамо. Оригинал — KVII, 1738.

Веселитесь-ка, девицы

Веселитесь-ка, девицы,
Курочки, вы распевайте,
Вместе вы пока, девицы,
Ведь разъедетесь потом вы,
Выйдя замуж на чужбину.

Крон, 1884 г., Костомукша. Оригинал — КII, 444.

В Выборге я прожил

В Выборге я долго прожил,
Соль я продавал там долго.
Лучших жен нашли другие,
Худшие же мне достались,
Мясо ели, кости грызали,
Да и кровь, как воду, пили.

Крон, 1884 г., Суоярви. Оригинал — KVII, 2725.

Ты вставай, сынок

Ты вставай, сынок, скорее,
Раб с медведицей на небе,
С месяцем и петухами
И со звездами проснется.
Ведь на юг рога тот месяц,
Хвост на север направляет,
Молодым пора проснуться,
Спать же можно только старым.
Старший не имеет власти,
Если младшего не будит;
Кто встает, когда их будят,
Хоть вставать и трудно рано,
Кто и раньше спал немного,
Тот поспеет на работу,
Не сидит тот раб без дела.

Крон, 1884 г., от И. Хяркенена, Суоярви. Оригинал — KVII, 2777.

Выделяла надел

Мать надел мне выделяла
От других детей отдельно,

От парней всех отделяла
К северному склону горки.
С ветром северным совместно
Жить меня мать посылала.

Реландер, 1888 г., от О. Савинена,
Суйстамо. Оригинал — КVII, 2092.

У окна я плачу

У окна я плачу вечер,
Каждый вечер там рыдаю,
Каждую неделю плачу,
На полях я днем рыдаю,
У дверей неделю плачу,
Утром у крыльца я хнычу.

Реландер, 1888 г., Суоярви. Оригинал — КVII, 1901.

Ну-ка, свояки

Ну-ка, свояки, споемте,
Вся родня пусть подпеваает.
Ну, а как теперь спою я?
Так пой, чтоб на двор озерко
Появилось тут с дубками:
Ветки ровные у дуба,
Яблоко то — золотое,
А на золоте — кукушка,
Чтоб кукушка куковала,
Чтобы медь текла из клюва,
Золото текло б из глотки.

Реландер, 1888 г., Суоярви. Оригинал — КVII, 1608.

Пел бы я

Пел бы я, кабы умел бы,
На устах слова, как камни,
Днем они, как на ладони.
Горло сохнет без водички,
Рот без калачей не дрогнет
И без пирогов не пикнет.
Губы без вина сомкнулись,
Мысль без меду выйти медлит.
Языком трепал я мальцем,

Также пел, когда стал старше,
Напевал я всюду песни.

Эркко, 1888 г., от И. Карпинена,
Суоярви. Оригинал — KVII, 1688.

Ой, орел

«Ой, орел, большой пернатый,
Хоть и маленькая птица,
Пролетел ты города все.
Все торжки ты там разведал,
Моего отца встречал ли?»
«На проулках новгородских,
В старом городе, на горке,
Был он в питерских трактирах,
На камнях московских был он!»

Алава, 1895 г., от В. Кирилловой,
Толмачи. Оригинал — KII, 1170.

Пусть волк съест

Пусть же волк съест женихов,
Сватов из своей деревни!
Женихи другой деревни
К нам на санках подъезжают;
У коня блестит там грива,
Из дуги вода сочится,
Жир клубится на постромках,
Иней — на оглобле новой.

Хярккенен, 1900 г., от О. Хомакай-
нена, Суйстамо. Оригинал — KVII,
2623.

Полная изба

Полная изба знакомых,
Полная клетушка милых,
Но нет милого в избушке,
Дроли прежнего в клетушке.
Если бы в избе был милый,
Пусть бы он змеей свернулся,
Подавала б ему я руку;
Пусть бы смерть была на шее,

Я бы бросилась на шею;
Пусть бы рот был в волчьей крови,
Я его поцеловала б.

Хяркенең, 1901 г., от И. Васильева,
Салменицы. Оригинал — КII, 433.

Не найти коня

Не найти коня такого
На конюшне-то поповской,
Как и на дворе крестьянском,
Чтобы взял мои заботы,
Чтоб увез мои печали
На безрыбное озеро,
Где и окуней не видно.
Коль на рыбное прискачет,
То все рыбы там исчезнут
Из-за всех моих печалей
И забот моих всех низких.
Ой, ой-ой, мои заботы,
Пусть заботится лошадка,
Пусть печалится мой мерин,
У коня прочнее кости,
Крепче кости, череп крепче,
Зубы у коня прочнее.
Ой, ой-ой, мои заботы,
Добрый конь ведет к заботам,
А к беде — жена-красотка.
На других невест смотрите,
Как они стройны, пригожи,
Брови черные прекрасны;
На мою теперь смотрите —
Маленькую замухрышку,
Плоская стопа у девки,
А коса — как хвост овечий,
Шея дрыгает в затылке.

Низми, 1909 г., от Х. Степановой,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 1784.

Как я рос

Как я рос, бедняга жалкий,
Рос на сельских я подачках,
На ломтях мирских я вырос.
Каждый бил прутом беднягу.

А иной бил и веревкой.
Хлеб бросали мне со злобой,
Иногда и милостыней.

Сальминен, 1909 г., от М. Тарасова,
Клюшина гора. Оригинал — КII, 424.

Бедняк

А бедняк здесь очень часто
Ест последнюю похлебку
И кусок последний хлеба,
Раз плохие заработки,
Деревенские пожитки.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — KI, 2082.

Я не знаю

Ведь не знаю я, бедняжка,
Я не ведаю от страха,
Как мне быть для всех любезной,
Как весь век прожить со славой?
Хорошо бы жить беспечно,
Славно умереть с почетом.
Честь хорошая мне дома,
Как звонок звенит хороший.

Богданов, 1927 г., от Е. Кархуевой,
Ладвозеро. Оригинал — А, 11, 33.

Три кручины

Три кручины у мужчины,
Три погибели у мужа.
И одна так — лодка с течью,
А другая — лошадь кляча,
Третья же — жена сварлива.
С первой справился мужчина,
Лодку с течью уничтожил,
Одолел ладью дрянную,
Он спалил ту лодку с течью.
От второй он избавлялся:
Он скормил волкам лошадку.
«Боже, от жены сварливой,
От жены с плохой привычкой
Охраняй. Ее не сжечь мне,

Не скормить волкам злодейку,
Если смерть не одолеет,
Божья хворь ее не сгубит!»

Топпинен, 1934 г., от М. Ремшу,
Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 33.

Жениху я благодарна

Жениху я благодарна,
Милому поклон глубокий,
Ведь он взял меня из рабства,
Вызволил от отработки,
Отобрал у коромысла —
За водой на берег бегать.
А свекровь я презираю:
Вырос сын ее засоней,
Стал мой милый белоручкой.

Топпинен, 1934 г., от М. Ремшу,
Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 105.

Годик можно было

Если годик можно было
Потерпеть бы хоть до лета,
Лучше бы до осени хоть,
До зимы мне дотянуть бы
Под началом злой свекрови,
Под ее железной пядью,
Глоткой огненной — невестке.
Как она мне молвит слово,
Так летит огонь из глотки;
А язык ее лишь искры —
Дым ее слова пускают.

Липкина, 1937 г., от М. Ремшу,
Вокнаволок. Оригинал — А, 19, 306.

Гости едут

Третий день все гости едут,
И на пятый гости едут.
«Где же их встречать мы будем?»
«Кудрявую головушку — в избе,
А твоего братца — в сенях,
А как моего милого дружка —
На улице да на улице».

«Чем же гостей угощать будут?»
«Кудрявую головушку — корою,
Твоего братца — хлебом,
А как моего милого дружка
Пшеничными пирогами».
«А куда гостей спать уложат?»
«Кудрявую головушку — в сени,
Твоего братца — в избу,
А как моего милого дружка
В горницу да в горницу».
«А что гостям под бок положат?»
«Кудрявой головушке солому,
Твоему братцу шкуру,
А как моему милому дружку
Перину да перину».
«А чем же гостей укроют?»
«Кудрявую головушку кафтаном,
Твоего братца тканым одеялом,
А как моего милого дружка
Да пуховым одеялом».
«А кого же им в товарищи дадут?»
«Кудрявой головушке — Дарью,
Твоему братцу — Марью.
А как моему милому дружку —
Я сама да я сама!»

Ананина, 1937 г., от М. Хотеевой,
Ухта. Оригинал — А, 20, 40.

Песен и земли хватает

Пахарям земли хватает
И охотникам — чащобы,
И боров в лесу немало,
И озер гребцам хватает,
Хватит и певцам здесь песен,
Рун хороших рунопевцам.
Слов не стало меньше в песнях,
Не уменьшились те песни,
Раньше лес в тайге исчезнет,
Сгинут камни и деревья
Прежде, чем все наши песни.

Ананина, 1937 г., от М. Хотеевой,
Ухта. Оригинал — А, 20, 45а.

Три березки

Три березки здесь растут,
Ветки их переплелись,
Ветки их переплелись,
Три кручины я познала.
Первая беда большая,
Первая беда большая:
Батюшка был очень строгий.
А вторая — еще больше:
Матушка была злодейка,
Матушка была злодейка.
Хуже — третья-то кручина:
Пьяницей муж оказался,
Все добро он нес в кабак,
Все добро и все именье,
И придапого не стало.
Сарафан лишь был приданым,
Но и это снес в кабак,
Но и это снес в кабак.
Он вина взял на пятак,
Напоил всех допьяна.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 96, 13.

Не учились петь

Не учились петь мы в школе,
В Черном море научились,
Эй-эй, эха-хай,
В Черном море научились.
В Черном море на мысочке
Огонек вдали виднелся,
Эй-эй, эха-хай,
Огонек вдали виднелся.
Ворон каркал на березке,
Птички только щебетали,
Эй-эй, эха-хай,
Птички только щебетали.
А песок был очень мелкий,
Но коня мы запрягли,
Эй-эй, эха-хай,
Но коня мы запрягли.
Птицы были все, как птицы,
Но сороки — белобоки.
И у всех птиц были шеи,
Но у журавлей лишь горло,

Эй-эй, эха-хэй,
Но у журавлей лишь горло.
Ласточка же невеличка
Хорошо поет-щебечет,
Эй-эй, эха-хай,
Хорошо поет-щебечет.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 97, 2.

За рекой

За рекой в широком поле
Было три красивых сада,
Было три красивых сада
Около моста большого.
В первом там саду красивом
Песенки все птичка пела,
Во втором саду красивом
Куковала все кукушка,
В третьем же саду красивом
Мать сыночка провожала.
«Ты скажи, сынок мой милый,
Что тебе оставить жалко?»
«Жаль оставить свою волю,
Но и жаль красу-девицу,
А всего мне больше жалко
С матерью родной расстаться:
Ведь она меня растила,
Много горюшка видала,
А теперь родного сына
На войну мать провожает!»

Евсеев, 1946 г., от М. М. Корниловой, Сыссойла. Оригинал — А, 111, 46.

На веселый камень

На веселый камень села,
Жду от русских я подачку,
Исчезал овсяный хлебец,
Я пошла искать тот хлебец,
Я шагала по болотам,
Я прошла сосновым бором,
Голод гнал на эти земли,
Голод на рубеж несчастный,
Гнал на север неуютный.

Как я проживу, бедняжка,
Не могу пахать и сеять,
Не могу соху наладить,
Семена посеять в землю,
Жеребца свести на ниву.
Я, бедняжечка, не знаю,
Где же встречусь я со смертью,
Раз исчез овсяный хлебец;
На веселый камень села,
Жду от русских я подачку.

Евсеев, 1946 г., от П. М. Артамоновой, Янгозеро. Оригинал — А, 71, 16.

Малое окошко

У отца мало окошко,
Часто у него я пела.
На селе окно большое,
Часто там лила я слезы.
На село ушла кухаркой,
На поденщину я с горем.
Мне там очень было скучно,
Мне печаль в уста вложила
Сладкие словечки таять:
«На беседу отпустите!»
Я пошла на ту беседу,
Весело горит там лампа.
Не сижу там, прочь уйду я:
Милого нет на беседе.

Евсеев, 1946 г., от М. А. Воробьевой, Нехпойла. Оригинал — А, 111, 59.

Какую песню спеть

А какую спеть мне песню
И какой напев зажечь мне?
Чтобы был веселым вечер,
Чтобы утром петь, слова мне
С пояса дал Вяйнямйнен,
Из-под горна — Ильмаринен,
Снял с меча сам Каукомьели,
С ложа лука — Еукахайнен,
С Похьелы полей пустынных
И с поляны Калевалы.
Так родитель мой, бывало,
Пел, строгая топорнице,

Так и мать меня учила
И веретено вращала.
По полу тогда, балуясь,
У ее коленей деткой,
Молоко ее сосавшим,
Был я маленьким ребенком.
Не учился петь я песни,
Не ходил я на чужбину,
В край эстонский я не плавал,
Не входил я в лес лопарский.
Сам сложил я эти песни,
Сам собрал слова для песни,
На дороге нахватался,
Их нашел я у обочин,
В вереске собрал напевы,
Из травы натер я руны.
Я в клубок смотал те песни
И в моток слова запрятал.
Был я раньше пастушонком,
Малый я ходил за стадом
По горушкам и по кочкам
И по золотым проулкам,
По камням огромным, пестрым,
По булыжникам горячим
Вслед за пестрой телкой Кирьё
И за черненькой Муурикки,
Чтобы шли все друг за другом.
Сотню слов принес мне ветер,
Тысячу нагнала буря.
Я в клубок смотал те песни
И в моток слова запрятал,
Их убрал я в кладовую,
В золоченый кошелечек,
В медную закрыл шкатулку,
Положил в железный ларец.
Долго там держал я песни,
Долго в этом узком месте.
Отомкну словесный ларец,
Короб песенный открою
И раскрою сверток песен,
Чтобы золотом звенели,
Путь влюбленным указали,
Всей растущей молодежи
И поднявшимся народам.

Евсеев, 1948 г., от М. И. Михеевой,
Ухта. Оригинал — АФ, 4, 6.

Покатился горошек

Покатился мой горошек
По тарелке этой белой,
По тарелке и по льду,
Полдороги по земле.
Милому привет послала
По тарелке этой белой.
Не было бы здесь мосточка,
Я ходила б каждый вечер,
Не было бы здесь болота,
Я ходила б каждой ночью;
Не было б и заморозков,
Заморозки очень редки,
Только вечером мне скучно,
Милого со мной нет рядом.

Евсеев, 1948 г., от А. Киброевой,
Вешкелицы. Оригинал — АФ, 4, 4.

Я не богата

Рунами я не богата,
Ведь я только лишь рыбацка.
По волнам плыву я часто,
Ведь меня таскает буря
По волнам просторов водных.
Там я песни все забыла,
Там исчезли мои руны.
Там я с удочкой ходила
И с рыбацкими снастями.
Ведь я рыбу там ловила,
Из воды ее носила.

Евсеев, 1948 г., от Т. А. Перттунен,
Ухта. Оригинал — А, 25, 44.

Поднялась на деревья

Поднялась я на деревья,
С дерева же я упала;
Захотелось выйти замуж,
Но и тут же расхотелось.
Женихи ко мне приходят,
Сватает меня вдовец,
За вдовца идет пусть птица,
А другая на другой раз.
Женихи ко мне приходят,

Парень сватает меня,
Парень сватает меня,
Мне колечко подает,
На скале совсем пустынной
Выйду я за злого парня.

Евсеев, 1953 г., от Е. Г. Гавриловой,
Видлица. Оригинал — А, III, 3, 12.

На заводы шел милый

На заводы шел мой милый,
Птичье перышко — бурлачить,
Мне велел он ждать его,
Лет двенадцать ждать его.
Обещал мне дать поспать
На его руках, в обнимку.
Я не перестану ждать
В маленькой конюшенке,
Подожду его лет пять,
Честь девичью сберегу.
Раньше могут — в эту зиму —
Парни в санки меня взять.

Евсеев, 1953 г., от Е. Г. Гавриловой,
Видлица. Оригинал — А, III, 3, 12.

Жизнь моя

Ох ты, жизнь, моя житуха,
Долюшка беднячек-женщин,
Весь наш век — удел убогих,
На дворе дров не хватало,
Не было зимой и санок,
Чтобы привезти дровишки.
От чужой отцовской воли
Дети с голоду ревели,
Дети с голоду ревели,
Лапти на ногах носили.

Евсеев, 1957 г., от П. П. Ивановой,
Ведлозеро. Оригинал — АФ, 17, 16.

Копал колодец

Я копал, копал колодец,
Пусть девица молодая
Спешно подойдет к колодцу.

А за ней — красивый парень
Своего коня поить.
Распрягайте, хлопцы, коней
И идите почивать.
Я пойду в зеленый садик,
В сад колодец свой копать.
Парень попросил ведро,
А девица не дала,
Парень предложил колечко,
А девица не взяла.
Ведь девица торопилась.
«Чем я завлеку тебя,
Ведь вчера еще весь вечер
Я провел с другой, любя.
Ростом хоть и невеличка,
Но молодка хороша,
Косы длинные чернели,
В косах лента голуба».

Евсеев, 1957 г., от П. П. Ивановой,
Ведлозеро. Оригинал — АФ, 17, 12.

Девчонка-невеличка

«Ой, девчонка-невеличка,
За меня не выйдешь ли?
У меня есть лошаденка,
Славный жеребеночек».
«Ах, не выйду за тебя я,
Не пойду, не выйду».
«Ой, девчонка-невеличка,
За меня не выйдешь ли?
У меня коровушка,
Как хозяйка морюшка».
«Нет, не выйду за тебя я,
Не пойду, не выйду».
«Ой, девчонка-невеличка,
За меня не выйдешь ли?
У меня теленочек,
Чернохвостенький бычок».
«Нет, не выйду за тебя я,
Не пойду, не выйду».
«Ой, девчонка-невеличка,
За меня не выйдешь ли?
У меня ведь жернов легкий,
Путь к воде коротенький».
«Нет, не выйду за тебя я,
Не пойду, не выйду».

«Ой, девчонка-невеличка,
За меня не выйдешь ли?
У меня костюмчик новый,
На груди часы блестят».
«Выйду замуж за тебя я,
Выйду, выйду, выйду!»

Евсеев, 1957 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 20, 2.

Чудо на дороге

Чудо по дороге шло,
Золотой конь шел по миру,
Мы конем тем любовались,
Золотой конь шел по миру,
Мы конем тем любовались.
Шел по миру черный мерин,
Лошадь с черною повозкой.
В сани черные уселся
Чернобровый паренек.
Хорошо в гостях гулять,
Да вот лучше дома.
Дома две лукавых девки,
Обе любят паренька.
И одна на берег вышла,
А другая — на другой,
Девушка на берег вышла,
А другая — на другой.
Эта любит парня летом,
А другая же — зимой,
Девка любит парня летом,
А другая же — зимой.

Евсеев, 1962 г., от А. Д. Савельевой, Чебино. Оригинал — АФ, 216, 3.

Долго день тянулся

Долго нынче день тянулся,
Но еще он не прошел,
Я любимого спросила:
«Помнишь ли еще меня?»
«Я еще тебя бы помнил —
У меня нет прежних средств;
Я еще тебя бы помнил —
У меня нет прежних средств».
«Что такого в прежних средствах?»

Если б помнил ты меня!
Что такого в прежних средствах,
Если б помнил ты меня!»
На высокую горушку
Слушать милого пошла,
На высокую горушку
Слушать милого пошла.
«Посмотри-ка за реку,
Там не мост через реку?
Посмотри-ка через мост,
Посмотри-ка через мост
И скажи мне, что там.
Милый, выйди на беседу,
Милый, выйди на беседу,
Через три часочка выйди.
Милый, ты пешком иди,
Это диво не большое,
Это диво не большое,
А беседа хороша,
А беседа хороша,
Целоваться научу!»

Евсеев, 1962 г., от А. Д. и В. Д. Савельевых, Чебино. Оригинал — АФ, 216, 2.

Вырастила мать дочурку

Вырастила меня мама,
Вырастила дочь родную,
И меня не обижала,
И в саду сидеть давала,
И в саду сидеть давала,
И лимоном угощала.
Женихи ко мне приходят
С берегов чужих, далеких,
С берегов чужих, далеких. . .
«Ой, мамашенька, мамаша,
Забери меня обратно,
В отчий дом возьми, мамаша,
Чтобы я в саду сидела,
Чтобы я в саду сидела
И лимоном угощалась».

Евсеев, 1962 г., от Е. П. Митрофановой, Чебино. Оригинал — АФ, 216, 7.

Кукуй, кукушка

Ты кукуй, кукуй, кукушка,
На сухой еловой ветке.
Девушка рыдает, плачет,
Обнимает парня детка.
Ты кукуй, кукуй, кукушка,
Ты кукуй, золотогрудка,
Ты кукуй, золотобровка,
Серебро рассыпь на губы,
На кривых пройди ты лапках.
Сколько раз ты накукуешь,
Столько лет гулять в девицах.

Евсеев, 1967 г., от М. В. Фоминой,
Ругозеро. Оригинал — АФ, 1661, 9.

СТАРЫЕ ЧАСТУШКИ

Некогда теперь ведь парню
С Марьей по полям гулять,
В Польшу отправляют парня,
В польский край парней встречать.

Крон, 1884 г., от Л. Луукканен, Им-
пилахти. Оригинал — KVI, 2756.

Надо бы начать трудиться
Без железных рукавиц,
Без сапог, покрытых глиной,
Без камней из рукавиц.

Крон, 1884 г., Суоярви. Оригинал —
KVI, 2243.

На погосте в кабаке
Много вин далеких лет,
Голова моя в тоске,
А в кармане денег нет.

Смирнов, 1889 г., Сямозеро. Ориги-
нал — Голос карела, СПб., 1890,
с. 319.

Ячменя куплю я меру,
В Ала Салми я пойду,
Там у девушки красивой
Чай да кофе я попью.

Зацвела уж земляника,
А черника начала,
Милый мой форсит давненько,
А я только начала.

Платье белое я сшила,
По деревне я пройду,

Бабы смотрят, псы там лают,
А я к милому пойду.
Дует, дует, очень дует,
А когда-то и не дует,
Также ведь и мой миленок,
То приходит, а то нет.

Поднималась я по горке,
Подбирала я миленка,
Ноги отказались бегать,
Бросила искать миленка.

Пелконен, 1890 г., Салми. Оригинал — Pel., с. 101, 131.

Дай огня, зажги-ка море,
Клеть у окуней спали,
Подпали-ка дом всех рыбок
И ершей в воде спали.

Ниэми, 1904 г., от Ф. Хуотаринена, Сапповарака. Оригинал — K13, 2100.

Ах, я, бедный-бедный парень,
На одном бревне стою,
На суку сижу несчастном,
Бедность губит жизнь мою.

Ниэми, 1909 г., от А. Ворнанен, Корписелька. Оригинал — KVII, 2521.

Пел я, будучи ребенком,
Язычок я свой трепал,
А теперь-то я без денег
Свой язык трепать не стал.

Сальминен, 1909 г., Кудамогуба. Оригинал — KII, 397.

Не была я ведь красива,
У меня и денег нет,
Но ведь умная я дева,
Милому готов ответ.

Сальминен, 1913 г., от М. Сидоровой, Иломанци. Оригинал — KVII, 2585.

Так мое сердечко ноет
И живот от боли сводит,
Как у женщины на сносях,
Как у лошади жеребой.

Первая дочурка счастья
Ткет весь холст, сукно на славу,
И детей всех укачает,
И прядет всю пряжу дома.

На ветру моя избушка,
Дом мой на открытом месте,
Нет убежища бедняжке,
Нет там пристани мне тихой.

Паулахарью, 1914 г., от А. Лехтонен, Войницы. Оригинал — KI, 2086, 2089, 1395.

Долго отдыхал я дома,
Долго я, бедняга, спал,
Время шло, в плену истомы
Я подушку тут проспал.

Вяйсянец, 1916 г., от И. Онойла, Суйстамо. Оригинал — KVII, 2651.

Вот, пойдем-ка в рожь, подруга,
Ведь там озимь выросла,
Но побить во ржи там могут,
Хоть дерутся там без зла.

Вечером хозяин умер,
Утром дом весь прогорел,
Без хозяина нет жизни,
Без хозяйки дом без дел.

Салминен, 1918 г., от А. Богдановой, Толлонрека. Оригинал — KI, 2371, 2368.

Мать лежит в сырой земле,
Без отца я родилась,
Сиротой отец оставил,
Мать оставила в нужде.

Салминен, 1918 г., Ухта. Оригинал — KI, 2218.

У колодца вечерком
На ушате я сижу;
А в беседе-то с дружкой
О другом я думаю.

В озере есть много рыб,
Все они мальки сига,
Много здесь парней в селе,
Все они пропойцы.

Много ленточек в косе,
К неводу веревки нет,
Много здесь у нас парней,
У меня же парня нет.

Мать с отцом мне говорили:
«Твой миленочек — бобыль!»
Хоть мой миленький — бобыль,
Но всегда он щеголь был!

Богданов, 1927 г., от А. Торвинена,
Бабыя губа. Оригинал — А, 11, 44.

Не пойдем мы замуж в Вару:
Слышно там, как воют волки.
Выйдем замуж в Сямозеро:
Колокольный звон там в церкви.

На пеньке сидят три парня,
Две девицы им поют.
«Анни, мы на ярмарку!» —
На тальянке брат играет.

Богданов, 1927 г., от К. Соколовой,
Салменицы. Оригинал — А, 91, 7—9.

Ты налей, мать, чашку чая,
Пол-лимона брось в нее,
Отпусти меня гулять,
Может, Ваня там придет.

Чем на пожне мне косить,
Лучше на лугу косить,
Чем богатого любить,
Лучше бедняка любить.

Милого нет на беседе,
Нет его на ярмарке,

Милого теперь лишь вижу
На стене — на карточке.

Парни в Угмойле форсят
С часами и калошами,
В кузнице часы куют,
А калоши — из бересты.

Наша кошка не боится
Подавиться молоком,
Но и мы ведь не боимся
Выйти замуж хоть тайком.

Всем богам я помолилась,
А в святые не попала,
Всех парней я обожала,
Но я замуж не попала,

Лебедева, 1928 г., Сямозеро. Оригинал — А, 91, 4.

В церкви колокол звонил,
В ней горели свечи.
Подожди, я посмотрю,
Кто здесь сжал мне плечи.

Толстосумы пьют, жируют,
Сами же торгуют в лавках,
А мужик в слезах кровавых,
Голодая, поле пашет.

Попоемте, девушки,
Пока своя волюшка,
Спела бы и Окулина —
Приневолил Лешенька.

Яковлев, 1936 г., от Д. Савиновой
и др., Сяргозеро. Оригинал — А, 65, 93.

У меня нет капитала
Каменный построить мост,
У меня нет власти, доли,
Чтобы милый был мой гость.

Подмела избу немножко,
Сор — на двор, мне слышится:
Заиграли на гармошке,
Там попович женится.

По мосту шагает милый,
А в руках колода карт,
Подойди ко мне, мой милый,
Выйду замуж за тебя.

В поле девушки запели,
Птицы слушают на ветках,
Бабам же обидно стало:
Сыновья их женятся.

Евсеев, 1936 г., Видлица. Оригинал —
А, 134, 167.

У окошка я сидела
Рядом с розовым цветком
И в уме своем носилась
С Ваней, со своим сынком.

Пали листики березы,
Пожелтели уж они,
Так ведь и моя милашка
Рассердилась на весь век.

Евсеев, 1936 г., от М. Суксиной,
Большой лисий берег. Оригинал —
А, 131, 24.

Жалко, жалко камушка
Под крутой овраг бросать,
Жалко также молодость
Как попало коротать.

Светит в лампе огонечек,
Свет бросает на скамью,
У купца подростки-дочки
Засмеют мою семью.

Не лети-ка, черный ворон,
Через нашу крышу,
Не форси-ка, сын купецкий,
Мимо ходят наши.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ,
97, 10.

Говорили: все равно
Стоит нам жениться,
Взял одну, другую бросил,
Замужем ей скучно.

Довелось увидеть друга,
Нечего нам плакать,
Вырастай, цветок, на славу,
Поднимись под локоть.

Евсеев, 1953 г., от П. И. Ивановой,
Ведлозеро. Оригинал — АФ, 16, 20.

Почему-то очень скучно,
Не идет ко мне веселье;
Нет здесь милого со мною
Уж второе воскресенье.

Милый приходил незванным,
Но и прогнан не был мной,
Он куда-то торопился
И не танцевал со мной.

Что-то очень уж печально
Пребывать в чужой избе,
Что-то стало очень скучно
Замужем мне, бедной, жить.

Евсеев, 1957 г., от М. Архиповой,
Поросозеро. Оригинал — АФ, 21, 2, 13.

Маменька мне потакала,
А теперь стала бранить,
Материнские запреты
Можно в море обронить.

Дует, дует, очень дует,
Ветра не остановить,
С бурлаками в посиделках
Некому меня учить.

Поднималась я по горке,
Милого нашла по вкусу,
Мои ноги разболелись,
Милого искать не буду.

Этот день совсем пригожий,
Тучка по небу гуляет;
Также вот и мой миленок
Изредка по мне скучает.

Петя снится — знать к печали,
Николай — к кручине бедных,
Вася был к кручине бедных,
К вечной радости — Иван.

Евсеев, 1958 г., от А. Я. Мяммиева,
Угмойла. Оригинал — АФ, 40, 2, 6.

Ах да вай, да авой-вой,
Здесь ведь сжали весь ячмень,
Весть пришла из Повенца:
Мой миленочек забрит.

Хороша деревня наша.
Камень посреди стоит,
А на камне том есть надпись:
Милый от меня отбит.

Петя наш купил лошадку,
Колокольчик — сто рублей,
Он поет, поет и едет,
Машеньке он всех милей.

Под мостом-то рыбы много,
Но ведь это все ерши,
В Кудамо парней-то много,
Но ведь пьяницы они.

Евсеев, 1958 г., от М. Гошковой,
Кудамогуба. Оригинал — АФ, 41, 3.

Из лесу пришли коровы,
Колокольчики звенят,
Вы скажите-ка мамаше,
Далеко ли были вы.

Матушка меня учила:
«Вырастай помощницей!»
А сама-то умерла уж,
Стала я сироткою.

Евсеев, 1958 г., от А. Никоновой,
Кудамогуба. Оригинал — АФ, 41, 1.

Все в лесу красиво было,
Пока листья не опали;
В милом вдоволь ласки было,
Но милы другие стали.

Слышала про чудо-юдо:
На горе гармонь играла,
Я пошла туда послушать,
Милого туда ждала я.

В Гимолах-то есть проулки,
Изгороди там из елки,
Гимольские парни тут
Очень много водки пьют.

Ты, отец, открой ворота,
Женихи там едут,
Ты встречай их веселее,
Первыми там едут.

Евсеев, 1958 г., от Д. И. Борисовой,
Гимолы. Оригинал — АФ, 41, 10.

Вечерами скучно мне
Время коротать одной,
У других всех парни дома,
Я одна лишь одинока.

Ой, сорока-белобока,
Научи меня летать
Не далеко и не близко,
Чтоб милого увидеть.

Закудахтала гагара
На прибрежном на мыске,
Где идет война большая,
Там мой муженек в тоске.

Дует, дует, очень дует,
Ветер по лицу стал бить,
С рекругами в посиделках
Некому меня учить.

Здесь прошел когда-то милый,
Вот следы его ступни,
И листочки уж завяли,
Пожелтели уж они.

Евсеев, 1958 г., от М. Г. Михеевой,
Клюшина гора. Оригинал — АФ, 39, 3.

Проводи меня, мой милый,
До самого дома,
Там — кагавушка, мой милый,
Своя воля — дома.

Летом, в распрекрасный день,
По лесочку я гуляла,
Там о милом своем друге
Я до вечера мечтала.

В лес зашла, там пни остались
Лишь с березкою одной,
Не годишься ты, мой милый,
Чтоб смеяться надо мной.

Чернобровый мой миленок,
Ты совсем забыл меня,
Я найду другого друга,
Но мне не забыть тебя.

Евсеев, 1960 г., от Е. Зайцевой и
А. Кипрушкиной, Маньга. Оригинал — АФ, 111, 17.

Я шагаю по дороге,
Красные цветы на ней,
Нет здесь только на беседе
Друга милого по мне.

Евсеев, 1960 г., от Е. Т. Зайцевой,
Маньга. Оригинал — АФ, 111, 15.

Я посеяла на поле
И ячмень-то, и овес,
И на поле за зайчихой
Ветер милого унес.

Милый, выйди на беседу
И не бойся ты тумана,
Ты не бойся-ка тумана,
Бойся показаться пьяным.

Солнце греет так прекрасно,
Ветер дует, поддувает,
Милый хоть и редко ходит,
Девушка не унывает.

Евсеев, 1960 г., от А. Т. Антоновой,
Маньга. Оригинал — АФ, 111, 12.

Посреди деревни елка,
А на елке — гнезда птиц,
В Маньге хороши бабенки —
Любят мужики девиц.

Евсеев, 1960 г., от И. Тупицыной,
Маньга. Оригинал — АФ, 111, 10.

Не ругай меня, мамаша,
По два раза за денек,
Будет времечко такое,
Не увидишь в год разок.

Почему теперь, мамаша,
Очень скучной стала я,
Или, может быть, мамаша,
Выйду замуж осенью?

Ой, Иванушка, мой милый,
Приходи-ка вечером,
Два словечка я промолвлю,
Будет лучше нам вдвоем.

Евсеев, 1960 г., от М. Бородкиной,
Крошнозеро. Оригинал — АФ, 785, 4.

Почему день долго длится?
Потому что тяжек труд.
Почему же вечер краток?
На беседе — милый друг.

Жаль мне с другом расставаться,
Жаль другим его бросать,
Лучше милый пусть умрет
Либо женится скорей.

Евсеев, 1960 г., от К. Егоровой,
Крошнозеро. Оригинал — АФ, 110, 5.

У милашки-то рубашка,
Как осиноый листок,
Я мамашу попросила:
«Ты купи-ка мне платок!»

Эй, старушки вы, подружки,
Ведь и вы любить умели,
Ведь и вы любить умели,
А других судить хотели.

Евсеев, 1960 г., от А. П. Петуховой,
Крошнозеро. Оригинал — АФ, 110, 15.

Дует, дует, очень дует,
Только не как прежде дует,
Любит, любит, милый любит,
Только не как прежде любит.

Почему щемит мне сердце,
Почему мне ломит грудь?
Мне щемит одно лишь сердце,
У него же все болит.

Говорят: потухла лампа,
Но есть в лампе огонек,
Никогда я не забуду,
Как мой ходит паренек.

Неужели улетели
Птички раньше времени,
Неужели ждать придется
Милого прихода мне?

Евсеев, 1960 г., от Н. М. Балашовой,
Сямозеро. Оригинал — АФ, 782, 2.

Не ругай меня, мамаша,
Ведь с тобой не вечно буду жить,
Черные нашью я морфы,
Жить тогда не здесь я буду.

Верный путь и путь далекий
К берегу деревни Сельга,
Все же милый мой, как видишь,
Прибыл, чтоб сказать словечко.

Этот мост ведь — мост неважный,
Как же по нему пройти?
Брошу щепку по теченью,
Милого найду в пути.

Евсеев, 1962 г., от Е. Митрофановой,
Чебино. Оригинал — АФ, 216, 8.

На окне сидит девица,
У нее платочек белый,
По дороге милый шел,
Он с тальянкой мимо шел.

Этот камушек красивый
Круто в гору мне катить,
Это миленькое время
Жалко даром проводить.

Ива к берегу прильнула,
Ива криво там росла,
Ведь и нам настало время
Под чужую власть идти.

Велики большие тучи,
И на севере светло,
В этот вечер все дружочки
Не приходят на село.

Евсеев, 1962 г., от М. П. Нестеровой, Покровское. Оригинал — АФ, 216, 12.

С Кончезерского завода
Парни очень форсуны,
Курят длинные сигарки,
Из мешков у них штаны.

Виртаранта, 1962 г., от С. Хуотари-нена, Галлезеро. Оригинал — Vir. III, с. 23.

Надушила бы я платье
И умела бы фортить,
Был бы милый на беседе,
Я умела б говорить.

Кабы на беседе этой
Лампу можно б потушить,
Начал бы мой дроля бедный
Здесь в углу со мной дружить.

Светят мне большие лампы,
Маленькие лишь копят,
Парни девушек целуют,
Мальчики того ж хотят.

У окна сидела вечер,
Плакала по милому,
А мамашу обманула,
Что грущу по ужину.

Золотое-то колечко
На шкафу валяется,
А вот мой миленок бедный
По миру шатается.

Лампа светит на беседе,
Та, что светит хорошо,
Посмотреть сама пойду я,
Ту, с кем милый мой ушел.

Евсеев, 1967 г., от М. и Е. Потаповых, Тикша. Оригинал — АФ, 1663, 1.

Здесь прошел когда-то милый,
Где-то тут его следы,
Снег пошел, и снег был белый,
Снег покрыл его следы.

Ветхий мостик, ветхий мостик,
Как его мне перейти,
Мой миленок рассердился,
Как к нему мне подойти?

Евсеев, 1967 г., от Е. Шуттиевой, Ругозеро. Оригинал — АФ, 1661, 23.

Под мостом огромный камень,
А под камнем — письма.
Девушки читать их ходят,
Парни ходят их хвалить.

Под мостом-то рыбы много,
Все они пугливые,
На беседе милых много,
Парни — говорливые.

Высока гора кругая,
Мои ножки устают,
Мои ножки устают —
В город милого берут.

Не ругай меня, мамаша,
Шелковый платок пропал,

Шелковый платок пропал,
Парень в руки мне попал.

Родила меня мамаша
Сиротинушкой расти,
Каждый черт мигнет и хочет
В темный угол увести.

Евсеев, 1967 г., от Сударушкиной,
Коргуба. Оригинал — АФ, 1663, 12.

Шелковый платок с каемкой
Неподержанным лежит,
Многим я парням в деревне
Не вскружила головы.

Беленький платок пикейный,
Красные цветки на нем,
Бедное мое сердечко,
Горе не исчезнет в нем.

Платье белое не надо б
На несчастье надевать,
С рекрутом сидеть не надо б,
Чтоб одной не горевать.

Евсеев, 1967 г., от Д. В. Осиповой,
Муезерка. Оригинал — АФ, 1663, 16.

Кабы я была, была
Более счастливой,
Я ходила бы к тебе
В год по два разочка.

Милый мой вино не пьет,
Но и мед не любит,
А когда к вину коснется,
Пьет его, как воду.

Хоть платок — платок красивый,
Но края красивее,
Хоть и парни здесь красивые,
Ну, а там еще милей.

Евсеев, 1967 г., от А. Е. Ипаговой,
Кяргяля. Оригинал — АФ, 789, 10.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Тути, дитятко, судьей

Тути, дитятко, судьей быть,
Пусть растет он книгоношей,
По бумагам говорящим
И в большом углу сидящим!
В поле каркала ворона,
А петух кричал на елке:
«Дочь на это не годится,
Дочь годится лишь для свадьбы».
И быка на свадьбу режут,
Колбасу из мяса варят,
Из баранины готовят.

Европеус, 1845 г., Бабья губа. Оригинал — КІ, 1844.

Спою ребенку

Своему спою ребенку,
Успокою его пальцем,
Побеседую с родимым,
Детскую спою я песню,
Как бревно, длиной та песня.
Туути, туути, маленькую,
Туути, дочку в край Туони,
Будет в Манале невеста.
Матери, родившей сына,
Жаль, коль он умрет в деревне.
Но не жаль родившей дочку,
Пусть хоть спит она в берлоге,
А не на подушках дома.

Мерилляйнен, 1889 г., от Л. Егоровой,
Суднозеро. Оригинал — КІ, 1858.

Тути-колыбельная

Тути, тути, нашу дочку,
Стоишь ты мне полсыночка!
Но не выдам свою дочку

Замуж, миленькую птичку,
За купца — свою пеструшку,
В жены жадному буржую:
Ведь буржуй-то рано будит,
Ведь добро себе он копит
И жене велит работать.
Выдам я свою дочурку
И отдам свою я пташку
Лишь в семью чернорабочих,
Тех, что на саниях все ездят,
Что обугленные бревна
На пожоге поднимают,
Что ей хлеб-то заработать
Могут на овсяном поле.

Мартинен, 1892 г., Каменное озеро.
Оригинал — KI, 1848.

Байка рыбачки

Байку я спою, и будут
В море водоросли виться,
В море, в камышах — рыбешки,
В море — окуни на волнах,
В море весь песок — горохом.

Инха, 1894 г., Бабья губа. Оригинал — KI, 1803.

Байка беднячки

Ведь не знает мать-беднячка,
Что ее дитя уедет,
Выросши, куда-то в море,
Или в лес глухой работать.

Хярккенен, 1900 г., от М. Платтонен,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 3755.

Колыбельная батрачки

Я спою ребенку байку,
Не бежит она из глотки
Без медового напитка,
Без кусков бунтарских Лалли,
Без стряпни хозяйки старой,
Без медового напитка.

Вяйсянен, 1916 г., от П. Телегиной,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 3513.

Колыбельная отца

Туди, надо спать ребенку,
Матери — другого делать,
В поле отнести обоих,
Третью же отправить к рыбам:
В поле — Дуню и Федота,
Катю же отправить к рыбам;
Приходи-ка, сон, за дверь,
Заходи-ка в колыбель.
Спи, дитя, как спелый солод,
Ты лежи, как пень в воде,
Спи, чтоб ягоды поспели,
Там по ягоды пойдешь.
Туди, будешь ты судьей,
Или будешь книгоношей,
Иль исправником в уезде.

Вайсянен, 1917 г., от И. Мишукка,
Суйстамо. Оригинал — KVII, 3461.

Колыбельная

Люли, люли, дитятко,
Маленького мальчика,
Приходи-ка, сон, за двери
Под подушечку ребенка,
К несмышленому в кроватку.

Салминен, 1920 г., от Е. Федоровой,
Суоярви. Оригинал — KVII, 3508.

Спрашивает сон

Спрашивает сон снаружи,
Под окном он вопрошает:
«Есть ли в этом вашем доме
Маленький ребенок в люльке,
Маленький в укромном месте?»
«Снов божественный создатель,
Сон пошли — не спит ребенок,
Беззаботному сон нужен,
В медном ковшике неси сны,
Принеси сны в берестянке.
Низкая Мария-дева,
Милостивая мать сына,

Сном бессонницу рассей ты,
Чтобы мог поспать ребенок,
Отдохнуть молочногоубый!»

Ананина, 1938 г., от М. М. Хотеевой, Ухта. Оригинал — А, 20, 42.

Баю, детку

Баю, детку, баю-баю,
Баю, маленькую детку,
Баю, баю, мою пташку,
Люли, люли, мою крошку,
Мама деточку качает,
Мама крошку усыпляет.
Ты засни, засни, сердечко,
Спи-ка, спи, моя печенка,
Баю-баю, баюшки да,
Люли, мамина малютка,
Приходи-ка, сон, за двери,
На подушечку малютки,
Ты закрой-ка, детка, глазки,
Ты закрой-ка свои глазки.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 97, 3.

Бабушкина байка

Своему спюю ребенку,
Пальчиком его играя.
Длинную спюю я песню.
Приходи-ка усыплять, сон,
Завлекать иди малютку,
Приходи из-за границы,
Из другой иди деревни,
Подойди, сон, к колыбели,
Под подушечку малышки,
К несмышленому в пеленки.
Ты кукуй, кукуй, кукушка,
Звуки шли из звонкой груди,
Долго ли мне горе мыкать
И носить мне это бремя.
Кто мне золото на брови,
Серебро же мне на губы,
На глаза мои наложит?

Евсеев, 1956 г., от Е. Кириловой, Коккосальми. Оригинал — А, 2, 180.

Колыбельная матери

Приходи-ка, сон, почаще,
Подойди-ка к колыбели,
К изголовью маленького,
К одеяниям ребенка.
С бора Пулжкани подпрыгнул,
С груди перешел на челюсть,
С челюсти — же на язык, и
В сон он сразу обратился
В колыбели у ребенка.

Евсеев, 1956 г., от Е. Кириловой.
Коккосальми. Оригинал — А, 2, 192.

Шел ребенок

Шел ребенок языкастый,
И печаль излил он в песне,
Окуням напел озерко,
Окуням и окунятам
И в воде плывущим рыбам,
И в воде плывущим рыбам.
Приплыла на берег утка,
Подплывал чирок туда же,
Подплывал чирок туда же.
С выводком подплыла птица,
И птенцов чирок там вывел,
И птенцов чирок там вывел.

Тупицына, 1963 г., от Л. Т. Люммус,
Кепа. Оригинал — АФ, 342, 5.

Приходи, хозяин снов

Приходи к нам, снов хозяин,
Принеси ты сны с собою.
Мой ребенок в колыбели,
Маленький под покрывалом.
Сон приедет на ягненке,
На рогах его проедет
Мимо нашей колыбели;
Приходи же, снов хозяин,
Принеси ты сны с собою,
Завяжи ребенку глазки
Шелковой веревочкой.

Тупицына, 1963 г., от Т. И. Лесонен,
Калевала. Оригинал — АФ, 341, 3.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Кто съел масло?

Масло летнее кто съел?
Мышка это масло съела.
Где же мышка? — Под амбаром.
Где амбар? — Уплыл он в воду.
Где вода? — Бык выпил воду.
Где же бык? — Бык на лужайке.
Где лужок? — Коса скосила.
Где коса? — Коса на пне.
Где же пень? — Петух склевал.
Где петух? — Умчался в ельник.
Где же ельник? — Топором
Под стеной кузнец срубил.
Где он там топор держал?
На дровах осиновых,
Коромысле из березы.

Ленрот, 1834 г., Ладвозеро. Оригинал — К1, 1887.

Плыли утята

Плыли тут утята с уткой,
Плыл тут и чирок с птенцами,
Шла на скрытый берег утка,
К заводи чирок стремился.
Так прошли водой болотной
И до пристани добрались.
В каждый уголок гребем мы,
В каждый мы залив заглянем,
Погребем мы в край Финляндский,
Руль глядит почти на запад,
На восток гребут пусть весла,
В Соловки грести мы будем,
В монастырь мы вместе едем.

Каян, 1836 г., Ухта. Оригинал — К1, 1820.

Мышка с рынка возвращалась

Мышка с рынка возвращалась
В лодочке с кормою красной,
Плыла в лодке полотняной.
Тут она сварила кашу,
Дочка эту кашу съела;
Как загусту заварила,
Так сынок съел ту загусту.

Ленрот, 1837 г. Костомукша. Оригинал — KI, 1880.

Дождик, дождик

Дождик, дождик, гуще,
Пусть погода пуще,
От старухи — пряжи!
Курицы кудахтали
И пропели петухи:
«Кукареку, петушок!»

Алава, 1895 г., Козлово. Оригинал — KII, 1327.

Чири-чири

Чири-чири, солнышко!
Где это солнышко?
Здесь это солнышко,
Там оно, здесь уж нет.

Алава, 1895 г., Тресна. Оригинал — KII, 1319.

Два слова по-карельски

Раз, два слова по-карельски,
Три, четыре — те по-русски,
Пять и шесть, приварок новый,
Старой бабке — пяточок,
Четвертак — невестке юной.

Алава, 1895 г., Тресна. Оригинал — KII, 1331.

Заходите, гуси

«Заходите, гуси, в речку,
Пить студеную водичку,

Есть речную там осоку!»
Надо Софье угодить.
Чаще косы заплетать,
Много ленточек вплести,
На проулках их терять,
Чтобы Вася мог поймать.

Алава, 1895 г., Тресна. Оригинал —
КII, 1168.

Подоила я коровку

Подоила я коровку,
Молоко снесла в кладовку,
Процедивши через ситце,
На голбец горшок поставив.
Но из Киева шла кошка
И из Выборга, плутовка,
Молоко все вылакала,
Облизав с котенком миску.
Я ударила ту кошку.
Слышен визг ее в Олволе,
А вторично визг в Толволе,
Третий визг в своей деревне.
Мышь на лыжах заскользила,
Испугавшись визга кошки.
«Ты куда — на лыжах, мышка?»
«Убегаю я от кошки,
От нее свой грех скрываю!»
«Ну, а где ты хочешь скрыться?»
«Щель в земле меня укроет». «Если там досадишься ты?»
«Я помажу маслом рану
И поправлюсь я свиной!»
«Где возьмешь ты это масло?»
«Из лукошка старой бабки». «Где находится та бабка?»
«В ларце молодой девицы». «Где находится девица?»
«В вымени коровы старой». «Где найдешь ты ту корову?»
«Поищу под свежим дерном,
Прямо под зеленой кочкой,
Там она не утомится,
Не убавится за век свой!»

Низми, 1904 г., от П. Саллинен, Мин-
озеро. Оригинал — KI, 1891.

Онни-Манни

Жил-был раньше Онни-Манни,
Онни-Манни был налимом,
А налим — клубком молочным,
Тот клубок стал хлебной пищей,
Пицца хлебная — настольной,
Со стола — на шест проткнутой,
А с шеста — нагрудной брошкой;
Из нагрудной той — одежда,
Из одежды — рукавица,
А из рукавицы — искра,
А из искры — звук букварный,
А из знака — медалишка,
На медали был наш барин,
Барин ехал на лошадке,
За лошадкой был воз сена,
А на сене — головешка,
Головешка — под сапожком,
Сапожок падет на пожку,
Ножка же — на ветке ивы,
А на иве той — сорока,
Под сорокой — зад пахучий.

Осолен, 1908 г., от А. Мауринена,
Реболы. Оригинал — КII, 599.

Мы гребем

Мы гребем, грести успеем,
В каждый уголок гребем мы,
В каждый мы залив заглянем,
Выловим большую щуку,
Рыбу жирную поймаем;
Дам гребцу кишки той щуки,
Голову дам рулевому,
Повару дам середину,
Печень — с берега смотрящим,
Желчь — без дела там сидящим,
Хвост дам время коротающим,
Жабры — берег обходящим.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехто-
нен, Войницы. Оригинал — KI, 1953.

Дети говорят

Говорят сапожнику:
«Приходи, отец, домой,

Мы теперь пойдем на свадьбу
К малой пташке — зяблику.
Прыгают там, пляшут пташки,
Чик-чирик — поют там птички».

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — КІ, 1935.

Ты куда, сестра

Ты куда, сестра, ходила?
Я, сестра, ходила к Чимми:
Там окно — сестрой у Чимми,
А отцом там — щепка дуба,
Матерью — клубок молочный,
Братом там — ломоть пшеничный.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — КІ, 1932.

Измеряю невод

Измеряю я здесь невод,
Дам часть невода отцу я,
Матери отдам другую,
Третью часть отдам я брату,
А четвертую — сестрице.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — КІ, 1959.

Тап-тап, рученьки

Тапу-тапу, рученьки,
Мед да соль там деточке,
Маслица да сладостей.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — КІ, 1960.

Погребу в Соролу

Погребу я в Соролу,
Долгую дорогу к тетке
Добежит моя лошадка:
Путь длиною с топорща
За день, а в неделю — больше.
Новая изба у тетки,

Черная корова дома,
На полу доит старуха,
За рога старик там держит
Ту корову у старухи.
Через бороду старуха
Молоко хоть процедила,
Но старик все вылакал.
Новая изба — у тетки,
В угол девочки забрались,
А в другом углу — мальчишки,
Там они едят и пьют все,
Белый хлеб комками режут.

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтонен,
Войницы. Оригинал — КІ, 1954.

Считалка

Много спутников в пути,
Много случаев в дороге
Спутники всегда имеют:
Или пес съест сапоги,
Или прячет рукавицы.
Тут один да тут второй,
Тут и третий спутник был,
А четвертая — девица,
Пятый на воде держался,
Да шестой — пес на поляне,
Да седьмой — Семен кузнечный,
Да восьмой — в рубахе узкой,
Да девятый был толковый,
Да десятый был бродяга.

Салминен, 1918 г., от А. Богдановой,
Толлонрека. Оригинал — КІ,
2345.

Щекоталка

Бай, бай, в гнездышко,
Где загусту нам сорока
Варит и хвостом мешает,
Клювом же снимает пробу.
Вот уж к ней приходят гости,
Подает она мизинцем.
Ей загусты не хватило,
И она в котел залезла.
Жажда мучила сороку,

За водой пошла на берег
С коромыслом золотым,
С ковшиком серебряным.
Там и вывихнула лапу,
Чуй, чуй, да под корягой.
(Тут ребенка щекотали).

Салминен, 1918 г., от А. Богдановой,
Толлонрека. Оригинал — КІ, 2346.

Направлялся Тит гулять

Направлялся Тит гулять,
Повстречался ему волк.
«Эй ты, волк, ты съешь Тита!»
Но тот волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Повстречался ему лук.
«Застрели-ка волка, лук!»
Волка лук не застрелил,
Продолжает Тит гулять.
Повстречал Тит мужика.
«Эй ты, слушай-ка, мужик,
Поломай-ка ты тот лук!»
Не сломал мужик тот лук,
Волка лук не застрелил.
И тот волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Повстречал канат наш Тит.
«Ты свяжи-ка мужика!»
Не связал он мужика,
Не сломал мужик и лук,
Волка лук не застрелил,
И тот волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Повстречал тут Тит мышонка.
«Прогрызи канат ты,мышь!»
Мышь канат тот не грызет,
Мужика канат не вяжет,
Не сломал мужик и лук,
Волка лук не застрелил,
И тот волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Повстречал тут Тит кота.
«Слушай, кот, ты съешь мышонка!»
Но и кот не ест мышонка,
Не прогрыз канат мышонок,
Мужика канат не вяжет,

Не сломал тот лук мужик,
Волка лук не застрелил,
Да и волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Встретился ему огонь.
«Ты, огонь, спали кота!»
Не спалил огонь кота,
Да и волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Повстречал тут воду Тит.
«Потуши огонь, вода!»
Но вода огонь не тушит,
Не спалил огонь кота,
Да и кот не ест мышонок,
Не прогрыз канат мышонок,
Мужика канат не вяжет,
Не сломал и лук мужик,
Волка лук не застрелил,
Да и волк не ест Тита,
Продолжает Тит гулять.
Встретился тут бык Титу.
«Вышей-ка ты, бык, всю воду!»
Бык тут начал воду пить,
А вода — огонь тушить,
А огонь — кота палить,
Кот мышонок стал ловить,
Стал канат мышонок грызть,
Мужика канат — вязать,
А мужик стал лук ломать,
Лук же волка стал стрелять,
А Тита стал волк тут есть.

Салминен, 1920 г., от Д. Макконен,
Суоярви. Оригинал — KVII, 3987.

Сказку на вешалку

Сказку на вешалку
И на крюк на кривой.
Что добудет рябчик,
То ворует жалкий вор,
Прячет он под веник;
То король услышит
На шестой версте,
На седьмой проталине,
На восьмом бору.
Вол морской мычит,
Сыновей он женит,

Дочек замуж выдает
За московских молодцов,
Каргопольских казаков
На проулках Новгорода,
Града знаменитого.
«Моего отца ты видел?»
«Твоего отца я видел:
Сидя, смотрит сверху вниз он,
Топорище вырезает
В маленьком-то домике
И в огромной шубе он!»

Ругоев, 1937 г., от А. Ф. Сабуевой,
Хижезеро. Оригинал — А, 35, 48.

В работники нанялся

Он в работники нанялся,
Сорок взял монет задатка
И всего три дня работал,
А коня-то утопил он,
Но попу он поклонился,
Взял он пуд муки за это.

Ругоев, 1937 г., от М. Н. Гусевой,
Компаково. Оригинал — А, 35, 64.

В Ляккойлу отправлялся

В Ляккойлу я отправлялся,
Повернул я в Проккойлу,
Псов Проккоя встретил я.
Я на них верхом поехал,
Лыжи я себе — на ноги;
Ехал, ехал я немного,
Мне кустарник повстречался.
В нем я срезал гибкий прутик,
Отдал пахарю его я.
Пахарь дал мне зернышко,
Зернышко свинье я дал,
А свинья же мне — щетинку,
Я сапожнику — щетинку,
А сапожник мне — сапожки,
Сапоги я — дровосеку,
Дровосек же мне — полешко,
Я полено в печку бросил,
Печка же мне — искорку,
Искорку я в море бросил,

Море же мне соли дало.
Эту соль я в квашню бросил,
Тесто я поцу отнес,
Поп мне кулаком по лбу
И крестом по животу.

Евсеев, 1948 г., от М. Песковой,
Ангенлахта. Оригинал — А, 97, 17.

Мышь на лыжах

Заскользила мышь на лыжах,
Шла коротконогая.
«Ты куда на лыжах, мышка?»
«Я пошла рубить дровишки,
Надо расколоть полешки!»
«Вдруг там дерево придавит?»
«Я шмыгну под пень, под корни».
«Вдруг живот тебе придавит?»
«Проколю живот иголкой».
«Если кровь пойдет из раны?»
«Рану я намажу зельем».
«Где добудешь ты снадобье?»
«В ларце старенькой старухи
И в сосцах коровы-телки».
«Где найдешь ты ту корову?»
«На зеленой кочке луга».
«Где зеленая та кочка?»
«А ее коса скосила».
«Где же та коса-горбуша?»
«На пеньке коса-горбуша».
«Где же пень?» — «Огнем спален он».
«Где огонь?» — «Водой он залит».
«Где вода?» — «Быком испита».
«Где же бык?» — «Убит обухом».
«Где же тот ужасный обух?»
«Он за поясом мужчины».
«Где же с обухом мужчина?»
«За шестью морями бродит,
Ищет шелк, мотает нитки,
Ждет он там свою невесту».

Конкка, 1948 г., от А. Корельской,
Юшкозеро. Оригинал — КЭП, 72.

Дождик льет

Дождик льет-льет,
Степаниха же горит,

Становой тут прыгает,
Староста свинью гоняет,
А оладьи тащитмышь,
Да портянку тащит кошка.

Макаров, 1957 г., Пасынок. Оригинал — А, I, 19, 50.

Кис-кис, кошечка

Кис-кис, кошечка,
Где ты ходила?
По болотам, по земле,
По широким улицам,
По слободкам долгим.
Что ты там видела?
Видела церквушку я,
Покрытую оладьями,
Калачом запертую.
Тот калачик съела я
И вошла в церквушку я,
Попик там бормочет:
Глазки — стекляшки,
Ручки — бобышки,
Ножки — горошинки.
Попика я веником —
Попика забрал понос.
Дьякона я палкой —
Дьякон же удрал на снег,
Пономарь — ворона,
Звони-ка пораньше!

Макаров, 1960 г., от М. К. Бубновой, Рамешки. Оригинал — АФ, 137, 4.

Мальчик гребет в Суоми

Мальчик мой гребет в Суоми,
В Лахти он причалит лодку,
Поперек мысочка, крошка,
У осин, на остров щучий,
Чтоб воды морской напиться,
Чтоб покушать лосось-рыбы.
Он гребет, качается,
За пять верст плеснет веслом он.
Глядь — журавль крылами машет;
Журавля веслом ударил,

Птицу ту свалил на землю.
«Не губи меня, хозяин!
Хоть рабом меня возьми ты!»
«Что же ты умеешь делать?»
«Избу подмету хвостом я,
Уберу крылами сени,
Наношу воды на шее
И ячмень смело я клювом!»

Макаров, 1961 г., от А. И. Тутгаревой. Печная сельга. Оригинал — АФ, 141, 3.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Медведь и мышь

Медведь спал в лесу, и мыши возились около него. Наконец медведь проснулся и поймал в свои когти одну слишком смело залезшую на его спину мышь. Она умоляла его смириться, пощадить ее, просила прощения за то, что она потревожила его покой, говорила, что никогда это не повторится. Она обещала с уважением вспоминать его, если останется жива. Медведь, хотя и сердитый, наконец отпустил ее, сказав ей:

— Ничего с тебя не возьмешь, иди своей дорогой!

Прошло некоторое время, и однажды в некий день, проходя по лесу, медведь попал в сети и никак не мог из них выпутаться, хотя и пытался. Сильно приунывшим увидела его отпущенная им мышь — и она, не раздумывая, начала грызть ячеи той сети. Так вскоре затем освободился из сетей медведь. Мышь сказала ему:

— Ты тогда повеселился надо мной, что ничего хорошего с меня не возьмешь, но, как видишь, может и мышь заплатить добром за добро. Нет такого бедного, кто бы другому не помог, и нет такого богатого, кто бы не нуждался в помощи.

Ленрот, 1836 г., беломорская Карелия. Оригинал — Meh., 1836, tammi-kuu.

Ленивая лошадь

Старая ленивая лошадь везла воз с солью, и в одном месте она со всем грузом угодила в воду. Потом, вытянув воз на сушу, кляча заметила, что груз стал значительно легче, потому что часть соли растворилась в воде. «Это хорошо», — подумала она и решила запомнить, что на следующий раз также можно облегчить груз. На второй раз она везла воз конопли и сама по своей воле по пути забрела в воду. Но промокшая конопля стала намного тяжелее, чем раньше.

Ленрот, 1836 г., беломорская Карелия. Оригинал — Meh., 1836, maalis-kuu.

Медведь, лиса и горшок масла

Были медведь и лиса. Нашли они на дороге горшок масла.

— Кто из нас получит этот горшок?

Лиса сказала:

— Тому достанется горшок, кто больше помнит; а я помню очень давние дела и все знаю.

Медведь зажал горшок между ног и рывкнул:

— Заткни глотку, лиса! Что ты помнишь о давних делах, если тебе самой исполнилось всего три года?

Лиса не осмелилась отнимать у медведя горшок с маслом, ей пришлось остаться ни с чем.

Европеус, 1845 г., восточная Карелия. Оригинал — Кг., 16.

Кот, петух и лиса

Кот и петух жили в одном доме. Кот отошел подальше от дома, предупредив петуха, чтобы он никого не пускал в избу. Прибежала лиса с вареным горохом во рту и рассыпала горох около окна. Петух выскочил к гороху, и лиса схватила его своими когтями.

Кот издалека услышал крик петуха, прибежал вовремя спасти его, поцарапал глаза лисе и отнял от нее петуха. Тут стал он укорять петуха и наказывать, чтобы он никого, кроме него, не пускал в избу.

Сирелнус, 1847 г., восточная Карелия. Оригинал — SI, 100.

Лиса и медведь на пожоге

Лиса и медведь были кумовья. Они вместе обрабатывали пожогу. Идут в лес, подсеку рубят, пожогу жгут. Лиса сидит на опушке леса, а медведь работает, надрывается там в лесу. Лиса и говорит:

— Я деревья сторожу, чтобы ты, когда работаешь, не попал под дерево.

Вот уже срубили подсеку, зажгли хороший огонь и пошли жечь пожогу.

— Ты, куманек, землю обрабатывай, а я буду со стороны караулить, чтобы ты не обгорел, — говорит лиса.

Сидит лиса на высоком пне, не решается опуститься на землю, боится обжечься. Так они рубили подсеку, жгли пожогу и стали пахать. Медведь ворочает обгорелые сучья. Лиса смотрит:

— Я, куманек, — говорит лиса, — смотрю, чтобы ты не ушибся.

Вспахали, посеяли поле, стали изгородь вокруг него ставить. Лиса и сказала:

— Ты ставь, куманек, а я посмотрю, чтобы не вышло плохо.

Медведь ворочает огромные сосны, все делает. Так поставили они там изгородь, и вот уже на их пожогое растет рожь и приходят они жать. Жали кумовья свое ржаное поле, собрали все зерно в кучу. Повезли его молотить. Натопили ригу, намолотили зерно и поделили между собой: лисе маленькую кучу — зерно, а медведю большую — мякину.

Крон, 1884 г.; от Т. Игнатовой,
Суоярви. Оригинал — Кр., 16.

Кот, петух, пес и свинья в избушке

На одном дворе были петух и кот. Наступила осень. Сказал кот петуху:

— Надо бы нам маленькую избушку построить.

— Построим хоть маленькую, — согласился петух.

Тащат они хворост, поднимают тяжелый сруб и строят избушку. Приходит к ним осенью пес и говорит:

— Пустите в избушку!

— Куда мы пустим, ведь она маленькая!

— Я там, — говорит пес, — в углу на мусоре полежу.

Они и пустили пса. Приходит свинья, на дворе хрюкает и просится:

— Пустите в избушку!

— Куда мы пустим в маленькую, ведь ты рылом ее разворочаешь.

— Не разворочаю, ведь я холода боюсь, я за печкой отлежусь.

Пустили и свинью. Наступает ночь, волки там в лесу бегают и просятся в избушку. Петух и кот боятся. Свинья и говорит:

— Не бойтесь, вот я выйду, хрю-хрю, пусть покажутся!

Один волк подходит, на дворе прислушивается, потом возвращается к другим волкам и говорит им: «хрю-хрю, сколько крови я пролью, всю вылижу!»

— Лучше убежим отсюда!

И убежали волки, и осталась та избушка не развороченной ими, и ее жители остались целыми.

Крон, 1884 г., от И. Петрова, Кор-
писелька. Оригинал — Кр., 126.

Лисица и кулик

Жила лисица, и родился у нее лисенок. Думает лисица, где бы ей крестную для сына найти. Не знает она, кого лучше позвать, и зовет она жену кулика. Говорит ей:

— Будь ты моему лисенку крестной матерью!

— Крестной-то стать я могу, — отвечает жена кулика, — только ты вот что мне обещай: ты ешь всех тварей, по земле бегающих, но моих птенцов обещай не трогать, их надо беречь, так и своему лисенку накажи.

— Но как же я, кума, узнаю твоих птенцов? Ведь я приказ и разрешение имею: есть всех бегающих по земле, кто не успеет убежать.

— А вот как: в гнездышке на болоте, где самое сухое дерево растет, я охраняю своих птенчиков до тех пор, пока они не научатся летать. Ты огляди меня хорошенько, чтобы ты меня могла узнать, когда я чирикаю на дереве: «Тик-тик, тик-тик!»

И стала жена кулика крестной матерью лисенку. Обещание лисица дала, и крестят они лисенка, и поздравляют крестную. Убегают куличиха туда, откуда и пришла.

— Прощай, кума!

— Прощай, прощай!

И ее провожают, как полагается провожать гостью.

Живут они два года, и вот бежит лисенок и, по примеру всех лисиц, вынюхивает тех, что бегают по земле, но убежать не могут. А лисица не успела сказать лисенку, чтобы он не трогал птенчиков той птицы, которая чирикает на сосне, стоящей на болоте: «Тик-тик, тик-тик!»

Лисенок что-то ищет, сам не знает что; находит он птенца кулика и съедает его. Идет лисенок к матери и говорит:

— Что это за птица, что чирикает с сосны: «Тик-тик, тик-тик!»? Я скушал птенчика этой птицы.

— Тут ты, мой сынок, ошибся. Ведь ты скушал братца нареченного. Это же был птенчик твоей крестной.

— Ах, матушка, как же мне теперь с крестной матерью-то быть?

— Не знаю, — отвечает мать-лисица, — теперь нам надо пригласить к себе куму и просить у нее прощения. Надо пир горой устроить и угостить куму. Ведь она по-настоящему у нас здесь не гостила. Иди, зови, сынок, куму!

Идет лисенок и кланяется жене кулика:

— Приходи к нам в гости, очень тебя просим, надобно тебе непременно прийти в гости к нам.

— Пришла бы я, мой крестничек, да очень рассердилась я на вас, вы съели моего птенца. Ну, хорошо, приду, уж так и быть. Ждите, вечером приду, хотя и очень я рассердилась.

Ждут до вечера, и вот вечером приходит к куме жена кулика. Лисица ставит на огонь кашу. Сварила кашу, а чтоб остыла,

по тарелкам разливают. Стали есть кашу. Лиса с лисенком едят и вылизывают тарелку. Крестная же стучит клювом и ничего не может подобрать. Так и шло у них, пока порядком не проголодалась жена кулика. Собирается она домой и говорит лисе:

— Не годится нам здесь мириться, лучше приходите завтра в гости ко мне: ведь мы кумовья, а ни разу не гостили вы у меня. Приходите.

Приглашает их, упрасивает, а у самой другое на уме.

— Только не приходите слишком поздно, приходите пораньше, чтобы не остыли мои кушанья.

Идет к себе домой жена кулика. Ставит похлебку на огонь и ждет в гости куму. Лиса была хитра, а не угадала, почему ее пораньше звали в гости. Когда куличиха сварила суп с изюмом и вылила его в кувшин, пришла лиса.

— Теперь, кума, пора нам кушать. Кушать, кушать! — говорит ей куличиха.

Лиса собралась есть, к кувшину тянет нос, чует что-то сладкое в кувшине, да никак не может голову туда просунуть. А куличиха свой клюв в кувшин опустит и ест. Ест она, а лиса капли с ее клюва облизывает. Наконец говорит лиса:

— Теперь, кума, не стоит нам за уговор свой держаться, раз так мы угощаемся. По очереди ходим друг к другу в гости, а угостить хорошенько не умеем. Если ты не могла покушать вдоволь у меня в гостях, так и я у тебя не насытилась, кума. Буду я съедать твоих птенцов, когда поймаю их!

Так они и рассорились друг с другом.

Да на том и сказке конец.

Варонец, 1885 г., от О. Кеттунена,
Ухта. Оригинал — Кг., 461.

Бык, корова, баран и петух

Жили раньше старик да старуха. У них был единственный сын, и они того сына решили женить. Думают они: «Кого бы к его свадьбе зарезать?» И сказал тут старик:

— А что если быка теперь зарезать?

Бык услышал это и убежал в лес. Прошло несколько дней, бык все время не возвращался во двор.

— Может, корову придется зарезать, — сказал старик.

Корова услышала это и тоже убежала в лес. К вечеру не вернулась во двор, а свадьба уже приближалась. Старик и сказал тут:

— Придется барана зарезать.

Баран услышал и в лес убежал. Сказал старик:

— Несчастливая эта свадьба, раз к ней ни одну скотину нельзя поймать, надо бы сходить в сарай за петухом и свернуть ему голову.

Петух услышал и улетел в лес. Там в лесу они построили себе жилой дом и стали в нем жить. Уже и медведь разнюхал, что кто-то там живет, и пошел посмотреть тихонько. А те там стоят около корней одного дерева — и баран, и корова, и бык. А петух сидит на ветке дерева. Когда они увидели, как тихонько подкрадывается к ним медведь, то набросились на него бык, корова и баран и стали бодать его, а петух стал кричать:

— Бодайте, бодайте, а под конец сюда на расправу отдайте. Медведь едва живой кинулся бежать и сказал:

— Если еще и туда на расправу отдали бы, то видать меня там доконали бы!

Варонен, 1886 г., от Н. Ларионова,
Реболы. Оригинал — Кг., 464.

Дележ урожая

Дружили мужик с медведем.

— Давай, — говорят, — вместе засеем редьку.

Вспахали пашню, засеяли редьку. Выросло много хорошей редьки. Мужик и говорит:

— Как мы будем делить редьку?

— Я возьму верхушки, а ты корешки, — говорит медведь.

Мужик собрал себе редьку, а медведю одни лишь листья остались. Видит медведь, что мужик перехитрил его. «Подожди, на следующий год не так будет!» — думает он.

На следующий год медведь опять пришел к мужику.

— Давай на этот год посеем вместе гречку.

— Давай, — говорит мужик.

Вспахали пашню вместе и посеяли гречку. Когда гречка поспела, медведь приходит к мужику и говорит:

— Ну, давай делить гречку.

— Давай, — говорит мужик, — но на этот год что ты возьмешь?

Медведь говорит:

— На этот год я возьму корешки, а тебе на этот год пусть остаются верхки.

Мужик съел верхки, смолотил гречку и стал кашу есть, а медведю остались корешки. С этого года у медведя с мужиком дружба кончилась.

Петрелиус, 1892 г., Небелицы. Оригинал — KKN1, с. 135.

Свинья и лиса

Свинья и лиса заспорили, кто из них умнее. Свинья сказала лисе:

— Давай побьемся об заклад, кто раньше увидит восход солнца.

Лиса побежала на большую гору и улеглась там спать, а свинья легла в большой яме. Утром свинья увидела восход солнца по верхушкам деревьев и прибежала к лисе:

— Смотри теперь, — говорит, — солнце уже восходит.

Так лиса оказалась побежденной в споре со свиньей.

Куела, 1905 г., от Г. Поттоева, Поросозеро. Оригинал — Vir. K, с. 188—189.

Волк и белка

Лежит волк под елкой, сердитый такой. Белка скачет на верхушке елки. Волк и говорит:

— Чего веселишься-то?

А сам думает: «Вот поймаю тебя, не станешь больше скакать!»

Белка упала с елки. Волк ее поймал, говорит:

— Чего веселишься, когда мне скучно?

Белка отвечает:

— Выпусти меня из своих зубов, тогда скажу!

Волк выпустил ее, белка обратно на дерево вскочила и говорит:

— Ты каждому вредишь, а я никому не приношу вреда, поэтому я и веселая, что меня никто со злобы не тронет.

Евсеев, 1932 г., от А. Липшаева, Покровское. Оригинал — А, I, 32, 172, 30.

Ледяной и деревянный дом

Жили лиса и волк. У лисы была изба из льда. А у волка был деревянный дом. У лисы изба растаяла. Пошла она к волку проситься на квартиру. Пришла она к нему:

— Возьми меня хоть в сени жить.

Пустил волк лису.

— Здесь мне холодно, пусти хоть под печкой жить.

Волк пустил. А там у него была бочка масла. Лиса пошла туда, тянет из бочки масло и мажет маслом хлеб.

Стали они вместе молотить. Лиса взяла себе ячмень, а волку осталась мякина.

Волка позвали носить дрова, лиса слизала остатки масла из бочки, а туда положила белый камень.

Пришел волк. Начали они варить загусту. Волк спрашивает у лисы:

— Почему у тебя загуста белая, а у меня черная?

Лиса говорит волку:

— Я капнула из бочки немного масла, и загуста стала белой.

Волк и говорит:

— А у меня ведь целая бочка масла.

Он идет туда взять масла. Скоблит, скоблит ножом белый камень, не может ножом наскоблить того масла, которого нет. Взял он топор и скоблит, скоблит белый камень топором.

Лиса и говорит:

— Ну и твердо же замерзло твое масло!

После этого волк бросил этот камень в печку, там он так накалился, что печка раскалилась, и изба и все в ней сгорело.

Евсеев, 1934 г., от И. Лисицына, Подужемье. Оригинал — А, 9, 21.

Медведица-плакальщица

Жили-были старик и старуха. У старика жена умерла. Идет мужик плакальщицу искать. Идет-идет по дороге, попадаетеся волк навстречу:

— Куда, мужик, путь держишь?

— Жена умерла, иду плакальщицу искать, — отвечает старик.

— Возьми меня, — говорит волк.

— Умеешь ли причитать? — спрашивает мужик.

— Умею.

— А ну, попробуй.

Волк начинает причитать:

— Уу, уу, уу...

— Не умеешь, иди своей дорогой.

Мужик дальше шагает, идет лиса навстречу:

— Куда, мужик, путь держишь?

— Жена умерла, иду плакальщицу искать.

— Возьми меня.

— Умеешь ли причитать?

— Умею.

— А ну, попробуй.

— Рий-рай, рий-рай, — причитает лиса.

— Иди своей дорогой, не умеешь.

Мужик дальше шагает, встречается ему заяц.

— Куда, мужик, путь держишь?

— Жена умерла, иду плакальщицу искать, — отвечает старик.

— Возьми меня.

— Умеешь ли причитать?

— Умею.

— А ну, попробуй.

— Лу-лу-лу, лу-лу-лу, — причитает заяц.

— Не умеешь, иди своей дорогой.

Мужик дальше идет, встречается ему медведица.

— Куда идешь, мужик? — допытывается она.

— Плакальщицу искать, жена умерла.

— Возьми меня.

— Умеешь ли причитать?

— Умею.

Начинает медведица причитать:

— Ах, старик мой горемычный,

Умерла твоя старуха,

Кто спечет пирог предлинный,

Кто его намажет маслом,

Кто сошьет тебе рубаху?

— Пойдем. Ты, видать, умеешь причитать.

Приводит старик медведицу к своему дому. Лестницы в нем плохие. Наставляет он на ступени бревна. Заходят они в избу. Оставляет старик медведицу оплакивать старуху, а сам идет звать попа. Пока он шел к попу, тем временем медведица старуху съела. Приходит старик домой, а от старухи ничего не осталось.

Евсеев, 1940 г., от А. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ, 97, 19.

Старушка и лапоть

Берет старушка лапоть, идет по дороге, лапоть за пазухой. Приходит к месту ночлега.

— Пустите ночевать.

— Заходи, заходи, гостя.

— Куда я свой лапоть положу?

— Положи лапоть в курятник к курицам.

Она и положила его в курятник. Утром встает:

— А где моя курочка?

— Да ведь у тебя не курочка, а лапоть был!

— Нет, курочка, курочка!

Она и берет курочку. Опять идет по дороге, в другой дом просится на ночлег:

— Пустите ночевать.

Пустили ее.

— Куда курочку можно пустить?

— Пусти в хлев среди овец.

Пустила она курочку в хлев. Утром встает:

— Где моя овечка?

— Не овечка, а курочка у тебя была.

— Нет, овечка, овечка!

Берет она овечку и опять идет дальше. Шагает, шагает, заходит в один дом.

— Пустите ночевать.

Пустили ее ночевать.
— Куда можно, — говорит, — пустить овечку?
— Да иди, пусти там, среди скота, среди телок.
Она туда и заводит овечку. Утром встает и говорит:
— Где моя телочка?
Ей телочку не дают — она все равно берет. Идет в путь.
Идет, идет, телочку ведет. Приходит к одному дому. Заходит:
— Пустите ночевать.
Ее пустили ночевать.
— Куда мне эту телочку поместить?
— А пусти там, где кони, среди коней в конюшне.
В конюшню выпускает телочку, утром встает:
— А где, — говорит, — моя лошадка?
— Да какая лошадка, — говорят, — господи, да у тебя не лошадь, а телка была!
— Нет, у меня была лошадка!
Да и берет она лошадь и едет. Запрягает ее и едет, едет на ней. Попадаетя навстречу зайц.
— Куда едешь?
— Еду по миру.
— Возьми меня.
— Возьму. Садись, садись, — говорит.
Берет она зайца в сани, едет на той лошадке. Едет, едет.
Встречается лисица.
— Куда, бабушка, едешь?
— Еду по миру.
— Возьми меня.
— Да садись, садись, — говорит.
Едут дальше. Едут, едут. Встречается волк.
— Куда, старуха, едешь?
— А еду, — говорит, — людей посмотреть.
— Возьми меня.
— Да садись.
Берет волка в сани. Едут, едут. Встречается им медведь. Целая артель их собралась.
— Возьми меня в сани.
— Садись, — говорит.
Сел медведь. Едут, едут. Вот сломалась оглобля у лошадки.
— Заяц, иди, неси оглоблю.
Заяц идет, приносит веточку.
— Разве из нее выйдет оглобля? Ну, иди ты, лисица, принеси!
Лисица принесла корягу.
— Из этого ничего не выйдет. Иди ты принеси, — говорит она волку.
Волк тоже не достал, ни толстую, ни тонкую.
— Иди, медведь, неси!
Медведь принес целую сосну с корнями.

— Ничего из вас не выйдет. Стерегите лошадку.

И пошла старуха в лес искать оглоблю. Пока искала, тем временем лошадку у нее съели. В шкуру набили снегу и поставили на место.

Пришла старуха, запрягла это чучело лошади. Ударила его плеткой. Лошадь и рассыпалась.

На том и конец.

Евсеев, 1964 г., от А. Хаттунен,
Спасская губа. Оригинал — АФ,
782, 1.

Старик и белка

Были раньше старик и старуха. Они жили в маленьком старом домике. Они были очень старые. К ним, на их домик, зачастила белка. Все туда прыгает. Живет, живет, не дает никакого покоя им. Старик и говорит старухе:

— Я пойду и поставлю капкан.

Поднялся старик на крышу и поставил там ловушку. Запрыгнула на крышу белка и попала в ловушку. Старик и говорит:

— Вот теперь попалась; пойду возьму ее!

Поднимается туда на крышу. И стали они с белкой драться. Ну, белка и победила его. И столкнула мертвого на землю. Взяла белка ахживо, какие-то старые такие лопарские санки. Уложила тело старика в санки и повезла. Везет, везет того старика. Встретился заяц:

— Что везешь, белка?

— Везу старика, хорошего человека, поставил он клещи на крыше, ловушку на избушке, для меня, по лесу бегающей, денежный мех носящей, в утренней росе бродящей, в сумерках крадущейся. Сам попал в клещи, угодил в ловушку.

— Возьмешь ли меня с собой?

— Поможешь везти, да откуси кусочек от старика.

Повезли вдвоем, везут немного. Белка и говорит:

— Голод пришел.

Поели немного. Встречается им волк.

— Что везешь, заяц?

— Не я везу, белка везет.

— Что везешь, белка?

— Везу старика, хорошего человека.

— Возьмешь ли меня с собой?

— На, откуси кусок от старика.

Везут втроем. Везут, везут, встречается им медведь.

— Что везешь, волк?

— Не я везу, заяц везет.

— Что везешь, заяц?

— Не я везу, белка везет.

— Что везешь, белка?

— Везу старика, хорошего человека, поставил он клещи на крыше, ловушку на избушке для меня, по лесу бегущей, денежный мех носящей, в утренней росе бродящей, в сумерках крадущейся. Сам попал в клещи, угодил в ловушку.

— Возьмите и меня с собой.

— Давай, откуси кусок от старика.

А медведь всего старика и съел, ничего не осталось. Но везут они, везут пустые лопарские санки. Медведь и говорит:

— Голодно стало, надо поесть.

— Что тут есть, который самый маленький, того и съедем. Хватает медведь белку и съедает. Опять везет санки.

— Голодно стало. Который самый маленький, того и съедем.

Но остальные убежали — заяц и волк. А медведь так сильно рассердился, что ударил лопарские санки об дерево и ругается:

— Впустую пришлось везти!

Потом медведь ушел в лес, да там и остался. На том и конец.

Евсеев, 1965 г., от М. Михеевой,
Калевала. Оригинал — АФ, 787, 2.

Сорока и лиса

Были раньше сорока и лиса. Живут они. Сорока сделала себе жилье — гнездо на березе — и вывела в нем трех птенцов. И тут приходит лиса к корням березы:

— Будет из этой березы лыжа и даже две, срублю-ка я ее своим хвостом!

— Не руби, кумушка, ведь у меня тут птенцы.

— Коль дашь одного, так не срублю.

Сорока и бросает одного птенца. Лиса съела его, а утром опять приходит:

— Будет здесь лыжа и даже две, срублю-ка я ее своим хвостом!

— Не руби, кумушка, ведь у меня тут птенцы!

— Коль дашь еще одного — не срублю!

Сорока и бросила второго, остался у нее только один птенец. Плачет она. Подлетает ворона и спрашивает:

— Что ты плачешь, кумушка-сорока?

— Что делать? Лиса все выманивает у меня птенцов!

— Да как лиса может их с такой березы достать?

— Да вот, приходит и говорит: «Будет тут лыжа и даже две, срублю-ка березу своим хвостом!» Я боюсь, что срубит. Упадём отсюда.

— Ой, какая ты дура! Теперь, когда придет лиса, скажи ей: «Иди назад, обманщица, нет у тебя ни ножа, ни топора, ни огня, ни огнива. Чем ты срубишь?»

Приходит лиса и говорит:

— Будет тут лыжа, будет и две, срублю березу хвостом!

— Иди ты назад, обманщица, нет у тебя ни ножа, ни топора, ни огня, ни огнива!

— Это тебе, видать, посоветовала ворона, старая моя кума. Попадет, попадет она еще мне в руки!

Идет лиса на дорогу, растянулась на дороге, точно падаль. Подлетает ворона к лисе, пытается ее клевать. Лиса тут и вскочила:

— Ага, попалась ты, советчица сороки!

— Да тут я вся, моя кумушка! Не хватай меня, а лучше убей так, как моих отца и мать убили.

— А как убили твоего отца и твою мать?

— А в березовую корзину их, не сказав, уложили и бросили под гору катиться, так и умерли они.

Лиса украла в городе корзину, в ней была незакрывающаяся крышка.

В нее и уложила она ворону. Пустила ее под горку, а крышка в корзине раскрылась, и ворона вылетела.

— Лови теперь меня, кумушка! Был ум поймать, не было ума съесть. Хоть ты и хитра, но на этот раз ты сама обманута!

Лиса смотрит вверх:

— Ну и дура я была на этот раз! Не была бы душой, так не сделала бы такой глупости, не уложила бы ворону в корзину с такой крышкой, и не вылетела бы она из нее!

Так и улетела ворона, а сорока осталась с одним птенцом, еще и сегодня они живут, и завтра будут жить.

Степанова, Лукина, 1968 г., от Е. С.
Тимофеевой, Реболы. Оригинал —
АФ, 1023.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Сюзётар

Были раньше старик и старуха. У них родился сын. Но старуха умерла, и тогда старик женился на Сюзётар.

Однажды пошел сын в лес. Туда прилетели девы-лебеди, сняли с себя одежды, стали купаться. Парень украл у одной из них одежду. Вышли они из воды. Дева-лебедь стала просить у парня одежду:

— Хочешь — будь братом мне, я буду тебе сестрой, хочешь — будь женихом, а коль отцом, так отцом.

Так он и стал ее женихом.

На следующее утро, когда он ушел в лес к мысу, Сюзётар погнала за ним свою дочь. Вот подплывают к мысу три корабля. Дочь Сюзётар втыкает парню в уши сонные иголки. Корабельщики подъехали к берегу, вынесли ему много добра. Написали письмо, что на следующее утро приедут на шести кораблях, и сунули его спящему в руки. Снял парень из ушей сонные иголки и пошел домой.

Утром опять он ушел в лес. Снова Сюзётар гонит свою дочь за ним. Идут они к морскому полуострову. А туда уже подъезжают на шести кораблях. Дочь Сюзётар опять сунула ему в одежду сонные иголки. Выносят с корабля добро. Пишут письмо, что на следующее утро приедут на девяти кораблях, и суют ему в руки. Идет парень домой.

Утром опять идут они к морскому полуострову. Дочь Сюзётар сунула парню иголки в уши. Вынесли добро с кораблей, написали письмо, что на девятом корабле он мог увидеть свою жену, и сунули его ему в руки.

Пошел парень домой. Мачеха ушла лен теревить. Парень разжег огонь под сруб. Взял хлеба в котомку, направился шагать по берегу. Встречает он оленя; парень хотел его застрелить, чтобы съесть. Олень заговорил:

— Не стреляй в меня, я тебе еще пригожусь со временем.

Встречает парень утку и хочет подстрелить, чтобы съесть ее. Утка и говорит ему:

— Не стреляй, я тебе пригожусь.

Встречает он орла и хочет подстрелить его, чтобы съесть. Орел и говорит:

— Не стреляй, я тебе пригожусь.

Пришел парень к старушке-вдовушке. Она языком хлеб ест, а носом угли шевелит. Спрашивает он:

— Где моя невеста?

— За девятью морями, за полморя десятого, — отвечает она.

— Как я туда попаду, тетушка?

— Есть здесь орел, он тебя перенесет туда.

Берет он с собой трех овец, три кувшина вина, три хлеба, усаживается на спину орла. Тот летит, летит, поднимается до неба:

— Каким твои глаза видят море?

— Точно кольцо!

Прилетели они к другой старушке-вдовушке.

— Где, тетенька, моя невеста?

— Здесь она, пошла домой, спряталась. Где твой детский ум? Найди его — получишь невесту.

— Но, тетушка, не каждому смотреть на этот ум. Внутри каменного яйца тот ум.

Утка принесла то яйцо. Но невеста опять скрылась. Тогда олень принес парня к невесте. Но она и на этот раз успела скрыться в водах озера. Тогда ее принесла щука. Так он нашел свою невесту.

Лепрот, 1833 г., от Лукканена, Поньгауба. Оригинал — Virittäjä, 1961, с. 81.

Безручка

Жили старик да старуха. У старика был сын, у старухи — дочка. Собираются умирать старик со старухой и говорят они при смерти сыну и дочке:

— Живите между собой в согласии!

Они так и жили. Говорит брат сестре:

— Благослови ты меня жениться!

— Да женись ты, мой братец, женись!

Он женился, его женой стала Сюэяттари. Жили они, жили. Тут и говорит брат своей сестре:

— Ах, сестрица моя, я пойду на охоту!

— Иди, иди, братец!

А у своей жены он не просил разрешения. Идет он на охоту. Его жена зарезала всех овец и коров, да и копя убила. Приходит с охоты ее муж. Жена и говорит ему:

— Ты просил благословения у своей сестрицы, а она теперь зарезала всех коров, овец, да и коня!

— Зарезала, так ведь свои и были.

На второй день опять он идет на охоту. А его жена разбила всю посуду, один берестяной короб и ложку оставила. На тре-

тй день, когда муж был на охоте, его жена родила сына и тут же на коленях убила и все свалила на сестру.

— Что теперь с ней делать, убить ли на ночь глядя?

— Когда поедем за малиной, то оставим ее там, руку ей там отрубим.

Вот пошли они за малиной, собирали, собирали, уже собрались домой. Брат и говорит, гребя в лодке:

— Подрули, сестра, лодку к берегу, есть еще одно дело!

Когда они стали вытягивать лодку на берег, брат отрубил руку топором своей сестре и оставил ее в лесу.

Идет, идет сестра по лесу, подходит она к саду. Заходит туда, собирает там поленику и ест ее. Увидел ее во сне царевич и идет к ней в сад.

— Без рук ты, или без глаз, или глухая ты?

Не без глаз и ушей, только отрублена рука, но красивая девушка.

— Садись ко мне на спину, я отнесу тебя к себе домой, возьму тебя себе в жены.

— Не смейся ты, царевич, не дразни меня, ты неправду говоришь!

— Выходи ты за меня замуж!

— Не дразни меня, ты неправду говоришь!

Он все же взял и отнес ее к себе в сени.

— Благослови меня, отец с матушкой, раз бог послал мне такую красивую невесту.

Так он и женился. Живут они немного. Уезжает царевич в другой город торговать. Жена его тем временем родила сына. Приезжает царевич в дом ее брата. Сюэяттари и спрашивает:

— Надо ли приезшему натопить баню?

Натопили ему баню. Тем временем на его имя пришло письмо, что его жена родила сына, у которого звезды медведицы на плечах, а на лбу месяц светит.

Сюэяттари берет то письмо и бросает его в печку, а взамен дает ему другое: «Щенка родила его жена!» Плачет царевич. Все же дает он такой ответ: «Пусть что угодно, но до моего возвращения кормите». Сюэяттари бросает это письмо в печку и заменяет его другим: «Ни дня, ни ночи не ждите, в бочку их заколотите и в море пустите!»

Приносит письмоносец письмо. Царь плачет, плачет и говорит невестке:

— Тебя с ребенком велено в бочку посадить и по морю пустить!

Сделали бочку. Положили туда с ними пицци всякой. Так плывет, плывет бочка уже целых три года. Ее дно уже и по камням задевать начинает. Сын царевича и говорит:

— Нет ли у тебя, маменька, иголки? Я дырочку ею про- сверлю и посмотрю, обо что там задевает дно.

Проверил он иголкой дно и увидел там камень.

— Я вытолкну дно бочки, и мы выйдем на камень.

— Не делай этого, чтобы ты не утонул.

Он все же вытолкнул, и дно выскочило. Вышли они на камень. Набежал девятый вал, прошлась волна по камню и смыла с него мальчика. Это ли не горе для матери: «Кабы бог выпустил меня на берег!» Вышла она на берег, поймала щуку. Та взолилась:

— Ты меня не режь, еще я тебя порадую!

Не стала она разрезать щуку. Щука и наказала ей:

— Как пройдешь туда на берег, там увидишь кучу пены, как помоешься в ней, и рука обратно отрастет, а потрешь ее в руках, и сынок твой вернется!

Пошла она туда, и рука отросла, и сынок вернулся.

— Ох, ох, ох, как долго я спал!

— Еще больше, сынок мой, без меня ты проспал бы!

Потом они пошли по берегу моря к дому брата его матери. Шагает туда мальчик, как он только повернется, так вся изба светом засверкает. А у брата его матери находился царевич. Они говорят матери мальчика:

— Расскажи сказку, раз ты вокруг света прошла!

— А если я буду рассказывать сказку, то мне надо, чтобы холопы караулили дверь, чтобы никто не вошел и не вышел через дверь.

Подходит царевич и садится рядом с матерью мальчика. Начинает она рассказывать свою сказку. Сюэяттари пытается прерывать, но мать мальчика рассказывает до конца. И все догадываются, что она безрукая жена царевича. Но откуда она себе руку вернула?

— Да, это мы теперь здесь!

Обрадовались они, стали все вместе жить. Злую же Сюэяттари привязали к хвосту жеребца, и он на скаку разорвал ее. Такой длины и вся сказка.

Каян, 1836 г., Вокнаволоок. Оригинал — Raus, 166.

Сестра девяти братьев

Одна старуха, у которой было уже девять сыновей, стала готовиться к новым родам. Сыновья испугались, что и теперь может родиться сын, они уехали из дому и сказали матери:

— Если теперь родится дочь, то повесь над дверями прялку с куделью, тогда мы вернемся, а если родится сын — повесишь топор, тогда не вернемся.

Она родила дочь и поставила над дверью прялку с куделью. Но Сюэяттар пришла ночью и заменила ее топором. Сыновья пришли посмотреть, увидели топор и решили не возвращаться домой.

Девочка выросла большой и стала плакать, когда мать объявила, что у нее было девять братьев, но из-за обмана Сюэятар они ушли из дому. Слезы она собрала в чашку, замесила в ней муку и испекла колобок. Пустила вместе с собакой колобок катиться и сказала:

— Катись, катись, колобок, к девяти братьям, сыновьям одной матери.

Тут подскочила к девушке Сюэятар и сказала:

— Я знаю, как туда попасть.

А когда подошли к лесному озерку, то Сюэятар предложила:

— Давай искупаемся!

— Не ходи купаться, обманет она тебя, — отговаривала собака.

Сюэятар лягнула собаку, и у пса лапа сломалась. Пошли они дальше, собака на трех лапах бежит. Опять подошли к лесному озерку, и Сюэятар снова предложила:

— А не искупаться ли нам?

— Не ходи, обманет она, — отговаривает собака.

Сюэятар вторую лапу сломала, лягнув собаку. Так еще два лесных озерка увидели они в пути, и каждый раз собака отговаривала девушку. Около пятого озерка Сюэятар так лягнула, что голова у пса отпала и собака умерла.

Подходят они к проулку братьев, и там Сюэятар предлагает девушке:

— Плюнь ты мне в глаза, а я плюну тебе.

И до тех пор уговаривает ее, пока она не плюнула — ведь собаки не было, чтобы отговорить ее. Когда Сюэятар плюнула в ответ, то при этом сказала:

— Твое лицо мне, а мое лицо тебе!

Та девушка была красивая, а Сюэятар безобразная. Кроме того, Сюэятар отняла от девушки еще и ее язык и ум и после этого идет с ней к ее братьям. Там она выдавала себя за их сестру, а приведенную ею девушку за пастушку. А братьям все было хорошо, и они приняли девушку в пастушки.

Сюэятар провожала девушку до проулка и там возвращала ей язык и ум, чтобы она могла пасти коров, и всегда там же встречала ее из лесу, отнимала язык и разум. Сюэятар пекла ей каждый раз хлебец с запеченным в него камнем. Поэтому на пастбище та девушка пела:

«Опустись за ельник, солнце, закатись-ка за березы,
Схоронись за можжевельник, отпусти домой пастушку!
Сюэятар, моя хозяйка, вредная и злая баба,
Запекла в мой хлебец камень, глыбу запекла в лепешку.
Иступился нож о камень, нож испортился об глыбу,
С ним пасти коров хожу я, девяти служу я братьям,
Матери одной мы дети!»

Случилось братьям услышать это, они идут к ней и спрашивают:

— Почему ты так поешь, что это значит?

Девушка ответила, что все устроила Сюэятар. Тогда братья ей предложили:

— Иди посреди дня домой, чтобы Сюэятар не догадалась прийти тебе навстречу в проулок; завяжи свои глаза и скажи ей, что ты заболела, да погромче стони.

— Почему ты вернулась посреди дня? — крикнула Сюэятар.

— Глаза у меня болят, — ответила девушка.

Тогда пришли домой и братья и сказали той Сюэятар:

— Сестрица, плюнь ты пастушке в глаза, чтобы они поправились.

Когда Сюэятар плюнула ей в глаза, девушка сразу же сказала:

Твое лицо мне, мое лицо тебе.

И так вернула свой прежний вид.

Тогда братья натопили баню, выкопали перед порогом яму, наполнили ее смолистыми ветками, зажгли их и накрыли ковром. Братья позвали Сюэятар, точно свою сестру, в баню. Сюэятар подошла к дверям бани, не хотела наступить на ковер и сказала:

— Сначала прыгну на порог, а затем и на полк.

Но братья уговорили ее:

— Иди, единственная сестрица, шагай по ковру!

Тогда она шагнула и сразу же упала в яму. Так погибла Сюэятар, но, сгорая, она еще успела крикнуть:

«Пусть же будут из меня: чижики из глаз моих,

а сороки из волос, из ушей-то вброны,

а вороны же из пальцев ног, —

чтобы всех людей клевали, у людей добро съедали!»

Европеус, 1845 г., Иломанци. Оригинал — Raus., 105.

Иван несчастливый

Был раньше Иван несчастливый, ни в чем у него не было счастья; он служил одному королю, семи боярам и ни платы не получал, ни ласкового слова не слышал.

— Пойду теперь я в лес, куда бог приведет.

Дошел он до дома в лесу, зашел он в дом, там был накрыт стол, на нем были пироги и тарелки с ложками приготовлены. Он съел с трех тарелок по пирогу и, чтобы не узнали, спрятался внутри печки. Пришли туда девять девушек, восемь из них несли шлейф девятой девушки. Потом они стали есть, едят и смотрят друг другу в глаза.

— Что вы смотрите друг другу в глаза, или что-либо у вас исчезло? — спросила старшая.

— Здесь пирог с тарелки исчез, — говорят ей.

Старшая сказала:

— Да и у меня пропал с тарелки пирог.

Тогда старшая обратилась к спрятавшемуся:

— Выходи, кто спрятался. Если ты парень моего возраста, возьму тебя в женихи; если девушка, возьму себе в сестры.

Он выскочил из печки на пол.

— Ел ли ты наши пироги?

Тогда парень ответил им:

— Я съел!

Стали подсчитывать, много ли ему лет, они оказались одногодками, парень и девушка. Отпустила старшая остальных девушек, стала жить вдвоем с Ванюшей. Стало Ванюше очень скучно.

— Что ты, мой милый муженек, скучаешь?

— Скучаю я потому, что в нашу церковь в Киеве ходят и знатные и худородные, а мы здесь с тобой только спим, ни в церковь не ходим, нигде не гуляем.

— Если тебе очень хочется, то отпущу я тебя утром к обедне, но обратно вернись домой к обеду.

Легли они тогда вечером спать, поднялась его жена к окну и крикнула:

— Идите, мои прислужники, приведите с наследных земель моего отца коня, в седло которого отец один раз в год садится; приведите его моему мужу съездить в церковь.

И после этого она легла спать. Утром проснулась жена и стала будить мужа:

— Вставай милый муженек, поезжай в Киев, в церковь к обедне, здесь тебе конь оседлан, поезжай в церковь, а к обеду обратно домой вернись.

Сел ее муж верхом на коня и приехал в киевскую церковь. Никто не посмел спросить его «Кто ты такой?», коли он был одет в такую прекрасную одежду и сам был такой пригожий, думали, что это какой-то важный барин.

Собрался он ехать обратно, сел верхом на коня и уехал домой. А народ сокрушался: «Плохо сделали, что не спросили, кто он такой, надо было спросить».

Приехал парень домой к молодой жене на обед. Опять жили они с женой неделю, и снова стало ему в субботу скучно.

— Что ты все скучаешь?

— Скучно мне потому, что завтра пасха, ночью надо идти встречать спаса.

Жена и говорит своим прислужникам:

— Идите, приведите с наследных земель моего отца такого коня, в седло которого он в три года один раз садится, и принесите такую одежду, которую отец в три года один раз надевает.

После этого она легла спать рядом с мужем.

— Поднимись, милый муж, уже в церковные колокола звонят, иди встречать спаса.

Поднялся муж и оделся. Тогда жена расписала ему два яйца.

— Одно яйцо принеси обратно, а другое на крилосе попам оставь, а сам к обеду обратно вернись.

Поехал ее муж в Киев на том коне и пошел в церковь встречать спаса. Прошла обедня, одно яйцо он оставил на крилосе попам, и там его спросили:

— Кто ты такой?

— Разве вы не знаете, что я вашему царю семь лет служил, ни платы не получал, ни ласкового слова не слышал, а теперь смотрите, какой я молодец.

— Покажи нам это яйцо, — спросили киевляне.

Он показал им то яйцо, дал им в руки, а на том яйце была расписана вся его жизнь. Ему то яйцо подменили, дали другое, и тут они узнали: «Это Ванюшка!» И сказали ему:

— Принеси такие качели, которые в три года один раз поворачиваются.

Тогда он вернулся домой, дал жене яйцо обратно. Жена и сказала:

— Уже ты, муж, потерял себя, раз дал подменить яйцо. Идите, мои прислужники, принесите с земель моего отца качели, чтобы мой муж отнес их в Киев.

Принесли они те качели.

— Теперь ты отнесешь те качели, а другие не будут их испытывать; тогда тебя эти качели выбросят в море или куда-либо.

Жена стала просить качели:

— Не бросайте моего мужа ни в море, ни в глухой лес, забросьте на земли моего отца.

Отдала она те качели своему мужу.

— Отнеси их теперь в Киев.

Отнес ее муж те качели в Киев.

— Здесь вам эти качели.

Там думают, на ком теперь испробовать эти качели. Кто принес, тот пусть и пробует! Пришлось Ванюшке подняться на качели, чтобы проверить их. Как только поднялся, так качели сразу взлетели в небо. Киевляне подумали и решили: «Пойдемте, возьмем сюда жену Ванюшки, ведь Ванюшки больше нет, раз он взлетел на таких качелях». Пришли они к дому Ванюшки, но тот дом жена Ванюшки спалила, а сама ушла оттуда. Киевляне вернулись обратно, не досталась им его жена; домой, к своему отцу ушла его жена.

Когда ее отец умер, она сама стала царицей. Тогда ей стало очень скучно без Ванюшки, и она велела лекарям снять эту тоску с ее сердца, запрятала тоску в яйцо, а то яйцо вложила в сердце утки, а утку уложила внутри зайца, зайца же запрятала в сундук, а сундук скрыла в скале. И тогда объявила по всем церквям: «Кто вспомнит Ванюшку, тому голову с плеч долой».

А те качели забросили Ванюшку на берег моря под городом, около города. Тут Ванюшка проснулся точно со сна, кругом осмотрелся: видит, город перед глазами.

— Пойду я в тот город.

Пришел он в город, видит, волчица волчат кормит.

— Съем я одного волчонка, чтобы утолить голод.

— Не ешь волчонка, отплачу я добром за добро.

Оставил он волчонка, не стал есть, пошел дальше. Смотрит, ястреб кормит птенцов.

— Съем я птенца ястреба, утолю свой голод.

— Не ешь, Ванюша, я отплачу добром за добро.

Оставил, не стал он есть, пошел дальше. Прошел немного пути, видит огромную щуку на берегу моря.

— Подожди, я отрежу бок у щуки, утолю свой голод.

Щука и говорит ему:

— Не ешь мой бок, оттолкни меня в море, отплачу я тебе добром за добро.

Оттолкнул он щуку в море, щука плеснула хвостом.

«Тут мне и плата», — подумал Ванюшка. Пошагал он дальше, пришел в город, остановился на фатеру у старушки-вдовушки, спросил ее:

— Еще ли здесь слышат о Ванюшке или нет?

— Ох, сынок, не вспоминай Ванюшку, кто вспомнит его, тому голова с плеч долой. Теперь у нашей царицы тоска по Ванюшке снята с сердца, я тебе дам совет. Если сможешь извлечь яйцо из скалы, мы дадим его съест царице.

Взял Ванюшка лом и пошел извлекать сундук из скалы, прорубил ломом скалу, взломал ломом сундук, а заяц из него убежал в лес.

«Вот ведь как неосторожно взломал, а заяц убежал в лес», — смотрит, бежит волк, а в зубах у него заяц.

— Ты, Ванюшка, не съел моих волчат, я и плачу добром за добро.

Ванюша взял зайца и разорвал его, а утка вылетела изнутри и улетела.

«Видишь, как неосторожно разорвал я зайца, вот утка выскользнула оттуда и улетела», — смотрит, ястреб летит с уткой в когтях.

— Ты, Ванюшка, не съел моих птенцов, я и плачу добром за добро.

Ванюша взял утку, разорвал ее, яйцо и скатилось со скалы в море. «Видишь, не мог разорвать на коленях». Смотрит, щука выплывает из моря с яйцом в пасти.

— На, Ванюшка, тебе яйцо, бери добром за добро.

Ванюшка взял яйцо, отнес к старушке-вдовушке. Яйцо то она разбила и запекла в пирог и накормила им жену Ванюшки. Тогда жена Ванюшки сказала:

— Вот бы еще раньше смерти увидеть Ванюшку!

— Что ты теперь говоришь, а еще только что обещала снять голову с плеч долой за упоминание Ванюшки. Но если объявишь по церквам, будет Ванюшка у нас здесь царем.

— Приведи Ванюшку, если найдешь, — сказала она, — а если не найдешь, то придется мне умереть с тоски по нему, если не найдется Ванюшка.

Привела старушка-вдовушка к ней Ванюшку, жена приняла его, узнала в нем жениха, поставила его царем, стали они жить вместе.

На том и конец.

Генетц, 1867 г., Суоярви. Оригинал —
II, 8, с. 263—267.

За конем Лембо

Был один мужик, такой горький пьяница. Он пропил все, и ничего не осталось у него, кроме одежды на себе. Он хвастался:

— Я могу достать коня лучше, чем царский конь!

Тогда его задержали, привели к царю и сказали:

— Он хвастался, что достанет лучшего коня, чем царский конь.

Его посылают искать такого коня. Он идет, поет и ворчит на себя:

— Лембо-черт бы взял меня; как мог я, пьяный, так хвататься!

Тут его Лембо и взял себе на спину, отнес туда, к себе домой, к другому старшему Лембо в избу бросил.

— Куда идешь, мужик? — спросил сидевший в углу атаман.

— Иду искать себе крестного отца.

— Давно ли ты, — спрашивает тот, — родился?

— Два дня тому назад.

— А у меня, чтобы стать крестным отцом, как раз сорок печей хлеба печется, сорок сороковок бочек вина припасено, да еще можно зарезать откормленного здесь быка, у которого один пастух сидит на одном роге, а другой на другом, у обоих трубы в руках, они трубят друг другу и друг друга не слышат.

— Ох-ох! — говорит мужик, — хватит вдоволь пищи, чтобы пошел ты мне в крестные. Только дай ты мне, крестный отец, коня, чтобы я мог привезти на крестины попа.

Дал атаман Лембо своего лучшего коня, поехал мужик за попом. А тот младший Лембо, который его принес, сказал атаману:

— Возьми обратно коня, это — разбойник!

Крестный отец и кричит вслед мужику:

— Приведи коня обратно, я дам тебе другого, лучшего.

— Дареному коню в зубы не смотрят, мне и этот конь хорош, — сказал мужик.

Едет он к царю на том коне, а он оказался лучше царского коня, тот — подаренный «крестным отцом». Тогда царь пожаловал его казной, в большой чин поднял, начал он жить в том чине.

На том и конец.

Генетц, 1867 г., Суоярви. Оригинал —
SII, 8, с. 268—269.

Бедный и богатый брат

Жили раньше два брата — богатый и бедный. Богатый устроил званый пир, позвал всех богатых, всех позвал на пир; а брата не позвал, зло имел на брата. Каждый, кто приходил, приносил с собой коровий окорок. Когда на следующий день должен был состояться этот пир, бедный брат советовался со своей женой: «Может, зарезать нам единственную корову?» Зарезал он корову, отрезал от нее окорок, чтобы отнести на пир богатого брата. Но брат встретил его на крыльце, в избу не пустил.

— Отнеси, — сказал он, — это мясо к бесу Кехно!

Возвращается он с мясом домой и говорит жене:

— К бесу Кехно он велел отнести это мясо.

Пошел он относить мясо к Кехно, идет, идет по лесу довольно далеко и встречает он пастуха, пасущего коров. Мужик с мясом спрашивает того пастуха:

— Кто ты такой?

— Я пасу коров беса Кехно. А ты куда идешь?

— Я иду относить к Кехно мясо, брат велел.

— Хорошо пойдет теперь ему мясо, уже три года Кехно не пробовал мяса.

Пастух советует ему: — Не бери деньгами, проси, чтобы он дал тебе за мясо жернов, накрытый в красном углу.

Дал ему Кехно тот жернов, пошел он домой с тем жерновом. Пришел домой, установил его в красный угол молоть рожь. Жернов начал молоть, молоть рожь, полную избу намолот, двери раскрыл и полные сени намолот, да и на сарае целую кучу ржи намолот. Теперь уже рожь сыпалась из щелей сарая, все помещения наполнились рожью.

Тут однажды пошел богатый брат выводить коней на водопой, вышел на крыльцо, сказал своим работникам:

— Идите, отгоните коней со двора этой голытьбы. Что там кони собирают?

Идут работники туда к двору бедного брата, обуздали коней, привели их к своему хозяину.

— Что они там ели?

— Они там рожь ели, что отовсюду сыплется, прямо чудеса в решете: весь дом бедняка рожью обсыпан.

Богатый брат и говорит:

— Пойду, посмотрю, правда ли это, что за чудеса теперь там творятся.

Пришел он смотреть, что за чудеса там творятся, и зашел к брату в избу: ржи там полным-полно. Смотрит в угол: видит там жернов, накрытый дерюгой, все еще рожь мелет. Он и говорит:

— Продай теперь мне этот жернов!

— Не продам, — отвечает бедный брат.

— Возьми сколько хочешь денег.

Тогда согласился бедный брат продать жернов. Взял за него деньгами много миллионов. Остался бедный брат с деньгами да с рожью в своем доме сидеть. Богатый брат пошел с жерновом к себе домой. Решил он поехать с жерновом на лодках торговать. Плыл на лодках по морю, пустил жернов молотить соль. Хозяин не знал, как остановить жернов,плыли они по морю, утонули лодки и мужики, и тот богатый брат погиб, умер в море, а жернов и теперь еще мелет соль; эту соль, видимо, и мы едим.

Генетц, 1867 г., Суоярви. Оригинал —
SII, 8, с. 269—270.

Синяя борода

Был один богатырь, он был так силен и умен, что женился на одной девушке и на многих до нее. Когда он пришел свататься к той девушке, то она не знала, был ли он раньше женат или нет. Взял он эту девушку по своему праву, венчался с ней и повел ее в свой дом, дал ей двенадцать ключей и повел ее через двери одиннадцати горниц смотреть, что в них есть. Она смотрела, через каждую дверь горницы осматривала, как много имеется там всякого добра. В двенадцатую горницу ей запрещено заходить, она и думает:

— Раз муж так хорошо ухаживает за мной, зайду-ка я туда, ведь за это мне голову снимать не будут.

Открыла она замок дверей, смотрит, в той горнице двенадцать гробов, в одиннадцати из них лежат тела женщин, покрытые хорошими белыми одеяниями, и на каждом гробу написаны имена покойниц и кто они были. А двенадцатый гроб был пустой. Она его закрыла. Стала она смотреть, из ключа дверей пошла кровь. Она испугалась: «Неужели мне теперь придется лечь в двенадцатый гроб?» Стала она мыть ключ, но кровь никак не отставала. Она на огне его калила, но ничто не помогало. Держала еще на большом пламени, но кровь не останавливалась. Пришел домой богатырь, и она его распрашивала:

— Что нового слышно там, куда ты ходил?

— Больше ничего нового у меня нет, как только то, что я заболел, не могу осилить большую печаль на сердце и плохое

настроение: должно быть, ты открывала двенадцатую дверь. Что там видела?

— Иди ты проверь, не открывала я ее:

— Покажи ключ, — приказал он.

Стала она отдавать ему ключи, кровь и закапала с ключа на руку. Он тут и сказал:

— Смотри, почему эта кровь идет?

Тогда она призналась ему:

— Видела я двенадцать гробов, в одиннадцати были тела покойниц, а двенадцатый был пустой.

— В нем твое место, — заявил ей богатырь.

Жена стала думать, как тут быть, чтобы богатырь не убивал ее. Она посылает через лакеев весть своим братьям, — а у нее четыре брата, и они были богатыри: «Приходите, мои братья, скорее, смерть стоит перед моими глазами».

Собрался муж убивать ее. Она и просит мужа:

— Дай мне час времени, чтобы я могла одеться в лучшие свои одежды, которые были на мне, когда я венчалась.

Дал ей богатырь час времени. Пошла она одеваться на чердак, уже прошел час, смотрит она оттуда, а братьев все еще не видеть. Начинает богатырь звать ее вниз.

— Иди сюда, уже время наступило, чтобы убить тебя, не могу я больше терпеть.

— Мне надо еще умыться, — сказала она.

Позвал ее богатырь второй раз.

— Мне надо одеться, — ответила она.

Уже третий раз он зовет ее.

— Подожди, я напишу богу свои грехи.

Стала она смотреть в окно: уже идут братья. Пока она спускалась вниз, тем временем они вошли в избу и не видят жены богатыря.

— Чего вы пришли? — спросил богатырь.

— Мы пришли по такому делу, что ты собираешься убить свою жену, нашу сестру.

— Было у меня намерение убить ее, но теперь я не могу это сделать, раз вы пришли.

Он взял свою саблю и отсек себе голову, а перед этим сказал жене и ее братьям:

— Уложите меня в двенадцатый гроб, закройте хорошенько мой дом и подожгите его. И стерегите, чтобы над моими костями не пролетала птица и под ними не проплывала рыба.

Тогда уложили богатыря в гроб, раз он отсек себе голову. Подождли они его дом. Лучшим огнем пылает дом. Стали они смотреть, летит старый вселенский орел. Они застрелили того орла, не пустили в огонь. Туда стало подползать много разных змей, некоторых убивали, но в огонь не пустили, пока дом горел. Сгорел тот дом дотла, осталась одна горница, из нее вылетело

одиннадцать белых лебедей и двенадцатая черная птица. Они ничего о том не знали.

Пошли братья домой, взяли с собой сестру, привели ее к отцу с матерью.

Крон, 1884 г., от Л. Ондуйнена,
Реболы. Оригинал — Raus., 13.

Гусяр в подводном королевстве

Был раньше купец, по морям плавал, за морями торговал. Когда он набирал моряков на свои корабли, то задавал им вопрос: «Поплывешь ли?» Кто спрашивал его: «Куда ты собираешься плыть, куда надо плыть?» — того не брал. А кто отвечал ему: «Поплыву!» — того он брал. Так он собирал моряков на свои корабли девять лет, так он собирался торговать, так набрал команды моряков на девять кораблей. Затем он на девятый год поплыл по морю. Подплыли они к одному острову в открытом море. Сказал он там своим морякам:

— Несите теперь полные корабли кореньев и камней.

Моряки начали таскать коренья и камни.

— Кто много натащит, тот будет жалеть теперь, кто мало натащит, тот пожалеет потом, — сказал он. — Тащите каждый в свою кучу, чтобы не перемешать.

Так они нагрузили полностью все корабли и поплыли обратно домой. Плыли, плыли они на тех кораблях к дому. Купец и спрашивает у моряков:

— Еще ли виден тот остров, с которого отплыли?

Смотрят вдалеке его работники и говорят:

— Еще виден остров.

Опять плывут, плывут они много времени.

— Еще ли виден остров? — велит он им смотреть.

— Нет, больше не виден, — отвечают ему они.

— Идите теперь, — говорит он, — посмотрите, что вы натащали на корабли.

Когда они пошли смотреть, то коренья превратились в золото, а камни — в серебро. Кто ленился таскать, тот сожалел: «Вот ведь какой я лентяй был, не мог больше натащить».

Плыли они, плыли, остановились корабли в море, не могли дальше плыть, хотя и попутный ветер был, а корабли остановились, не плывут дальше. Тогда они начали толковать между собой:

— Надо бросить жребий, ведь море требует мужчину, хоть кого-либо, раз корабли остановились.

Бросили жребий — мокрые дубовые чурбаны: мокрый дуб всегда тяжелый, если бросить в море, то обязательно тонет. Приготовили из мокрого дуба жребий и сказали:

— Чей жребий останется плавать, того самого море требует.

Когда бросили в море жребий, то жребий хозяина остался плавать, а у всех остальных утонули, пошли на дно.

— Ну, хозяина требует море, — сказали моряки, — ему теперь придется идти в море.

Хозяин все еще не хочет идти в море, он говорит:

— Сделаем из сухого дуба, чей жребий уйдет на дно, того требует море, чей жребий останется плавать, тот пусть остается на корабле.

Когда бросили жребий в море, то у хозяина как камень он пошел на дно, а у остальных жребий остался плавать. Тогда его посадили в бочку и опустили на морское дно.

Когда бочка дошла до дна, то она закатилась прямо под крыльцо дома. Это услышал водяной, взял и открыл бочку и выпустил из бочки того хозяина. Тогда он сказал ему:

— Когда ты торговал девять лет на девяти кораблях, то беспошлинно торговал, не платил пошлины.

Купец ответил ему:

— Каждый год я платил пошлину — сорок соболей, все золотом.

У него были с собой гусли-кантеле, он стоял, а гусли были под мышкой.

— Это что у тебя под мышкой?

— Это гусли, — ответил тот.

— Поиграй, — сказал водяной, — раз у тебя есть гусли.

Он начал играть, да так играть, что вся королевская челядь в море уснула, так хорошо он играл. Седовласый старик туда на берег пришел.

— Не играй, — говорит, — перестань играть. Когда еще раз заиграешь громче, то лопнут струны. Если водяной велит тебе играть еще, то скажи, что не можешь, что поломались гусли. Он спросит: «Нельзя ли как-нибудь починить шелком, здесь его вдоволь имеется, нельзя ли сделать струны из шелка?» Ты отвечай, что нельзя сделать их из шелка, что дома есть такие струны, которыми можно бы заменить лопнувшие, да вот теперь нельзя их достать сюда.

Так хозяин и заиграл погромче, что струны лопнули. Водяной велел ему:

— Почини гусли, натяни струны из шелка.

— Ничего не выйдет, — ответил купец, — у меня дома есть такие струны, но их нельзя достать сюда.

Тогда спросил у него старик:

— Не хочется ли тебе попасть на родину?

— Мне бы хотелось так, — ответил он, — что вечером здесь лег бы спать, а утром был бы дома.

Седовласый старик ему сказал:

— Король водяных захочет тебя женить, приведет к тебе хоровод девушек, но ты ни на ком из них не женись. Тогда он приведет вторую группу девушек, но и из них ты никого не

бери. На третий раз он приведет трех девушек, из них выбери ту, которую присмотришь.

А король водяных не знал этого советчика, он говорил только с тем купцом. Тут старик-советчик сказал купцу:

— Будь здоров, я теперь уйду, ты обо мне ничего не знаешь. А когда попадешь к себе на родину, то помяни Миколу можайского новгородского.

Тогда король водяных сказал купцу:

— Теперь тебе надо жениться! — Приводит он хоровод девушек к нему. — Выбирай себе в жены любую.

Он смотрел, смотрел, осмотрел тех девушек.

— Не женюсь ни на одной из них, не надо мне жениться.

Тогда приводят к нему других девушек. Тут он опять смотрел, смотрел и еще раз осмотрел их.

— Никуда мне эти не годятся, — говорит, — не хочу я их.

Привел тогда на третий раз трех девушек. Тогда осмотрел он и их:

— На этой теперь я женюсь, — сказал он.

Так он женился на третьей девушке. Уложили их спать.

— Надо уходить отсюда, — сказал он, — нечего больше спать.

Пришли они куда-то на берег моря. Жена обратилась там в рыбу- сига.

— Садись, — говорит она, — мне на спину.

Сел он на нее верхом. Тогда она пошла плыть, плыла она, плыла, да так через море переплыла.

Приплыли они на берег реки, к мосту, вышли на берег. Поднялись на землю, вышли на мост. Сказала жена мужу:

— Что-то там в море виднеется, кто там подплывает?

Смотрит купец:

— Это там мои корабли, еще не успели домой вернуться, только что подплывают. Пойдем теперь ко мне домой, — сказал он той жене.

Жена отвечала:

— Не пойду я с тобой, у тебя другая жена дома. Две жены у одного мужа не уместятся. У тебя, — говорит, — двери узкие, я в них не влезу, уплыву я обратно. — Тут она попрощалась с ним. — Будь здоров, я уплываю обратно.

Тогда она снова превратилась в рыбу и нырнула в море, пошла плыть, переплывать море. Все те девушки, которых ему предлагали в жены, были русалками, хозяйками разных рек в других странах.

Тут он поднялся на корабль и прибыл домой. Там он стал разгружать корабли и продолжал жить, как и раньше. Тогда он новую городскую церковь обшил варавенской медью и только один уголок оставил необшитым.

— Пусть горожане попробуют, смогут ли они это сделать!

Это была очень дорогая медь, настолько дороже золота, насколько золото дороже серебра. А то место, которое осталось, оно и теперь еще не обито такой медью. Тот Сотка купец был так богат золотом.

На том и сказке конец.

Варонец, 1887 г., от А. Охвойкай-
нена, Ухта. Оригинал — Raus., 162.

Окаменевший город

Солдата звали Васюшкой. Он бежал с военной службы, пошел в лес, разводил костер у корней смолистого пня и около него спал, не знал, куда дальше идти. Однажды ночью он увидел подошедшего к нему парня и пытался в него стрелять, решив, что он послан за ним в погоню. Но тот сказал ему:

— Не стреляй, я твой друг!

Это был также беглый с военной службы. Они стали думать, как лучше поступить, раз их мучил голод и нечего было есть. К ним подошел медведь посмотреть на огонь, они его застрелили, содрали шкуру, а мясо съели. Васюшка спросил приятеля:

— Что ты умеешь делать?

— Больше ничего я не умею так хорошо, как плясать, точно я для этого и создан.

Васюшка сказал, что он умеет играть на гармошке.

Тут другой парень предложил:

— Теперь я буду медведем, а ты поводишь, ты будешь играть на гармошке, а я плясать медведем, тогда-то мы заживем.

Так они и сделали. На другого парня напялили медвежью шкуру, а Васюшка стал его водить, тогда они пошли в город и там успешно скоморошничали на каждом дворе. Был там один очень богатый купец. У него была единственная дочь, которую он никому не показывал, все время держал в одиночестве. Она научилась там для забавы играть на скрипке и на гармошке. Тот купец попросил у Васюшки того медведя, чтобы отвести его на ночь в горницу его дочери, чтобы, когда она играет на гармошке, он мог бы для ее забавы плясать. Васюшка охотно обещал уступить медведя. Купец пошел отводить медведя туда, в светлицу его дочери. Вошли они в зал, на стене зала был ковер. Купец свернул ковер, а за ним открылась дверь, и за ней были прекрасные покои, где находилась прекрасная девушка, прекрасно сама игравшая на гармошке. Медведь сразу же стал плясать, да так хорошо, как еще никто никогда не плясал.

Девушке он понравился, и она попросила отца, чтобы ее оставили одну вместе с этим медведем. Отец согласился, оставил там медведя на ночь и сам ушел оттуда. Девушка сразу же спросила у медведя:

— Кто ты такой, ведь ты не медведь?

Парень снял с себя медвежью шкуру и стал опять солдатом. Так они ночью познакомились друг с другом и заключили брачный союз. Девушка сказала парню:

— Мой отец поставил такое условие, что кто меня здесь найдет, тот получит меня в жены и еще половину его имущества. Теперь, уходя отсюда, оставь свои следы, чтобы мог прийти сюда утром.

Парень надел на себя медвежью шкуру. Купец пришел выводить медведя, и, когда дверь закрыли, то медведь, точно рассердившись, оставил следы своих когтей на стене около каждой двери, чтобы по следам когтей найти путь обратно к девушке.

Васюшка с тем медведем пошел в другой дом. Там он снял с парня медвежью шкуру, и они поменялись одеждой. Тогда они снова вернулись важными сватами свататься к дочери купца.

Того прежнего медведя звали Ванюшей, он был женихом, а Васюшка был патьвашкой. Они стали просить выдать за Ванюшу дочь купца. Купец поставил условие:

— Если найдешь, то получишь, если же не найдешь, то голу долой на плахе.

Ванюша согласился с этим условием и пошел искать. Зашел в зал, свернул ковер, открылась дверь, нашел он там следы когтей; опять сдернул ковер, открылась другая дверь, и там были покои девушки. Там он нашел ту девушку, и тогда купцу ничего не оставалось делать, как справить свадьбу, и Ванюша остался зятем в доме купца. Только Васюшка ушел в лес к тому костру, откуда отправился в город. Там он отлеживался и думал, как лучше поступить. Ночью к костру подошел белый медведь. Васюшка выстрелил и ранил его и пошел по его следам, но тот ушел так далеко, что Васюшка заблудился в лесу и отстал от того медведя. Там он блуждал и не знал, куда идти. Все же он пришел в один город. Он обошел весь город, но никакой пищи и ни одного жителя не нашел.

Пришел он в королевский дворец. Там были и люди, и пища, но все было окаменевшее. Его мучил голод, он не мог найти годной пищи. Тут он услышал ужасный шум на улице. Он с крестным знамением зарядил свое ружье и пошел смотреть. Там черт спускается по ступенькам кареты, чтобы войти внутрь дворца, но парень выстрелил ему в грудь. Тогда черт испугался, вскочил обратно в карету и поехал прочь от дворца. Парень вернулся обратно во дворец. Там была одна королева, у которой голова двигалась и она могла говорить. Она сказала парню:

— Черт увел моего отца и завладел этим городом, а нас и всех горожан превратил в камни; только если теперь ты смог бы еще два дня охранять нас и не пускать черта во дворец, то тогда мы спаслись бы, ты взял бы меня в жены и вместо отца стал бы королем.

Парень пытался их охранять, хотя его и мучил голод. Вечером опять черт прибыл со страшным грохотом, но парень перекрестился, зарядил ружье двумя пулями. Пошел он смотреть: там двуглавый черт вылезал из кареты, глаза у него горели, как яркое пламя. Парень выстрелил ему в грудь, тот испугался и поехал своей дорогой. Парень вернулся во дворец, а там люди уже по грудь освободились от камня. На следующий вечер слышался еще более страшный грохот. Парень перекрестился, зарядил ружье тремя пулями и пошел посмотреть. В карете сидел трехглавый черт, глаза у него были огромные, как решето, и горящие головешки он выплевывал изо рта. Парень выстрелил ему в грудь, тот завыл жалким голосом и поехал прочь. Парень вернулся во дворец. Там все люди уже выздоровели, вся пища стала пригодной, как всегда. Там с радостью встретили парня, и он взял ту девушку себе в жены и теперь стал королем этого государства. А где находится прежний король, про то никто не знает.

Мерилайнен, 1888 г., от К. Потафьева, Тихтозеро. Оригинал — Raus., 54.

Чудесные дары

Были люди крепостными боярина, три дня работали на боярина и три дня — дома. Обеднел мужик вместе со своей женой и все заложил в заклад. Им нечего было есть, и пошел мужик к богатому просить ради Христа хлеба. Мужик и говорит:

— У меня семья большая, печеного хлеба нет. Дай ты мне хогь муки немного, хотя загусты сварим.

— Я дам тебе меру ржи, иди смели на мельнице на краю деревни.

Смолол мужик эту меру ржи и понес на голове домой. Поднялась буря, и ветер сдул у него всю муку. Мужик смотрит, куда та буря понесла его муку, и побежал вслед за мукой в лес, по открытым местам да в лес. Прошел немного по лесу, и день сменился ночью: перестал мужик видеть, куда бежать.

— Эх, — говорит он, — хоть бы найти место для ночлега.

Смотрит — огонек виден. Он пошел к тому огоньку. Подошел к огоньку, видит: изба с горницей хорошая. Он стал стучать в окошко, есть ли там кто из крещеных. Старушка там и откликается:

— Чего тебе, сынок, надобно?

— Пусти, бабушка, на ночлег, темно на дворе.

Старушка говорит:

— Мои сыновья — ветры, скоро придут, тебя съедят.

А мужик и говорит:

— Мне и нужны эти ветры, они у меня из меры всю муку сдули.

— Заходи, я тебя спущу в подполье, спрошу у своих сыновей.

Мужик зашел в избу к старухе, спустился в подполье. Приходит первый сын-ветер:

— Кто у тебя, мать, в подполье?

— Не ты ли, сынок, бедного мужика обидел: дал ему купец меру ржи, он ее смолол; не ты ли сдул муку?

— Нет, — говорит, — я не трогал, я не виноват.

Пришел второй сын после старшего и спрашивает:

— Кто у тебя, мать, в подполье?

— Не ты ли бедного мужика обидел, не ты ли у него меру муки развеял?

— Нет, я не виноват, не видел я меры со ржаной мукой.

Приходит третий сын:

— Почему, — говорит, — мужик в подполье?

А мать у третьего, младшего, сына спрашивает:

— Не ты ли обидел бедного мужика, с его головы всю муку из меры развеял?

— Я развеял, — отвечает он, — муку из лукошка, почему он его на голове нес, не накрыл?

А мать и говорит сыну:

— Уплати ему долг!

— Отдай ему, — говорит сын, — коробку, если я виноват.

Как только прояснился день, мать отдала коробку младшего, третьего сына мужику.

— Что мне, бабушка, делать с этой коробкой?

— Когда придешь домой, кулаком трижды ударь по коробке и скажи: «Накормите и угостите нас с женой!»

Дома выскочили из коробки три стряпухи и начали им подавать кушанья, хлеб — все, что хотят. Жена обрадовалась, что такую хорошую вещь бабушка подарила им. Ударила она по коробке:

— Заходите обратно на место! — и уже трех стряпух не видно.

Живут они месяц, другой; жена и говорит мужику:

— Какая у нас вещь есть, такой и у боярина нет; позови, мужик, боярина в гости.

— А раз, — говорит мужик, — мы его крепостные, так боярин отнимет у нас коробку.

Но жена самовольно идет звать боярина в гости. Пошел тогда и мужик звать боярина в гости. Боярин и говорит мужику:

— Что к тебе в гости идти, если ты бедный?

А мужик и говорит:

— У меня хорошая вещь есть, которая кушанья подает.

Боярин приказывает кучеру запрячь коня:

— Поедем, — говорит, — узнаем.

Пришел боярин к мужику в гости. Ударил мужик по коробке кулаком:

— Несите кушанья!

И выскочили из коробки три стряпухи, хорошо справились, и видит боярин, что всего есть на столе. Боярин покушал. Покушал боярин вдоволь и сказал:

— Убери этих стряпух!

Боярин пошел домой, коробка под мышкой. А мужик с женой опять остались бедняками. Опять им нечего есть.

— А пойду я к бабушке, знаю я, где она живет.

Пошел опять мужик, нашел ту горницу и бабушку в лесу. Спрашивает его бабушка:

— Чем ты, бедный мужик, опять встревожен?

— Бабушка, — говорит мужик, — позвал я боярина в гости, а он отнял коробку, унес ее под мышкой.

Она сказала:

— Иди в подполье, сыновья придут, посмотрим, что они скажут.

Мужик спустился в подполье. Ночью пришел старший сын во втором часу, а потом второй и, наконец, младший.

— Что опять мужик пришел, в подполье сидит?

— А вот, — говорит мать, — его жена велела позвать боярина в гости, боярин и отнял у них коробку, остались они бедными.

Младший сын и говорит:

— Отдай ты ему бочку, и пусть позовет боярина с коробкой в гости.

Прояснился день, поднялся мужик из подполья, и бабушка отдала ему бочку.

— Что мне с этой бочкой делать?

— Позови боярина с коробкой в гости.

Пришел мужик домой, жена обрадовалась, что он принес бочку. Она пошла к боярину и позвала его в гости.

— Возьми коробку, я тебе дам золотую бочку.

Боярин поверил, что она не обманывает его, взял коробку под мышку и пошел. Пришел к мужику, положил коробку в угол. Мужик принес золотую бочку из клетушки:

— Выскакивайте из золотой бочки и бейте боярина и жену!

И выскочили из бочки три парня, а у них цепи-татарки. Двое давай ими бить боярина:

— Не трогай коробку!

Третий стал бить жену мужика:

— Не зови боярина в гости!

Боярин взмолился:

— Запрети им бить меня, освобожу я тебя от крепостной зависимости на волю.

Мужик и говорит:

— Забыл я у бабушки спросить, как запрещают.

— Иди сбегай узнай, как запрещают.

— Идите, — сказала бабушка, — двое-трое в бочку.

Вернулся мужик, а боярин уже умер.

— Двое-трое в бочку, двое-трое в бочку!

Парни и забрались в бочку. Этот мужик остался вдовцом, переселился с бочкой и коробкой в город и стал там богатым купцом.

Карьялайнен, 1895 г., Заручье. Оригинал — KKN1, с. 3—5.

Черт-дьякон

В одном монастыре послали монаха за водой на берег. Он пошел туда, и, когда вернулся с водой, игумен и спрашивает его:

— Зачерпнул ли ты воду с молитвой на устах?

— Нет, забыл помолиться, без этого зачерпнул.

— Иди, вылей воду на улицу и принеси снова воду, да не забудь помолиться.

Монах пошел и около ворот вылил воду; из той воды родился ребенок и стал плакать. Игумен взял ребенка в монастырские послушники, раз он был, видишь ли, мальчик. Когда ребенок вырос, его начали учить читать; наконец он стал дьяконом. Проходит немного времени, и дьякон спрашивает у игумена:

— Почему монастырские старцы и попы не женятся?

— В книгах запрещено им жениться, — сказал игумен.

— Да ведь ничего такого тут нет, однажды из книг я вычитал такое место, где сказано, что монастырский старец может жениться.

И принес он игумену книгу, где написаны все монастырские законы, и показал то место, где монастырскому старцу и попам разрешалось жениться. Игумен назвал дьякона смышленным парнем за то, что тот нашел в книгах такой закон:

— Ты больше книг читал, чем я.

Игумен велел объявить в церквах, что в таком-то и таком-то монастыре в книгах найдены законы, по которым монастырским старцам и попам разрешается жениться. Игумен этого монастыря через несколько дней справит себе свадьбу, и кто только хочет прийти на свадьбу, пусть все приходят.

Когда один старый нищий узнал про это, он тоже пошел туда. По пути он попал в маленькую избушку, зашел в нее отдохнуть и залез на печку. Через некоторое время входит туда один черт, затем другой, за другим третий, за третьим четвертый, вся избушка наполнилась. Один из зашедших туда был в одежде дьякона, поповские ризы были на нем. Стали черти хвастаться кто чем.

Дьякон сказал:

— Эх, братья, братья, все ваше хвастовство — пустая брехня; а вот я добился того, что старцы и попы стали жениться. Это вам уже не пустое хвастовство. Я, видишь, вырвал из книги законов те страницы, где попам запрещено жениться, и на их ме-

сто вклеил новые, на которых написал, что им не запрещено жениться. Это место я показал игумену, он поверил этому и взял себе жену, завтра будет их венчание. Теперь мне надо спешить обратно, я пришел сюда только на то время, пока поют «Иже, херувимы!», в это время я не могу быть в церкви. Каждый раз, как только начинают петь это, я ставлю вместо себя деревянного болвана кадить кадилом, а сам выхожу на улицу через ту дырочку, которая в углу алтаря.

Когда, наконец, все черти ушли, сошел старик с печи и направился в монастырь. Придя туда, он попросился к игумену, и его к нему пустили. Он рассказал игумену все, что слышал в избушке на печке. Тут на второй день стали искать и нашли ту дырочку и хорошенько заткнули ее. Когда началась в церкви служба на второй день, дьякон все время был на месте, но когда начали петь «Иже, херувимы», он поставил на свое место деревянного болвана кадить, а сам прыгнул в угол, где была дырочка. А дырочка была заткнута, и он не мог выйти. Тогда он подошел к деревянному болвану, ударил его по уху, деревянный болван исчез, да и сам дьякон превратился в воду. Старому нищему игумен поддал хлеб-милостыню. На том и сказке конец.

Киев, 1905 г., Салми. Оригинал —
Vir. K, с. 144—147.

Золотой козел

Были раньше царь и царица. Жили они, жили, у них родилась дочь. Царица стала болеть и сказала царю: «Когда я умру, то ты женись только на той, которой будет по ноге остающаяся от меня туфля».

Умирает царица. Царь собирается искать невесту. Припасает на несколько лет пищу и на своих кораблях отправляется на чужбину. Как царь ни искал невесту, но не мог найти такую, которой была бы по ноге та туфля. Царь скитался по всему свету восемнадцать лет. Наконец он решил: «Поеду домой — и никогда не женюсь».

Приезжает домой. Начинает там жить. Однажды его дочь как-то случайно нашла ту туфлю, примерила ее, как раз по ее ноге. Идет она к отцу и говорит:

— Дай мне эту туфлю, она мне как раз по ноге.

Царь так сильно расстроился, что не знает, куда и деться. Что делать? Заказывает он скотать золотого козла и дочь свою он прячет внутри того козла. В нем есть изнутри открывающаяся дверь, о которой никто не знает. Царь относит того козла на городской рынок. Какой хороший человек найдет, пусть унесет.

Чужеземный царевич приехал тогда в этот город. Нашел он на рынке того козла и решил: «Возьму отнесу на свой корабль, пусть остается мне на память этот козел».

Приезжает он домой. Козла относит в свои покои. Служанки приносят всегда туда пищу для царевича, и она каждый раз убавляется. Это, видишь, царская дочь ее тайком съедает. Однажды, когда царевич был на охоте, пища также убавилась. Служанки рассердились, взяли и бросили козла из окна на двор, в сад. Козел разбился. Царская дочь остается в саду мертвой. Царевич приходит с охоты и находит козла и царскую дочь рядом с ним мертвой. Тут он засуетился и достал где-то живой воды. Опрыскал ею девушку. А она была так красива, что нет другой такой ни на земле, ни на воде.

Тут они решили сойтись, устроили свадьбу. Привезли и отца невесты на эту свадьбу и стали вместе жить да поживать.

Мартини, 1911 г., от М. Мартини,
Вокнаволоок. Оригинал — Raus., 89.

Три богатыря

Жили раньше старик и старуха. У них был сын. Он рос быстрее обыкновенного. Парень был уже настолько взрослый, что пошел пахать поле. Когда он пахал поле, на его лошадь напало семь комаров. Он начинает убивать комаров. И мух он убил очень много. Стал он думать: «Зачем я пашу поле, если я такой сильный? Смотри, какое бесчисленное войско да еще семеро богатырей пало от моей руки. Пойду-ка я домой да соберусь по белу свету гулять!»

Придя домой, он просит у отца-матери благословения. Те говорят:

— Куда ты едешь? Ведь мы только еще тебя вырастили.

— Уеду я, коли я такой сильный, не буду пахать поле. — Да еще спросил он у отца: — Дай-ка, отец, мне свой меч!

— Да ведь нет у нас никакого меча!

Нашел парень обломок косы. Привязал его к ремню. Поехал он верхом на коне. Едет он уже много дней. Встречает он на перепутье две дороги. На столбе у ростани написано: «Кто считает, что он бойкий богатырь, тот пойдет по правой дороге, а если он бойкий солдат, то пусть едет по левой дороге».

Парень думает: «Зачем мне идти налево, ведь я могу пойти направо».

Поехал парень направо. Едет он немного времени. Нагнал двух богатырей, каких он вовек не видел. Они спрашивают у него:

— Куда ты, бедный парень, отправился?

Парень им ответил:

— Какой я вам парень, я — богатырь! Я убил с одного размаха семерых богатырей да рядового войска бесчисленное множество.

Подумали богатыри и говорят:

— Возьми-ка ты нас с собой, раз ты такой сильный. Мы будем тебе младшими братьями, а ты будешь старшим.

Поехали они дальше. Едут они два-три дня. Подошли к изгороди. А та изгородь была окрашена черной краской. Они гадают: «Почему эта изгородь и все дома за ней окрашены в черный цвет?»

Старушка им и отвечает:

— У царя одна дочь, а ее силой пришел богатырь брать замуж.

— Иди, старушка, оповести царя, что приехали защитники, не выдаст ли он свою дочь за кого-либо из нас замуж.

Царь сказал старухе:

— Завтра видно будет, правда ли это, что они говорят.

Богатыри выспались до утра. Утром тот парень заявил своему младшему богатырю:

— Придется теперь тебе идти охранять царскую дочь, чтобы ее не увезли на чужбину замуж.

Когда богатырь выехал в чистое поле, царь посмотрел в окно и засмеялся. В чистое поле уже вышло войско, чтобы увести девушку.

Богатырь взял в руки меч и отрубил всем из того войска головы с плеч. Взял одну голову, нацепил ее на меч и пошел к царю. Царь выдал за него свою дочь и отдал все царство.

За второй изгородью второй богатырь также получил в жены царскую дочь и все царство.

Поехал парень дальше один. Подъехал к третьей изгороди, окрашенной в черный цвет. У встречной старушки он спросил:

— Почему изгородь окрашена черной краской?

Старушка ответила:

— Потому она окрашена, что спавший тридцать лет в земле богатырь хочет взять царскую дочь в жены.

Парень велел сказать царю, что приехал защитник. Встал он утром, наточил хорошенько осколок косы. Сел он на лошадь и выехал в поле, накинув себе на голову простыню. Видит он, что вместе с проснувшимся богатырем все его воины на всякий случай также накинули себе простыни на головы. Тогда парень ударил богатыря осколком косы в первый раз. Но богатырь удержался на коне. Во второй раз парень ударил его. Тут богатырь упал с коня. Парень перепрыгнул на спину богатырского коня и растоптал богатыря и все его войско. Царь выдал за него дочь и отдал ему все царство.

На том и сказке конец.

Богданов, 1927 г., от Л. А. Никулина, Юшкозеро. Оригинал — А, 11, 47.

Огонь за небылицы

Жили раньше старик и старуха. У них было пять сыновей. Пошли сыновья в лес, а спичек с собой не взяли. Поднялся один сын на дерево, увидел на горе огонек у деда. Послали одного из братьев за огнем. Пришел он туда, и велел ему дед какую-либо небылицу рассказать. Он не сумел, и дед у того парня из кожи спины три ремня вырезал. Ходили туда еще три брата, тоже не сумели рассказать небылицу, и у них тоже дед по три ремня из спины вырезал.

Пришел пятый брат и рассказал небылицу:

— Я ходил покупать коров, купил много коров, погнал их к морю, не мог их через море перегнать. Тогда я стал брать каждую корову за хвост и так перебросал их через море. Одну корову оставил; бросил и ее, а сам за ее хвост уцепился, да так и сам я через море переправился.

Понравилась деду небылица, дал дед им огня. Потом, когда стало светло, братья пошли домой.

Евсеев, 1932 г., от Я. Филиппова,
Покровское. Оригинал — А, I, 32,
172, 6.

Глиняный мальчик

Жили старик и старуха. У них не было сына. Сделали они глиняного сына.

Мать послала сына за прялкой, сын съел прялку. Пришел домой. Видит — мать овцу стрижет. Он мать свою и овцу съел. Смотрит в окно — там отец дрова колет. Пошел — и отца, и дрова, и топор съел.

Ушел он в лес. Встретил жнецов. Съел жнецов и серпы. Шел-шел. Идет дьяк навстречу. Он и дьяка с крестом съел. Шел-шел, встретил попа. Парень и попа съел. Шел-шел, идут ему навстречу косари. Он и косарей с косами съел. Шел-шел. Встретил крестьян с граблями. И их съел.

Тут он встретил барана. Этому парню баран и говорит:

— Иди, ложись на ту скалу, глаза закрой, я сам тебе в рот забегу.

Баран бежал-бежал. Своими рогами он боднул того парня. И из его живота все вышли.

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, По-
кровское. Оригинал — А, I, 32, 172,
28.

Бегство работника

Были раньше старик и старуха. Очень голодали. Пошли они подметать амбар, а собранные на полу семена бросили в поле. Прошло много времени. Жили-жили старики, пошли жать поле. А там хлеба от семян до неба выросли. Не могли они жать. Поднялись по стеблям до неба. Шагали-шагали по ним. Смотрят — изба на столбе вертится. Вошли туда, а там баба-яга живет. Старик и старуха говорят:

— Возьмите нас вместе жить.

Баба-яга взяла их и наняла для них работника. Старик велел ему принести шесть берез и одну ель. Пошел тот работник, одну ель срубил, не стал сучья срубать, прямо за верхушку потащил ее. Пришли домой старик и старуха и говорят хозяевам:

— У нас очень сильный работник, надо его убить.

Работник узнал об этом; уложил он под одеялом сноп соломы. Хозяин приходит, берет громадный молот и ударяет по снопу соломы. Думал, что там работник лежит, а нет. Пошли хозяева искать работника в подполье. А работник тем временем поднялся на крышу и установил обернутый сноп соломы на крыше.

Хозяева вышли из подполья, осмотрели крышу и опять ударили молотом по снопу с соломой. Смотрят — а работник уже и убежал.

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, Покровское. Оригинал — А, I, 32, 172, 3.

Золотая рыбка

Жили старик и старуха, у них изба была плохая. Жили вдвоем. У старика были сети. Поставил он их. Потом пошел он посмотреть те сети. Осмотрел одну сеть, там ничего не было. Осмотрел вторую — там была золотая рыбка. Рыбка сказала:

— Отпусти меня из сети, что тебе надо на один раз, все то тебе дам.

Старик и говорит:

— Мне ничего не надо, иди с богом.

Пошел старик домой. Сказал старухе:

— Вот какую рыбу я поймал.

Старуха спрашивает:

— Какую?

— Золотую, — говорит старик. — «Отпусти меня, — сказала, — старче, что тебе нужно на один раз, все дам!»

— Иди хоть избу проси, плохая ведь изба, и корыто разбитое. Иди на берег, спроси хоть избу.

Пошел старик, кричал, кричал. Пришла золотая рыбка:

— Что тебе надо?

— Мне нужна изба.

— Можешь уже идти домой, там тебе уже изба новая стоит. Пришел старик домой. Старуха в новом корыте белье стирает. Она и говорит старику:

— Иди теперь спроси у рыбы стол, а то старый стол у нас на боку.

Старик пошел просить у рыбки стол. Рыбка только хвостом махнула. Все, что было у них, пропало, и на том сказке конец.

Евсеев, 1934 г., от А. Леонтьева,
Подужемье. Оригинал — А, 9, 23.

Мальчик и старуха Сюэтар

Были раньше старик и старуха. У них были сын и собака. Имя собаки было — Золотой зуб. Пошел старик в лес. В это время залаял пес Золотой зуб. Старуха говорит:

— Иди, сынок, спрячься! Это Сюэтар идет.

Тот мальчик спрятался за печку. Тут входит старуха Сюэтар в избу и говорит:

— Где твой сынок?

Хозяйка говорит:

— Ушел с отцом в лес.

— Был бы дома, так я ему дала бы золотой ножик.

Мальчик выскакивает из-за печки и говорит:

— А я ведь здесь!

Старуха Сюэтар говорит:

— Возьми в мешке!

Как только он пошел брать ножик, Сюэтар засунула его в мешок. Взяла его на спину и понесла. Идет, идет — и устала, опустила мешок с мальчиком на землю и легла спать на кочке. Мальчик вылез из мешка, наложил полный мешок камней и пней, а сам побежал домой. Проснулась старуха Сюэтар, идет и думает: «Почему этот мешок такой тяжелый?» Идет домой. Ее дочь вымыла пол по случаю того, что мальчика принесут. Та старуха пришла домой, начала раскрывать мешок. Из мешка посыпались камни и пни, так что и пол запачкался. Старуха запричитала:

— Ах, такой-сякой, ведь сбежал!

Идет она второй раз, идет в тот дом и говорит:

— Где сынок?

Мать говорит:

— С отцом пошел в лес.

Старуха Сюэтар и говорит:

— Был бы дома, так я ему дала бы золотой ковшик.

Мальчик выскочил из-под стола:

— Да ведь здесь я.

Старуха Сюэтар и говорит:

— Иди возьми из мешка.

Так она сунула мальчика в мешок и понесла. Шла, шла, устала и стала на кочке спать. Мальчик вышел из мешка и положил в него большой камень. И пошел домой. Старуха проснулась и пошла домой, и опять дома на пол упал камень и пол запачкался. Затем она сказала:

— Теперь уж, на третий раз, надо пойти по-настоящему!

Опять идет туда. Мальчик прячется. Старуха Сюэётар вошла в избу:

— Где сынок?

— С отцом ушел в лес.

— Был бы дома, так я бы ему дала золотые часы.

Мальчик выскочил из подполья:

— Да ведь я здесь!

Старуха сунула мальчика в мешок и пошла домой. Завязала накрепко мешок и легла спать на кочку. Отдохнула немного и пошла дальше. Пришла домой, опустила мешок с мальчиком. Своей дочери она говорит:

— Иди, носи дров из поленницы, зажарим мальчика.

Дочь пошла и затопила печь в бане и велела мальчику:

— Садись на лопату, мы зажарим тебя в печке.

Мальчик стал на лопату боком.

— Я не умею иначе, покажи сама, — говорит мальчик.

Стала дочь старухи показывать, мальчик и сунул ее в печку, а сам пошел на улицу. Оделся в одежду девушки, зашел в избу, сел на полку, собрал очень много камней на улице. Когда старуха вошла в избу, то мальчик начал бросать в нее камни и убил ее. Затем убежал домой.

Евсеев, 1934 г., от С. Ремшу, Вокна-
волок. Оригинал — А, 12, 60.

Исцеление Ильи и Святогор

Был такой старик. Он ходил пожню расчищать. У него со старухой был сын. У него не было ни рук, ни ног, одни чурки, на которых он с боку на бок перекачивался. Пришел к нему за дверь старичок:

— Открой мне двери.

— Не могу я открыть, нет у меня ни ног, ни рук.

— Попробуй ты хотя бы с боку на бок переваливаться.

Подкатывается сын к двери и открывает двери тому старичку. А старичок дает ему выпить воды, и тогда у калеки появляются руки и ноги. И становится он богатырем Ильей Муромцем. Идет он тогда к отцу с матерью пожню расчищать. Ударил он топором, затрещал топор, топорнице не выдержало. Пovyдергал он деревья с корнями и в кучу сложил. Приходят они домой. Отец говорит:

— Не будет мне толку с этого сына, слишком он силен.

Проспали они ночь.

— Теперь иди, купи у попа жеребца, сколько ни запросит — отдай деньги.

Идет отец к попу покупать жеребца. Поп спрашивает с него сто рублей за жеребца. На второй день идет, поп уже двести требует. На третий день все триста рублей пришлось за жеребца отдать. Приводит жеребца домой, кормят жеребца до пяти лет. Готовят ему сбрую. Поехал Илья по ямской.

Смотрит он — едет навстречу по ямской Святогор-богатырь. Илья Муромец ударяет своим посохом богатыря по спине.

Богатырь и говорит:

— Что это, комар, что ли, укусил?

Илья второй раз ударяет:

— Должно быть, муха укусила?

Он третий раз ударяет. На третий раз Святогор-богатырь берет Илью Муромца и сует его себе в карман. Мать сыра земля перестала коня нести, стал он проваливаться в землю по колени. Заводит речь конь Святогора-богатыря:

— Три богатыря у меня на спине: мать сыра земля не несет меня.

Вынимает Святогор Илью Муромца из кармана и говорит:

— Убить тебя, что ли, теперь?

Илья Муромец говорит:

— Не убивай, я буду твоим послушным младшим братом. Ведет он Илью в свой дом, отдает Илье ключи и говорит:

— Одиннадцать амбаров открой, двенадцатый амбар не открывай.

Открывает Илья двенадцатый амбар. В том амбаре сидит девушка. Она сама себе глаза царапает и говорит:

— Ты меня убивать пришел!

«Теперь придет брат домой, не сдобровать тогда мне», — думает Илья.

Убегает он из дому. Приходит домой Святогор-богатырь. Девушка говорит ему:

— Хорошего братца привел себе! На меня, видишь, напал, глаза мне поцарапал.

Он, Святогор-богатырь, идет в погоню за Ильей Муромцем, думает: «Вот были бы теперь кольца в небе и на земле, стянул бы их вместе, не убежал бы тогда Илья!»

Едет он так в погоне, видит — две сумы на дороге лежат.

— Что это за сумки?

Пробует он поднять эти сумки, но сам по колени в землю уходит, не может поднять. Не сдвинулись земля и небо. Тогда он начал умирать. Говорит он:

— Напрасно я поехал в погоню за Ильей. Если бы теперь пришел Илья, простил бы я его.

Тут пришел Илья Муромец, и Святогор-богатырь говорит ему:

— Прости теперь меня, напрасно я пошел за тобой в погоню. Когда я начну умирать, три раза вдохни в свой рот мой дух, то-

гда моя сила перейдет к тебе.

Тогда Илья Муромец вдыхает в свой рот его дух и становится очень сильным.

— Теперь никто против меня не сможет устоять!

Таким сильным стал Илья.

Тогда приходит Илье навстречу старик. Дунул старик, и у Ильи осталась лишь сила одного мужика. После этого он идет домой и начинает у отца заниматься крестьянством.

Евсеев, 1935 г., от П. Т. Прокопьева, Сысоева. Оригинал — А, 111, 22.

Кузнец и смерть

Заболел однажды кузнец Ильмойллине. Человек он был очень хитрый. И когда он лежал, то пришла за ним Смерть, а кузнец и говорит ей:

— Садись-ка на этот стул!

А стул-то был такой, что как только сядешь на него, так и не поднимешься, заснешь. Кузнец Ильмойллине просит Смерть:

— Отпусти меня в другую комнату сходить, попрощаться с младшим сыном.

Смерть его отпустила. А кузнец как ушел, так двадцать пять лет в избу не возвращался. За это время он выковал железную бочку.

— Ну, теперь можно домой идти, — говорит кузнец.

Вот он и возвращается, будит Смерть. Проснулась Смерть и спрашивает:

— Долго я здесь просидела?

Кузнец отвечает:

— Везде ищут и ругают тебя, почему людей не моришь. Залезай-ка в эту бочку, я отнесу тебя на берег моря, там ты и меня захватишь с собой, люди тебя и не заметят.

Залезла Смерть в бочку. Кузнец Ильмойллине закрыл бочку, положил на дровни, сvez к морю и бросил в прорубь. Видела это только утренняя заря. С тех пор люди перестали умирать, а старых начали под гору возить.

Один мужик сvez туда отца и оставил его там с дровнями. А отец ему и говорит:

— Возьми, сынок, дровни, состаришься — и тебя на этих дровнях привезут сюда.

— Так ли будет, отец? — спросил сын. — Если так, то ложись на дровни!

Привез сын отца обратно домой и пошел искать Смерть. Искал, искал, нигде не может найти, никто Смерти не видел. Тогда он спросил у утренней зари. Заря и отвечает:

— Я видела, как мужик вез что-то в бочке на лошадке, руки у него как будто обгорелые, а лицо закопченное.

Народ и говорит:

— Это был кузнец Ильмойллине!

Пришли они к Ильмойллине. Он всех посадил на тот стул. Сидят люди и не могут уйти. Двадцать пять лет сидели. А кузнец Ильмойллине состарился и сам стал думать:

— Хоть бы умереть; так теперь постарел, что и жить не хочется.

Отпустил Ильмойллине людей и показал им, где Смерть спрятана.

Выловили люди бочку со Смертью из моря и отпустили Смерть. С тех пор стали люди умирать, и кузнец Ильмойллине умер.

Евсеев, 1936 г., от Е. Г. Гавриловой, Видлица. Оригинал — А, 131, 14.

Чудесный конь Петра I

Узнал царь Петр о том, что в Финляндии есть чудесный конь, и захотел приобрести его себе. Подумал он, как это сделать, и решил отправиться в Финляндию за чудесным конем. Поехал он туда, прибыл в одну деревню. Там сразу же узнали, что это Петр, и караул возле него поставили.

Но в этой деревне был один бедный крестьянин. Запряг он в сани клячу, уложил в сани тайком Петра, полный воз навозу наложил и под ним из-под караула вывез Петра в чистое поле.

Петр из саней поднялся и направился в финские земли. Нанялся он там в работники при огромном хозяйстве. Его определили водовозом и дали самую плохую клячу. Стал Петр ухаживать за этой клячей.

Вот до финского князя дошла весть, что у того хозяина живет батрак, умеющий ухаживать за клячами и выхаживать из них хороших коней. Финский князь послал гонца за тем работником. Так Петр стал конюхом финского князя. Он стал ухаживать за чудесным конем.

Проходит немного времени, и собираются у князя сенаторы. Петр за дверьми слушает, о чем они там говорят. И слышит, кто-то хвастается:

— У нас есть чудесный конь, но никто не в состоянии проехать на нем.

Царь Петр и говорит:

— Дайте я проеду на нем!

Но на этот раз ему не разрешили.

Снова через некоторое время собираются у князя те же люди. Приходит к князю и Петр, слушает за дверьми. Снова слышит он, как хвастаются тем чудесным конем. Петр и говорит:

— Отдайте мне коня, попробую я проехать на нем.

И тогда разрешили ему прокатиться на коне.

— Попробую-ка я проехать и проверю, что это за конь. Ведь из крепости-то он никуда не уйдет.

Вывели военные люди коня из конюшни, привязали его цепями и канатами и укрепили седло на коне. Ведут его на цепях и канатах внутри финской крепости.

Петр смотрит, где бы можно через стены крепости перескочить. Приходит он к князю и говорит:

— Освободите коня от цепей, ведь он же смирный. Попробую я на нем проехать без цепей и канатов.

И только меднолобого коня освободили от цепей, как Петр вскочил на вороного, через стены крепости перемахнул и в Питер прискакал. Еще и теперь он там верхом на нем сидит около реки. А финский князь упал на колени и сказал:

— Ведь это был царь Петр!

Евсеев, 1945 г., от Н. А. Терентьева,
Сыссойла. Оригинал — А, 111, 56.

Сорок разбойников

Было раньше два брата. Один был бедный, другой — богатый. У богатого брата были лавки, где он торговал; держал он и работников, а бедный брат пробовал заготавливать дрова, продавать их в городе и на эти деньги покупать то, что нужно.

Пошел он однажды в лес, пришел туда, где он заготавливал дрова; слышит он какой-то шум. Он загнал коня между двумя кореньями, сам поднялся на дерево, чтобы узнать, что это за шум. Видит — гонят табун лошадей. Подъехали табунщики к горюшке. Это были воры, их было сорок человек, и у всех были узлы с золотом.

Слезли они все с коней. Главный из этой артели берет плетку, ударяет ею крест-накрест по земле и сам говорит:

— Раскройся, земля!

Земля раскрылась, и все те узлы были разгружены в эту яму. Главный снова ударил по земле плетью. Земля закрылась, и разбойники ушли прочь.

После этого мужик спустился с дерева, пошел к той горюшке, где стояли воры, и ударил плетью по земле, как это делали воры; земля раскрылась. Смотрит — в земле лежит золото. Наложил он полный воз золота и поехал домой. Жена и говорит ему:

— Так скоро ты и дрова нарубил, и в город съездил?

Бедный брат отвечает:

— Что бы я ни делал, иди посмотри, что у меня на возу.

Идет жена смотреть, а там — полный воз золота. Говорит:

— Давай подсчитаем, много ли тут?

— Женушка, как это мы можем подсчитать, год пройдет в подсчетах.

— Давай хоть измерим.

— Да ведь у нас нет четверика, чем мы будем мерить?

— Сходим к богатому брату, у него есть четверик.

— Не беспокойся, — говорит мужик жене, — пока хватит, будем расходовать до конца, а когда кончится — нового золота достанем.

Жена его не послушала, все равно пошла и принесла от богатого брата четверик. А богатый брат и думает: «Что он там измеряет?» Взял он варом намазал край четверика, чтобы можно было узнать, что он там мерил.

Пришла жена домой, взяли они то золото и измерили его, не догадались, что одна золотая монета осталась на краю четверика, пристала к вару.

Отнесли обратно четверик. Богатый брат взял четверик, начинает осматривать край четверика, а к нему пристала золотая монета. Приходит он к бедному брату.

— Откуда вы так много денег взяли? Еще недавно не было ни куска хлеба поесть, а теперь четвериком деньги меряете. Если не скажешь, откуда взял деньги, так сейчас заявлю начальству, и тебя арестуют.

— Ты меня не подводи под арест, — говорит бедный брат, — а иди туда, куда посоветую, и сделай так, как посоветую, и у тебя будет вдоволь денег. Иди на горушку, ударь плетью по земле, земля раскроется, и бери золота, сколько нужно.

Богатый идет домой, берет три воза с работниками и едет на трех конях везти золото, как бедный посоветовал.

Ударил он плетью крест-накрест по земле, земля раскрылась, и давай он поднимать золото, а работники на возы накладывают. Сам он спрашивает:

— Поместится ли еще в сани?

Работники говорят:

— Еще поместится.

Сколько поместилось, столько золота работники наложили, а затем ударили землю плетью, земля закрылась, и богатый брат остался под землей. А работники уехали с золотом по своим домам.

Пришли воры и видят — там золота убавилось, и мужик в яме сидит. Они взяли того богатого брата, разорвали пополам и в яме уложили: одну часть на одной стороне, другую — на другой.

А богатый как задержался там, так и не вернулся домой, и стали его дома искать. Бедный брат и говорит:

— Подождите, если этим вечером не вернется, так утром пойдем узнавать, куда он попал.

В тот вечер богатый не вернулся. На следующий день пошли искать его. Пришли туда, на то место. Плетью ударили по земле. Земля раскрылась, зашли туда в яму, а там он пополам разорван и по сторонам ямы оставлен. Они берут половинки его тела и идут домой. Привозят домой и прячут его, никому не говорят, что богатый убит.

А в богатом доме была одна умная кухарка.

— Мы пока, — говорит, — никому не скажем, а вечером я придумаю, что делать.

Когда подошел вечер, уже поздний вечер, пошла кухарка ходить по городу. Смотрит — уже и огня нигде нет, а в одном подвале огонек мелькает. Заходит она в подвал, а там — сапожник. Начинает она его расспрашивать:

— Давно ли уже шьешь сапоги, хорошие ли сапоги шьешь?

— А шью кое-как.

— Вот, — говорит, — мне надо такую и такую штуку сшить: человек пополам разорван. Надо обе половинки сшить вместе так, чтобы следов не видно было. Можешь ли ты сшить так, без следов?

— Может быть, и смогу.

— Только никому не говори, а добра мы дадим, что только тебе надо. Все же я тебе глаза завяжу и поведу тебя с завязанными глазами, чтобы ты не видел, куда тебя ведут.

Глаза она завязала, и пошли они в путь. Пока они по улице прямо шли, он шел с завязанными глазами, а на поворотах немного поднимал краешек платка и смотрел, куда она его ведет.

Пришли туда, сшили и сразу же сбегали за врачом и сказали:

— Быстро мужика схватило, и до твоего прихода, кажется, не доживет, наверно, умрет.

Когда врач пришел, мертвого уже одели и на скамье уложили, точно только что он умер, пока к нему шел врач. И на второй день похоронили. На том и кончилось. Никто и не узнал, как он умер.

Евсеев, 1946 г., от П. А. Кирилловой, Нехпойла. Оригинал — А, 111, 42.

Петух и жерновцы

Жили раньше петух и кот. У них был жернов. Как повернут его, так есть и пить вдоволь получают. Жили они хорошо. Узнал царь об этом жернове, и захотелось ему отнять у них тот жернов. Пришел он к ним, залез через окно и унес от петуха и кота жернов.

Жили-были они, не знают, что и есть.

— Останься дома, — говорит петух коту, — я пойду искать жернов.

Собрался петух, пошел жернов искать. Пошел он, шагает, шагает. Встречается ему на пути озеро.

«Как мне через него перейти?» — думает петух. Потом взял и выпил все озеро:

— Выпью все озеро, выпью все озеро!

Пошел он дальше шагать. Идет, идет, встречается ему волк.

— Куда, петух, идешь?

— Иду, так и так, жернов искать, царь жернов унес.

— Возьми меня с собой.

— Полежай ко мне в чрево.

Идет, идет, шагает петух. Встречает медведя.

— Куда идешь, петух?

— Царь унес жернов, иду его искать.

— Возьми меня с собой.

— Ладно, полежай ко мне в чрево.

Идет, идет он дальше, приходит к царю, поднялся на крышу и кричит:

— Кукареку, отдай, царь, жернов обратно. Отдашь добром — возьму, не отдашь добром — возьму и злом. Отдай обратно сиротам их жернов.

Царь и говорит прислужникам:

— Идите, поймайте его и пустите к быкам, пусть они его растопчут.

И прислужники пошли, поймали его, пустили к быкам. Утром пришли поить быков, открыли двери, оттуда волк выскочил. Когда оставили петуха среди быков, он и сказал волку:

— Вылезай из чрева!

Волк вылез, всех быков растерзал. Утром пришли поить тех быков, а волк — в лес. Петух поднялся на крышу и опять поет:

— Кукареку, отдай, царь, жернов. Отдашь добром — возьму, не отдашь добром — возьму и злом.

— Идите, — говорит царь, — поймайте его и пустите к жеребцам.

Когда оставили петуха среди жеребцов, он выпустил медведя, и тот растерзал всех жеребцов. Утром идут прислужники коней поить, открывают двери в конюшню, медведь — в лес, а петух — на крышу. Поднялся на крышу, опять поет:

— Кукареку, отдай, царь, жернов; отдашь добром — возьму, не отдашь — возьму и злом.

— Идите, — говорит царь, — поймайте его.

Взяли и поймали петуха.

— Идите, — говорит царь, — натопите баню железную очень жарко. Пустим его в баню, пусть там сгорит.

Пошли кухарки, натопили жарко баню, пустили в баню петуха. Когда его в жаркую баню пустили и закрыли там, он и говорит:

— Выйди, озерная вода, заливай баню, озерная вода!

Полную баню напустил воды, двери открылись.

Петух вылетел опять на крышу. Вылетел на крышу и опять поет.

— Кукареку, отдай, царь, жернов сироткам, отдашь добром — возьму, не отдашь — возьму и злом.

— Идите, — говорит царь, — поймайте его. Возьмем и зарежем его, да зажарим. Перестанет петь.

Пошли, поймали его, голову отрубили и зажарили. Царь и говорит:

— Я теперь съем его голову, перестанет петь, больше не запоет.

Он и съел его жареным. Как съел он голову, так ему захотелось выйти по нужде. Он пошел туда, только уселся, как петух внутри опять зашел:

— Кукареку, отдай, царь, жернов сироткам, отдашь добром — возьму, не отдашь — возьму и злом.

Не смог сходить царь, пришел обратно, говорит работникам:

— Пойдемте, — говорит, — так и так, поет он у меня в животе, не могу сходить; возьмите сабли и, когда он будет петь, отрубите ему голову.

Взяли они сабли, а когда петух стал петь, царя и перерубили, петуха же не могли зарезать. Петух вылетел, взял с собой жернов и отправился домой; и теперь еще живет с котом. А царь умер.

Евсеев, 1958 г., от А. Я. Мяммиевой,
Угмойла. Оригинал — АФ, 40, 7.

Лампа и колечко

Были раньше старик да старуха. У них был сын. Сын был уже двадцатилетний, но ничего не делал. Отец у него умер; у них остались только лампа и колечко. А потом мать и говорит сыну:

— Когда ты чем-нибудь займешься?

А тот и говорит ей:

— Что я буду делать, мама? А женюсь сначала на царской дочери, буду свататься к ней.

Мать говорит:

— Что ты — жениться, ума, что ли, у тебя нет?

— Ничего, мама, иди, — говорит, — сватай за меня царскую дочь.

Посылает он мать к царю. Идет мать туда; идет, а сама боится. Заходит в царский дворец. Там стоит царь и у нее спрашивает:

— Чего ты сюда ко мне пришла?

— Пришла, — говорит, — так и так, мой сын послал к твоей дочери свататься.

Царь отвечает:

— Дочь я отдам, если за одну ночь будет построен такой дом и все места такие, какие в моем дворце.

Мать идет домой расстроенная, приходит и говорит:

— Ой, сынок, что ты думаешь, ты еще не работаешь, а хочешь царскую дочь замуж взять.

— Но, мама, что там сказали?

— А царь сказал так: если будут за одну ночь дом и дворец такие, как у него, то выдаст дочь.

— Ничего, мама, — говорит сын, — ложись отдыхать, помогут нам лампа с колечком.

Утром мать встает и видит, что все кругом стало, как в царском доме, и даже лучше. А сын встает и говорит:

— Мама, иди теперь сватать царскую дочь.

Мать идет теперь уже веселее, думает: «Дом теперь у нас есть, пойду посватаю опять царскую дочь».

Мать идет туда, уже царь вышел к ней из комнат в кухню.

— Что ты, — говорит, — пришла ко мне?

— Пришла, раз сын послал сватать твою дочь.

— Раз сватать послал, так пусть за одну ночь сделает синий мост, серебряные решетки, золотые столбы на озере и чтобы птицы там на них пели.

Опять мать идет к сыну.

— Говорит царь, чтобы ты сделал за одну ночь синий мост, серебряные решетки, золотые столбы и чтобы птицы на них пели.

— Ничего, мама, ложись отдыхать. Будет и это.

Мать ложится спать. А сын поднимает кольцо на лампу, и выскакивает оттуда полк солдат и спрашивает:

— Что надо делать, старший хозяин?

— Надо мне сделать за одну ночь синий мост, серебряные решетки, золотые столбы и чтобы птицы на них пели.

Утром встают они, а там уже готов и синий мост, и серебряные решетки, и золотые столбы на озере, и птицы на них поют.

— Мама, иди опять, — говорит сын, — сватать.

Мать идет радостная. Пришла к царю уже в другие комнаты. Царь и говорит:

— Ну, что пришла?

— Пришла, — говорит, — опять сын послал сватать твою дочь.

— А раз сватать пришла, так пусть за одну ночь сделает церковь такую же, как наша, и чтобы попы там пели.

Мать опять приходит домой.

— Сынок, опять он говорит, чтобы была за одну ночь церковь, как у царя, чтобы венчаться, и чтобы попы там пели.

— Ничего, мама, — отвечает сын, — будет и это. Ложись спать.

Мать легла спать. А сын берет лампу в руки и колечко на нее ставит. Колечко как повернет, так выскакивает полк солдат:

— Что надо сделать, старший хозяин?

Он и говорит:

— Надо, чтобы за одну ночь появилась церковь, такая же, как у царя, чтобы венчаться, и чтобы попы там пели.

Встают утром мать и сын. И уже на дворе стоит церковь, и служба там идет. Сын велит матери:

— Иди царскую дочь сватать!

Мать идет, такая радостная. Приходит к царю.

— Что пришла? — спрашивает тот.

Прошла мать в третью комнату и говорит:

— Пришла, раз сын послал сватать твою дочь.

— Ну, — молвит царь, — приходите сюда вместе, справим свадьбу.

Идет мать за сыном, уходят они вместе к царю, свадьбу справили. Котлы вытерли.

А царь выдал свою дочь замуж только для того, чтобы узнать, как они все это так быстро делают. Он и велит дочери:

— Узнай там все это, а то раньше у них ничего не было на этом месте.

— Ладно, — отвечает царская дочь.

Молодой муж сначала ничего не говорил жене — той царской дочери, а потом сказал, что так и так, у них есть колечко.

Она ночью узнала у него, где кольцо, выманила его и ушла от него. Как ушла она, так осталась у матери с сыном лишь лампа и больше ничего. Мать плачет:

— Видишь, я все ходила туда, а у тебя ничего не получилось.

А сын ее берет кошку, собаку, ухаживает за ними. Вырастил он кошку и собаку, научил их плавать. Послал он их к царю и говорит:

— Зайдите сначала на царскую кухню, вас там никто не заметит. Затем идите в первую и вторую комнаты, и там вас никто не заметит. Зайдите в третью комнату, царская дочь спит в ней. Бегите под ее кровать. Когда она придет спать и уснет, то пощекотите ее; она вскочит на пол, чихнет, колечко упадет, и тут вы колечко берите.

Они так и сделали: пошли туда, зашли сначала на кухню, там никто их не увидел; зашли в одну, другую комнату, никто их не увидел. Зашли в третью комнату, спальню царской дочери, и забежали под кровать. Пришла царская дочь, легла спать и заснула. Когда она заснула, кошка и стала ее щекотать. Царская дочь вскочила, чихнула, и колечко упало на пол. Собака взяла это колечко в рот, и побежали они с кошкой обратно. Кошка говорит:

— У тебя редкие зубы, отдай колечко мне.

Собака не отдала колечко. Три раза спрашивала кошка, но собака так и не отдала колечко:

— Я сама отнесу, — сказала она.

Поплыли они. Плыли, плыли. У собаки изо рта колечко и выпало. Уже собака и плыть не может, так расстроилась. Кошка тоже не может плыть. Увидели они остров. Они — к острову. Подплыли к нему. Пошли по нему, а там рыбаки на берегу рыбу чистят. Подошли они к рыбакам. Те бросают им разную рыбу, бросили даже щуку. Когда кошка стала есть ту щуку, она обнаружила в ней колечко. Кошка перестала есть. Собаке она сказала:

— Пойдем домой.

Пошли они. Кошка и говорит собаке:

— Я нашла колечко.

Обе порадовались. Прибыли они на свой берег. А их там уже ждут с колечком. Накормили их, спать уложили. Взял хозяин свое колечко, повертел его перед лампой. Выскочило три полка солдат:

— Что надо сделать, старший хозяин?

— Мне надо, чтобы за одну ночь все по-прежнему стало: и дворец, и синий мост с серебряными решетками и золотыми столбами, и церковь.

И все стало, как прежде было. Послал сын свою мать снова к царю. Тот с дочерью примирился с ними. Еще и теперь они живут. А мне дали вина, еще и теперь я пьяна.

Евсеев, 1958 г., от А. Я. Мяммиевой,
Угмойла. Оригинал — АФ, 40, 5.

Чудесная птичка

Жили старик да старуха. Жили они очень бедно. Однажды, в канун пасхи, им нечего было есть. Старик идет в сарай. Приходит туда и видит, что сарай открыт. В сарай залетела птичка. Он поймал эту птичку. Поймал и пришел в избу.

— Ой, старуха, — говорит, — я птичку поймал! Есть ли у тебя хоть немного муки? Пасха наступает. Эту птичку мы, — говорит, — зажарим.

Старуха отвечает:

— Немного — и того нет, нет муки. Да на что нам эту птичку убивать? И есть нечего, и пуху от нее не будет. Отнеси ты эту птичку подальше. У тебя в городе есть хорошие приятели — попробуй предложить птичку купцам.

Старик идет в город, за пазуху сует птичку. Приходит к одному купцу. Тот знающий купец был. А у купца было два сына.

— Вот, — говорит ему старик, — не купишь ли у меня птичку?

Купец как взглянет — а у птички на спине написано: «Кто съест голову — будет царем, кто съест туловище — будет князем!»

— Много ли надо, за птичку?

— Да что ж, хоть бы кулек муки нашелся. Пасха подходит, а есть нечего. Спекла бы старуха пирог. Да еще бы кусок мяса хорошо.

Купец велит запрячь трех лошадей. Накладывает на возы муки, мяса, всего, что надо человеку, всякой пищи и вина даже. Усаживает старика на воз, да еще двадцать пять рублей дает впридачу.

Привозят старика домой, а с ним — три подводы, разгружают с них муку и все остальное. Только успели разгрузить и отправить лошадей обратно, как приходит полицейский.

— Где ты был? Где добра награбил?

И арестовал он старика, повез его в город. Старуха плачет. Старик всячески ее уговаривает. Город недалеко, двадцать пять верст.

— Пойдемте, — говорит, — туда, где мне все это дали, к тому хозяину. Нигде я этого не брал, мне хозяин сам дал.

Ну, хорошо, проводили его, привели к хозяину. Старик с плачем ему говорит:

— Смотри, ты мне добра дал, а меня арестовали.

Купец говорит:

— И еще дам. Съешь все это — и снова приходи. Пока ты жив, всегда тебе дам, что нужно.

Дает он ему еще денег.

— Ну, иди, старик, домой!

Отпустили старика. Приходит он домой, и стал он хорошо жить со своей старухой. Но об этом хватит.

А у того купца было два сына. Купец посадил птичку в отдельную комнату в клетку и решил беречь ее для своих сыновей.

Прошел праздник пасхи. Надо купцу в другой город ехать за товаром. Он и говорит жене:

— Смотри, чтобы в эту комнату никто не заходил. Корми, пой эту птичку и никого сюда не пускай.

— Ладно, не буду пускать.

Поехал тот купец. Еще он только собирался, а жена уже своему дружку-градоначальнику письмо посылает: «Приезжай к нам!»

Приходит градоначальник. Милует ее, ходит всюду.

— А почему эта комната закрыта?

— Ой, — говорит она, — купил муж птичку, никого не пускает к ней, никого мне не велел пускать.

— Открой, — просит градоначальник, — комнату.

— Не открою, — отвечает она.

— Не откроешь?

— Нет.

— Ну, прощай!

— Подожди, пусть будет по-твоему, не уходи!

Открывает она комнату. Градоначальник взял в руки птичку и, как прочитал надпись, говорит:

— Убей птичку!

— Ой, не убью! Что я мужу скажу?

— Околела, скажешь. Что еще можно сказать?

— Нет, не могу.

— Так не убьешь и не сжаришь?

— Нет.

— Ну, прощай! — и уходит он, уже к двери идет.

— Ой, не уходи, дорогой! Подожди! Пусть жарят.

Кричит она повару:

— Бери птичку и сжарь!

Взял повар птичку и зажарил.

А тем временем мальчики пришли из школы. Зашли они на кухню. Смотрят, а там — жаркое. У них отдельная комната была. Взяли они птичку и съели. Съели и к себе в комнату ушли.

Подходит время обеда. Приходит хозяйка.

— Ну, подайте сюда то жаркое.

Хватился, а нет жаркого. Туда, сюда — нет!

— Ах, — говорит, — дети съели, наверное.

Что тут поделаешь? Говорит градоначальник жене купца:

— Убей детей и сжарь их печень!

— О, — говорит, — не убью! Детей не убью!

— Не убьешь, так прощай!

Уже к воротам идет, от ворот дальше идет. Жаль стало.

— Иди, — говорит, — возвращайся обратно!

Возвращается тот, повару приказывает:

— Убей детей и сжарь их печень!

А повару жалко стало мальчиков. Приходит он к детям. Хозяйка приказала. Надо что-то делать. А ребята уже знают.

— Что, — говорят они, — пришел нас убивать? Отпусти нас, а мы убьем двух кошек, их печень ты и зажарь.

Поймали двух кошек, их печень повар и зажарил.

Ушли мальчики из дома. Пошли в другое государство. Но их пока оставим в пути.

Возвращается купец домой. Первым делом заглядывает в комнату, где птичку оставил, а она открыта. Спрашивает:

— А где птичка?

— Околела она.

— Да как, что с нею случилось?

— Сдохла, и все.

— Куда ее, дохлую, положили?

— Выбросили.

Поверил купец. Сидит и думает, что дети в школе. Уже время им и прийти бы. Нет детей. Ждет.

— Где, — спрашивает он, — мальчики? Почему не идут домой?

— А мальчики, — говорит жена, — и не придут. Вот — бумага.

— Да где же они?

— Скоропостижно скончались. На кладбище похоронены.

Схватился отец за голову. Поникла голова его на локти да на стол. Поднялся он, белый, как паук. И перестал он торговать, не хотел знать ни торгов, ничего иного; как запил, не верил тому, что сказали. Не стало у него лавок, все добро его опечатали.

А мальчики те пришли в другое государство. Один стал царем, а другой князем, и живут. Тот, который стал князем, тот ничего не делал. А тому, который царем, пришлось давать угощение, чтобы узнать людей. А знакомых у него никого не было, только один старичок.

— Устрой, — просит этот старичок, — угощение.

Царь устроил угощение. Стал угощать старика, и его друзей, и весь народ. Но сам он был непьющий — и как выпил немного, так его и вырвало. И вместе со рвотой вышла голова птички. Утром, проснувшись, он ничего не помнит. Делай, что хочешь, не помнит и не знает ничего. Придется, думает, уходить прочь, раз он ничего не знает.

А эту птичью головку нашла прислуга-девушка. Нашла, вымыла и в карман положила ту птичью головку.

Встал тот парень и ушел оттуда. Идет, идет, подходит к реке. Идет по берегу. Уже темно стало к вечеру. Сел он. Сидит, сидит и думает: «Что мне теперь делать? Куда идти?» Вдруг слышит: где-то спорят. Кто-то говорит:

— Я могу тебя победить.

— Нет, я могу тебя победить, — отвечает другой.

Спорят так, а никого не видно. Тот парень и говорит:

— Я обоих вас могу победить.

— Как это ты, — говорят, — можешь нас победить?

— Очень просто: Во имя отца и сына и святого духа.

Те и исчезли сразу, замолкли. Упало тут крылышко, а в нем лента. Тот парень берет крылышко в руки и как взмахнет — несчетное число душ мужиков появилось перед ним.

— Что велишь делать?

Он и говорит:

— Я велю сделать так, чтобы на это место за одну ночь принесли царский дом.

А когда он взмахнул лентой из стороны в сторону — уйма денег появилась из лесу. Он уже и богат, и дороден. А за ту ночь к утру уже и царский дворец был готов.

Снова он взмахнул крылом. Спрашивают у него:

— Что надо делать?

— Надо из такого-то места принести сюда старика.

Пошли и принесли.

— А теперь из такого-то места принесите сюда девушку-прислугу. Спросите у нее птичью головку. Если не отдаст, то на каждом шагу стегайте розгой.

Но она не отдала птичью головку. Так и привели ее. Только тогда отдала. Как только он съел птичью головку, так опять стал царем, опять царствует.

Стали жить-поживать. Пожили немного. Укрепился царь, как и подобает царю, и царствует в своем царстве. Вспомнил он: «В такой-то день у нашего отца именины должны быть».

Пошел он к брату, чтобы предложить пойти на именины отца, навестить его, узнать, как он поживает. Приходит к брату, разговаривает с ним, тот соглашается, и отправляются они в путь.

Приходят в свой родной город, ходят по городу, ходят около своего дома. Заходят во двор, только одно окно видят, а все остальные забиты досками. Открытое окно — в их кухне. Идут они туда. Сколько раз ни заходят, никого не могут увидеть. Один ста-

ричок ходит, седой, в рваной фуфайке. Вроде как и отец, но не он, кажется. Уж больно он в лохмотьях да седой. Один сын и говорит:

— Кажется, это отец? Спросим у него.

Да и, наконец, спрашивают:

— Не знаете ли, где бы нам чаю попить, мы пришли из другого государства. Знакомых никого нет, а надо бы на ночлег устроиться.

Старичок отвечает:

— Вот тут трактир, можете туда пойти.

— А пойдёте и вы с нами вместе, — говорят братья. По голосу узнали они своего отца.

— А я, родненькие, не пойду, — говорит отец.

— Пойдем, пойдём, не оставим тут тебя!

И взяли его с собой в трактир. Садятся втроем за стол. Старик заплакал и говорит:

— Откуда вы теперь пришли?

— Так и так, пришли из такого-то царства-государства.

— А не видели ль вы или не слышали ль вы там про моих сыновей? Повар сказал мне, что они живы.

— А какие твои сыновья? Как их фамилия и имена?

Рассказал старик им все.

— Ой, да как же нам их не знать, — говорят они, — раз мы с ними за одним столом едим и на одной кровати спим.

— Как это так?

— Да вот так, — говорят, — за одним столом да на одной кровати.

Старик спрашивает:

— Когда вы теперь пойдёте обратно?

— Да скоро уже, нам нельзя долго задерживаться.

— Возьмите и меня туда. У меня нет денег, если есть у сыновей, так они заплатят.

— Не оставим, — говорят, — тебя, возьмем, обязательно возьмем.

Посидели они тут немного. Старик и говорит:

— Есть у меня еще на пол-литра денег. Завтра я именинник. Приходите и вы на мои именины.

— Придем, — говорят гости, — напиши всем своим знакомым, если какие есть у тебя в этом городе.

— Как не быть, — говорит, — есть приятели, и раньше были. Такой дом и такие дела были у меня! — и начал рассказывать. — Всех зови, кого только ты знаешь. Пойдем в лавку!

Пришли они в лавку, дали отцу денег. И что только было в лавке, всего они закупили и послали в отчий дом. А жена старика только успевала принимать продукты. Думает она: «Теперь он кого-то ограбил. Разве может он так много купить? Не иначе, как кого-то ограбил». Тут было и вино, и закуски. Приходит сам хозяин.

— Кого ты, — спрашивает жена, — ограбил?

— Не твое дело. Ты знай, принимай продукты.

Она все приняла. Принесли все, и сел старик писать приглашения. А старику сыновья говорили:

— Непременно, когда мы в шесть часов придем, чтобы к тому часу был градоначальник приглашен!

Принимают они уже поздравления. Кто-то смеется: «Откуда он все взял, чтобы угостить, раз сам на стороне стопку вина искал?» Кто что говорит.

На другой день, когда подошло время к шести, собрались гости. Стол накрыт. Хозяйка говорит:

— Садитесь теперь, начнем!

— Нельзя еще начинать, не все еще мои лучшие гости пришли, — говорит старик. — Они придут в шесть часов, я тогда скажу.

— Все здесь одинаковые гости, — говорит жена.

— Нет, не одинаковые, а разные, — возражает старик.

Настало шесть часов, и пришли сыновья. Старик бросился им навстречу:

— Это мои лучшие гости! — говорит он.

А матери, той хозяйке, стало не по себе.

— Одинаковые все гости, — говорит она, — одинаково все любви.

— Нет, — говорит старик, — эти мне милей. Они принесли мне весть от моих сыновей. Они возьмут меня к сыновьям.

Выскочил тут градоначальник:

— Ваши документы! Как это они могли из-под земли, с того света, вести принести?

А братья говорят:

— Мы покажем документы, подождите немного!

Выходят они за дверь. Одеваются, один в царские одежды, а другой в княжеские. Возвращаются.

— Вот, — говорят, — мы его сыновья; пришли мы не с пустыми вестями, мы его сыновья.

Мать тут и упала. Отец сел. А братья говорят градоначальнику:

— Вот, — говорят, — ты хотел съесть нашу печень, а вместо этого съел печень кошек. Ты нашу жизнь съел.

Убили того градоначальника. Своего отца братья взяли с собой. А мать одна осталась тут жить, живи, как хочешь. Вот тут и конец.

Евсеев, 1965 г., от А. Т. Смоликовой,
Сямозеро. Оригинал — АФ, 782, 3.

Шелковый баран

Был там раньше поп. Понадобился попу работник. Идет он работника искать. Шагает на базар, туда, где работники нанимаются. Навстречу — мужик.

— Здравствуй, батюшка! Куда идешь?

— Да нужен мне работник.

— Возьми меня.

— Как тебя звать?

— Нийкой.

— Не велела попадья брать работника по имени Нийкой.

— Ну, не велела, так что поделаешь!

Поп идет дальше. Нийкой — обратно. Обошел попа кругом. Опять навстречу попу попадается.

— Здравствуй, батюшка! Куда идешь?

— Работник нужен.

— Возьми меня.

— Как тебя звать?

— Нийкой.

— Не велела попадья нанимать работника по имени Нийкой.

— Ну, твоя воля!

Нийкой опять уходит. Прошел немного, опять кругом попа обошел и попу навстречу идет.

— Куда, батюшка, идешь?

— Иду работника искать.

— Возьми меня.

— А как тебя звать?

— Нийкой.

— Не велела матушка нанимать Нийкою.

— А здесь все мужики — Нийкой, а бабы — Анны. Бери либо не нанимай никого.

Ничего не поделаешь. Пришлось его нанять. Приходит поп с работником к жене и говорит ей:

— Ничего не поделаешь. Все здесь с именами Нийкой.

Попадья и говорит:

— Да пусть работает.

Начал он работать. Работает, знаешь ли, все делает. Что только ему ни велят, все выполняет, везде поспевает: и за скотом смотрит, и все работы; попы раньше были богатые, кони и все у них было. Везде Нийкой работает. Стали они рядиться — договариваться.

— Сколько платы в год?

Копейку за год дает поп.

— Хватит тебе этого, буду кормить.

Нийкой ест и работает. Проходит год. Приходит Нийкой.

— Вот, на тебе копейку.

— Хорошо.

(А Нийкою сказали: «Кто честно работает, у того праведная копейка на воде всплывет, если бросишь ее в воду!»)

Идет Нийкой, копейка в кулаке. Идет к берегу реки. Бросает он копейку в реку. Копейка туда и ушла, не всплыла на воду.

— Ай-яй-яй, что теперь делать, — говорит, — не знаю; как будто и честно работал, а копейка все равно в воде утонула.

Идет он снова к попу наниматься. Тот говорит:

— Ну, работай!

Второй год работает Нийкой. Куда велят, на любую работу идет. Опять идет с копейкой. Бросает ее — копейка тонет в воде. Вот чудо-то! Идет-кряхтит, думает и говорит:

— Не знаю, что и делать.

Навстречу ему идет старик.

— Ты, — говорит, — когда вечером будешь ужинать, налей воды на блюдечко и отрежь хлеба. До сих пор ты так не делал.

Третий год Нийкой работает на попа. На каждый ужин наливает воды в блюдечко и отрезает ломтик хлеба. Идет он с новой копейкой к реке, и только бросил ее в воду, как все копейки — и прежние — на поверхность воды всплыли.

Доволен Нийкой.

— Работал три года честно! — и берет эти монеты.

— Куда теперь пойти?

Встречает он змею и думает: «Убить ее или не убивать?» Змея эта, видишь ли, поганая. Но все же он колеблется: «Убить или не убивать?» Убивает он змею. Убивает змею и тогда встречается, видишь ли, волка. Волк гонится за каким-то животным. Нийкой увидел, что это баран, и убивает волка.

— Пойдем, я отплачу тебе за это, — говорит баран.

Идут, идут они, к морскому берегу подходят. Баран своей лапкой по морю провел, и дорога появилась:

— Шагай вслед за мной, Нийкой!

Нийкой идет, идет. Встречается им дом — большой дворец. Подходят к нему. Баран говорит:

— Здесь моя сестра живет. Проси у нее плату за то, что меня спас, но никаких денег не бери, проси в счет платы шелкового барана.

Нийкой идет. А баран и говорит сестре:

— Вот, этот крещеный меня спас, надо ему за это заплатить.

— У меня есть всего вдоволь, — говорит сестра Нийкою. — Бери что хочешь, сколько хочешь денег.

— Незачем мне деньги, — отвечает он, — мне нужен шелковый баран, если дашь.

— Не могу дать, — говорит она и не дает шелкового барана.

Пошли к другой сестре. Велел баран оглянуться назад, а там горит дом первой сестры.

Ко второй сестре пришли — там так же получилось. Не дала и она шелкового барана, и она погорела.

К третьей, младшей сестре пришли. И как только попросили шелкового барана, так она сразу же и дала его.

Берет Нийкой шелкового барана и шагает, за веревочку его ведет.

— Теперь надо идти к попу на ночлег, раз был у него в работниках.

Приходит к попу на ночлег. Куда он барана положит? Он забирает барана в поповский предбанник. В поповском предбаннике привязывает барана, а сам входит в избу и просится на ночлег.

Пускают его, раз был он знакомый, три года был там работником. Надо еще баню затопить. Нийкой затапливает баню. Идут в баню. Первыми идут попадья с дочерьми. Две дочери у них. Идут, там моются. Конечно, все голые, тогда ведь и трусиков-то не было. Одна дочь выходит в предбанник, а там — шелковый баран в углу. Пробует его рукой и сама кричит:

— Ой, мама, здесь шелковый баран в углу! Теперь я надеваю из него шелк для вышивки. Нийкой, наверное, оставил здесь своего барана.

Начинает она выдергивать шерсть барана — и сама к шерсти пристаёт. Выскакивает вторая дочь из бани. Первая говорит:

— Я не могу отнять руки, тяни меня!

Начинает та тянуть и тоже пристаёт к своей сестре. Выходит уже попадья. Толстая такая.

— Что вы тут замешкались?

— Да вот замешкались, пристали к барану.

И попадья начинает тянуть дочерей — и сама к ним пристаёт. Вот уже поп идет в баню. «Уже ночь близится, а домой не идут. Надо посмотреть, где они». Идет туда и он, еще ничего не зная, успевает раздеться, а дочери ему говорят:

— Батюшка, мы пристали. Освободи нас теперь.

Хватается за попадью поп — и он также к ним пристаёт.

Нийкой думает: «Теперь я с вами расплачусь за копейки!» Он преспокойно выспался. Утром встает и ведет барана за веревочку. Ведет барана, а там мужичок зерно веет лопатой. Раньше, видишь ли, там было гумно. На дворе гумна веет; лопата широкая, тяжело ею зерно перебрасывать.

Видит он, ведут барана. Нийкой ведет барана. Поповна, другая, попадья, поп сзади, у всех длинные волосы и шерсть, где надо. Он прибежал к ним.

— Ой, батюшка, тебе, — говорит, — тяжело нести добро.

Поднимает он лопату и пристаёт сзади попа.

Уже идут дальше. Идет Нийкой в город. А там была царевна, такая она была, что никогда не смеялась. И был там такой договор-закон: кто рассмешит ее, за того ей замуж и идти. Она на балконе сидит и смотрит. Смотрит и даже руками всплеснула:

— Ой, чудо какое, — говорит, — три голых бабы, за ними поп, а пятый мужик, поповское добро несет!

Да как рассмеется она. Остановили Нийкой:

— Остановись, Нийкой! Дело тут есть.

Остановили их. И стал Нийкой мужем той царевны. Ведь цари еще и теперь в кое-каких маленьких странах имеются.

Евсеев, 1965 г., от Е. М. Егоровой,
Крошноезеро. Оригинал — АФ, 785, 3.

Сума, дай ума

Было раньше два брата: бедный и богатый. Один был очень бедный, много детей родилось у него, как и у меня, а второй был настолько богат, что не знал, куда и девать свое добро. Бедный ходит, от горя и голода спать не может, встает ночью. Шагает по избе, слышит — в дверь стучат:

— Открой двери!

— Кто там?

— Да доля богатого брата.

— А где моя доля?

— Да твоя доля там у реки под мостом спит. Иди разбуди.

Идет туда он, под мост заходит, бьет-стегает свою долю.

— Ты спишь, а мне голодно, — говорит, — дети от голода мрут.

Выскакивает доля:

— Что я тебе дам?

— Да хоть что, раз мне голодно, и дети от голода мрут.

Дает ему доля скатерть. Говорит:

— Как расстелишь это, так чего захочешь поесть, все будет.

Пошел он, идет. По дороге пробует свою скатерть. Так оно и есть. Идет он домой. Детям говорит:

— Чего вам надо?

— Да было бы хоть загусты со сметаной!

Он расстелил скатерть на столе. Тут чего только не навалило! Богатый брат и спрашивает детей бедняка:

— Как это вы разбогатели?

— А нам отец принес скатерть; чего захотим, все будет.

Приходит богатый брат к бедному. Говорит:

— Как ты разбогател, братец?

— А у меня есть такая скатерть.

— А дай мне, у меня свадьба будет, придешь и ты на свадьбу.

Дал ему скатерть. Началась свадьба. Едят, пируют. Бедного брата и близко не подпускают. Идет он со слезами к своей жене. Говорит:

— Не пустили на свадьбу.

— Так и надо, — говорит старуха.

Живут они. Опять приходит голод. Говорит жена:

— Иди к своей доле.

Идет старик к доле:

— Ты спишь, а мне голодно с детьми, не знаю, на что и жить.

Выскакивает его доля:

— А что я тебе дам?

— Дай хоть что-либо.

Дает доля ему монету:

— Брось ее из руки в руку. Сколько раз перебросишь, столько монет и будет.

Относит старик монету домой. Бросают, бросают ее из рук в руки, денег навалило много. Опять они богатые. Покупают еду, одежду. Приходит к ним богатый брат. Спрашивает:

— Как это вы опять разбогатели?

Отвечают ему:

— У нас есть такая монета — сколько раз ее перебросим из руки в руку, столько и монет будет.

— Дай ты ее мне, братец. Я иду на ярмарку. Что хочешь, дам.

— А будто и не дам. На, возьми.

Дал он ее на ярмарку. Сходил туда богатый. Приходит бедный брат монету обратно. Не отдают, да еще и побили.

Опять бедный плачет. Плохо живут у него дома. Снова обеднели. Идет он в третий раз к своей доле. Говорит:

— Дай что-либо. Опять голодаем.

— Подожди же, — говорит доля и подает ему сумку. — Вот, повесь ее на бок и возьми посох в руки.

Повесил он сумку на бок и посохом размахивает:

— Сума, дай ума!

Семеро парней выскочило оттуда. Били его, били, еле живым оставили. Стал он просить:

— Избавь от смерти, долюшка.

Доля и говорит:

— Парни, в сумку!

Ну, пошел он домой. Приходит. Говорит детям:

— Идите скажите, что у отца есть много ума.

Идут они к богатому и говорят:

— Ах, у нашего отца много ума!

Опять приходит богатый:

— Откуда, братец, ума получил? Дай мне!

— Дам! Иди домой, повесь суму на бок, посохом размахивай и кричи: «Сума, дай ума!»

Идет богатый домой. Посохом размахнулся по сумке. Семеро парней и выскочили. Били его, били. Он кричит, умоляет:

— Идите, позовите братца!

Пошли звать брата. Тот и говорит ему:

— Отдай мне обратно скатерть!

Нашла старуха скатерть. Принесли ее. Но парни продолжают бить богатого. Бедный говорит:

— Отдай обратно монету!

Принесли и монету. Тогда говорит бедный брат:

— Парни, в сумку!

Парни в сумку забрались. А богатому три дня баню топили, в баню отнесли, да так и пропал богатый, а бедный остался жить.

Евсеев, 1967 г., от М. Т. Тиккоевой,
Тикша. Оригинал — АФ, 1663, 1.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

От судьбы не уйдешь

Был раньше, видишь, купец. Идет купец гулять. Идет и встречает он попа, тот едет крестить ребенка, мальчика. Поп и говорит купцу:

— Этот ребенок будет твоим зятем.

Задумал купец убить того мальчика.

— Продадите ли ребенка? — спрашивает он у его родителей. Те сначала говорят:

— Не продадим единственного сына.

— Возьмите, что хотите, — говорит он, — продайте!

— Три тысячи дашь, — говорят, — так продадим.

Тут он и деньги отдает, и ребенка берет. Проезжает немного с работником по берегу реки, потом останавливается и велит работнику вытесать из дерева корыто. В то корыто велит он уложить ребенка и бросить его в воду. А сам едет домой.

А ниже по реке была мельница. Она вдруг остановилась. Идет хозяин посмотреть, почему мельница остановилась, и видит — там корыто с ребенком. Берет он этого ребенка в сыновья.

Растит он его до семнадцати лет.

Однажды приходит к мельнику в гости тот самый купец. Спрашивает:

— Что это за парень у тебя?

— Нашел на мельнице, — говорит тот. — Тридцать лет мельница не останавливалась, а тут остановилась. Пошел посмотреть, а там — корыто с ребенком; я его взял к себе в сыновья.

Купец и думает: «Это ведь то самое корыто, что я бросил».

— Продай мне парня, — просит он.

— Не продам, — говорит мельник, — нет у меня сына.

— Возьми что хочешь, — уговаривает купец, — только продай.

— Три тысячи дашь, так продам, — соглашается мельник.

Купец берет парня, отдает деньги и пишет домой своей хозяйке: «Как только придет с этим письмом парень, так сразу же и убейте его!» Отдает он это письмо парню, и тот отправляется в путь.

Проходит он половину пути и встречает старика:

— Покажи, — говорит старик, — письмо.

— Не покажу, — отвечает парень, — почему я должен его показывать?

Но старик просит:

— Покажи, я ничего плохого тебе не хочу.

Парень и показал ему письмо. Как показал, так старик стирает те слова, что там были написаны, а вместо этого пишет: «Как скоро придет этот парень с письмом, так сразу же ведите его под венец с дочерью!»

Как парень пришел, так его и повенчали.

Вслед за ним приезжает купец домой, спрашивает у хозяйки:

— Уже ли убила того парня?

— Зачем убивать, — говорит, — раз ты послал письмо, чтобы мы его с дочерью обвенчали?

— Что написал, — удивляется купец, — что ты пустое болтаешь?

Тут хозяйка приносит полученное ею письмо, и купец начинает его читать. Читает, а там так написано: «Как скоро придет этот парень с письмом, так сразу же ведите его под венец с дочерью!» Тут купец и всплеснул руками:

— Наверно, у меня, — говорит, — было умопомрачение, когда написал это письмо. Теперь, — говорит, — ничего не попишешь, надо жить.

«Как бы все же извести его?» — думает купец.

— Иди в другие страны, в такой-то и такой-то город, — велит он зятю, — спроси там, много ли у меня денег.

Зять направляется туда, идет, идет и приходит в какой-то город. У него и спрашивают:

— Куда ты идешь, хороший парень?

— В такой-то и такой-то город, — отвечает он.

А они говорят:

— Многие туда ходили, да мало кто оттуда возвращался.

— Надо попробовать сходить туда, — говорит он.

— Если пойдешь, — говорят, — то спроси: у нас высох дуб, в том городе знают, как на нем листья опять будут расти.

— Хорошо, можно спросить, — соглашается он и идет дальше.

Заходит он по пути еще в один город, там спрашивают:

— Куда ты идешь?

— В такой-то и такой-то город, — говорит он, — иду.

— Многие туда ходили, да мало кто оттуда возвращался.

— Надо попробовать сходить туда, — говорит он.

— Коль пойдешь, — говорят, — то спроси: у нас в амбаре ключи потерялись три года назад, не можем никак туда попасть, а в том городе знают, куда делись ключи.

— Хорошо, — говорит, — спрошу, — и идет дальше.

Подходит он к перевозу: там мужик весь век свой всех перевозит.

— Куда идешь? — спрашивает.

— В такой-то и такой-то город иду, — отвечает парень.

— Весь век я здесь перевожу: много туда идет народу, но ни один не возвращается обратно, — говорит перевозчик.

— Что будет, то будет, — говорит, — надо попробовать; пойду.

— Коль пойдешь, так спроси, как я освобожусь от этого перевоза.

— Хорошо, — обещает парень, — можно спросить, — и идет дальше.

Приходит он в тот город, куда надо, идет — и видит там очень большой дом: четыре избы стоят одна на другой. В верхней избе молодуха из окна смотрит: «видно, из русской земли парень».

— Откуда ты, — спрашивает, — хороший парень?

— Я из русской земли, — отвечает он.

— Заходи сюда! — и он идет наверх, молодуха говорит:

— Чего здесь ходишь?

— Пришел по такому-то и такому делу, — отвечает, — такой-то и такой-то купец послал, велел спросить в этом городе, сколько у него денег.

— Мой муженек, — говорит она, — верховный король этого города, он теперь по своему уезду дань собирает. Объясни, что надо у него спросить, я спрошу; я ведь тоже родом из вашей земли; ты возьми лист бумаги и карандаш, я буду спрашивать, а ты ответы записывай.

Она прячет парня в сундук. Приходит ее муж домой:

— Здесь, — говорит, — русским духом пахнет.

— Сам принес, муженек, — отвечает жена, — в своей щеке.

— Пусть так, — говорит он, — накрой стол, дай мне поесть.

Ест он.

— Постели постель, — велит он.

Постелила она ему постель на сундуке, и ложатся они спать. Спят они немного, жена и будит муженька, говорит:

— Вставай, я сон видела, что спрашивали: сколько денег у такого-то и такого-то купца?

— Э-э, — отвечает он, — сколько на земле денег, так у него лишь половина.

Опять засыпает ее муженек. И снова будит его жена:

— Вставай, — говорит, — сон видела: в таком-то и таком-то городе дуб высох. Как на нем листья опять расти будут?

— Там, — говорит, — девушка родила ребенка, убила его и под тем дубом похоронила; надо взять попа, отслужить молебен и земли побросать на корни дуба, тогда и листья снова появятся на нем.

Парень все это в сундуке записывает. А муж опять засыпает. Снова будит его жена:

— Вставай, я опять сон видела.

— Что на этот раз видела?

— В таком-то и таком-то городе ключи от амбара потерялись, где они?

— У меня в кармане, — говорит он, — те ключи. — И опять засыпает.

— Вставай, — говорит жена, — я опять сон видела.

— Что видела? — спрашивает он.

— В таком-то и таком-то месте мужик на перевозе работает, как ему освободиться?

— Кто, — говорит, — весть принесет, тому пусть он скажет: «Во имя отца, сына и святого духа, аминь!» — и лодку оттолкнет от берега, и тот навек останется на переправе.

— А куда ты завтра пойдешь, дорогой муж?

— Пойду, — говорит, — в такой-то и такой-то город, там есть три бочки золота, пойду их привезу, дела тут на одни сутки.

— А где твоя душа? — спрашивает молодуха.

— Моя душа в той избе, где находится камень, внутри камня сундук, в сундуке — шкатулка, в шкатулке — птица, внутри птицы — яйцо, в яйце — моя душа. На том камне — меч, тем мечом лишь ударить, так камень расколется и моя душа пропадет.

Утром встают они, и уходят черти на промысел. Молодуха поднимает парня из сундука, кормит, поит его и говорит:

— Пойдем теперь, попробуем его душу достать!

Идут они к камню. Парень берет в руки меч, ударяет им по камню, камень раскалывается надвое; он взламывает сундук, ломает шкатулку, из шкатулки вынимает птицу, из птицы вынимает яйцо. Берет яйцо и только собирается наступить на него, как черт прилетает туда.

— Ах, — говорит, — изменила ты мне!

Тут парень наступает на яйцо, черт и падает.

— Пойдем теперь в избу, — говорит молодуха парню.

Идут в избу, все добро несут в лодки, три лодки нагружают, прибывают к переправе.

— Никто не возвращался из этого города, — говорит перевозчик, — один только ты вернулся. Что узнал по моему делу?

— Кто придет первым просить переправу, посади его в лодку, оттолкни лодку за нос в воду и скажи: «Во имя отца, сына и святого духа, аминь!» — и тогда ты освободишься.

Приходят они в тот город, где ключи от амбара потерялись. Там встречают их и говорят:

— Многие туда уходили, но один ты вернулся. Что с нашими ключами?

— Вот ключи, — говорит, — в этом кармане.

— Возьми у нас сколько хочешь добра, раз принес ключи.

— Не надо мне добра, — говорит парень, — у меня и без того много добра.

И едут они дальше. Приезжают в следующий город.

— Многие уходили туда, — говорят, — никто не возвращался, один ты вернулся. Что с нашим дубом?

— Девушка родила ребенка, убила его, у корней дуба похоронила. Землю у корней перекопайте, — говорит, — пока возьмите, за упокой души спойте, и тогда листья на дубе вырастут.

Прибывают они в свой город. Вышли на берег, а там его жена сидит у окна и видит парня.

— Смотри-ка, отец, — говорит она, — мой муж приехал!

— Как приехал, — удивляется купец, — не мог он приехать!

— Да нет же, это мой муж! — говорит она.

Вошел парень в избу. Купец и говорит:

— Как ты оттуда вернулся?

— Мужчина, — смеется парень, — из любой беды выйдет.

— Сказали тебе, много ли у меня денег?

— Сказали, что сколько на земле денег, так у тебя лишь половина того.

— Это так, — отвечает купец, — а где ты достал так много денег и добра?

— Много там было на земле денег, — отвечает зять.

— Где эти деньги? — спрашивает купец.

— Надо идти на переправу, — объясняет зять, — а за переправой целая куча денег, поди знай, сколько тысяч.

— Пойду я, — говорит купец, — привезу те деньги.

И едет он туда, приходит к перевозу. Мужик усаживает его в лодку, сам за нос отталкивает ее в воду и говорит:

— Во имя отца и сына и святого духа, аминь! Переправляй теперь ты весь век здесь!

Так купец тут и остается, а мужик уходит домой.

Генетц, 1871 г., от Д. Федина, Ся-
мозеро. Оригинал — ККНИИ, с. 72—77.

Жена купца

Жил раньше купец. Жена у него была хорошая, умная и сильная. Отправился тот купец в морское плавание зарабатывать деньги. Попал он к такому месту, где собралось много народу. Там все хвастались, кто чем мог. Тут и он стал хвастаться своей женой:

— Она, жена, очень умная, могла бы весь ваш город обмануть, если бы была здесь.

За это его посадили в яму глубиной в семь сажен. Говорят народу:

— Не надо ничего говорить, пусть жена вызволит мужа своим умом.

Он там сидит, а жена про это не знает, где ей звать. Ожидает она, ожидает его домой. Тогда нищенка из того города идет к жене купца. Говорит она ей:

— Там какого-то человека посадили в глубокую яму за то, что он хвастался своей женой.

Тогда она начинает расспрашивать нищенку, потом догадывается, что там ведь он, ее купец, больше негде ему быть.

А письма между тем городом, где посажен в яму купец, и зарубежным городом, откуда царевич собирался свататься к девушке этого города, ходят целых три года. И вот жена того купца одевается в мужскую одежду и берет с собой сорок солдат. На трех кораблях она отправляется искать своего мужа. Приезжает она переодетая царевичем в тот город, где заточен ее муж, свататься к царевне. Вот уже там и свадьбу начали справлять. Справляют свадьбу, а царевна и говорит:

— Он не мужчина, этот жених, хотя он и одет в мужскую одежду.

Но царь на это отвечает:

— Мы проверим его силу, если он мужчина, то должен быть сильным.

Привели «жениха» к нему, царь и говорит:

— Здесь двух силачей надо побороть.

Берет «жених» одного одной рукой, другого другой рукой, ударяет их друг о друга, тут они и остались без движения.

Тогда снова продолжают свадьбу. Но та царская дочь снова говорит:

— Он не мужчина, а женщина, я за него не пойду.

Тут царь предлагает:

— Натопим баню, поведем туда зятя.

Натопили баню, хорошенько ее протопили, золотые стулья поставили, в золотую посуду налили воду.

— Теперь зятю надо идти в баню, — говорят.

Когда он пошел в баню, то все двери за собой закрыл. Хорошенько попарился и пришел обратно. Царь спросил его:

— Почему так мало парились?

— Мы всегда так мало паримся, — ответил он.

Тогда царь и говорит дочери:

— Да мужчина это, не спорь.

Дочь царя все спорит да спорит, но ничто не помогает. Продолжают справлять свадьбу. Тогда стал печалиться «жених», сам себя не знает. Спрашивают его:

— Чего это так печалитесь?

— Я здесь, — говорит он, — а мой дядя дома, и три царства там поднялись на него войной.

— Чем бы рассеять его печаль? — спрашивают.

— Есть у нас в яме гусли, — говорит царь, — может быть, он рассеет печаль.

— Приведите его сюда, — сказал он.

Подняли его из ямы. Начинает плясать и играть тот гуслир-купец. Тут и рассеялась печаль у «жениха».

— Теперь мне хорошо, — говорит, — здесь мое время проходит.

Уводят купца обратно в яму, не дают долго тут быть. Продолжают справлять свадьбу. Опять «жених» впадает в печаль. Снова приводят купца играть на гусли. Он играет, играет. Вот

и свадьба уже кончается, надо везти невесту. «Жених» и говорит:

— Теперь надо отправиться в путь, — говорит тот «зять», — дайте гусяра со мной, тогда печаль пройдет.

— Да пусть едет, — соглашается царь.

Переодетая женихом жена купца велит солдатам:

— Снарядите корабли в путь.

Собираются они в плавание с купцом. Его переодетая жена и говорит ему:

— Ведь ты мой муж, теперь надо нам уехать отсюда.

Тогда они приходят к кораблю, поднимаются на корабль и отправляются на нем в путь. Так плыли на нем они — купец и его жена, прибыли домой и стали там жить. Купец посылает письмо в тот город: «Все же обманула моя жена весь ваш город». А оттуда пришло ответное письмо: «Если бы еще раз попыталась обмануть нас твоя жена, так не смогла бы, пусть она хоть какая умная».

На том и конец.

Мустакаллио, 1880 г., от М. Ньюкютти, Бабья губа. Оригинал — Raus., 151.

Чудесный сон

Шагает мужик по деревне. Приходит на двор одного дома. Хочет заночевать в этом доме. Ему говорят:

— Ты не попадешь в этот дом на ночлег, хозяин тебя не пустит.

— Почему не пустит? — спрашивает он.

— Не пустит, если сказку не расскажешь, а если расскажешь, то пустит ночевать, — говорят ему.

— Пойду я проситься, — заявил он.

Заходит он в избу, здоровается, хозяин отвечает ему. Спрашивает новости. Он просится на ночлег.

— Не могу ли я здесь заночевать?

Но хозяин и отвечает:

— Можешь остаться на ночь, если расскажешь сказку, а если не расскажешь, то не пуцку ночевать.

Гость отвечает, что придется рассказать сказку. Хозяин велит снять шапку с головы и тулуп с плеч. Сидят они немного, сели ужинать, приглашают гостя к столу, сами сели есть. После ужина хозяин велит постелить гостю постель на сундуке, а сам ложится на печке. Начинает гость рассказывать сказку, да так они и заснули — гость и хозяин. Во сне они превратились в медведей. Начинают они бегать по лесу. Лето наступило для них. Бегали они и встретили стадо коров. Превратившийся в медведя гость и говорит:

— Теперь надо съесть одну корову, а то стало что-то голодно.

Медведь-хозяин отговаривает:

— Не ешь, брат, это мои коровы.

Побежали они дальше, встретили отару овец.

— Надо съесть овцу, а то голод одолевает, — говорит медведь-гость.

Хозяин-медведь отвечает:

— Не будем есть, это мои овцы.

Бегут они все дальше. Повстречалась им на лугу лошадь.

— Съедем лошадь, а то голодно, — говорит медведь-гость.

— Не будем, брат, это моя лошадь, — отвечает хозяин-медведь.

Бегут они, бегут так долго, что наступает уже осень. Надо бы им найти место для берлоги. Ищут и находят, заходят на зиму в ту берлогу. Там хозяин-медведь устраивается в глубли, а медведь-гость около входа в берлогу. Гость и говорит:

— Когда придут охотники нас убивать, меня они убьют, вытащат отсюда, из берлоги, сдерут шкуру и начнут измерять шкуру, то ты повернись на одной лапе на шкуре и снова превратишься в мужика.

Хозяин-медведь слушает. Пришли охотники, убили другого медведя, вытащили из берлоги, содрали с него шкуру, начали измерять ее, насколько широка и длинна та шкура. Тут хозяин-медведь повернулся на одной лапе на той шкуре. И когда он повернулся, то прямо с печки через сундук полетел на пол. После этого он сломал ребро, стал стонать и кричать, что умирает. А гость услышал это, встал, надел тулуп, надел шапку, обул сапоги и ушел своей дорогой.

А хозяин тут сказал: «пока я живу, ни разу не буду просить рассказывать сказки. Пусть человек приходит и может у нас ночевать без сказки, какую этот гость для него выдумал».

Такой длины эта сказка.

Крон, 1881 г., от П. Липпопена, Вокнаволоок. Оригинал — Raus., 15.

Уговор не перебивать

Жил холостой боярин, он любил слушать сказки. У него был лакей по фамилии Окулов, рассказывавший ему сказки. Но ведь в сказке не все правда, немало в ней и лжи. Боярин стал перебивать сказочника:

— Ты, Окулов, все врешь!

Он и рассердился на боярина:

— Я не буду тебе рассказывать, ты мне не веришь. Я, — говорит, — пойду пахать поле.

Взял он, запряг лошадь и ушел пахать. А боярин ходил, ходил по горнице. Стало ему скучно. Он и посылает второго лакея в поле.

— Иди, — говорит, — позови его домой.

— А ну вас с боярином к черту. Зачем я буду ему рассказывать, если он не верит, а говорит, что я вру. Не пойду, лучше буду пахать.

Лакей вернулся к боярину и говорит:

— Проклинал тебя и меня, не будет рассказывать, раз перебиваешь его.

Боярин велел сказать ему:

— Если я прерву его, то дам ему вольную и пятьсот рублей деньгами, пусть только придет.

— Если так, — сказал Окулов, — то приду.

Распряг он лошадь, загнал в конюшню и пришел к боярину в горницу. Боярин сидит за столом.

— Ну, Окулов, — сказал он, — не буду перебивать тебя, а если прерву, то вольную дам тебе и пятьсот рублей деньгами, куда хочешь, туда и иди.

Поставил он ему два стакана вина. Тот выпил вино, закусил пирогом и стал рассказывать, да с первого слова уже врет:

«Отец наш еще не родился, а мы с дедушкой жили очень богато. Было у нас много скота, коров и лошадей. Однажды вечером телята не вернулись домой. Дед послал меня искать их. Я взял топорик, засунул его за кушак. Ходил, ходил, устал. Нашел я своего коня. Конь с весны был тощий, поймал его, сел на него верхом и поехал на нем по бурелому. Конь у меня утомился, передок поднимается, а зад не шелохнется. Я спустился с коня и топориком разрубил его пополам. Зад я прислонил к осине, а на передке поехал верхом, догнал телят за буреломом. Потом погнал я передок коня обратно к его заду, но они не держались вместе. Я взял и срубил осиновый кол и проткнул его через передок и зад коня. После этого конь опять убежал через бурелом. А у нас лошадей было много. Нам этот конь и не был нужен. До осени он был в бегах, в лесу, на воле. Но мой дед послал меня искать того коня. Я нашел его. Кол, проткнутый в коня, был свежим и из него выросли через спину коня ростки, которые поднялись, выросли осиною, достигавшей своей верхушкой до облаков. Будучи еще молодым, я через конец осинового кола вскарабкался на спину коня и с ветки на ветку поднялся по осине до тех пор, пока не увидел облако. То облако было порядочно большое. Я побарахтался в том облаке и покатился на небо. Там я немного погулял. А мой конь из-под меня убежал. Я там, на небе, и остался, когда же надо было спуститься на землю, то веревки у меня не было, а ведь высоко... Сижу я и думаю. Стали у нас в деревне избы топиться. Я начал собирать дым и вить из него веревку. Опустил веревку вниз, но до земли не хватало сто сажень. А в деревне наши молотили хлеб, и стали они ворошить мякину, от которой пыль столбом поднялась. Я ее собрал и свил из пыли недостающую часть веревки. Так я и опустился на землю».

Боярин сидит и думает. Затем спрашивает у лакея:

— Ты там на небе всех видел?

— Всех видел.

— А видел ли там моего отца, генерал-лейтенанта? Что он там делал?

— Коров пас.

— Врешь ты, — рассердился боярин и стал ругаться, — будет тебе генерал-лейтенант коров пасти!

Тут и сбился боярин, нарушил условие не перебивать, и лакей получил от него вольную и деньги. Ушел он на волю. Тут и сказка вся.

Куела, 1913 г., от Н. Краюхина,
Чамерово. Оригинал — ККН1, с. 92—
93.

Барин и кучер

Нанял барин мужика кучером. Стал обижать кучера, обдирать его и едой и питьем. Кучер думает: «Как мне барина проучить, чтобы по-человечески со мной обращался?» Поехал барин с кучером в дальнюю поездку. Поднялась пурга, не видно ни неба, ни земли, и они сбились с дороги. Кучер ездил, ездил, лошади устали. «Что будем делать, барин, лошади устали, дальше не идут?»

Озябли оба. Барин и говорит:

— Поезжай к стогу, дай лошадям сена.

Кучер говорит:

— А если хозяин стога придет?

— А придет, так пусть придет. А ты дай лошадям сена.

Кучер поехал к стогу и дал лошадям сена. Сам решил лечь спать. Кучер взял пустой мешок и спит в мешке. А барин завернулся в тулуп, но сильно замерз.

— А тепло ли в мешке? Я в тулупе сильно озяб, пусти меня в мешок.

Делать нечего, пришлось кучеру уступить мешок барину. Влез барин в мешок и наказывает кучеру, чтобы он крепче завязал мешок, чтобы в мешке было теплее. Кучер так и сделал, да еще сеном прикрыл барина. Ушел кучер подальше от стога, взял из изгороди палку и, ругаясь, идет к стогу: «Какой черт из моего стога сеном кормит лошадей?»

Кучер и голос изменил, а барин слушает. Еще больше кучер стал ругаться и начал бить землю, будто кучера бьет. Кучер кричит, а сам бьет землю, потом пошел искать барина. «Что это там в мешке?» И сам говорит: «Барин». «Барина мне и нужно!»

Начал барина хлестать палкой, а барин кричит: «Вот, убил!» Кучер не посмотрел на крик и бил барина до тех пор, пока не

устал. Потом кучер бросил палку и лег в стог. У себя прикусил язык. Кровью намазал нос и лежит окровавленный. Барин просит:

— Кучер, иди, развяжи меня!

— Не могу, — говорит кучер, — все кости у меня переломал мужик, не могу прийти к тебе, чтобы развязать мешок.

Потом ползком прополз до барина, развязал мешок и освободил барина из мешка. Барин смотрит на кучера и говорит:

— Меня здорово поколотили, все косточки поломали, а, видно, тебя еще больше избили, у тебя изо рта и из носа кровь течет. Спасибо тебе, что не сказал мужику, что я в мешке, а он сам нашел меня и все бока расчесал. Пойдем, кучерок, сядем и поедем домой.

Кучер отвечает:

— Не могу идти, даже встать!

Барин взял его на спину и посадил в сани, а сам сел на козлы и поехали. Кучер охает:

— Не могу терпеть, умру.

Барин говорит: «Меня сильно избили, а тебя, видно, еще сильнее!» С тех пор с кучером стал обходиться по-человечески, не стал обижать ни в еде, ни в питье.

Беляков, 1925 г., от М. Волкова, Новая Яблонька. Оригинал — личный архив А. А. Белякова.

Ястреб

Живут муж с женой. Живут очень бедно. Говорит муж жене:

— Сделаю я силки и поставлю их в лесу: не попадет ли в них дичь?

Поставил он тысячу силков. Сходил первый раз посмотреть — ничего не попало. Потом второй раз сходил — опять ничего. На третий раз попался ястреб. Отнес он его домой.

Засунул он ястреба в мешок и понес на рынок. Когда он уходил, жена сказала ему:

— Ничего ты за него не получишь.

Муж отвечает:

— Получу, что получу, но пойду на рынок.

Прошел он двадцать верст, подошел к одному дому. В доме были нижние окна. Посмотрел он через окно внутрь. Там на столе всякие кушанья и напитки, и хозяйка дома с соседом своим едят, пьют и бокалами чокаются. Он постучал в наружную дверь, но его не пускают внутрь. Подходит к нему хозяин дома и спрашивает:

— Почему, гость, стоишь, не заходишь в дом?

Тот отвечает, что не пускают. Хозяин сказал:

— Заходи за мной!

Хозяйка успела спрятать все кушанья до того, как они вошли в дом, а на стол поставила старую соленую рыбу, черствый хлеб и сыворотку.

Гость стал есть и поставил свой мешок между ног. Наступил он ногой на мешок. Ястреб в нем подал голос. Хозяин спросил: — Что это там пищит?

— Это пищит вещая птица и говорит, что в комодѣ спряганы пироги.

Хозяин выдвигает ящик комода и ставит пироги на стол. Они начинают есть. Опять гость наступил на мешок, и птица в нем дала о себе знать.

— Что это она теперь вещает? — спросил хозяин.

— В печке запрятано жаркое.

Принес хозяин на стол и жаркое, начали они есть. Через некоторое время гость опять наступил на мешок. Птица зашипела.

— Что это она опять шипит?

— Сосед твой спрятался в подполье.

Спустился хозяин в подполье. Там сосед в углу сидит. Хозяин немного проучил его, но тот вырвался и убежал домой. Наступил вечер. Хозяин предлагает гостю:

— Остаься на ночлег, не уходи в путь на ночь глядя.

Остался гость на ночлег, выспался за ночь. Утром собрался он уходить. Хозяин хочет купить у него птицу.

— Если дашь сто рублей — продам, — отвечает гость.

Хозяин уплатил деньги, и гость ушел. Уходя в лес, хозяин наказал:

— Эту птицу надо кормить хлебом, водой и молоком.

Когда сосед увидел, что хозяин ушел в лес, он опять пришел к хозяйке в гости. Ястреб стал шипеть. Тогда хозяйка показала ему зад:

— Вот тебе!

Ястреб стал ее клевать. Хозяйка закричала, стала звать соседа на помощь, но ястреб схватил его когтями за бороду, и он стал кричать. Приходит хозяин из лесу. Уже на дворе слышит, как в избе кричат. Зашел он с плетью в избу. Ударил один раз хозяйку, второй раз соседа. Сосед убежал. Полбороды осталось в когтях ястреба.

Хозяин послал с работником еще сто рублей за ястреба, за то, что он был так хорош. После этого сосед не ходил в гости к хозяйке того дома.

Богданов, 1927 г., от Пянтти, Бабя губа. Оригинал — А, 11, 1.

Петр I и пьяный солдат

Идет однажды Петр Первый гулять по городу. Идет и видит, что лежит на дороге пьяный в стельку солдат. Царь приказывает своим приближенным:

— Отнесите его в приличный дом. Вымойте и оденьте солдата в хорошую одежду.

Берут его и относят в приличные комнаты, в хорошую одежду его одевают. Очнувшись, солдат спросил:

— Где я теперь нахожусь?

— Ты теперь на том свете, — говорят ему и несут ему разные кушанья. Солдат и спрашивает:

— Разных кушаний принесли, но дадут ли мне пить вина?

— Дадут.

Петр Первый спросил у приближенных, что они сказали солдату.

— А мы сказали, что он теперь на том свете.

— Теперь напоите его опять до бесчувствия, оденьте в прежние одежды и отведите на прежнее место.

Отнесли его на прежнее место. Спит, спит он — и, очнувшись, смотрит и думает: «надо куда-то сходить». Его спрашивают:

— Где ты был?

— Я был на том свете. Вот где было хорошо! Всего было вдоволь!

Тогда все над ним посмеялись.

Николаевская, 1936 г., от И. А. Трохлева, Погран-Кондуши. Оригинал — А, 135, 155.

Петр I и умный крестьянин

Ехал царь Петр верхом и догнал старика, ехавшего впереди него с огромным возом дров. Он спрашивает у старика:

— Как у вас хлеба растут?

— Хлеба растут хорошо, — отвечает старик, — но на первом корню его черви едят.

— А где такого хорошего коня купил, или дома его вырастил?

— Не купил и дома не вырастил, а сам он с нивы вслед за моей половиной пришел.

— А где такой топор приобрел: купил или в кузнице заказал?

— Не купил, не заказал, а в речке я купался, и за мою ногу он зацепился.

Поехал царь вслед за стариком. Старик въезжает в свой двор и распрягает коня. Входит он в избу. А там уже царь сидит. Тут только старик его узнал. Он испугался и чуть не упал. Извиняется перед ним:

— Извини, императорское величество, неладно я с тобой разговаривал.

— Ничего, — говорит царь, — не бойся. Разденься и расскажи все по-хорошему.

Старик разделся.

— А теперь скажи, что значит первый ответ насчет хлеба.

— Я сказал, что пять дней в неделю я работаю на боярина даром и хлеб за эти дни точно черви едят, а на себя работаю только шестой день.

— А что значит твой ответ насчет коня?

— Это значит, императорское величество, мать жены привела мне этого коня, выходит: не купил и дома не вырастил.

— А как разгадать твой ответ насчет топора?

— Топор я тоже не купил и не сделал, а нашел, купаясь в ручье.

— Молодец, старик, сумел ответить, так сможешь ли, раз у тебя такой хороший конь, везти меня так быстро, чтобы я мог заутреню в Москве стоять?

— Могу, императорское величество. Ложись спокойно спать, отдохни.

Легли они спать, и старик ложится. Царю не спится. Будит он старика:

— Поедем, — говорит, — дед?

Затем старик пошел запрягать коня, да задержался в конюшне. Не дождавшись его, царь Петр идет вслед за ним и видит, как старик накладывает чугунные болванки в свои сани. Спрашивает царь Петр:

— Что делаешь, дед?

— Да вот без этих чугунных болванок, да еще если не привяжу я тебя веревками к санкам, перевернутся они и выпадешь ты из них.

Запрягает старик коня, укладывает царя в сани, накрывает одеялами, связывает веревками и выезжает в дорогу.

Приехали они в Москву к самой заутрене. Направляет старик своего коня прямо в царские ворота. Часовые остановили его:

— Куда, старый, в царские ворота со связанным арестантом едешь?

— Подождите, я его вам освобожу, — отвечает старик и развязывает царя.

Выскакивает Петр, а испуганные часовые кто куда разбежались. Повел царь старика с собой. Напоил, накормил.

— Чего ты хочешь за подводу в награду?

— Ничего мне больше не надо, а только освободи меня от крепостной зависимости, чтобы я стал вольным.

Написал царь Петр золотыми буквами старику, что он больше не крепостной, а вольный гражданин, еще пяточок дал на чай.

Белова, 1940 г., от В. А. Гордеева,
Пелдожи. Оригинал — А, 100, 41а.

Киндасовский мужик на переправе

Мужик кричит через реку:

— Хлебный нож, переправь на лодке!

Киндасовский мужик берет нож из ножен, видит, что нож в хлебе, он и говорит:

— Это там колдун просит переправы, раз он знает, что мой нож в хлебе.

— Ты, колдун, если угадаешь, сколько у меня коров, то вторую из них тебе отдам.

Прохожий мужик и отвечает:

— Две коровы у тебя.

Киндасовский мужик говорит:

— Получай корову!

Евсеев, 1945 г., от А. Киброевой,
Вешкелицы. Оригинал — А, 97, 8.

Барин теленка родил

Был раньше там барин. Он заболел и посылает своего работника за доктором. Работник приходит к доктору и говорит, что его барин заболел. Доктор советует работнику:

— Пусть барин помочится в стакан. Я осмотрую мочу и потом дам ему лекарство.

Работник приходит домой и говорит барину:

— Доктор велел помочиться в стакан и принести ему этот стакан осмотреть.

Барин сделал, что надо; работник собрался относить, но по дороге споткнулся и упал. Моча вылилась из стакана. Видит работник — невдалеке корова мочится. Он подsunул стакан под хвост коровы и отнес эту мочу доктору. Доктор осмотрел ее и сказал:

— Барин родит теленка.

Идет работник к барину и говорит, что слышал от доктора. Барину стало стыдно. Велит он работнику запрячь коней и собирается уехать на них куда глаза глядят. Сели они и поехали. Едут, и видит работник — валенки с отрезанными ногами лежат на дороге. Он берет те валенки в сани.

Приезжают они в деревню. Заходят в один дом на ночлег. Смотрит работник — в избе теленок бегаёт. Распрягает он коней. Заходят они ночевать. Поужинали там в доме. Постель делают барину на полу. Работник и говорит хозяину дома:

— У вас теленок в избе, не съел бы он барина!

А барин и не видел теленка. Спят они ночь. Проснувшись, работник и говорит барину:

— Смотри-ка, ты теленка родил!

Барину стало стыдно. Он убежал. И работника в том доме оставил. Работник берет валенки с отрезанными ногами и сует в постель барина, укрывает их и ложится спать. Когда утром все проснулись, работник и говорит:

— Смотрите-ка, какое чудо, ведь вечером я предупреждал, что ваш теленок может съесть барина. Вы сказали, что не съест, а смотрите, от барина остались только одни ноги в валенках, остального барина теленок съел. Теперь я подам дело в суд!

Хозяева дома начинают его упрашивать:

— Возьми сколько хочешь денег, но в суд не подавай!

Ему дают сто рублей денег, и он идет искать барина. Идет к барину домой, а коней не взял с собой, оставил в доме, где ночевали. Говорит он барину:

— Почему ты сбежал? Коней мне не отдали!

Барин дал работнику вторую сотню рублей:

— Отдай хозяину того дома эти деньги и приведи домой коней.

Работник идет туда, где ночевал. Говорит хозяевам:

— Нет хозяина дома, передам дело в суд!

Хозяева дают ему еще сотню денег, третью, и работник уезжает с конями к барину.

Евсеев, 1945 г., от А. Киброевой,
Вешкелицы. Оригинал — А, 97, 7.

Обманутый скупец

Был раньше такой плохой хозяин, никого не пускал к себе ночевать. Однажды к нему пришел солдат: ему отказали в ночлеге. На второй раз солдат прикинулся глухим. Хозяин сказал ему:

— Не пустим! Много тут вас, ночлежников!

А солдат, будто и не слышал, говорит:

— Спасибо, добрый хозяин, раз так охотнопустишь ночевать.

Заходит солдат в избу. Говорит хозяйке:

— Хозяин пустил меня ночевать.

— Что он, с ума сошел, ведь мы никогда не пускаем ночевать, — удивилась хозяйка.

А солдат только и знает, что свое повторяет:

— Спасибо, добрая хозяйка, раз и ты так охотнопустила ночевать.

Пришел в избу хозяин, и хозяйка начала его ругать. Хозяин сказал:

— Я его не пускал, но, видно, он глухой, все равно пришел.

Собрала на стол к ужину хозяйка, сели ужинать. Под конец хозяин забыл, что при солдате надо молчать, и спросил:

— Ты откуда родом?

— Спасибо, спасибо, — говорит солдат и садится вместе с ними ужинать.

После ужина хозяин говорит жене:

— Утром я пойду в лес, а ты напеки блинов, пока солдат спит. А когда солдат будет уходить, ты возьми с него деньги за ночлег.

Солдат это слышал и утром встал тогда, когда хозяйка уже много блинов напекла. Стал он уходить, а старуха оставила блины около печи и спрашивает:

— Плати за ночлег.

— Спасибо, спасибо, раз не хочешь отпускать ночлежника без блинов, — сказал солдат, съел все блины около печки и ушел.

Евсеев, 1946 г., от М. П. Никитиной,
Янгозеро. Оригинал — А, 71, 17.

Муж в дупле

Были раньше муж с женой. Его жена имела раньше святого брата — любовника. У них скота было: бык да корова. Муж все видел; видел, что у жены есть любовник. Он своей жене ничего не говорит. Пошел он в лес. Пришел старик из лесу. Говорит жене:

— Не знаешь ты, жена, чудо: есть поп в лесу, около дороги стоит очень толстая сосна, в сосне — дупло. В нем сидит поп. Он всем грехи отпускает: кто ругается, кто ворует, кто с чужими мужьями водится. Мне он, женушка, все грехи отпустил, и теперь так легко стало, совсем молодым человеком стал. Иди-ка ты, жена, завтра, скажи все грехи. Я пойду в лес и покажу тебе, где находится та сосна. Я пойду заготавливать дрова в лесу, и ты со мной иди.

Старик-муж забирается в дупло той сосны. Жена подходит к сосне.

— Есть ли здесь тот, кто грехи отпускает?

Старик ответил не своим голосом:

— Есть, есть, скажи все грехи, какие у тебя есть. Ругалась ли ты?

— Ругалась, ругалась, батюшка.

— Воровала ли ты?

— Воровала, воровала, батюшка.

— Все это можно простить. Был ли у тебя любовник? Жила ли ты с другими мужчинами?

— Жила я с тремя другими.

— Как их зовут?

— Все они Пекки.

— А удобно ли тебе, если твой муж все видит?

— Видит-то видит, но как бы его извести?

— Не надо его убивать, можно его ослепить.

— А как можно бы его ослепить?

— Теперь ты иди домой и поставь килограмм масла топиться. Налей туда литр молока, свари из всего этого похлебку и поставь его все съесть, тогда он ослепнет. Есть ли еще грехи?

— Больше нет грехов.

— Теперь все грехи тебе отпускаю. Иди с миром домой.

Жена идет домой. Растопила мужу масло, сварила с молоком похлебку. Приходит старик домой, жена и говорит:

— Я уже ходила каяться в грехах. Садись теперь, муженек, есть, я тебе вкусную похлебку сварила.

Старик ест и говорит:

— Иди и ты, женушка, есть.

— Ешь, ешь, все съешь.

Старик ел-ел и начал жаловаться:

— Ой, женушка, что-то у меня глаза стали болеть, теперь я ослепну. Вот уже и ослеп.

— Ах, муженек, что с тобой случилось?

— Проводи меня, женушка, на печку.

— Неужели ты совсем ослеп, ничего не видишь?

— Нет, женушка, ничего не вижу.

Жена и говорит:

— Что теперь с нами будет? Надо бы нам еще быка зарезать.

— Может, женушка, кого в деревне найдешь, чтобы быка зарезать?

— Был бы там Пекка за полем, мясник за заливом! Пойду приведу его.

Сходила и пригласила Пекку. Пекка пришел. Начали точить ножи и топоры. Идут быка резать. Муж говорит жене:

— Дайте я обухом топора заколю выращенного мною быка. Если хорошенько будете держать быка за рога, то я могу ударить.

Жена говорит:

— Ну что же, пойдём резать быка.

Вывели быка из хлева. Дали мужу топор. Он и убил Пекку. Пекка тут же и умер. Жена испугалась:

— Убил Пекку!

— Ой, женушка, отнеси Пекку в подполье!

Увели быка обратно в хлев. Так старик всех любовников жены по имени Пекка убил, а бык остался незаколотым. Последнего Пекку не успели убрать в подполье, уложили под скамьей. Пришел странник, попросился ночевать. Они ответили путнику:

— Можно, можно ночевать, но у нас много мертвых тел.

— Если можете пустить, так я не боюсь покойников.

Странник пришел в избу. Смотрит — а тело лежит под скамьей. А у них рядом с домом шумел водопад. Странник и говорит:

— Ну, это тело быстро отсюда уйдет!

Относит он это тело в водопад. Когда гость пошел относить тело, старики и второго покойника подняли из подполья. Пришел чужеземец. Взял и второго, отнес в водопад. А они тем временем подняли третьего. Наконец, путник и говорит:

— Много ли у вас еще мертвецов?

Схватил в сердцах и последнего понес туда же. Муж и говорит жене:

— Иди, жена, посмотри, куда он их относит?

Отнес путник третьего мертвеца в водопад, смотрит — еще один сам по дороге идет. Схватил он жену старика и понес в водопад. Жена кричит:

— Не относи меня, не относи меня. Ведь я жена старика и хозяйка дома.

Гость и говорит ей:

— Будь ты хоть бесова жена!

Он бросил ее в водопад. Старик отблагодарил его.

Евсеев, 1956 г., от Д. Кирилловой,
Коккосальми. Оригинал — А, 2, 177.

Разбойник Хомо

Был раньше в деревне поп. Жил с женой. Ему говорят: в деревне появился разбойник. Поп сказал:

— Я не верю, что есть разбойник. Если б он мог взять во время чаепития со стола наш самовар, тогда бы поверил, а так не верю.

Стали пить чай. Разбойник идет на кладбище, берет крест с могилы, берет с изгороди постельник, вывешенный сушиться, засовывает постельник на крест, несет к попу под окно и качает — с одной стороны на другую.

Поп с женой как вскочат!

— Ой-ой! Покойник пришел, покойник пришел!

Испугались и говорят:

— Пойдем спать!

Разбойник идет, вынимает окно, берет самовар и уходит. На следующий день поп и говорит:

— Разбойник самовар унес со стола. Правда, самовар хотя и взял, но вот, если бы мог перину стащить из-под меня, то был бы разбойник.

На следующий день — собираются спать, а разбойник до того, как заперли двери, забрался под кровать. Сидит. Двери закрыли, а попадьа замесила пшеничное тесто. Улеглись спать, заснули. Разбойник пошел, взял пшеничное тесто и все тесто вылил на голову попу и попадье. Волосы их прилипли друг к другу. Проснулся поп и говорит:

— Матушка, ты за волосы тянешь?

Попадья говорит:

— Батюшка, ты за волосы тянешь?

Слипшиеся волосы высохли. Пошли поп с попадьею на кухню мыть волосы. В это время разбойник взял постель да и выбросил в окно и сам ушел. Пришли обратно, а перины нет.

— То был бы разбойник, — говорит поп, — если бы мог знать, где деньги взять.

А разбойник за окном слушает. Поп и говорит:

— Деньги в подполье, под лестницей, в земле. Мне бог велел на небо их взять: «Ты, — говорит, — не оставляй разбойнику денег!»

А разбойник слушает. Ночью, когда сторож закрывал церковь, разбойник юркнул в церковь, потом поднялся на колокольню и зазвонил, очень сильно зазвонил.

— Что за чудо случилось, в церкви звонят?

Поп вскочил, пришел туда — на колокольне мужик.

— Почему звонишь?

— Пришел брать тебя к богу на небо. Принеси-ка крепкий большой мешок.

Поп пришел к попадье.

— Дай, матушка, мешок, за мной пришли: на небо к богу брать. В мешок положит, — говорит, — да и пошлет меня к богу.

Пришел поп на колокольню с мешком. Разбойник положил попа в мешок и пустил вниз по лестнице. Как пустил вниз по лестнице, поп завыл:

— Ой-ой-ой, ушибся!

— Не вой, не вой; облаков, облаков касаешься.

С третьей лестницы пустил. Поп сильно ушибся. Разбойник взял попа, отнес в хлев к теленку и овцам. Лежит там поп в мешке. Просыпается утром попадья, идет в хлев давать корм: «Что это за куча там в мешке?» Как стала смотреть, а там — поп.

— Где же я?

Ты ведь в хлеву.

Попадья проводила попа на печку. Ничего не может поп — так разбился. Приходит в избу мужик. Кто он, не знают. Поп лежит на печи. Мужик и спрашивает:

— Что, батюшка хворает?

А попадья отвечает:

— Молчи, очень сильно ушибся.

— Я вылечу попа, — говорит мужик, — быстро выправлю.

Попадья как пристала:

— Если бы ты вылечил, — говорит, — с радостью попросила бы помочь.

— Иди-ка, сделай две длинных проруби у берега, — говорит мужик. — Я в одну прорубь спущу попа, из другой вытащу, и будет здоров, да еще богатство принесет.

Сделали проруби. Попа положили в мешок. Несет разбойник попа в прорубь.

— Кричи, — говорит, — буль, буль-буру, полный воз товару!

Бросает попа в прорубь. Поп успел крикнуть только: «Буль-буль!» — а про товар не успел крикнуть. Там и остался. Разбойник не вытянул его из другой проруби. А попадья стала жить с разбойником в своем доме.

Евсеев, 1957 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 20, 8.

Поп на яйцо

Жили старик и старуха очень бедно. Так жили бедно, что и земли у них не было. Была лишь одна курочка, которая однажды снесла большое яйцо. Идет старик продавать это яйцо на базаре. Идет поп по базару, увидел это яйцо и сказал старику:

— Продай мне яйцо.

Старик и говорит ему:

— Это дорогое яйцо, из него вылупится жеребенок, если человек высидит на нем положенное время.

Продав старик попу это яйцо за двести рублей, и поп на радостях пошел с ним домой. Стал сидеть на нем. Сидел, сидел на яйце и заснул, и от его тяжести яйцо под ним разбилось. В это время мышонок выскочил из норки и пробежал мимо него. Проснувшийся поп заметил его и говорит:

— Вот ведь раньше времени яйцо разбилось, жеребенок не успел вырасти, выскочил из яйца и убежал, скрывшись в мышиной норке.

Евсеев, 1964 г., от К. С. Никоновой, Спасская губа. Оригинал — АФ, 217а, 25.

Царский работник

Раньше царь держал работников. Когда его работник выполнил все работы, царю захотелось отправить его на базар.

— Обязательно купи тетерок, не дороже и не дешевле, как рубль за пару тетерок.

И отправился работник на базар. День ходил, другой ходил, тетерки есть, но пара стоит лишь пятьдесят копеек. Дороже нигде нет, а царь велел купить по рублю пару. Сказал: ни дороже, ни дешевле. Так и вернулся.

На другой день царь говорит:

— Если мне не достанешь пару за рубль, хорошего не жди!

Встречается работнику мужик, хороший мужик, и говорит ему:

— Что же ты не в духе?

— Да что: вчера день ходил, тетерок ищу на базаре; царь дал мне наказ — достать пару за рубль, ни дороже, ни дешевле. Тетерки есть, но лишь пятьдесят копеек пара.

— Эх ты, — говорит тот, — иди купи тетерок за пятьдесят копеек да иди к царю, и как спросит, сколько заплатил, скажи, что заплатил рубль.

Работник идет, покупает на базаре по пятьдесят копеек пару. Лишние деньги кладет себе в карман.

— Ну, сколько заплатил? — спрашивает царь.

— Заплатил, сколько велел, рубль за пару. Искал, искал и нашел в конце концов, — говорит работник.

— Вот, хорошо и сделал, что нашел за пятьдесят копеек штуку, а то казнил бы я тебя, — говорит царь.

Так вот и остался тогда в живых мужик и царю пятидесятикопеечных тетерок купил за рубль.

Рягов, 1965 г., от И. В. Борисова,
Вешкелицы. Оригинал — АФ, 538, 3.

Поездка в Питер

Три мужика отправились в Питер. В то время в Петрозаводске не было такого товару, какой им был нужен. Отправляясь, мужики говорят:

— Поедем в Питер, а там народ русский, умеем ли мы — по-русски? Ты умеешь по-русски? — спрашивает один.

— Я умею.

— Что умеешь?

— «Дело наше».

— Я больше тебя умею, — говорит другой.

— А что ты умеешь? — спрашивают у него.

— А я, — говорит, — умею слово «следует».

А третий говорит им:

— Все ваши слова не главные, я умею больше.

— А что ты умеешь?

— А я умею, — говорит, — слово «а понапрасну».

Три мужика, и три слова у мужиков по-русски. Отправились они, едут по дороге, едут мужики и видят: на дороге мужик убитый лежит. Лошадей они остановили и смотрят на того мужика, думают. А в это время приезжают следователи — становые были раньше, и урядники, и стражники были. Приезжают и спрашивают по-русски:

— Кто мужика убил?

А первый мужик и говорит им:

— Дело наше.

Тогда следователи и говорят:

— Дело-то ваше, — говорят, — так вас в тюрьму посадят.

Другой и отвечает:

— Следует.

А третий, когда их взяли в тюрьму, подержали их там (ни за что взяли, не были они виновны), когда дело подошло к концу, третий и говорит:

— А понапрасну!

Вот у третьего вышло правильно, он знал больше всех по-русски.

Рягоев, 1965 г., от И. В. Борисова,
Вешкелицы. Оригинал — АФ, 529, 3.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИЧКИ

Пастух и Ахти

Пастух тесал на берегу реки палку и уронил в воду свой нож. Плакавшего от досады пастуха услышал Ахти, подплыл он к нему, нырнул на дно и принес оттуда пастуху золотой нож.

— Нет, это не мой, — сказал пастух, и Ахти второй раз нырнул и принес серебряный нож. Но и этот не признал пастух своим, и тогда на третий раз Ахти принес ему настоящий нож, в котором пастух с радостью узнал свой. Ахти похвалил пастуха за честность и отдал ему все три ножа.

Этот случай скоро стал известен и другим. Тогда некий другой пастух подумал: «Почему бы и мне не повезло так же, как и ему?»

Пошел он на крутой берег реки, бросил нож в воду и стал громко плакать. Ахти принес ему золотой нож и спросил:

— По этому ли ножу плачешь?

— Да, да, именно по этому, — ответил пастух и протянул руку, чтобы взять этот нож. Но Ахти не стал хвалить пастуха за честность и отплыл от берега, оставив его даже без собственного ножа, который он забросил в воду. На честности мир держится.

Ленрот, 1836 г., Карелия. Оригинал — Мех., 1836, helmikuu.

Старик и смерть

Дряхлый бедный старик готовил дрова в лесу. Связав охапку дров, старик понес ее домой. Устав по дороге, он опустил вязанку дров на землю, стал жаловаться на свою старость и бедность и, наконец, сказал:

— Хоть бы смерть пришла!

Смерть сразу же появилась и спросила:

— Я здесь; зачем ты меня звал?

— Спрашиваешь зачем? А может, хочешь по пути немного пронести вместо меня мою ношу? А то я, бедняга, очень устал.

Ленрот, 1846 г., Карелия. Оригинал — Мех., 1836, tammiuu.

Бог и Вяйнямёйни

Бог хотел убить Вяйнямёйнена потому, что он долго жил на свете и был лучше создателя и выше господа бога.

Тут-то старый Вяйнямёйни на колени опустился и ничком упал на пол перед господом всевышним и создателем великим:

— Ты оставь мне жизнь, создатель, не бери меня отсюда, не губи на этом свете. Сапогов три пары дай мне, обувь дай мне из железа, дай пожить мне безмятежно, век в железных сапогах!

Дал ему господь создатель, дал сапог ему три пары, пары три — все из железа.

«Ты теперь живи здесь вдоволь до тех пор, пока износишь сапоги те из железа!»

И пошел домой наш Вяйнё, сапоги свои он носит, а железные убрал он.

Создатель послал своих работников убить Вяйнямёйнена, считая, что он уже успел износить те сапоги. Вяйнямёйни сказал:

— Еще ни один сапог не износился!

Он хочет жить. На второй раз приходят слуги божьи. Но и тогда еще не износились сапоги из железа. Тут рассердился великий создатель, обозлился бог и сказал:

— Пусть душа в тебе сидит, пока вселенная стоит!

Бог изгнал его. И тогда он с плачем пришел в Похьёлу. Хозяйка Похьёлы послала посмотреть на него служанок, затем сама пошла, сказав:

— Обращайся-ка ты в бегство, чтобы скрыть свои грехи. Ты иди, куда велю я, — прямо в глотку Куримукса, в гадкую пучину моря и на вечное сиденье; и с порога на коленях не сойдешь ты в дни свои!

Кастрен, 1839 г., Ухта. Оригинал —
KI, 115.

Создание мира

Гагара летала над морем, был туман. Дух сатаны появился перед гагарой:

— Что ты здесь летаешь?

Гагара ответила:

— Я водоплавающая птица, поэтому и летаю над морем.

— Что ты летаешь над морем, раз нет у нас земли?

— А где эту землю достать, если ее нет.

— Но земля есть на дне моря. Если ты водоплавающая птица, так подними клювом горстку земли.

На первый раз гагара подняла мало земли, вода ее размывла. Сатана ей предложил:

— Ныряй второй раз, подними еще немного.

Гагара второй и третий раз ныряла. Она уже часть земли из моря подняла и живет на ней. Появился однажды божий дух.

— Откуда вы здесь землю достали?

— Гагара на дно моря ныряла.

— Давайте теперь вместе создавать землю, раз ее вдоволь на дне моря, — сказал бог, — нет ли еще где земли! Не спрятана ли она еще куда-либо?

Злой дух сунул часть земли себе в рот. Бог сказал:

— Больше должно быть земли, не вся еще здесь.

Злой дух клянется:

— Нет ее больше.

— А ну, открой-ка рот! Смотри, она у тебя за щекой. А еще клялся, что нет ее больше.

Злой дух выплюнул эту землю на север, и она превратилась в камни, скалы и горы. Так они расширили землю. Сатана поранил палец на руке. Рана опухла, кровь из нее течет:

— Что теперь делать?

— Почему скрыл от бога землю, вот она и превратилась в камни и всякую нечисть.

Бог заговорил рану на пальце злого духа.

Сальминен, 1908 г., от Е. Валёккай-
нена, Суйстамо. Оригинал — KVII,
11.

Мужик и клад

Ночью мужик спал в лесу, около корней одного дерева. Слышит он, как другое дерево кричит:

— Эй, кум, иди сюда. Смотри, твой кум этой ночью умирает.

— Не могу прийти, человек на пальцах моих ног лежит.

Опять соседнее дерево кричит:

— Эй, кум, иди сюда. Смотри, твой кум этой ночью умирает.

Снова то дерево отвечает:

— Не могу прийти, человек на пальцах моих ног лежит. Весь век ты на кладе сидишь, на клад и голову склони.

Услышал мужик тот разговор. После этого слышит, как зашрипело соседнее дерево и упало, грохнулось на землю. Мужик подумал: «Подожди-ка, пойду посмотрю, как оно на кладе сидело и на клад голову склонило».

Зашагал он, подошел к дереву, а оно корнями вверх торчит, и на корнях клад висит. Смотрит он, а там полный ларец денег. Сказал мужик:

— Пойду теперь, посмотрю на верхушку, что на верхушке дерева.

Подходит он, а там около верхушки дерева лежит лисица.

Ахтия, 1925 г., от И. Лукошкиной,
Улялега. Оригинал — KKNII, с. 47.

Девушка на луне

Девушка пошла доить коров и сказала:

— Ой, господи, кормилец небесный, какая белая луна! Взял бы бог меня на небо, на луну!

Тогда золотая колыбель опустилась с неба на золотых поводьях. Девушка села в нее, и перенесли они ее на луну, куда она и хотела попасть.

Там она и теперь сидит с подойником в руках. На край ее посадили сидеть на стуле. Концы ее платка на голове торчат, на лбу луны светятся, а звезды за затылком блестят. Так говорили люди в старину; не знаю, пустое болтали или правда это.

Ахтия, 1927 г., от П. Бурчевой, Вешелицы. Оригинал — ККНИИ, с. 42.

Бес увел коров

Однажды случилось так, что коровы из одного дома остались в лесу и находились там уже много дней. Тогда хозяин пригласил колдуна и пошел с ним в лес. Старый колдун стал ударять там по камням и пням. Когда они подошли к большому камню, то увидели около него коров и, кроме того, много бесовских солдат. Старик произнес заклинание, и тогда солдаты исчезли, и хозяин получил коров обратно. Коровы съели весь мох на том камне.

Богданов, 1927 г., Бабыя губа. Оригинал — А, 11, 91.

Собака водяного

Однажды рыбаки поймали в невод собаку. Когда отнесли ее домой, то увидели, что она совсем не умеет лаять. Только трещит, как пулемет. После этого она ушла обратно в озеро.

Богданов, 1927 г., Бабыя губа. Оригинал — А, 11, 88.

Чудесные лапти

Однажды пошел один мужик жечь пожогу. У него были худые лапти. Около пожоги он увидел новые лапти. Он обул те новые лапти на свои ноги. Лапти стали тянуть того мужика в озеро. Так и увели его в озеро к водяному.

Богданов, 1927 г., Бабыя губа. Оригинал — А, 11, 84.

Водяной в неводе

В старину говорили, случилось, что однажды несколько старух вместе тянули невод. Когда они немного вытащили его, то он был так тяжел, что никак не могли его вытянуть. Тогда они сходили к одной колдунье. Когда она пришла и начала испуганно-прыгать около невода, тогда только невод освободился.

Богданов, 1927 г., Бабья губа. Оригинал — А, 11, 72.

Смерть в скорлупе

Жил раньше старик. Он всегда высмеивал смерть. Однажды смерть его догнала:

— Ага, поймала я тебя! Теперь я тебя убью!

— Убьешь, так убивай, — сказал старик. — Но говорят, что смерть может настолько уменьшиться, что и не разглядишь ее.

Раскрыл он ореховую скорлупу и сказал:

— Поместишься ли ты здесь?

— Помещусь.

Смерть зашла в скорлупу. Тогда мужик закрыл ее и завернул в тряпку, там и осталась смерть. Тряпку он забросил в шкаф.

Прошло на земле много лет без смерти, народ не умирает. А старик тот настолько одряхлел, что ничего не помнит. Однажды, разбирая содержимое шкафа, он выронил ореховую скорлупу из тряпки на пол, и скорлупа раскрылась. Смерть выпрыгнула оттуда и сказала:

— Теперь я тебя убью! — и убила его. И начала по-прежнему убивать людей.

Ругоев, 1937 г., от И. С. Щеллина, Березово. Оригинал — А, 35, 32.

Бог и ангел

Когда бог с ангелом шел по земле, он увидел, что люди много грешат. Бог рассердился, а ангел сказал ему:

— Уничтожь всех людей на земле, тогда и их грехи исчезнут.

Бог ответил ему:

— Не уничтожу я их всех, но попробую оставшихся в живых исправить тем, что на земле будет много сирот. Если это не поможет, тогда посмотрим, что делать.

С тех пор и пошла поговорка: «На сиротах вся земля стоит!»

Похьянвало, 1937 г., от М. Матихалди, Салми. Оригинал — Leg., с. 162.

Соловецкий монастырь

Соловецкий монастырь только два человека строили, вдвоем основали. Что построят, то сразу же погружалось в землю, камни проваливались под землю. Однажды утром они увидели, что монастырь готов: он поднялся высоко к небу. Бог постоянно позволял его стройке погружаться под землю, но за одну ночь он поднял его из земли.

Хаугала, 1939 г., от И. Таякка,
Суйстамо. Оригинал — Leg., с. 116.

Бог подковал коня

Ходил раньше по свету бог. Зашел в кузницу. Там мужик коня подковывал. Конь был беспокойный, пугливый, не мог мужик его подковать. Бог сказал ему:

— Ну и мужики, не могут коня подковать.

Кузнец ответил: — Попробуй сам!

Бог отрубил у коня ноги, подковал их и закрепил обратно коню:

— Идите и поезжайте на коне!

Тогда мужики сами захотели так же подковывать. Отрубили коню ноги и подковали копыта. Пытались обратно закрепить, но так и не смогли. Конь у них подох. Они тут и догадались: «Да ведь это был бог».

Пелконен, 1940 г., от Ф. Мизттинена,
Салми. Оригинал — Leg., с. 53—54.

Следы богини на камне

Между деревнями Елккула и Миккиля есть камень, на котором можно видеть следы пальцев ног, коленей, рук и головы. Это молитвенный камень.

Давно пришла туда девушка, которая опустилась вечером на тот камень молиться. Сама она ушла богиней на небо. Но ворон, находившийся вечером вблизи того камня, исчез, и на том месте появилась маленькая красивая часовня. Ее стали называть часовней Оксиньи по имени той девушки.

Райлонсала, 1947 г., от Н. Исаковой,
Ведлозеро. Оригинал — Leg., с. 99.

Спас излечил хромого

Ходили раньше Спас и святители по разным землям и зашли в дом, где спал больной мужик. Спас спросил воды напиться, но тот сказал:

— Вода под мостом, берите там, дорогие гости. Я здесь тридцать лет лежу больным, не могу никак принести воды.

Святители стали предлагать хромоту попробовать, может быть он и хорошо пройдет за водой. Наконец пошел больной мужик, шагает тихонько, осторожно, но увидел, что может хорошо ходить.

С тех пор тот мужик и выздоровел.

Тойвйайнен, 1961 г., от М. Ильяла,
Салми. Оригинал — Leg., с. 128.

ПРЕДАНИЯ

Грамота московского князя

Очень давно, когда Москвой правили еще князья, а не цари, жили в Бабьей губе два лопарских шамана-колдуна. Они, как уверяют, вылечили князя московского от смертельной болезни и в награду за то получили исключительное право: один — ловить семгу в Лусмалахти, другой — ловить лисиц в Сяркиниэми. Несколько пограничных финнов перебили лопарей и присвоили себе их владения, хотя лопари уступили бы их без драки.

Кастрен, 1839 г., Бабья губа. Оригинал — Собрание старых и новых путешествий, т. 6. М., 1860, с. 55.

Тит Лахони

Жители, спасая от неприятеля то из своих сокровищ, чего не могли унести, зарыли все в землю, а собранный хлеб частью отдали скотине на корм, частью разметали по снегу, а потом от этих семян получили богатый урожай. Во время набега неприятель ворвался к одному карелу по имени Тит Лахони, когда он лежал, погруженный в глубокий сон. Пробудившись от стука, Лахони вскочил с постели, схватил второпях лук, стрелы, нижнее белье и ударился бежать от врагов. Быстрым бегом своим мог бы он спастись, но жестокий мороз заставил его подумать о своих голых ногах. Он остановился, заметив, что враги его немного отстали, но успел надеть исподнее только на одну ногу. Неприятель догнал его; тогда быстро и отважно натянул он лук и, когда враги подходили, чтобы схватить его, поворачивал лук то на одного, то на другого с криком: «Берегись, застрелю!» Этой хитростью он так смутил врагов, что успел опять убежать, надев нижнее белье на обе ноги, и спрятаться в густом лесу.

Корыстолюбивые разбойники продолжали между тем грабить и, совершив многие преступления, пришли наконец к озеру Туопаярви. Оттуда захотели они водой проехать в Пяаярви, но, не зная дороги, взяли крестьянина из Кийсьёки и заставили его править лодкой. На этом пути был порог, называемый Ниска, с быстрым большим водопадом. Как скоро приблизились они к по-

рогу, кормчий направил судно ближе к берегу, вскочил на камень и толкнул лодку вниз по теченью. Враги не успели уже удержать быстрого бега своей лодки и силой течения были унесены в пучину. Внизу водопада нашли после сорок шапок.

Кастрен, 1839 г., Ухта. Оригинал —
Собрание старых и новых путеше-
ствий, т. 6. М., 1860, с. 60.

Правеж с помощью кола

Раньше, в древности, так четыре или пять поколений назад, жил в Вокнаволоке Исак Марттини. Некий Онто без разрешения пытался вспахать для себя поле Марттини. Тут Марттини с колом в руках побежал к нему. Жена Онто, Мария, увидев, что на поле бежит Марттини, стала уговаривать мужа отказаться от вспашки чужого поля.

Из избы кричит Мария,
Уговаривает мужа:
«Ты вернись обратно, Онто!
Марттини из дому вышел,
Сам Исак к тебе подходит,
Учинит он суд великий,
Право на плече песет он».

Марттинен, 1893 г., от М. Марттинен,
Каменное озеро. Оригинал — К1,
2053.

Ворна

Раньше, когда вели тайные войны, был такой Ворна на русской земле, очень крепкий мужик. Их было два брата, они там во время похода поднимались по порогу, гребли против течения. Где-то в пороге было особенно сильное течение — в том водопаде Пяння, — и тогда Ворна, поднимаясь, сказал:

— Если не сможет подняться Ворна, тогда никто не одолеет водопад Пяння без помощи дерева, без того чтобы не срубить еловые шести из тайги, тогда никому и пытаться не надо.

И все же одолели братья этот порог. Ворна из них был старший брат.

Энгельберг, 1909 г., от Д. Невалай-
нен, Келловарака. Оригинал — К1,
1251.

Рогачу и Петр I

Раньше в старину здесь было большое село в сорок дворов, было оно довольно-таки богатое. Жили тем, что выжигали подсеки, с гористых пожог собирали хороший урожай, жили охотой, охотились на лося, медведя, рысь, росомаху, выдру и прочих зверей, а также занимались рыболовством. Было в том селе и зерна, и кожи, и рыбы, и даже денег много. Известным богачом там слыл Рогачу. Он был также знахарем.

Однажды заболел Петр Первый. Послали к Рогачу грамоту, чтобы приехал лечить царя, и предлагали ему много денег. Рогачу сказал:

— Не могу я приехать, уж больно я стар. Встретимся с ним на полпути.

Приехал Петр в Дворцы, недалеко от Петрозаводска. Туда же, в Дворцы, направился Рогачу. Не было тогда дорог, пришлось ему тогда пешком идти по лесам. Денег за помощь Рогачу не захотел брать, а пожелал сделать добро для своего края. Взял Рогачу воды из родника и облил ею Петра в бане. Петр и выздоровел. Тогда он и обещал тому краю, чтобы не брать с него податей.

Тут пришли туда разбойники — шведы. Народ обратился в бегство; кого поймали, того убивали. Народ прятался в лесных избушках, кто куда бежал, некоторые дошли до России. Много дней там разбойничали шведы, дома жгли и грабили. Они так насильничали, что Рогачу со своей дочерью поднялся на плот с каменными плитами для Питера и поплыл по озеру. Он поднял шапку и сказал:

— Уходите подбру-поздорову, все равно здесь ничего не дадим.

Не знают, как Рогачу на том плоту доплыл.

Энгельберг, 1903 г., от М. Якконена,
Ругозеро. Оригинал — КТ, с. 423—
424.

Рогачу откупился от шведов

В стародавние времена везде вели воровскую войну. Когда в селе Тикша появились шведские войска и угрожали перебить все село, то был там богатый крестьянин Рогачу, он откупился за все село. Прошло немного времени — и шведы снова пришли, и опять Рогачу за все село заплатил деньгами. Через некоторое время они пришли третий раз. Рогачу опять заплатил, все свои деньги израсходовал. Осталось выкупить одного ребенка, а у Рогачу не было денег. Он все же снял с шеи серебряный с позолотой крестик и отдал его, чтобы войска не испробовали свои мечи на ребенке. На могиле Рогачу земля огромным холмом поднялась, видно он много добра людям сделал.

Энгельберг, 1903 г., от М. Якконен,
Кимасозеро. Оригинал — КТ, с. 424.

Враги на беломорском острове

Враги добрались до берега Белого моря, забрали там у одного рыбака лодку и гребли на ней до того острова, который называли Тусовой. Там они поднялись позакусить. Там был священный город на очень красивом месте, на высокой горе, так что прямо блистал святой город. Враги хвастались:

— Блистай как хочешь, но еще сегодня черным дымом поднимешься!

Тогда бог наказал их всех, превратил их в камни.

Энгельберг, 1903 г., от М. Поутани,
Кондока. Оригинал — КТ, с. 348.

Шведский деревянный бык

В Ругозере был праздник, все плясали — девушки и парни. Видят они, как с противоположного берега бык спустился плыть по воде. Другие говорили, что это нехороший бык, еще не известно, что плохого натворит. Но молодежь гордилась своей удалей и заявляла, что нечего бояться. Когда бык подплыл к берегу, из него вышли шведские войска с ножами и мечами и начали всех убивать. Все село было уничтожено. Только одна девушка и один парень убежали; и от них позднее снова возродилось село Ругозеро.

Энгельберг, 1903 г., от И. Королева,
Ругозеро. Оригинал — КТ, с. 420.

Храбрый Трохкима

Во время пограничных войн со шведами около Ребол в деревне Роуккула жил боевой мужик Трохкима. О его подвигах старые люди рассказывали разные чудесные истории. Однажды враги появились около дома на другом берегу пролива и требовали, чтобы Трохкима сдался. Трохкима им ответил:

— Воткните на берегу шест. Если я хоть один раз не попаду в него своими стрелами из лука, то тогда я сдамся.

Враги установили на берегу шест. Трохкима десятью стрелами из лука пронзил тот шест насквозь и сказал:

— Если вы попытаетесь перейти через пролив, то застрелю каждого, прежде чем переберетесь.

Враги тогда оставили ту деревню в покое.

Трохкима был уже восьмидесятилетним слепым стариком, когда враги опять напали на деревню. Было лето, и все односельчане находились в лесу на разных работах. Только один Трохкима был в бане. Враги окружили баню и пытались захватить его, но он просил перед концом дать ему вымыться. Вышел Трохкима из бани голым и сел на камень одеваться. Когда он

надел домотканную рубаху, то просил дать ему памятную для него жердину из прясла. Враги посмотрели на слепого старика и, решив, что он помешался, дали ему жердину. Они собрались вокруг старика и стали удивляться его хлопотами. Тогда Трохкима взялся за конец жердины и стал так вертеть ее вокруг себя, что косил недогадливых врагов, как сено. Тем временем собрались односельчане и прогнали врагов из деревни.

Когда девяностолетний Трохкима умер, то жители деревни поставили в честь его героических подвигов большой памятный камень на бору Роуккулы. Еще и в прошлом году этот камень стоял, напоминая о героических подвигах боевого мужика Трохкимы.

Кюоттинен, 1922 г., Реболы. Оригинал — КТ, с. 423.

Куопели

В десяти верстах от деревни Каменное озеро, в Бабьей губе, находится луг Куопели, названный по имени Богатыря Куопели. Этот лопарский вояка был очень сильный и вел свой род от богов.

Моя мать помнила, как крестьяне нашли на том лугу образа и ясный след избы и печи. В деревнях боялись Куопели. А сам он был беглый, появился в наших краях неизвестно откуда и там, на лесном лугу, устроил себе жилище. Когда люди из Нишк-озера работали на пожоге (в 15 верстах от Каменного озера в сторону Южного озера), то Куопели убил целых пятнадцать человек.

У Куопели была жена. Придя домой, Куопели сказал ей:

— Набедокурил я там на пожоге.

Жена оповестила всех в деревне о том, что надо остерегаться в лесу этого страшного разбойника. А Куопели бегал с копьем по деревне (он узнал, что его жена предупредила всю деревню) и кричал:

— Оповестила, сатана, деревню!

В деревне догадались, что это Куопели убил людей на пожоге, но боялись с малыми силами идти на него. В Вокнаволоке советовались по поводу того, как поймать его, и решили пойти будто бы лошадей искать на луг Куопели, куда многие сельские кони забегали. Пошли туда девять мужчин и спросили у Куопели:

— Нет ли здесь лошадей?

Куопели ответил:

— Нет, — и сам поехал переправлять их через реку.

Он сел на корме и положил копьё и топор на дно лодки. Деревенские мужики опрокинули лодку, и когда копьё и топор Куопели утонули, они набросились на Куопели и утопили его в реке. Река была неглубокая, и сами они выбрались из нее.

Куйкка, 1935 г., от М. Ремшв. Вокнаволоок. Оригинал — А, 19, 47.

Основание Видлицы

Было время, когда в Видлицах люди только-только еще появились. Первым жителем был Гавриил из Семеннаволока. И думал он, что на всем протяжении реки Видлицы только он один живет. Жил он в избе с маленькими окнами и печкой с черной трубой, дым от которой внутри под потолком стелился.

Однажды днем он увидел, как щепка плывет по реке, и тогда только он догадался, что какой-то другой житель проживает вверх по реке Видлице. И пошел он его искать.

Пройдя две с половиной версты, он пришел к тому месту, где теперь стоит деревня Левкула. Там он нашел соседа и три дня с ним разговаривал.

— Будем жить соседями, детьми обзаведемся.

Так было в стародавние времена, когда и попов не было. Это были первые жители на реке Видлице. Так мне рассказывал мой девяностотрехлетний отец, который сам слышал это от своих стариков.

Евсеев, 1935 г., от Е. Г. Гавриловой,
Видлица. Оригинал — А, 140, 27.

Побочный сын Петра I

Жил раньше Петр Первый. Он был русский царь, но ему захотелось стать работником. Он пошел к попу, нанялся к нему работником. Поп послал его с прислугой косить. Петру Первому понравилась эта девушка-прислуга, и она родила сына. Надоело Петру Первому работать на попа, и поехал он домой. Оставил девушке много денег, чтобы вырастить маленького сына, которому дал имя Петя. Сын Петра Первого был красивый и пригожий. Кончил он школу и пошел искать работу; попал он к одному помещику. Там близко жил царевич Петра Первого. У него была дочь. Ей понравился работник помещика — сын Петра Первого. Однажды устроил царевич бал и пригласил туда всех чиновников; и пришел туда сам Петр Первый. Дочь царевича спросила у Петра Первого:

— Пригласите парня, работающего у помещика.

Увидел Петр Первый на пальце этого парня кольцо, на котором было написано его имя. Узнал Петр Первый своего сына и запретил дочери царевича взять его в мужья. А этот парень очень любил бедных. К нему ходили все бедные и нищие, и как будто они помогли ему взять дочь царевича в жены. Не помню хорошо, как про это в старину рассказывали.

Евсеев, 1946 г., от П. С. Титкова,
Кончезеро Западное. Оригинал — А,
71, 6.

Петр I на Ладожском озере

Когда Петр со своим войском пришел по Ладожскому озеру к городу Сортавала, то он стал стрелять по крепости. Стрелял, стрелял, но никто не выходит из крепости, не сдается она.

Но вот поднялась на высокое место женщина, одета она была так: спереди на ней было шелковое платье, а сзади — рогожа. Показалась эта женщина на крепостной стене. Царь Петр догадался, что крепость надо брать сзади, что там нет стены. Так и попал царь Петр в крепость.

Евсеев, 1945 г., от Н. А. Терентьева,
Сыссойла. Оригинал — А, 111, 55.

Шведский остров

Однажды темной ночью через рубеж пробрались шведы и поплыли на лодках по Сязозеру. Они тайком пристали к островочку, что раскинулся напротив сязозерского погоста. Думали они пробыть на нем до тех пор, пока мужики не пойдут на полевые работы.

«Когда останутся в деревне только старики да дети, можно смело подплыть к деревне на лодках, — думали они. — Перебьем детей и стариков, разграбим деревню, сожжем дома и оставшиеся лодки и вернемся в шведский край с награбленным добром».

Только дело обернулось иначе. Мужики в деревне догадались, что шведы спрятались на островочке. При утреннем тумане шведы не решались нападать. Но когда туман немного рассеялся, шведы неожиданно увидели, что на берегу погоста стоит вооруженный народ. Они очень испугались. Они не поняли военной хитрости сязозерских мужиков, которые решили накинуть на прибрежные кусты разную одежду и вооружить эти чучела чем только можно было, чтобы шведы приняли их за вооруженных мужиков с погоста.

Тем временем мужики с погоста послали в соседние деревни весть о нападении отряда шведов, чтобы из соседних деревень пришли к ним на помощь.

Когда же и вправду на берегу озера собралось много народу, одни крестьяне стали подготавливать на лодках ложную атаку на шведов, а другие тайком объехали островки на лодках и неожиданно для шведов высадились на противоположном берегу того острова, на котором находились шведы, потеснили их от берега, где стояли их лодки, и угнали эти лодки за погост. Так шведы остались без лодок, и теперь уже им некуда было податься.

Наконец, народ из прибрежных деревень приготовился к атаке. На десятках лодок мужики окружили остров и распра-

вились со шведами. С тех пор тот остров напротив сямозерского погоста стал называться Шведским островом.

Евсеев, 1947 г., от А. И. Поповой,
Сямозеро. Оригинал — А, 97, 41.

Начало рода Перттуненов

Расскажу про начало нашего рода. Этот род вышел с берегов реки Мухос, пришел из Финляндии во времена «воровских» войн и стал жить в Ладвозере. Родоначальник вошел зятем в дом, и так жили, как все люди. Так начался род Перттуненов. Когда пришла «воровская» война, то тогда из-под гнета этих «воровских» войн людям пришлось бежать. И Перттунены пели об этой «воровской» войне:

Киркини на камне плавал,
Плиты он сплавлял из камня.
Из-за скал война подкралась,
Киркини бежал на лодке.

С тех пор прошло много поколений, уже восьмое поколение началось, и один родич Мийхкали Перттунен ходил позднее там и пел:

В Оулу никого совсем нет,
А в Брахе не годится мне,
С неба мне не выдадут,
А на земле нет ровни.

Там один финн, хвастаясь, выстрелил в него, и так Мийхкали Перттунен попал на излечение.

Евсеев, 1949 г., от Т. Перттунен,
Ухта. Оригинал — А, 24, 30.

«Воровские» войны

«Воровская» война пришла в Теппо. Там одна старуха была дома. Воровские те воины и спрашивают:

— Это ли жена Теппо?

— Нет, не такая жена Теппо. У жены Теппо даже портянки из сукна.

Ушли те воины. А жена Теппо убежала. Воровские воины и говорят:

— Надо пойти в Юшкозеро. Там есть семьдесят заостренных кольев. На них можно вздеть как жен, так и самого Теппо.

Но все равно они не нашли их.

Евсеев, 1949 г., от Т. Перттунена,
Ухта. Оригинал — А, 24, 31.

Беглые на вохтозерской дороге

На вохтозерской дороге есть такой пригорок, называют его Ужесельгой. Раньше там жили беглые. Они там рожь сеяли. Не знаю, откуда они семена достали, но рожь сеяли. Хлеба у них не было, рожь они парили и ели солод. Так беглые и жили, в стародавние времена жили. И теперь это место называют Ужесельгой. Такое уж там место. В Ужесельге позднее были покосы лахтинских мужиков.

Евсеев, 1960 г., от А. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ. 106, 19.

Уход лопарей

Жили здесь раньше три брата-лопаря. Жили они в трех разных местах. Лопаря, который жил тут, звали Ченни. Второго звали Патрикка. Третий, как и второй, жил на некотором расстоянии, он был Хома. Когда пришло смутное время (кажется, это была «воровская» война), лопари отсюда бежали. Убегая, один из них забрался на дерево, другой сел в большую лодку, а третий отстал, и ему разбойники предложили стрелять из лука на большом расстоянии в яйцо на голове. Он стрелял и так от них избавился.

Все трое скрывались на другой стороне пролива. Братья сделали лодку каменными топорами; у них были невод и мережи из прутьев. В том озере раньше было много ряпушки. Занялись они рыболовством.

Но новые поселенцы вскоре совсем прогнали лопарей. Перед уходом братья перекрестились и сказали:

— Мы уйдем, и рыба за нами уйдет.

В озере было много лещей, остатки запруды для них и сейчас еще есть на дне. Но нет теперь лещей. В прошлую весну одного леща поймали, а до тех пор не было, ушли они вместе с лопарями. А ряпушку в том озере не поймает никакой силой водяного.

Евсеев, 1966 г., от М. Михеевой, Калевала. Оригинал — АФ, 787, 6.

Рогаччу

Был такой силач — Рогаччу — в Тикше. Раньше туда ходили шведы. Когда те шведы пришли в ту деревню, то Рогаччу заманил их в лодках на остров, который Лососиновым островом называют. Рогаччу был очень сильный, он говорит им:

— Здесь есть такое место, где золото зарыто.

Когда шведы отбежали от лодок с лопатами искать то золото, то Рогаччу оттолкнул все их лодки в озеро. Шведы заметили это и бросились плыть за лодками. А Рогаччу взял да и убил их всех. Этот Лососинов остров находится на Декозере. Дальше за ним — Шведское озеро.

Потом, когда шведы убили этого Рогаччу, его похоронили в нашей деревне Тикше. В восемь венцов сруб в могиле сделали. Я не знаю, как давно все это было, но, по старому обычаю, и теперь еще на сосне около его могилы народ вешает полотенца, и теперь они висят. А недавно ученые его могилу раскопали, взяли его череп, могилу опять закопали. Говорят, по черепу сделали бюст Рогаччу.

Евсеев, 1967 г., от И. Ф. Фоминой,
Ругозеро. Оригинал — АФ, 4661, 3.

Была Литва

Литва была, нашествие или как там, наступала же она давно, как в древности говорили, старики рассказывали. И всю нашу окрестность прошла, сожгла, как и теперь немецкая война. Все прошла; у людей, у женщин, как будто даже головы отрубала да на рожон ставила, на изгородь головы женщин. Литва, Литва называется. Так все деревни были разорены, в лесу заметны места.

Рягоев, 1969 г., от Е. В. Ефимова,
Селище. Оригинал — Ряг., с. 236.

УСТНЫЕ БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ

Спор из-за шубы

Шагает мужик по дороге, идет и слышит шум около дороги: «Дай-ка я пойду туда, посмотрю!» Идет он туда, откуда шум слышен. Там два мужика дерутся, из-за шубы дерутся. Видят они идущего к ним мужика и говорят:

— Иди сюда, путник-чужеземец, рассуди нас, кому достанется эта шуба!

— Могу рассудить. Есть ли у вас лук и стрела?

— Есть.

Берет он стрелу, вкладывает ее в тетиву лука и говорит:

— Когда я выстрелю, вы бегите за стрелой, и кто из вас раньше добежит до нее, тому и шуба достанется.

Выстрелил он, а те побежали за стрелой. Когда они скрылись с глаз, он надел на себя шубу и пошел своей дорогой. А те мужики опять спорят из-за стрелы, до которой они добежали одновременно. Немного подравшись, они догадались, что нет больше ни шубы, ни прохожего на дороге.

— Унес он нашу шубу, — сказал один.

— А пусть унес, хороший человек был; как унес, так у нас и спор кончился, — ответил другой.

Такой длины и сказка.

Ленрот, 1836 г., беломорская Карелия. Оригинал — Мех., 1836.

Женитьба старика

В деревне Минозеро женился некий шестидесятилетний старик на пятнадцатилетней девочке. О своей женитьбе и особенно о молодости и красоте жены он говорил так:

— Как ошибся я, бедняга, на молоденькой женившись, на молоденькой красотке. Мужики есть в Минозере, пареньков в деревне много. Вышел я однажды с дому, вышел очень рано утром, за своей женой я вышел. Под окном, смотрю, мужчина, за стеной таясь, стоит он. У него спросил я строго: «Ты чего здесь рано утром под стеной стоишь?»

«Небосвод чиню, — сказал он, — чтобы не упал он на бок!»

Ленрот, 1836 г., Минозеро. Оригинал — Мех., 1836.

Расправа с батраком

Жил раньше один поп. Однажды пошел он к батраку и сказал:

— Дай мне пуд масла!

У батрака не было масла для него. Поп рассердился:

— Да ты против царя хочешь пойти!

Отнял он у батрака масло, пошел к полицейскому, сказал ему:

— В нашей деревне один мужик против царя.

Полицейский пошел с попом в деревню, зашел в тот дом. Забрал мужика, поставил его к столбу, связал его, один раз выстрелил в него по ногам, второй раз по ногам, третий раз — в голову.

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, Покровское. Оригинал — А, I, 32, 172.

Поп предсказывает погоду

Едет поп по деревням на тройке коней и говорит народу:

— Я вам хорошую погоду сделаю, только несите мне масла, молока и хлеба.

Приводит поп людей на поле и говорит им:

— Молитесь, чтобы хорошая погода наступила.

А у попа есть такая вещь, точно часы, с длинной стрелкой. Она показывает, когда будет хорошая погода. Народ молится, молится, прямо целыми неделями. А когда стрелка обещает хорошую погоду, поп и говорит:

— Хорошую погоду на завтра вымолили.

За это поп у многих из мужиков берет последние мешки муки, так целое лето по деревням ездит и людей на поле заманивает молиться тот поп.

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, Покровское. Оригинал — А, I, 32, 172.

Кулак и столяр

Кулак нанял столяра, велел ему сделать стулья, комод, диван и стол. Кулак сказал столяру:

— Я уплачу тебе за это пять рублей деньгами.

Столяр работал днем и ночью, целый месяц работал. Тогда пришел к нему посмотреть кулак:

— Плохо, — и велел делать снова.

Столяр начал работать снова, делал, делал, целый месяц трудился. Когда он кончил, то не было у него краски. Пошел он к кулаку за краской, получил ее, и стал столяр красить мебель.

Через два дня пришел кулак посмотреть, мебель пришлась ему

по вкусу. Велел он перевезти ее в свой кулацкий дом. Завезли ему все это. Два дня прошло, и во время кутежа кулак разбил всю мебель. А у столяра деньги еще не были получены. Пришел он за ними. Кулак не дал ему обещанных пяти рублей, а дал только пять копеек, да в придачу он еще и избил столяра. Так было раньше при царе.

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, По-
кровское. Оригинал — А, 67, 78.

Зимовка на Новой земле

Рыбаки с Карельского берега Белого моря пошли на Новую землю. Приплыли туда. Пока они там промышляли, ветер унес у них с берега лодку. Трех мужиков унесло с лодкой в море, двое остались на берегу. Они жили там восемь лет. Вся одежда у них изнашивалась. Новую одежду они изготовили из звериных шкур. На девятый год их подобрало одно судно. Привезли их к берегам Белого моря, а оттуда увезли в Москву. На том и была кончилась.

Ругоев, 1937 г., от И. С. Щелина,
Березово. Оригинал — А, 35, 30.

Встреча с медведем

Было два брата: Яков и Аким. Пошли они в начале зимы в обоз. С ними была одна женщина и работник, нанятый за полтинник в день. А собака была с ними пятым спутником. Была она охотничьей собакой и набрела на медвежью берлогу. Ехали они на лошади, в санях был невод. Собака залаяла. Мужики пошли смотреть:

— Должно быть, медведь, раз собака в землю лает.

Около лошади они оставили женщину, а сами пошли с топором убивать медведя. Один из них говорит другому:

— Ты острием топора не бей, а то испортишь шкуру. Плохо будет продавать. Бей медведя обухом.

Подходят — медведь сидит в берлоге. Братья и говорят работнику:

— Тебе, брат, доли от медведя не будет, ты нанят поденно за полтинник, хватит и того.

Идут они к берлоге. Собака лает. Бросили они хвойную ветку в берлогу, медведь и выбегает из берлоги. Мужики не успели ни острием, ни обухом ударить, у них душа в пятки ушла. Собака лает, насккивает на медведя. Мужики стоят и дрожат. Аким и говорит:

— Слушай, братец-медведь, уходи ты и оставь нас, трех мужиков, а не оставишь — так съешь нас.

Медведь смотрел-смотрел на них, да и ушел.

Ругоев, 1937 г., от Е. М. Гусева,
Мери. Оригинал — А, 35, 17.

Немец и русский мужик

Вот при царе были такие случаи. Дело это было в девятьсот четырнадцатом году. Тогда наших людей считали дураками, а среди нашего народа были не только дураки, но и умные. Возьмем, к примеру, такой случай.

Однажды царь Николай Второй и немецкий царь Вильгельм заспорили между собой (из-за этого потом и началась война четырнадцатого года). Немец спорит:

— Наш народ хитрее.

— Нет, наш народ хитрее, — утверждает Николай.

Вот они вызвали из темных краев, из темных деревень темных мужиков, которые даже книг читать не умели. Посадили их в отдельные комнаты на целый год сидеть и все им давали, что они потребуют.

Сидят они там очень долго. Наш мужик ежедневно просит четверть вина и разные закуски, а немец когда что просит: то разные инструменты — напильник, рубанок, а то и кусок полотна.

Сидят они целый год. Наступил последний день, когда должны были к ним придти посмотреть, что они сделали. А слуги, которые носили им все, что они потребуют, сказали нашему мужику:

— Почему ты ничего не делаешь? Только пьешь да закусываешь. А немец какую-то чудную вещь делает.

Наш мужик и отвечает:

— А зачем я буду целый год работать, если я могу за пять минут немца в трубу загнать.

Наступили последние минуты. Открыли кабинет немца. Смотрят — немец сделал первый аэроплан на земле. В это время русский мужик крикнул:

— Подайте большой лист бумаги!

Он бросил поданную ему бумагу на пол (а у него был понос), наполнил лист содержимым своего живота и бросил его на потолок. Лист бумаги и пристал к потолку.

Цари осмотрели аэроплан немца и похвалили его. Пришли к нашему мужику. Немец смотрит — нет ничего на полу. Спрашивают мужика:

— А где твои дела?

Он и отвечает:

— Ну, и мужики вы, не видите моих дел! Посмотрите на потолок.

Стали они смотреть на потолок, увидели там его годовую работу на царя. Удивлялись и дивились. Остатки на них упали. После этого и война началась. Так русский мужик сумел заплатить царям за то, что они его год кормили.

Макаров, 1939 г., от И. А. Никифорова, Мегрозеро. Оригинал — А, 138, 4.

Старик Кирилл

Жили-были раньше старик и старуха. Жили-поживали и имели одного сына и трех дочерей. Жили они бедно, каждый день трудились на богатых. Их сыну только исполнилось двенадцать лет, а дочери — те были одна другой меньше. Нужду и голод они видели, и заработка их едва хватало на хлеб.

Однажды старик и сын его работали на пашне богача, устали и сели отдохнуть. Сын и говорит отцу:

— Почему же мы так бедно живем?

А отец ему отвечает:

— Ах, мой сынок, на то есть много причин. Смотри-ка, как хозяева заставляют нас — бедных — работать на себя. Вот здесь трудятся на пашне восемь батраков. Заработок им всем урезают, на том хозяева и богатеют. Подожди-ка, сынок, вырастешь, тогда поймешь, чем отличается жизнь рабочих от жизни богачей.

Старик каждую неделю тайком ходил на запрещенные собрания рабочих. Сынок и задает ему вопрос:

— Куда ты ходишь, отец? И меня с собою не берешь.

Отец ему и говорит:

— Если к нам придет скрываться кто-нибудь из борющихся за свободу бедных, то надо скрыть его от погони и молчать, не говорить про него, даже если пытать нас станут господские холоуи.

Осенней ночью прибежал к ним мужчина и сказал:

— Скройте меня где-нибудь скорее!

Старик увел его во двор и спрятал под стогом сена.

— Сиди здесь и не шелохнись! — сказал он мужчине.

Утром к ним врывается урядник с царскими шпиками. Допрашивают их:

— Заходил ли к вам Филипп?

Урядник вместе со шпиками провел повальный обыск, но ничего не мог найти. Закричал он:

— Скажите по-хорошему, иначе вам придется себя пожалеть!

Старик, уходя на работу, сыну своему давал наказ:

— Молчи, хоть как они тебя станут обманывать!

Стал урядник допрашивать мальчишку:

— Мы видим, что ты что-то знаешь. Говори скорей, где скрывается беглый!

Мальчик отвечал:

— Не знаю! — Но невольно взгляд его остановился на стого сена.

Урядник догадался. Подбежал он к стогу и велел проколоть тот стог штыками.

Так, по глупости мальчишки, нашли скрывавшегося Филиппа.

Вечером отец пришел с работы и, узнав про все, увел сына в лес, чтобы его не брали. Когда он вернулся домой, туда за ним уже пришел урядник. Его посадили в тюрьму. Так проходила жизнь трудящихся при царской власти.

Меллер, 1948 г., от Е. Хямляйнен,
Ухта. Оригинал — А, 23, 24.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Тот, кто что-то делал летом, то же хочет делать и зимой.
Кто все лето удит рыбу, тот зимой встречает голод.
В молодости женщины хвалят, воинов же в старости.
Из сосновой коры хлеб оставлял ребенка тощим и лицо невестки узким, а лицо юнца скуластым.
Птица создана летать, беззаботный человек — петь песни.
С песней труд дешевле, разговор душе приятней.
Труд работающим, а наблюдателям — игра.
Вяйнямёйнен посылал работать, позволял и песню петь.

Ленрот, 1836 г., Карелия. Оригинал — Мех., 1836.

Жила вдова летом, но должна быть и на морозе, снегопад тоску наводит.
Всходят посевы счастья и на малой пожоге, пушиста и дичь Калевы.
Услышав насмешки девиц, отнеси их в Эстонию, оставь и в Саволаксе.
Пробежав длинный путь, съест голодный волк и паршивую свинью, и на плохой женщине женится мужчина, давно не выдавший женщин.

Ленрот, 1836 г., Иломанци. Оригинал — Мех., 1836.

Не все в рот, что глаз видит.
Лиса на хвост не наступит.
Не посещь — и хлеб не вырастет.
На дороге стоит и дорогу спрашивает.
Тепло костей не ломит.
Дальше моря на рыбную ловлю ходить не надо.
Кровь гуще воды.
С богатым не судись, с сильным не борись.
Плохо дуть против ветра.
У ямника коня не покупай, на поповской дочери не женись.
Стыд не дым, а глаза щиплет.
Два царя в одном дворце не уживутся.
Голос журавля до неба не доходит.

Шило в мешке не утаишь.
Бедняк две работы делает.
Плач на печи бедняка, песня в избе богача.
Попы горшков не лепят, а щи в них варят.
На деньги лишь отца с матерью не купишь.
Бедняцкие слезы никто не жалеет.
Богатство можно скрыть, а бедность не скроешь.
Рыба дешевая, а уха и того не стоит.
Только солнце всех одинаково греет — и бедных, и богатых.
С одной овцы двух шкур не дерут.
Поле семью кормит.
За морем — дешевка, только привоз дорог.

Алава, 1895 г., от В. Кирилловой и других лиц, Толмачи. Оригинал — ККНИ, с. 74—88.

Переешь — не пополнишь, недоешь — жить трудно будешь.
Соринки в похлебке — добавок.
Молодым женившегося, старцем на войну ходившего весь век хвалят.

Прилетят жаворонки — через месяц лето, прилетят ласточки — через день настанет лето.

Лильеблат, 1920 г., Тунгуда. Оригинал — KS, 4120, 4982, 5051, 6562.

Что летом соберешь, то зимой и берешь.
Бедняк бедняком и слывет.
Мужчина возвращается и из Турку, но не из могилы.
Если мужчина беднеет, либо конь худеет, тогда они мало чего стоят.

Негодный поп и телят крестит.
Поповский карман — бездонный.
Пьянице бог подает из кошелька трезвенника.
По мужчине и меч на поясе.
У одной дубины два конца.

Нирви, 1928—1930 гг., Суйстамо. Оригинал — ККНИ, с. 105—109.

Соль и гуща — бедняку пища.
Беднякам и горе надо покупать на свои деньги.
У кого есть рожь да деньги, тот живет неплохо.
Где целое лето болтался, там и зиму пляши.
Через счастье не перепрыгнешь.
Жена — не кантеле, чтобы висеть на стенке.

Со слов войны начинаются, от искры земля загорается.
Всю деревню поджег, а сам спать лег.
Сам я пою, а слезы из глаз текут.
Голова прядет себе олонецкое сукно.
У кого много, тому все больше хочется.
Калика по суме и песню поет.
Шведы на завтрак, русские к обеду, остальные к ужину.
За деньги и поп хоть около алтаря запляшет.
Волк съест ребенка бедняка, лиса хватает бегущего.
Руки у казны длинные.
Бедный живет, как мокрое дерево горит.
Приходит, как турок, живет, как боярин, лягает его,
как собаку.
Табак пришел из Турку, нюхательный табак из ада.
Хоть шаг, да к Олонцу; хоть верста, да в Россию.

Сарала, 1932 г., Суйстамо. Оригинал — Саг., с. 13—22.

Съела бы кошка суп, кабы язык не смочила.
Продал бы кот рыбу, кабы когтями не схватился за нее.

Евсеев, 1934 г., Вокнаволок. Оригинал — А, 12, 57.

У господ всегда завтра.
В Киев ходил, а игумена не видел.
Если в Москве конь пропадет, так у тебя уже и хвост его в зубах.
В этом году овес уродился, надо в Олонец за овсом ехать.
Если у тебя здесь нет работы, так иди на заработки в город Турку.
В Питер путь долгий, низенькие деревья навстречу попадают,
хоть они маленькие, да много проку в них.
Разлегся, как губернатор.
Только тебе и дорога нужна, как становому.

Евсеев, 1939 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — А, 75, 59.

Спящему коту мыши в рот не дуют.
Горшок лучше котла, но у обоих бока черные.
Камень не мешает пахать, пень — жито сеять.
Беззаботный — без коня, а беспечный — без жены.
Лосось велик, лец широк, — да в чужой лодке.
Рыба ищет, где глубже, парень ищет, где получше.

Евсеев, 1946 г., от П. А. Кириллова, Нехпойла. Оригинал — А, 111, 56.

Камень не мешает пахать.

Кузнец ест хороший хлеб, а пахарь еще лучше.

Евсеев, 1946 г., от И. А. Моисеева,
Кончезеро Западное. Оригинал — А,
71, 9.

Запрещал старый Вьянмейнен клянуться золоту, поклоняться
серебру.

Есть власть у властей, но властен и Вьянмейнен.

Богатый — деньгами, бедный — слезами откупается.

Плач не поможет на ярмарке, надо шубу продавать.

Язык до Киева доведет.

Ездил и мешок в Москву. (Говорят о тех, кто где-то бывал, но
ничего не видел).

Были бы скалы деньгами, камушки же пфеннингами.

Евсеев, 1954 г., от Т. А. Перттунен,
Калевала. Оригинал — А, 24, 39.

Кошель — амбар бедняка.

Долог путь в Питер.

День пастуха долго тянется.

Тогда бедняк беднеет, когда богатый обогащается.

Решетом воды не наносишь.

Чужой рот не закроешь.

Кто на войне был, тот многое видел.

Продавец свой товар хвалит.

Поп по карману молитвы читает.

Плохая собака и на хлеб лает.

Он и с камня бересту сдерет.

Тот не ошибается, кто не работает.

Собака лает, ветер носит.

Там хорошо, где нас нет.

Птицу по полету узнают.

Одна голова хороша, две еще лучше.

Язык без костей.

Не спрашивай у богатого, спрашивай у бедного.

Нет в амбаре, нет и в кармане.

Евсеев, 1962 г., Юстозеро. Оригинал — А, 157, 8.

От каждого порога в Питер дорога.

Откуда богатый деньги достал бы, если б бедный
не заработал.

Чем богаче, тем жаднее.

Лучше жениться на дочери бедняка.

Рубли богача появились из бедняцких денег.

И как только богатый терпит, что бедный еще живет.
Собаке собачья и плата.
Старая собака зря не лает.
Бережливость хлеба не просит.
Против ветра тяжело шагать.
Без дров и печку не натопишь.
У воды нет сучьев, у волны — крови.
Большое, да чужое, малое, да свое.
Много спишь, ничего хорошего не увидишь.
Не посеешь — не пожнешь.
Роса косу точит.
Кто ищет, тот найдет.
Заблудился между трех сосен.
Волки сыты и овцы целы.
Старому волку кость не по зубам.

Евсеев, 1962 г., Чебино. Оригинал —
А, 157, 2.

Сам работаешь, сам и ешь.
Всякой работе свое время.
Цыплят по осени считают.
Кто старым не пользуется, у того и нового не будет.
Кто не кормит коня, тот и поле не пашет.
На чужом коне далеко не уедешь.
Какова земля, таковы и ягоды.
Роса косу точит.
Глухому и гром не страшен.
На чужой стороне, как в темном лесу.
Сыновья едут в санях отца.
В гостях хорошо, а дома лучше.
На хорошей жене и дом держится.
Бедняцкие недуги — в животе.
Долг платежом красен.
Была бы рыба, а рыбак найдется.
Вор и у вора крадет.
Своим пением петух еду зарабатывает.
Земля важнее золота.
Кто не работает, тот и не ест.
Весна соху зовет поле пахать, птиц — песни распевать.
У кого хлеб, у того сила.
У богатого полно хлеба, у бедного полно детей.
Холод — десятник лентяя.
Как за полем ухаживать, так и поле платит.

Евсеев, 1962 г., Спасская губа. Оригинал — А, 157, 11.

Свято место пусто не бывает.
Любая лиса свой хвост расхваливает.
Держи язык за зубами.
Хорошая лошадь без кнута бежит.
Не знаешь, где потеряешь.

Евсеев, 1962 г., Юстозеро. Оригинал — А, 157, 4.

По времени и солнышко светит.
К милому пять верст не околица.
Из худого хорошего не сделаешь.
Солнце рукой не достать, счастья рукой не взять.
Слезы на ярмарке не помогут.
Пролитая вода в миску не вернется.
Кто что ищет, тот то и найдет.
Беден заяц в лесу, но у того осины вдоволь.
Какого лося загонишь, на такой и шкуре поспишь.
Купила бы собака мяса, да мало работает.

Рягоев, 1964 г., Колатсельга. Оригинал — А, I, 2, 157.

На чужом коне едучи, ноги по земле волочатся.
При женитьбе у него целое решето денег, а женившись,
и решета не купит.
Киселю в животе, а барину за столом хватит места.
Земля широка, рука до неба не достает.
Царь счет ведет, а боярин без места.
По какому озеру гребешь, то и прославляй.
Поле увеличивает, копну уменьшает.
Парню нужен хороший ум, полю нужен хороший уход,
девице нужны хорошие платья.

Онегина, 1968 г., от А. Е. Киброевой, Вешкелицы. Оригинал — АФ, 1017, 2.

ЗАГАДКИ

Без рта ело, без рук стреляло из дуги водяной птицы, из-за сосновой и еловой хвои (*солнце*).

Маленькая птица, льняной хвостик, через стену пролетает (*иголка*).

Больше всех родов, выше всех королей, на ходу его топчут, как худую собаку (*луч солнца*).

В лесу родилось, в тайге росло, на стену повесили, на гвозде спало, на коленях запело, на столе заиграло (*кантеле*).

Двое у нас, двое у вас, двое у всего села (*солнце и месяц*).

Волк плывет-виляет, проталина впереди, лед позади (*челнок в ткацком станке*).

Вечером закрывают, утром открывают (*ставни в окнах*).

Черный мужичок, нос крючком, семейный хлеб за ним (*ключ и амбар*).

У самого нет того, что он другим дает (*брусок, точило*).

Ленрот, 1836 г., Карелия. Оригинал — Мех., 1836.

Без десен и без высевок лежит в кладовке (*масло*).

Высекал огонь Ильмаринен, блеснул Вайнямейнен (*молния*).

Два сына Калевы сами в избе живут, головы на улицу высунули (*матицы*).

Два глаза — оба протянуты (*ушки ушата*).

Кипит, бурлит, никогда не перекипает (*буря на озере*).

Ленрот, 1836 г., Карелия. Оригинал — Мех., 1836.

Глаза есть, но не видит, и не слышит (*лохань*).

Горшок кипит в подгорье, ни огня, ни дыму не видно (*муравейник*).

Тысячу глаз и сотню камней имеет (*невод*).

Отец только что родился, а сыновья уже в лес ходят (*огонь и дым*).

На вороной лошади едут — следов не видно (*лодка*).

Акулина в ручье, нос на суше (*рукомойник*).

Избу снимают, окна тут остаются (*невод в проруби*).

Мужик в лес идет, чуланчики по дороге оставляет (*следы от лаптей*).

Кошелек на ели, звонкий камень у корня (*белка и собака*).

Лесков, 1892 г., Святозеро. Оригинал — Живая старина, СПб., 1893, вып. IV, с. 532.

Вокруг носа вертиться, а в руки не дается (*ветер*).

Сам худенький, а голова пудовая (*безмен*).

Три ноги, два уха, шестой — живот (*лохань*).

Двери не открываются, а в избу попадает (*солнце*).

Маленькая собачка дом сторожит (*замок*).

Ни окна, ни дверей, полна церковь людей (*огурец*).

Посредине озера — колокольчик (*рукомойник*).

Без топора мост строится (*лед на озере*).

Полное корыто орлов наложено (*пирог на блюде*).

Стоит поп на мосту и ворчит (*самовар*).

Петрелиус, 1892 г., Небелицы. Оригинал — ККНИ, с. 168—169.

Костяной замок, деревянный бочонок, жилистый советчик (*тесто месяц рукой в квашне*).

Хлев полный нетелей, все без хвостов (*дрова в печке*).

Волк завыл в логове, земля кругом зазвенела, я за хвост дернул, за косичку вздернул (*колокольный звон*).

Медвежья лапа в подполье (*помело*).

Старик Уляшка, голова плешивая, каменному порогу кланяется (*поварешка в горшке*).

Поле дорогое, межи еще дороже (*шляпа*).

Одна дверь открывается, в пять комнат входят (*перчатка*).

Ласточка летит под солнцем, сто мужчин под крылом (*корабль*).

Мартынов, 1893 г., Вокнаволоок. Оригинал — SKS, № 202, 208, 212, 215.

Сама красная, а шуп костяной (*малина*).

Железный пол, овсяная крышка (*овсяной блин на сковородке*).

Шило орет, клубок вертится, ножницы сзади (*сорока*).

Кто ни придет, каждому поклонится (*рукомойник*).

Приходит в избу — разворачивается, в сенях — заворачивается (*постель*).

Четыре брата, двое младших впереди, старшие позади (*колеса телеги*).

Поп стоит, кто придет, тому руку подает (*ручка двери*).

Звенят, гремят, на мясе висят (*кандалы на узниках*).

Паренек стоит, одежда внутри (*свеча*).

Сыновья в подводе, а мать еще не родилась (*скирда или стог сена*).

Приходит свинья из Питера, вся истыкана (*наперсток*).
Сто платков на старушке (*капуста*).

Алава, 1895 г., от Е. Орловой и
А. Кирилловой, Тресна, Козлово.
Оригинал — KКNI, с. 88—89.

Зеленая, но не веник, круглая, но не месяц (*репа*).
Что в избе не видно? (*тепло*).
Что спиной к избе? (*топор*).
Что лицом к избе? (*икона*).

Салминеп. 1909 г., Ускали. Оригинал — SKS, 521, 526, 527, 550.

Рижский петух, железный гребешок, кричит, визжит (*пила*).
Часовня на бору, на восьми каблучках (*куст можжевельника*).
В Питере колют, сюда щепки летят (*книги*).
Молодой парень, нос крючком, семейное добро за ним (*ключ*).

Паулахарью, 1911 г., от А. Лехтони,
Войницы. Оригинал — SKS, 258, 269,
279, 285.

В густой лес не влезет, на маленькое поле залезает (*борона*).
Сухой ломоть за окном (*луна*).
Что красивее всего (*солнце*).
Медвежья лапа в подполье (*помело*).

Маннинен, 1917 г., Реболы. Оригинал — SKS, 770—843.

Тонкий хвост тянется, толстоголовый толстеет (*веретено*).
На землю падает, с земли не поднимается (*дождь*).
Два брата в воду смотрят, весь свой век не встречаются (*берега
ручья*).

Маннинен, 1917 г., Паланы. Оригинал — SKS, 927, 964, 967.

Конь в конюшне, хвост на крыше (*печь в трубе*).
Олень по полю прыгает, ноги земли не касаются (*колыбель*).
Одна свинья — четыре рыла (*подушка*).
Дятел на дороге, меч на поясе, двое шпор на ногах (*соха в поле*).
Душлистое дерево, палящая доска на плече несчастного (*ружье*).
Старичок дубленный, одежда из струн (*кантеле*).
С семью спинами, со ста ногами (*борона*).
Тетерев на дереве, жилы на земле (*женщины веретеном прядут*).
Черная корова мычит, всю воду пьет (*печь в бане*).
Окулина в канаве, нос на суше (*рукомойник*).
Четыре лошади в конюшне, пятая вокруг конюшни ходит (*вязание на спицах*).

Нирви, 1926 г., Суйстамо. Оригинал — KКNI, с. 110—114.

Оно везде годится (*имя*).

Голосом голосит, рылом землю роет, поет посреди двора (*овца, свинья, петух*).

Богданов, 1927 г., Ухта. Оригинал — А, 11, 68.

По полю гуляет, овец подбирает (*волк*).

Зимой белый, летом серый, зимой спит, летом растет (*заяц*).

Сама маленькая, хвост пушистый (*белка*).

По горам и по полям ходит кафтан (*овца*).

Черный конь скачет (*ухват*).

Новая посуда вся в дырках (*сито*).

Посредине дырка, кругом вода, в дырке огонь, вода кипит (*самовар*).

В лес идет — домой смотрит, домой идет — в лес смотрит (*кошель*).

Красная девица сидит в земле, а коса снаружи (*морковь*).

Колотится, звенит, вертится весь век, а не человек (*дверь*).

Черная курица сидит на красных яйцах (*котел на огне*).

Два брата, между ними дорога, друг друга не видят (*глаза*).

Длиннее высоких трав, короче низкой травы (*дорога*).

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, Покровское. Оригинал — А, I, 32, 72.

Тикают, тикают, на стене висят (*часы*).

Ходит взад и вперед, никогда не устает (*дверь*).

День и ночь шумит, никогда не устает (*порог реки*).

Дерево в озерке, никогда не гниет (*язык во рту*).

Евсеев, 1934 г., Подужемье. Оригинал — А, 9, 43.

Видишь его, но захватиться за него не можешь (*дым*).

Пыхтит, пыхтит, на печке встает (*тесто*).

Мужик в лес идет, сто глаз за спиной (*кошель за спиной*).

Медведь на горке стоит (*прялка*).

В Финляндии тешут, сюда щепки летят (*письмо*).

Четыре коня в конюшне, пятый вокруг бегаёт (*спицами вяжут*).

Евсеев, 1934 г., Вокнаволок. Оригинал — А, 12, 52—58.

Новенький и длинненький хранитель Новгорода (*куль муки*).

Пошел волк на берег Сузи, на берег Сузи, на берег Манна, четырьмя глазами смотрит, восемью ногами дрыгает (*кобыла жеребится*).

Впереди замок, сзади замок, шведский замок и кляп (*двери в подполье*).

Евсеев, 1935 г., от И. Федульной, Лахта. Оригинал — А, 93, 12.

Рублевая деревяшка в черном углу (*икона*).

Олень по полю скачет, ноги до земли не достают (*колыбель*).

У меня есть жеребец, что ни наложишь — все вынесет (*печь*).

Что выше коня, ниже собаки? (*дуга*).

Что спиной к избе? (*топор*).

Что в избе несделанное? (*пазы в стене*).

Евсеев, 1945 г., от А. Е. Киброевой,
Вешкелицы. Оригинал — А, 97, 10.

Замшевая шапка, сотня заплаток (*печь в бане, каменка*).

Птица в море, хвост на земле (*медведь*).

Едет, едет, следов не оставляет, режет, режет, крови нет (*лодка*).

Сто солдат, одним кушаком обвязаны (*сноп*).

Евсеев, 1945 г., от И. Волкова,
Олёкка. Оригинал — А, 97, 36.

Мужик поднялся из моря, на кочке лежит (*невод, сеть*).

Мужик в лес идет, ломтики за собой оставляет (*следы лыжных палок*).

Мотовило из эстонского края Виро под амбаром построили (*радуга*).

Конь заржал в крае Еми, здесь его сбруя сверкнула (*гром и молния*).

Из города Турку вещь прислали, здесь ее мясом наполнили (*кольцо*).

Насквозь видно, тепло держит (*окно*).

Старик Уляшка, голова плешивая, в пороге кланяется (*камши*).

Любимый листок шелохнулся, весь народ востепенулся (*дверь*).

Евсеев, 1956 г., от Е. Д. Кирилловой,
Коккосальми. Оригинал — А,
2, 184.

Одна изба, сто окон (*сеть, мережа*).

Рукавица Кирилла, наполовину черная, наполовину белая (*котел*).

Во все углы заглядывает, в один угол ложится (*веник*).

Железный конь, льняной воз (*иголка с ниткой*).

Черный конь бежит, оглобли не движутся (*река*).

Дни и ночи шумит, переправы не получает (*порог в реке*).

Птица с шерстяным хвостом через стену ходит (*шьют иглой*).

Евсеев, 1956 г., от Е. С. Кемовой,
Кестеньга. Оригинал — А, 2, 212.

Весь век носят, раза два используют (*меч*).

Изба полна еды, нет ни крыши, ни стены (*поле*).

Болото и земля затряслись, кровь лешего брызнула (*рябчика подстрелили*).

Кошелек на елке (*белка*).

Глубокий, хороший, черный и сладкий (*горшок для масла*).

Днем висит, ночью в гнезде сидит (*крючок дверей*).
Маленькая старушка все подолы высмотрит (*порог в дверях*).
Без языка, без ума, а на свете умный (*безмен*).
Длиннее длинных трав, ниже коротких трав (*тень*).
В Питере рубят, сюда щепки летят (*письмо*).
Четыре брата под одной шляпой (*стол*).
Без рук, без ног — все поле обойдет (*серп*).
Полный подвал березок (*зубы во рту*).

Евсеев, 1957 г., от Е. Осипова,
А. Германовой и А. Силиной, Порос-
озеро. Оригинал — А, 79, 167—179.

Сухой каравай за окном (*месяц*).
Волк воет в чаще, на меже длинного поля, на мыске узкого озера
(*колокол*).
Клеть без дверей, полна еды (*яйцо*).
Мужичок кривой все руки осматривает (*ручка дверей*).
Мокрая ворона в избе (*рукомойник*).
Девушка в ларце, а коса снаружи (*репа*).
Избу берут, а окна остаются (*невод*).
Старушка шагает, клетушки за собой оставляет (*следы лаптей*).
Мужик кривой, через море руку подает (*дужка ведра или котла*).
Красная коровка на травяном поводке (*земляника*).
Болото большое, низкая сосна, на сосне сосновая шишка (*мо-
рошка*).

Евсеев, 1960 г., от А. Ф. Никифоро-
вой, Вохтозеро. Оригинал — А, 70, 6.

Деревянный мужик, железные чулки (*соха*).
Два кольца, два конца, гвоздь посредине (*ножницы*).
Дни и ночи ест зерно (*жернов*).
В одном доме пять комнат (*перчатка*).
Выше лошади, ниже травы (*седло*).
Тянется нитка, не смотаешь в клубок (*паутина*).
Снизу клетушка, сверху дуга (*котел*).
Качается, развевается, на землю не падает (*дым*).
Без языка поет (*муха*).
Маленькая корова, сладкое молоко (*пчела*).
Шило, шило впереди, моток, моток в середине, ножницы сзади
(*сорока*).
Две жерди белых куриц (*зубы*).
Длиннее длинных трав, короче земных трав (*дорога*).
Сила двоих мужчин, ум одного (*медведь*).
Мокрый теленок в избе (*язык*).
Медвежья лапа в подполье (*помело*).
Одно дерево, пять ветвей (*пальцы руки*).
Изгородь снизу, дуга сверху (*корзина из лучин*).

Некрещеная, два раза родившаяся (*курица*).

Черный конь за море летает (*ласточка*).

Евсеев, 1962 г., Покровское, Юст-
озеро, Нелгомозеро, Спасская губа.
Оригинал — А, 157, 6—10.

«Куда путь держишь, странствующий швед?» — «А тебе какое
дело, стриженная голова?» (*река и кочка*).

Оська на жердочке, Васька на вешалке (*лукошко и полотенце*).

Красавец в углу, нос на боку (*самовар*).

Бежит волк, трусит, у волка шерсть торчит (*воз сена*).

Летом стриженный, зимой покрытый (*лук*).

Рягоев, 1964 г., Колатсельга. Ори-
гинал — А, I, 2, 157.

Один глаз у Сидора, да и тот на конце жерди (*богало невода*).

Ветхий старик ежегодно новую шапку надевает (*пень и снег*).

Петух на дереве, кишки на земле (*кудель прядут*).

На бору вертелась Катти на восьми каблуках (*церковь*).

Можжевательник на пне растет, при любой погоде развевается
(*борода*).

Две кукушки золотые через жердь глядят (*глаза*).

Степанова, 1972 г., от А. Артемьевой,
Калевала. Оригинал — АФ, 1760, 1.

Полный хлев овечек, стриженный баран в середке (*зубы и язык*).

Ты, сестрица, оттуда, я отсюда, вместе сходимся (*кудель прядут*).

Степанова и Лавонен, 1972 г., от
М. Архиповой, Коввица. Оригинал —
АФ, 1697, 3.

ПЕСНИ

Видлицкий десант

Жил-был раньше финский барин,
На Олонец наступал он,
В Тулоксе он задержался,
В Видлицу он прямо въехал,
Захотел границу сдвинуть,
Застрелить хотел он красных.
Море крови он разлил там,
Много мук он нес народу.
В бане финский барин дремлет,
Входит офицер к буржую,
Видит — пьян буржуй, как стелька.
Офицер тут заявляет:
«Слушай-ка ты, финский барин,
Можешь спать теперь спокойно:
Судно держит курс на берег, —
Флаг на нем финляндский виден».
И тогда разделся барин,
Спит, храпит себе спокойно.
Рядом офицер вошедший
Начал водку пить без меры.
Вот уже корабль тот прибыл,
К берегу подплыло судно, —
Это был корабль советский,
Финских бар он изгоняет.
Выскочил финляндский барин,
Нагишом бежать пустился,
Брюки позабыл он в бане
И в лесу он заблудился.

Гудков, 1937 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — КЭП, 207.

Поимка шпиона

Три охотника однажды
Человека повстречали,
И охотники спросили:

«Чей такой, скажи, ты будешь?»
Человек им отвечает:
«Дед мой близко похоронен,
Вы мне родственники тоже,
Где-то здесь могила деда,
Там поставлен крест железный».
Тут охотники смекают:
«Обмануть прохожий хочет,
Он прошел через границу
И, наверное, шпионит».
И они все закричали
И прохожего забрали:
«Не родня ты вовсе наша,
Ты родня, быть может, волку;
Как вредят хозяйству волки,
Так и ты хотел бы сделать.
Ну-ка, где же дедов крест-то?»
Взяли крепко незнакомца:
«Куда следует, доставим».
Повели его да прямо
На советскую заставу.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 96.

Онни-Манни

Жил-был раньше Онни-Манни,
Был налим у Онни-Манни,
А икра была в налиме,
А в икре — прошедший годик.
В прошлом был угар военный,
В том угаре искры были.
Поднялась метель в тех искрах.
Барин наш был в той метели,
А за барином тем — церковь.
Была головешка в церкви,
Головешка — на границе,
Нынешний год — на границе.
Ныне же сдирали кожу,
У людей сдирали кожу.
Ненависть людей объяла,
Злоба к этим псам фашистским.
В ненависти той — надежда,
В Красной Армии — надежда,
В Красной Армии — победа,
В той победе — смерть фашистам.

Евсеев, 1945 г., от П. Волкова, Олёкка. Оригинал — А, 97, 32.

Великая Отечественная война

Хорошо фашисты знали
О привольной нашей жизни,
Стали зуб точить от злобы,
Запугать нас тем хотели.
Враг соседний, толстопузый,
Поднялся на власть Советов,
И стыда он не боялся,
На Советы шел войною,
В край советский устремился,
В Ленинграде жить собрался.
Красной Армии герои
Ленинград наш отстояли.
Но прошли войны той годы,
Вновь народ живет привольно,
Снова стало жита вдоволь,
Стал народ наш жить с достатком:
Хлеб растить колхозы стали,
Поставляют государству;
Лесорубы тут лес валят,
Зиму всю в лесу проводят,
Летом лес сплавляют в запань
По озерам и по рекам,
Чтобы строились жилища,
Города бы возрождались,
Чтоб на фабриках, заводах
Полным ходом шла работа,
Чтоб была народу польза
На земле советской нашей,
Чтобы враг не мог подумать
Снова нас пугать войною,
Чтоб войска наши стояли
На советских на границах.

Евсеев, 1948 г., от А. Киброевой,
Вешкелицы. Оригинал — АФ, 4, 5.

Родилась в Карелии

Я в Карелии родилась —
В маленькой своей избушке,
В волости Вокнаволоцкой,
А в деревне Ладвозерской.
Родом я из Перттуненов,
Руну собралась сложить я,
Песни я пою отлично,
Их пою я безупречно

Для людей страны советской,
Чтоб дышал весельем вечер,
Был бы радостным день завтра.
И еще хочу воспеть я
Труд колхозников артельный,
Труд карельских лесорубов.
Поднимаются колхозы,
Труд машинный применяют,
И на заготовках леса
Применяются машины.
Трактор движется повсюду,
Точно черный конь из сказки:
Из ноздрей сверкают искры,
Точно дым, дымится грива.

Евсеев, 1948 г., от Т. А. Пертгунен,
Ухта. Оригинал — А, 24, 17.

Электропильщики и сплав леса

Лес в карельском крае вырос,
Поднялись на горку сосны,
На болотах вырастали,
В чаще появлялись ели.
Леший с длинной бородой
Теллерво — он сын Тапио —
За лесным следил массивом,
Он ухаживал за лесом.
Ветром сосенки качало,
Дождик поливал деревья;
Помогал зимой готовить
Лес тот строевой для сплава,
Чтобы вышли лесорубы,
Чтоб электропильщик вышел,
Чтоб валились сосны, ели
С серебристыми стволами.
Лесорубы с топорами,
Пильщик со стальной пилюю
Валят лес для новостроек,
Бревна длинные для срубов.
Валят лес сыны Калевы,
Пилят славные герои,
На машинах лес вывозят,
Тут и женщины трудятся.
Трактор к берегу подвозит —
К речке лес везет для сплава.
Там из бревен плот готовят,
Тросом цинковым плот вяжут.

А затем сплавляют бревна
По реке Кеми плотами,
Чтобы их на лесопилки —
На завод везти для стройки.
По течению несет их,
Водопады их приносят,
Чтобы не стояли бревна,
Чтобы плыли до низовья
По реке Кеми те бревна,
Чтоб к скале не подплывали,
Чтоб в порогах не скоплялись
И не гибли у пучины.
«Ах ты, Ахто, волн хозяин,
Дева бурных водопадов,
Поднимите на пять сажен
Уровень воды при сплаве!
О ты, Ахто, волн хозяин,
О, властитель сотен плесов,
Мой багор пятисаженный
Ты воткни в бревно во время.
Отнесись ты благосклонно
К тем баграм пятисаженным,
Что ковал кузнец прилежно,
Ильмаринен изготовил!
Ты, багор, воткнись в ствол ели,
Ты вонзись в бревно во время,
Поверни бревно обратно
И направь его в пучину.
Пусть бревно плывет скорее,
Стройный ствол пусть подплывает,
Пусть заломы устраняет,
Пусть же путь откроет сплаву,
Что к большой воде стремился,
Что плывет к морским просторам,
Где поднимут эти бревна,
Отвезут на лесопилку!»

Тимонен, 1948 г., от М. Михеевой,
Ухта. Оригинал — КЭП, 216.

Сампо для народа

В рунах наш народ карельский,
В длинных сказках прославляет,
В чудных песнях вспоминает
Вяйнямейнена седого,
Ильмаринена деянья.
Кузнеца он воспевает,

Изготовившего сампо,
Крышку с пестрыми краями.
И теперь народ ликует,
Около сосны столетней
Запевает свои песни
И рассказывает сказки.
Всюду наш народ советский
Сампо новое готовит,
Сампо из алмазов строит,
И его ничто не сломит,
Поразить никто не может.
И в сердцах всего народа
Это Сампо возникает.
Выковал народ повсюду
Сампо новое на счастье.
Из Москвы дают советы,
Как то Сампо изготовить,
С пестрой крышкой мукомолку.

Тимонен, 1948 г., от Е. Хямяляйшен,
Ухта. Оригинал — КЭП, 218.

Новое Сампо

Далеко дошло известье,
Всюду вести покатались
О победе русской рати
И о прочности Советов.
Славен водопад Вуола,
Быстр его поток священный,
Побеждает он преграды;
Из страны унес он мусор,
Им сорняк с полей всех собран,
Все шиповники им смыты.
От врагов наш край очищен,
Точно пуночка под тучей.
Весь колхоз — в любой деревне —
Обрабатывает поле.
Выросли хлеба на славу,
Замечательно поднялись,
Скирды на поляне каждой,
Закрома полны повсюду,
На полях хлеба поднялись,
Берег был ячменным полем,
А овсяным — край отмели,
И пшеничным полем — берег.
Вышло солнце из-под тучи,
И из тьмы поднялся месяц,

Новое явилось Сампо
И молотъ зерно принялось,
Стало белый хлеб готовить.
Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на Север,
Что родилось снова Сампо,
Что пришло к народу счастье.
Радио несло те вести,
И газеты разносили,
Книги разнесли повсюду,
Что нам будет хлеба вдоволь.
И, услышав эти вести,
Получив про то известье,
Ликовал народ повсюду,
Радость у людей царила.
И теперь запели люди,
Веселились все народы,
Новые сложили песни,
Руны лучшие запели.

Куйкка, 1949 г., от М. Михеевой,
Ухта. Оригинал — КЭП, 215.

Герой Советского Союза

Милому спую ребенку,
Расскажу я мальчугану,
Детскую спую я песню,
Длинную, как бревна дома.
Своему спую ребенку,
Песню я сложу про битвы,
О войне спую великой,
Я о том спую, что знаю.
Слышала я здесь рассказы
О походах партизанских.
Множество мужчин собралось,
Также девушек красивых,
Героинь, героев славных.
Все не высказать словами,
И язык мой не расскажет
Обо всех делах великих,
Обо всех боях горячих.
Девушка росла Марийка
У Мелентьевых в семействе,
Там — в селе огромном Пряже,
Выросла в семье колхозной
Девушка, еще ребенок,
Чернобровая, живая,

В тыл к противнику ходила,
Хорошо вела разведку,
Вражеские документы
Добывала партизанам.
Возвращаясь из похода,
Все преодолев преграды,
Как-то раз, осенней ночью,
Дочь реку переплывала
Со своей подругой лучшей;
Посреди реки глубокой
На волнах они качались,
Молча плыли две подруги.
Белофинн пловцов увидел,
Бородатый враг был изверг,
Наших девушек заметив,
Двух подружек партизанок,
Он стрелял из автомата;
Пули в цель не попадали,
Не нашли детей народа;
Но уж силы иссякали
У сестры-подружки младшей,
Что слабей была Марийки.
И волна ее покрыла,
Судорога погубила,
Но не плакала бедняжка,
Даже вскрикнуть опасалась.
Так во власти вод осталась,
В водах Хийси партизанка.
А красивая Марийка
Молча к берегу подплыла
И к своим пробралась скоро,
Много принесла с собою
Сведений о вражьиx силах.
У своих побыв немного,
Одолела все недуги
И осилила всю хворость,
Выпила лекарств там всяких.
Славный путь на том не кончен,
Чувствуя свой долг священный
Перед Родиной великой,
Захотела вновь Марийка,
Вновь она идти спешила
Партизанскою тропой,
Шла на подвиг партизанский.
Вот уже весна поспела
На карельские поляны,
Воды вешние струились,
Потекли к реке бурливой,

Озеро от льда уже вскрылось.
Группы храбрых партизанок
Ту реку переходили
Под огнем, под вражьей пулей.
Пули, точно вихрь, свистели
Над плотами, над рекою,
И над каждой головою
На реке свистели пули.
Партизаны же гребут все,
Плещется вода под ними.
К берегу плоты подходят,
В бой уходят партизаны,
Много партизан погибло,
На плотах лежать осталось.
А из девушек — Марийка
Тут же пала смертью храбрых,
Но не плакала бедняжка,
Даже вскрикнуть не успела.
Эту песнь пою ребенку,
Напеваю я малютке
О народных героинях
И о подвигах девичьих,
Об отважных партизанках
И о девушках красивых.
Детскую пою я песню,
Длинную, как бревна дома.

Куйкка, 1949 г., от Т. Пэрттуен,
Ухта. Оригинал — А, 24, 18.

Ленинские заветы

Вождь ушел от нас в Маналу,
Но живут его деянья.
Весть печальная приходит,
Слышно траурное слово
О кончине человека, —
Это умер вождь великий,
То почил бессмертный Ленин...
Весть о том людские мысли
Леденила в день морозный,
В страшный зимний день январский.
Были вести те печальны,
Скорбью в мыслях сотен тысяч,
Миллионов отзывались,
Приносили боль те вести
И сердца людей щемили.
Из-за них мрачнели мысли

У трудящихся советских,
У советского народа,
У цветущей молодежи.
Так проходят дни и годы.
Хоть великий Ленин умер,
Но живут вождя деянья
В миллионах душ народа,
Память о вожде не меркнет.
Завещал нам вождь великий,
Завещал великий Ленин
Помнить о больших задачах,
Что стоят перед народом.
Укрепление Советов —
Всех трудящихся задача;
Все советские народы,
Укрепляя свою дружбу,
В общем трудовом порыве
Родину должны возвысить. . .
. . . В стройке проносились годы,
Проходили дни в работе,
И по ленинским заветам,
Под водительством великим
По стране росли заводы
И культура поднималась.
Всюду в деревнях и селах
Стали возникать колхозы,
Появлялись артели
На земле цветущей нашей,
Здесь, в Советском государстве.

Михеева, 1949 г., самозапись, Ухта.
Оригинал — КЭП, 198.

Антикайнен

Собрались к народу птицы
На горе, на южном склоне,
К Ленину они летели,
Путь их был на берег дальний.
Соловей тот с голубями —
Это славный Антикайнен
Вместе с боевым отрядом,
Путь держал отряд на север.
Шли на лыжах по болотам,
По борам они скользили,
Топь прошли, земля дрожала.
Шел на лыжах Антикайнен
С боевым своим отрядом.

В Реболах, вблизи деревни,
Встретился мужик-крестьянин
С боевым отрядом лыжным:
«Где прошли отряды белых?»
Встречный мужичок ответил:
«Белые вчера прошли здесь,
Часть в деревне ночевала».
Шел на лыжах Антикайнен
С боевым своим отрядом,
Лесом шел по бездорожью
Сквозь густую чащу елок.
Шли они по горным склонам,
Не страшны в пути им тучи,
Вьюги снежные — пустяк им,
Не пугают их и звери.
Шел на лыжах Антикайнен
С боевым своим отрядом.
Перед Кимасозером им
Встретился мужик-крестьянин.
У него они спросили:
«Где прошли отряды белых?»
«В Кимасозере засели
В штабе офицеры белых,
Пленных красных караулят!»
Шел на лыжах Антикайнен
С боевым своим отрядом.
Трелью соловья разлился
Антикайнена там голос,
Эхом гулко отозвался,
И земля там стала склоном,
Облака закрыли склоны,
Вьюга снегом их накрыла.
Офицеры там скатились
Прямо по крутому склону,
В яму звери провалились,
Там они в снегу завязли.
Вышел славный Антикайнен
С боевым своим отрядом
С речью к своему отряду,
И взойшло над горкой солнце.

Кершнер, 1950 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — Кер., 49.

Время прежнее

Время прежнее, лихое
Весь народ тогда запомнил.
Тучи в небе поднимались,
Тучи небо застилали,
Тучи те с железным градом.
Сыпался тот град железный,
Шел Деникин на Царицын,
Взять Царицын он задумал,
Поразить железным градом.
Тучи шли, и ветры дули,
Волны в море бушевали,
Это ладожские волны
Берег Видлицкий разбили.
Волны в Видлице там злые
Всю деревню смыть хотели.
Но тут красное нам солнце
Засияло над народом.
Вечно с нами Ленин будет
И в больших делах, и в малых.
Дело наше величаво
Свет Кремля нам озаряет.
А Кремлевские там стены
Много сотен лет стояли,
И высокие те стены
Коммунизма свет увидят.

Кершнер, 1950 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — Кер., 48.

Борьба за мир

Злобные империалисты
Кровь людей сосать хотели,
Мир нарушили злодеи
На земле великой русской
И рабочему народу
Нанесли ущерб огромный
С юга далеко на север.
Но борцы за мир добились
Мира на границах наших.
К нашей радости великой,
Начал весь народ трудиться,
Сообща зажег упорство.
С радостью все изумлялись,
Как колхозы поднимались,

Всюду строились заводы,
Рудники здесь появлялись,
Ширились пути морские
Там, где было лишь болото,
На просторных землях этих,
Среди рощ, лугов чудесных.

Евсеев, 1952 г., от Т. А. Перттунен,
Ухта. Оригинал — АФ, 9, 8.

О юбилее Калевалы

Стены гостиницы серебрились
В Петрозаводске на празднике нашем;
Празднование в Петрозаводске
Было днем торжества Калевалы.
И на то празднество собрались
Люди с разных концов нашей Родины.
Из Эстонии были там первые гости,
Из Киргизии были там важные гости,
Были из Латвии и из Литвы,
Были там даже монгольские гости,
Были и гости центральной России,
Последними были — из области Виро,
Были веселые парни — ижоры,
Да и московские многие девушки;
Было на празднике в Петрозаводске
Много поющих народные руны,
Было нас двое из Калевалы —
Также и нам там, старым старушкам,
Стены гостиницы серебрились
В Петрозаводске на празднике нашем.

Евсеев, 1952 г., от Т. А. Перттунен,
Ухта. Оригинал — АФ, 15, 13.

Сплавщик

Бревна скатаны все в воду,
Быстро спущены на волны,
Связаны в плоты те бревна,
Скреплены плоты для сплава.
Парни-сплавщики в артелях
Древесину ту сплавливают,
Куда надо, отправляют,
Чтобы лес попал скорее
К Волго-Дону и на шахты.

Евсеев, 1952 г., от Е. И. Хямяляй-
нен, Ухта. Оригинал — АФ, 8, 18.

Полные амбары

Здесь хлеба полные амбары
С пола и до потолка,
Поднялись дома большие
От леска до бережка.
И одна другой красивей
Наши девушки в деревне;
Будут свадьбы проводиться
Здесь зимой — в деревне нашей,
Будут свадьбы проводиться
Здесь зимой — в деревне нашей.

Евсеев, 1956 г., от Е. Г. Зайцевой и
А. С. Кипрушкиной, Маньга. Ори-
гинал — АФ, 111, 14.

Рано утром

Рано утром я проснулась,
Начались уже дни пасхи;
Шла таскать ольховый хворост
На восходе солнца утром.
Там у встречного спросила:
«Ты торопишься куда-то?»
Мне ответил этот встречный:
«Белые пришли в деревню».
А мой муж был коммунистом,
Я домой заторопилась.
Дома мужа разбудила;
В лес бежать мой муж собрался,
Забегал он за конюшню
И пропал уже без вести.
Времени прошло немного —
Белые в селе явились,
Пришли из чужого края;
Стали горевать беднячки,
Но своим не изменили,
Песнями своих встречали.
Времени прошло немного,
Около границы жили
На казенные пожитки.
А мужья нам говорили:
«Вы не плачьте, наши жены,
Скоро мы домой вернемся
И расправимся с врагами».
Так мы жили, горевали.
Рано утром я проснулась,

Красный флаг я увидала,
Красные пришли обратно
И с победой возвратились.
Спешно белые бежали,
Спешно летом без одежды,
Много к нам мужчин явилось,
Красные пришли с победой.

Евсеев, 1957 г., от П. П. Ивановой,
Ведлозеро. Оригинал — АФ, 17, 8.

Трактор

Дело было поздно вечером,
На опушку леса вышли мы,
На болоте красны ягодки,
А на озере вода блестит,
Ветер дует лишь тихонечко,
Над лесами солнцу низко кланяясь.
А в лесу кукушка все кукует нам,
Все кукует песенки веселые,
Трактор пашет поле с грохотом,
Пашет поля край под посевы там,
А народ работает без усталы,
И хороший урожай тут получается.

Евсеев, 1958 г., от А. Ф. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ, 43, 7.

Песня о прошлом

Жили-были раньше люди,
Вдоволь горюшка видали,
Вдоволь горюшка видали.
При законах старых, царских
Бедно жили здесь все люди,
Бедно жили здесь все люди.
На богатых все трудились,
Гривенник им обещали,
Гривенник им обещали.
А когда платить им надо,
Гривенник и не платили,
Гривенник и не платили.
Летом сутками косили
От зари и до зари-то,
От зари и до зари-то.

Богачи нам говорили:
«Будет хлеб во рту вам слаще!»

Евсеев, 1964 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 496, 15.

Народ с Лениным

Так пришел к народу Ленин,
Власть советскую он создал,
Власть отнял он у буржуев,
Передал он власть народу.
Злобствующие буржуи
Кулакам наказ давали:
Сжечь все хлебные запасы,
Чтоб пришел к народу голод.
Ленин был наш вождь народный,
Так докладывал народу:
«Кулаки царицинские
Обжираются все хлебом,
Хлеб они сжигают, портят!»
Хлеб советует взять Ленин
Городам от кулаков тех.
Ленин обеспечил людям
Всем тот хлеб для потребленья.
С Лениным народ добился
Всюду людям хлеба вдоволь.

Евсеев, 1964 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 496, 17.

ЧАСТУШКИ

Не поеду в Питер я,
Питер на дворе у нас.
Косы заплетаю я,
Руку дроле подаю.

Говорят все, говорят:
Белые отца убили,
На опушке у сосны
Босиком его зарыли.

Множество в лесу дорожек,
Много и тропиночек,

Завелось с войны гражданской
Много сиротиночек.

Богданов, 1928 г., от М. Ф. Кузнецовой, Олёкка. Оригинал — А, 91, 12.

В комсомолки записалась,
Комсомолкой буду я,
Только старые старухи
В бога веруют друзья.

Деревенька Эссойла —
Городок без клуба.
Пареньки же в Эссойле,
Как собачки, любят.

Новый дом за озером,
Красный флаг висит на нем,
Пока флаг тот там висит,
Милый в холостых сидит.

Мы колхозы не хулили,
Ведь колхозы все хвалили,
Косы все уж побросали
И косилками косили.

Богданов, 1928 г., от Е. Мартыновой, Сямозеро. Оригинал — А, 91, 4—9.

Вечером за самоваром
Много чаю я пила,
Свои парни на войне,
С финном здесь гуляю я.

Ленту красную, папаша,
На мои купи мне косы,
Девушкой четыре года
В Сямозере погуляю.

Кабы крылья мне орла,
Полететь могла бы я,
В Питер бы я полетела,
Там бы милого нашла.

Милому письмо писала,
Ждать он годик просит,
Я его письмо порвала,
Черт его пусть носит.

Колю я люблю и Ваню,
Их обоих я люблю,
Ваню знаю как курсанта,
Колю милого люблю.

Богданов, 1928 г., от Н. Богдановой,
Олёкка. Оригинал — А, 91, 6.

Пять платочков шерстяных,
Треугольных три из них,
Пять залеток молодых,
Три колхозника из них.

Лебедева, 1928 г., Сямозеро. Оригинал — А, 91, 4.

На бугре стоит березка,
Под березкой наст снегов,
Мы запишемся в колхозы,
Кулака загоним в гроб.

Две канавы вдоль дороги
Растянулись по бокам,
Ни зарезать, ни спалить нас
Кулакам не по зубам.

Мама мне сказала строго:
«Почему не веришь в бога?»
Я ей дал прямой ответ:
«Потому что бога нет!»

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотова, По-
кровское. Оригинал — А, I, 32, 172.

Во второй-то пятилетке
Наш колхозник заживет,
Лучше будет не на шутку,
И теперь он это ждет.

В Рийхисельге у моста
Петь нам захотелось,
Как идет у вас косьба —
Знать нам захотелось.

Бригадиры в Штеппи знают:
Надо больше лес сплавлиять,
Чтобы нам советской власти
Здесь побольше помогать.

Левкин, 1934 г., Рийхикоски. Оригинал — А, 73, 35.

Наша власть поддерживает
Бедняка и батрака,
Кулака же зажимает,
Бережет середняка.

Кулаком кулак грозитя,
Злобу на колхоз таит,
Мы же, бедняки, мечтаем
Пятилетку выполнить.

Матикайнен, 1934 г., Шалговарака.
Оригинал — А, 68, 2.

Не пойду я в церковь больше
Слушать проповедь попа,
Лучше в клуб спектакль направлюсь
Посмотреть — я не глуха.

Нокелайнен, 1934 г., Паданы. Ори-
гинал — А, 68, 4.

В красный уголок зайду я,
Собрался там весь народ,
Там читать всех научу я,
Прочь смешки в мой огород.

Был я раньше неученый
И винтовку я не знал,
А теперь на полигоне
Я ее в руках держал.

В Красной Армии три брата,
А четвертый-то — пилот,
Все они народу служат,
Охраняют мирный труд.

Любовин, 1935 г., Святозеро. Ориги-
нал — Rintama, 1935, № 6, с. 39.

Мы колхозы не хулили,
Ведь колхозы все хвалили,
Косы побросали мы,
На косилках косим мы.

Ой, кулак, кулак, кулак,
Закури-ка ты табак,
Но зачем ты водку пьешь,
Наших мальчиков все бьешь?

Евсеев, 1936 г., от А. Пястаревой,
Миккелицы. Оригинал — А, 93, 38.

На Красной площади Москвы
Очередь стоит стеной;
Мы за многими людьми
Заходили к Ленину.

Ленинские все заветы
Среди нас всегда живут,
А советские солдаты
Помогают там и тут.

Куйка, 1936 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — А, 75, 55.

Без крыла для нас открыта
Жизнь в колхозе, как без жита.
А без крыльев жить нельзя,
Без колхозов жить нельзя.

Я сидела на верхушке,
А внизу прошел мой милый,
Я спросила: «Где ты был?»
В городе учился милый.

Блинова, 1936 г., Самбатукса. Оригинал — А, 133, 11.

Распрекрасная осина,
Но листочки выпали.
В это лето всем солдатам
Винтовочки выдали.

Сдала вещи я в колхозе,
На машину села я.
Ты вези меня, машина,
В край чужой уеду я.

Верстовой столб далеко,
А пройдешь — и подойдешь.
Так и милый — далеко,
Курсы сдаст — его найдешь.

Блинова, 1936 г., Куйтежи. Оригинал — А, 133, 12.

Кукуруза здесь растет,
В кукурузе же — цветок.
Вот на курсы друг пойдет:
«Дунечка, прости, дружок!»

Ты купи машину, мама,
Научусь на ней я шить,
Хоть ты в Куйтежи не выдашь,
С вами я не буду жить.

Один дроля дома умер,
На войну был взят другой,
Ногу третий досадил
И в больницу шел с ногой.

Тепшоева, 1936 г., от К. Шишиной и
К. Исаевой, Куйтежи. Оригинал —
А, 133, 50.

Наша кошка не боится
Поперхнуться, съев ерша,
Но и я ведь не боюсь
Записаться в свой колхоз.

В этот праздничек прекрасный
Патефон у нас играл.
В этот чудный день воскресный
На беседе кто скучал?

Эй, кулак, кулак, кулак,
Закури-ка ты табак.
Что же ты вино все пьешь,
Почему ребят ты бьешь?

Яковлев, 1937 г., Сяргозеро. Оригинал — А, 65, 93.

Раньше с горем жили мы,
Часто горе мыкали,
Горе мы теперь прогнали,
В город с хором ехали.

По-стахановски мы нормы
Выполняем здесь, в лесу,
Очень много лесу нужно
Заготовить нам в лесу.

А кукушка все кукует,
На деревьях — листики.
А на лесосплаве в Охте
Девушки — стахановки.

Воробьев, 1938 г., от Д. Н. Паспек-
вой, Лехто. Оригинал — А, 36, 47.

Вася наш — хороший парень,
Весь народ его хвалил,
Он на тракторе работал
И других тому учил.

Все дела кипят в колхозе,
Не как дома, ход им дан,
Каждый выполнить желает
Лесозаготовок план.

Луккарева, 1938 г., от Л. К. Мишу-
ковой, Совдозеро. Оригинал — А, 72,
144.

Поле было бы в избе,
На печи бы рос овес,
Хорошо так было бы,
По душе бы был колхоз.

Синий шелковый платок,
Без него навек осталась,
В молодости впрок, не впрок
Без колхоза я скиталась.

Птицы не могли летать,
Машут только крыльями,
А в колхозе стали петь,
Зазвенели с песнями.

Матвеева, 1938 г., от А. П. Буддуй-
вой, Поросозеро. Оригинал — А, 72,
119.

Было время — грабил нас
Своего села купец,
А теперь снабжает нас
Из сельпо наш продавец.

Учится в Москве мой милый,
Лейтенантом будет он.
В Красной Армии мой милый,
Командиром будет он.

Вот бумаги я купила.
Догадайтесь, для чего?
В Красной Армии мой милый,
Будут письма для него.

Матвеева, 1938 г., от А. М. Кормуе-
вой, Спасская губа. Оригинал — А,
72, 126.

Нынче зажил наш народ,
Свет и волю увидал,
Ленин к власти вел вперед,
Власть народу в руки дал.

Звонки голоса у песен,
Очень уж красивые,
Жизнь хорошая настала
У советских всех людей.

Много горя увидали,
Много враг принес вреда,
Враг страдал нас, всех крестьян,
Из своих домов прогнал.

Евсеев, 1945 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — А, 75, 48.

Наш колхоз — колхоз высокий,
Светлая вода в земле,
Жить нам весело в колхозе,
Без колхоза — тяжелей.

Евсеев, 1945 г., от П. Волкова, Олёкка. Оригинал — А, 97, 36.

На колхозных поляшках
Тракторы трясутся,
Там колхозники трудятся,
Поют и смеются.

Евсеев, 1954 г., от Т. П. Михайловой, Козлово. Оригинал — А, 148, 50.

Ведь теперь другое время,
Мы работаем в совхозе,
Вместе на работу ходим,
Вместе и поем в совхозе.

Брат Иван так говорил:
«Только чудеса теперь:
Трактор пашет на полях,
И совхозникам так легче».

Наш совхоз — совхоз высокий,
И вода в нем так светла,
Весело нам жить в совхозе,
Без совхоза жизнь трудна.

В Маньге много есть покосов,
Косит в Маньге их народ,
В Маньге и работы много,
Хвалят маньгинский народ.

Евсеев, 1960 г., от М. Т. Тихвонен,
Маньга. Оригинал — АФ, 110, 1.

СКАЗЫ-ПЛАЧИ

Сказ о Ленине

Буду я, печальная старушка, выражать печаль и горести,
Вспоминать печально прошедшие горькие времена,
Раз не были обойденными те горести в прекрасные молодые
годы,
Раз пришлось пройти по низменным местам те времена,
Раз мы не могли увидеть тогда прекрасные времена верхних
мест,
Точно вброд проходили мы жизнь в прекрасные молодые годы.
Теперь, когда я уже стала старой женщиной,
Хочу напомнить тем, кто живет в прекрасной молодости,
О тех печальных местах, которые я видела;
И тогда я всматриваюсь в висящий на стене портрет,
Где на красивом месте виден Владимир Ильич Ленин.
Он нашу жизнь из низменных, печальных мест поднял наверх,
Указал нам путь к жизни многогранной, радостной,
Ведь теперь мы и не знаем те былые горести.
Из печальных мест ты вывел к свету нас,
К красивой утренней заре подвел ты нас,
За это мы и вспоминаем, дорогой Ильич, тебя. . .
Не были прекрасными те дни былые,
Когда ты поднимал честной народ к заре идти.
В тюрьмы царские тогда тебя сажали, Ленин,
Когда ты подготавливал народ к великим подвигам. . .
Тогда ты, дорогой Ильич, сменил нам мысли горестные,
А злые замыслы буржуев мстительных ты пресекал.
Когда ты начал нас прекрасными делами поднимать,
Мы стали следовать твоим прекрасным мыслям,
Мы стали брать совет с трудов твоих прекрасных,
Раз были в них единственно правильные мысли и заветы.
Но ты не мог остаться продолжительное время
Шагать по свету обновленному, прекрасному.
Ты ушел в места, где вечно ты нам дорог,
И я, печальная, преклонных лет старушка,
Со слезами в тебе я вижу вечную опору.

Ананина, 1937 г., от М. Хотеевой,
Ухта. Оригинал — А, 20, 67.

Плач о Ленине

Не могу я, бедная женщина, и поверить тому,
Что угасли с вождем слова Ленина,
Что в это позднее лихое времечко
Ушел от нас Владимир Ильич Ленин.
И поэтому я, ягодишка, отвечаю всем,
Что не умер Ленин, дорогой наш вождь;
Раз народу теперь стало лучше жить,
То живет в делах былых и нынешних
По Советскому Союзу слава Ленина.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — А, III, 80, 2.

Плач о Татьяне Ананиной

Не время бы мне, удрученной женщине, сидеть,
Не время бы мне, женщине, молчать.
Надо бы про эту войну великую
Здесь мне плач складывать.
Не могу я петь и песни распевать,
Но надо бы большое спасибо сказать
Всем тем советским героиням и героям,
Которые летели на аэропланах,
Которые врагов бомбили,
Которые от них освобождали Родину.
Не могу я, бедная женщина, успокоиться:
Была же матерью носимая на руках золотолицая,
Золотая Гумбарева, красная партизаночка,
Которая во время войны, в лесу скрываясь,
работала.
Ведь хотя ее медными пулями расстреляли,
Все равно она не изменила Советской Родине,
Хотя и погубили ее в молодом прекрасном возрасте
И не могу я, печальная женщина, успокоиться.
Большое спасибо вождям партии и правительству,
Как были мы, кручинные женщины, в скитаниях,
За далекими путями-дорогами остались.
И были у кручинной женщины свои росточки без
весточки,
Не было от шмелиночек никаких грамоток.
А как стали мы, умудренные, возвращаться,
Шмелиночки стали нам письма присылать.
А ведь были выношенные командирами,
И были возвращенные офицерами,

И как кончилась большая война,
Весь чудесный свет возрадовался.

Нокелайнен, 1949 г., от П. П. Ивановой, Ведлозеро. Оригинал — А, 115, 40.

Сказ о Великой Отечественной войне

Почему-то теплое чудесное времечко
Погодою ненастною сменилось?
Не могли мы сначала, многобедные,
С ненаглядными детьми никак понять
Ту погодушку ненастную и мрачную,
Когда мы шли с командушкой родимой
На спешные колхозные работушки.
Еще у наших умных молодых ростков
На устах звенела песня русская, веселая,
Еще в нашей командушке родимой
Слышался напев наших карельских рун,
Когда, как пчелы, возвращались мы
Со спешных колхозных работушек
На двор чистый и в дома вымытые,
Около которых наши детушки
Соловьями-пташками разливались.
Но на этот раз было невесело,
Соловьи-пташки все разлетелися,
И суставы все на пальцах задрожали-то,
Когда мы посмотрели, многобедные,
Вместе с нашею родимой командушкой
На далекую сторонку на южную,
Как оттуда поднимались тучи темные,
Как из них посыпался железный град.
Вместе с буйными ростками — молодежью-то —
Посылали мы наказ и вести верные
Нашим дорогим бойцам — сыночкам Красной Армии:
«Вы попробуйте-ка встретить тучи темные,
Если явятся на наш посев ячменевый
Тучи темные с артелишкой поганой.
Вы постройте, счастливые сыны Красной Армии,
Стены крепкие острожные,
Чтобы враг не мог через них попасть,
Ни кругом обойти стены крепкие.
Если же пройдет артель поганая
Мимо этих стен острожных-то
И проникнет на посевы конопляные,
Вы постройте, сыны Красной Армии
Городские стены-крепости,

Чтобы враг не мог через них попасть,
Ни кругом обойти стены крепкие,
Если же и мимо них пройдут,
Если явятся враги на наш лазоревый двор,
Вы, милые сыночки Красной Армии,
Напустите на них воду ладожскую,
Пусть стоят они там шесть недель,
Шестиуключинные вражеские суденышки,
Восемь недель — восьмиуключинные кораблики.
А тем временем команды Красной Армии
Успеют ненаглядных наших сиротинушек
Отправить в более счастливую дороженьку.
Если через ладожские воды переправятся
Тучи темные с артелюшкой поганой,
Если у мосточков наших деревень появятся,
Тогда вы, милые сыночки Красной Армии,
Ружья меткие с удалых плеч снимите-ка
И направьте эти ружья огнестрельные
На холодный берег — прямо в супротивника,
Чтобы из артели вредной и поганой той
Пятьсот душ пало бы, шестьсот же опрокинулось;
И когда под косяком наших дверей они появятся,
Дорогие вы сыночки Красной Армии,
Пятигранные мечи возьмите с пояса,
Чтобы из артели вредной и поганой той
Пятьсот душ пало бы, шестьсот же опрокинулось!»

Евсеев, 1960 г., от А. Ф. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ,
108, 6.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Белые в Святозере

Это было давно, когда я был маленький, шла гражданская война, и в нашу деревню пришли белые, они шли из Пряжи. Их была целая воинская часть, и оружие у них было хорошее.

У красных были одни винтовки, они были плохо одеты. Еды у них была одна вобла. Подошли белые к Святозеру, красным ничего иного не оставалось, как уйти в лес. Пришли белые в деревню, привезли с собой две пушки и установили их по направлению к озеру. Белые мобилизовали наших мужиков и начали обучать их военному делу. Обходились с ними очень строго, из-за каждой малой провинности били их по скулам. Крестьян заставляли ездить с подводой. Кто только что-либо плохо сказал, так сразу же хватались за пашки.

С другого берега начали наступать красные. Народ начал рыть в лесу ямы, чтобы скрываться в них во время боя. Белые тут же собрали народ и на лодках стали грести навстречу красным. С одной стороны наступали красные, с другого берега гребли против них белые. На озере поднялась стрельба. В деревне даже стекла на окнах дребезжали. Старики и молодые бежали: кто в лес, кто за печкой спрятался, а некоторые и в подполье.

Белые испугались красных и пустились бежать. Спешно отступили, забрали свои пушки и убрались восвояси из деревни. Через некоторое время в деревню вошли красные.

Евсеев, 1930 г., от П. Фалькина,
Святозеро. Оригинал — А, 93, 83.

Как кулака обманули

До прихода белых мой отец работал в комитете бедноты. Приходилось ему насильно брать от богатых все излишки продуктов и делить их среди бедноты, потому что было голодное время. Поэтому кулаки ненавидели моего отца.

Когда пришли белые, отца моего взяли, меня тоже почему-то вызвали в штаб белых в Эссоилу. Я не знал, куда там идти, в каком доме находится штаб. Пришел я в дом одного кулака:

— Здесь ли находится штаб?

Хозяйка крикнула в ответ:

— Здесь штаб, а здесь сама штабиха, — и ударила себя по ляжкам. Затем прибавила: — Убьем мы твоего отца, да и ты, щенок, не останешься в живых!

Испугался я. Уже и слезы на глаза навернулись. Но на этот раз отпустили меня домой.

Когда на сходке белые начали подсчитывать, кого надо расстрелять, спасибо старику Валданену, начал он приговоренных к расстрелу защищать:

— Тогда и всех нас расстреляйте!

Испугались белые, оставили моего отца в живых.

Когда красные пришли, и я помогал своему отцу укреплять советскую власть. Однажды командир велел мне взять подводку от одного кулака. Но тот кулак не хотел идти с подводкой, а вместо подводки предлагал мне два фунта масла. Я подумал: «Получу я от тебя и масло, и подводку! Да и голодным ехать с подводкой, не подмазав горло, невесело будет!»

Взял я от кулака масло и сказал, чтобы он отвел лошадь в лес. Сам я скорее побежал к командиру и сказал ему:

— Вот нам два фунта масла, а лошадь иди скорее брать сам.

Командир пошел, а кулак в это время выводил свою лошадь из конюшни. Так мы получили подводку.

Евсеев, 1936 г., от Я. С. Ефимова,
Ляхта. Оригинал — А, 96, 23.

Белые в Ругозере

В первый раз белые пришли к нам из Ребол. Пришел оттуда один мужик в разведку от белых. Его арестовали, взяли у него документы; у него был и револьвер, но он его спрятал. У него спросили:

— Куда ты отнес наган?

— Я спрятал его в лежанку Маттинена, — сказал он.

Пошли туда, куда он указал, но там уже не было револьвера. Тогда арестовали хозяина дома, богатого кулака. Хозяин отпирался:

— Я ничего не знаю.

А у него был дядя, он сидел на завалинке. Там, под завалинкой, и нашли револьвер. Их обоих отправили в Повенец, там их обоих расстреляли, раз у них нашли револьвер при помощи одной тетки.

После этого через некоторое время белые опять пришли в разведку. Из деревни почти все бежали в лес. Мы спрятали в подвал одежду своей дочери. Мой муж послал меня нести молоко в лес нашей дочери и ее детям. Я пошла туда. Встретила там мужика на рыбалке. Я у него спросила:

— Есть ли кто в лесной избушке?

— Нет никого, — ответил он.

Тогда я вернулась домой, а шел мокрый снег, было холодно. Когда я пришла домой, там дочь со своим мужем уже была дома. Их дети простудились.

Потом, в восемнадцатом году, пришли англичане. Наши ругозерские бежали в лес. Белые арестовали моего мужа, а также Петю Ивачева, портного Ивана Маркова и Дмитрия Маркова. Хотели их расстрелять. Они были коммунисты. Но поповский сын Юсаков их освободил, потому что раньше мы на него работали по найму.

В двадцать первом году мы отмечали праздник Октябрьской революции. В школе был спектакль. Мы сидели там. А кулаки ждали белых. Мы ничего не знали. А белые вечером уже были в деревне. Сначала в школе мы спели Интернационал. Потом спели похоронный марш в память Евсеева, которого в восемнадцатом году белые расстреляли за то, что он сторожил на гумне взятую у кулака Маттинена рожь. Это видел мой деверь Марк, он прибежал тогда в деревню и сказал:

— Там мужика расстреляли.

Тогда узнали, что это Агафонов послал своего брата убивать его.

Потом в школу прибежал Степка с винтовкой и сказал:

— Товарищи пришли!

Мы думали, красные пришли, и пошли встречать их. Белые закричали:

— Руки вверх!

Тогда Евсеевых и Гавронена по отдельности белые увели на расстрел. Не много их, красных, там было. Поодиночке их расстреляли. Расстрелянных отнесли в хлев, за нужник.

Из школы стали поодиночке выпускать народ и обыскивали всех. У меня все обыскали. Потом спросили:

— Ты чья жена будешь?

Я ничего не смела сказать.

— Знаем, чья ты жена!

— Отпустите ее, она больная, — сказал главный бандит Орихани.

Меня отпустили, а я тогда не знала, был ли убит мой муж. Жена Ивачева тоже освободилась. Ее с сыном сначала поставили в ряд, хотели расстрелять. Но народ вышел из школы и заступился за них.

Белые стали искать Ипатова. Я пришла домой, а там, на дворе школы, все стреляли. Искали Ипатова. Он за спиной народа прошел на двор, и его не видели. Его искали по всей школе. Когда народ разошелся по домам, Ипатов бросил в белых ручную гранату, но граната не разорвалась. Так его нашли. Топорами рубили крыльцо и нужник. Девять раз в него стреляли. Белые приказали отнести его тело на болото и бросить там. Касьянов сын пришел, и на дворе у нас нашли ружье. Патроны я спрятала в навоз.

После этого было собрание. Я пришла на сходку. Там один мужик стоял с ружьем. Я спросила его:

— Где мой муж? У него все деньги были с собой.

— Сегодня ничего не будет, завтра узнаешь, — сказал он мне.

Потом, утром, пошли искать. Мы думали, что расстрел был на школьном дворе, но они отвели их на болото. Я вернулась со школьного двора домой. А туда уже пришла дочь с плачем. Василий Касьянов, который взял у меня ружье, привез на лошади тело моего расстрелянного мужа домой. Девять раз в него стреляли и даже валенки сняли с ног.

Фадеева, 1937 г., от А. Гурьевой,
Ругозеро. Оригинал — А, 50, 32 (28).

Два брата

Жили-были раньше в некотором царстве, Финляндском государстве, мужик с женой — бурлаки. Жили они бедно, работали на богатых, кое-как на хлеб зарабатывали. Жили-были, родился у них сын. Имя ему дали Микко. Растила его недолго, работали. У мужика жена умерла. У Микко не стало матери. Отец растил Микко немного. Поставил его на ноги. Отец и говорит сыну:

— Микко-сын, теперь тебе надо самому себя кормить. Ноткуда взять мне хлеба, нигде не могу хлеба достать.

Отец отводит его в богатый дом в своей деревне. Отдает он Микко в пастухи. Идет Микко с коровами в лес. . .

Уже прошло не знаю сколько времени, но немного, как он в пастухах. Однажды днем идет отец в лес. Угодил он там прямо к Микко, туда, где Микко коров пас. Подходит он к сыну. Микко начал плакать:

— Ох, отец, почему меня плохим хлебом кормят?

Отец начал осматривать хлеб. Отломил ломоть и видит, что хлеб сверху в высевках обваляли, а внутри — мука из соломы.

— Ой, сынок Микко, — говорит он, — в этом хлебе мука из соломы, а сверху он в высевках обвалян. Подожди, сынок, попаси немного, а я пойду искать, не смогу ли где-либо найти работу получше, тогда я тебя туда возьму.

Остается Микко в пастухах. А его отец пошел искать работу. Шагал-шагал по лесам, по полям, по болотам, шагал, где поало. Все Финляндское государство прошагал.

Приходит он на русскую землю. Как пришел он на русскую землю, смотрит — рабочий идет по лесу. Крикнул бурлак того рабочего:

— Подожди, брат, — говорит он, — не можешь ли мне работу где посоветовать, чтобы хлеба достать? Шагал я, шагал, а теперь устал. Лучше бы работал, чтобы хлеба достать.

Садятся они вместе на сваленное дерево. Говорят, толкуют. Встреченный в лесу мужик и говорит:

— Я так же раньше жил, тоже много горя повидал, да попал к хорошему мужику. Этот хороший мужик меня определил на работу. Я тоже пошлю тебя к этому мужику. Дам тебе клубок. Брось клубок перед собой, сам иди вслед за тем клубком. Тот клубок приведет тебя к Ленину.

Дает встреченный в лесу мужик бурлаку тот клубок и говорит:— Иди за этим клубком. Он приведет тебя, куда надо.

Идет мужик-бурлак за клубком. Клубок катится, катится. Попадает он на Олонецкую сторону и приходит к Мурманской железной дороге. Начинает мужик работать на той железной дороге. Все равно работает да горюет. Однажды он думает: «Лучше бы я был бурлаком!» Берет он жену, южную карелку, и начинает жить с женой. Родился у них сын Иван. Стало им лучше жить. Прошло немного времени, и совершилась революция. Пришла революция, и зажили они еще лучше. Послали они Ивана в школу. Иван ходил в школу и научился почти хорошо читать.

Однажды осенью в холодное время его отец садится около печки. Иван на диване лежит, читает газету. Отец начинает говорить:

— Когда я, — говорит он, — пришел из Финляндии, то оставил там сына. Плохо я сделал, надо бы привести его сюда. Здесь вместе бы и жили.

Иван начинает расспрашивать отца:

— Отец, так у меня есть брат?

— Есть брат, сынок, у тебя, — говорит отец.

— Надо послать, — говорит Иван, — письмо брату.

Берет он бумагу и пишет письмо: «Мы живем хорошо в таком-то месте, на такой-то работе работаем. А как ты живешь?» — спрашивает Иван.

Получил Микко то письмо, прочитал его и пишет в ответ: «Мы живем по-прежнему, попал я на такую работу, что не хотелось бы и работать, но раз попал, так надо работать. Но моя работа кому-то пойдет на пользу, а кому-то будет и впустую».

Получил Иван то письмо, прочитал и думает: «Почему брат так пишет, что его работа кому-то пойдет и на пользу, а кому-то впустую?»

Хотел Иван ответить на то письмо, но не успел, началась война. Слышит он, что приходят финские буржуи с войной; началась война. Пошел на войну и Иван. Там выкопали и окопы.

Однажды сидят красные в окопах, и падает около них бомба; около Ивана падает она, но не разрывается. Идут они осматривать эту бомбу, а она раскололась. Раскрывают бомбу, в ней были опилки. Внутри находят записочку. Читает Иван записочку, а в ней написано: «Не хочу своих товарищей убивать, изготавливаю на заводе бомбы, но этими бомбами я не хочу убивать своих братьев. Таких бомб я сделал больше сотни».

Узнал Иван на записке почерк своего брата Микко. Так он получил от брата второе письмо, из которого ему стало ясно, кому работа его брата пошла на пользу, а кому впустую.

Евсеев, 1940 г., от А. Ф. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — АФ, 96, 11.

Заяц и фашисты

Летела ворона, ни высоко, ни низко. Повернула хвост, попала в густой лес. Смотрит — бежит заяц. Удивилась и спросила:

— А тебя разве еще не съели?

— А кто, — спрашивает он, — меня съест?

— Идет на нашу землю сила несметная, тысячи на конях, тысячи пешком. На танках едут, на самолетах летят, ворон и зайцев едят.

Испугался заяц. Что есть силы, побежал. Бежит, бежит, встречает лягушку. Заяц и говорит ей:

— Тебя еще не съели?

— Кто меня съест — лягушку? Журавли давно улетели, другие птицы меня не едят.

— Как не едят! Идет на нас сила несметная, тысячи на конях, тысячи пешком, на танках едут, на самолетах летят, зайцев и лягушек едят.

Испугалась лягушка и в болото прыгнула. Летит сорока. Она испугалась, думает, что войско идет. Села сорока на дерево. Загребала сорока, шишки с дерева попадали на лягушку. Лягушка заквакала:

— Бомбы бросают, бомбы бросают! — и прыг обратно в болото!

Увидел это красноармеец, поднял винтовку и выстрелил, сразу сорока упала на землю. Подбежал красноармеец к сороке, смотрит — а это немец. А птичий хвост он нацепил себе на шею.

Евсеев, 1945 г., от П. Волкова,
Олёкка. Оригинал — А, 97, 31.

Сампо и Ленин

В былые времена раньше была у народа мельница Сампо. Эта мельница Сампо молола зерно и деньги, и все, что только требовалось народу. Устроили свадьбу веселого Лемминкяйнена с красавицей. Три года справляли свадьбу. Для той свадьбы мельница Сампо молола все, что только надобно. После свадьбы Лемминкяйнена долго или скоро, пройдя путь длинный, может и короткий, старуха Лоухи похитила то Сампо. Унесла в лес, но уничтожить не смогла. Мельница Сампо находилась там годы и целые века.

Наконец, нашел ту мельницу Сампо Владимир Ильич Ленин. Она стала молоть для всех земель, для всех морей, молола зерно, деньги — все молола. Даже свет лампочек Ильича стала давать, те ленинские лампочки стали освещать землю.

Владимир Ильич Ленин оставил ту мельницу Сампо партии и правительству и всему советскому народу.

Партия и правительство поставили ту мельницу Сампо молоть камни, молоть пни, строить больше села в лесу, осушать болота, орошать пустыни. Владимир Ильич Ленин оставил слово партии и правительству:

— Завещаю я вам мельницу Сампо. Пусть она поддерживает мир во всем мире.

Партия и правительство следуют словам Ленина и стали бороться за мир, и народ хочет жить мирно.

Евсеев, 1957 г., от А. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — АФ, 20, 5.

У Ленина в Смольном

После того, как у нас вершилась в семнадцатом году революция, когда было еще правительство Керенского, великий Ленин скрывался в Финляндии. Его искали сыщики, где бы его можно было поймать. Когда он из Финляндии приехал в Петро-

град (в это время был Петроград), он сразу же дал приказ кронштадтскому флоту прибыть в Петроград. И нас там прибыло человек ни много ни мало, — пятьдесят тысяч матросов.

Когда из крепости отправлялись, все орудия были направлены на Петроград на случай чего-либо непредвиденного. Мы прибыли на берег. На каждом военном судне нас было свыше тысячи, в полном вооружении. Высадились мы на берег, пошли в Смольный, где был сам Ленин. Ленин нас принял, он стоял на трибуне. Я, карел, со своим минным отрядом (был я в составе) как раз стоял около Ленина, примерно, если сказать, метрах, самое большое, в двух, а то и меньше. Очень хорошо можно было слышать все, что говорил Ленин. Он много не говорил, но сказал исторические слова. . .

Макаров и Вяйзинен, 1963 г., от Т. М. Беляева, Кескозеро. Оригинал — ОКРП, с. 166.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Одно дерево — не пал, один камень — не водопад, один белый — не противник.

Живут, как кошка с собакой, как кулак с колхозом.

Евсеев, 1939 г., от А. Никифоровой, Вохтозеро. Оригинал — А, 75, 59, 30.

Газета — новости со всего света.

Богатый колхоз далеко славится.

У кого больше трудодней, того и дом славится.

Трактор — трактором, но и лошадь корми сеном.

Макарова, 1957 г., Пасынок. Оригинал — КППЗ, с. 36—38.

Береги Родину как зеницу ока.

Новая жизнь — новые законы.

По труду и богатство колхоза.

Каков в колхозе председатель, такова в колхозе и жизнь.

Болтун в колхозе не в счет, кто работает — тому почет.

Звание героя дают не за красоту, а за труд.

Макаров, 1957 г., Самбатукса. Оригинал — КППЗ, с. 28, 32, 36—38.

Ни одного вершка земли не отдадим врагу.

Живут в колхозе дружно — и на работе не грузно.

Евсеев, 1957 г., Поросозеро. Оригинал — А, 79, 175; КППЗ, с. 37.

Что Лениным сказано, то жизнью доказано.
С дороги нас не собьешь, мы с партией сильны.
Артельная работа спорится.
На поле любят старателя, а в армии — героя.
На колхозном поле тракторист, в Советской Армии — танкист.
Сейчас — бригадир, будет время — станет командир.

Макаров, 1958 г., Козлово. Оригинал — КППЗ, с. 32—33, 37—39.

Убьешь фашиста, от грехов будешь чистым.
По полю агронома узнаешь.

Манжин, 1959 г., Мосеевское. Оригинал — КППЗ, с. 29, 39.

ЗАГАДКИ

Красная заря над крыльцом (*красный флаг*).
Городу с деревней дан советской стройки план; кто догадается,
как тот план называется? (*пягилетка*).
Стреляй хоть куда, а не ломаешь (*танк*).
Милый гость из дальних стран, а живет под окном (*сад*).

Евсеев, 1932 г., от Е. Федотовой, Покровское. Оригинал — А, I, 34, 172.

В Москве говорит, а сюда слышно (*радио*).

Харламова, 1934 г., от В. Артемьева, Подужемье. Оригинал — А, 12, 23.

Поля железные, межи деревянные (*альбом*).

Ананина, 1937 г., от М. Ермолиной, Сельга. Оригинал — А, 63, 90.

Птица, но не летит; поет, но головы нет, только шея есть (*гитара*).

Деревянный стан, костяные буквы, счет точно ведет, все считает (*счеги*).

Меллери, 1947 г., от А. Сийканен, Ухта. Оригинал — А, 18, 90.

Летит птица, а крыльями не машет (*самолет*).

Где может стоять такой дом, чтобы каждый угол смотрел на юг?
(*на Северном полюсе*).

Что быстрее всего? (*мысль*).

Кондратьев, 1948 г., Вокнаволок. Оригинал — А, 25, 84.

Бесшумно в избы входит, без дверей, без стука (*электричество*).
Стоит ящик, сам говорит (*радио*).

Нокелайнен, 1948 г., от учащихся,
Ведлозеро. Оригинал — А, 115, 29.

Золотая прялка у дороги (*телефонный столб*).

Мякеля, 1949 г., Каменное озеро.
Оригинал — А, 4, 9.

Какая лошадь землю пашет, а сена не просит? (*трактор*).

Что кусает, но свет дает? (*электричество*).

Чье дело бессмертно, хоть сам и умер? (*Ленин*).

Хямяляйнен, 1949 г., Ухта. Оригинал — А, 69, 76.

Не осиновый тот лист, но по свету новости собирает (*газета*).

Евсеев, 1956 г., от А. Никифоровой,
Вохтозеро. Оригинал — А, 75, 23.

Летит птица, на носу винт визжит (*самолет*).

Евсеев, 1957 г., от А. Сялиной, Поросозеро. Оригинал — А, 79, 179.

КОММЕНТАРИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

Особенности комментирования произведений разных жанров фольклора объясняются их спецификой, разной степенью их изученности, отсутствием либо наличием общепринятых указателей по жанрам. Из-за ограниченности объема сборника его составитель счел возможным отсылать читателя только к более ранним изданиям и публикациям карельского народного поэтического творчества, сокращенные обозначения которых прилагаются.

ЗАКЛИНАНИЯ

«На зимней охоте» — менее ценные в художественном отношении записи ср. KI₃, 355—361.

«От укуса паука» — в других вариантах упоминания Стокгольма, Кеми, России как торговых мест и полей сражений не отмечаются.

«При ческе овечьей шерсти» — перечисленные в этом заклинании города являлись местами сбыта овечьей шерсти.

«При охоте на горностаю» — публикаций других вариантов нет.

«Против колик» — в других южнокарельских вариантах упоминания о кузнеце Ильмаринене нет (ср. KII, 872—894, 896—899), но в некоторых записях упомянут Олонец (ср. KII, 900—902).

«При заговаривании банного пара» — другие записи варьируются (ср. KII, 849—852), но в нескольких разночтениях встречается упоминание Вяйнямейнена (ср. KII, 853, 855), также типичное для севернокарельских вариантов (ср. KI₄, 2416).

«При травле волков» — публикации других южнокарельских записей заклинания с такой функцией отсутствуют.

«Против колик» — упоминание в этом заговоре трех сынков беса, из которых третий, слепой, стрелял в солнце, повторяется в других, более пространных вариантах, ср. KII, 889, 890.

«При установке силков на лисицу» — это единственная опубликованная запись, где охотник обращается к знаменитому королю леса.

«Против зубной боли» — в другом варианте заклинания помощи просят от всевышнего господина, заоблачного бога, ср. KII, 818.

«При кровоизлиянии» — в отдельных, также приладожско-карельских записях заклинания не только персонафицируется сама кровь (например, KVII, 1434), но и просят помощи от девы Марии (KVII, 1427).

«При ранении камнем» — в одном из близких вариантов камень назван золотым королем, ср. KVII, 1238, ср. также KVII, 1301—1305.

«При ранении деревом» — в некоторых текстах этого заговора дерево олицетворено не только в образе Сампсы (ср. KVII, 1328), но и в образе Вяйнямейнена (ср. KVII, 1322) как сеятеля всех деревьев.

«От укуса змеи» — упоминание имен Куллерво, языческого бога Хийси и имен христианского культа свидетельствует о религиозном дуализме

карел. В других заклинаниях против змеяного укуса упомянуты Вяйнямейнен (ср. KVII, 1082), но в большинстве случаев — Иисус (ср. KVII, 1078, 1081 и др.).

«Перед медвежьей охотой» — ср. близкие варианты KI₄, 1189—1198.

«Против чумы» — сын литовского князя Гедимина Наримонт, получивший в «кормление» Корелу, в других текстах не упоминает.

«При весеннем севе» — публикаций других севернокарельских записей нет.

«При тяжбе» — других текстов с подобной функцией не обнаружено.

«При вывихе» — трудно решить, почему вывихнувшим плечо здесь назван захавший в церковь Моисей; в других вариантах упоминаний о нем нет.

«При сборах на войну» — видимо, герой рун Вяйнямейнен не случайно изображен помощником в сражении с неприятельским войском.

«Защита от войны» — языческий бог Укко, названный королем, в других вариантах почти не упоминается, но согласно одной записи этого заговора Куллерво ищет на войне у бога Укко защиты, ср. KI₄, 2089.

«Оберег от войны» — обращение к земле на войне нетипично.

«На укус осы» — близкие варианты ср. KVII, 926—929, 931—971.

«При изготовлении снадобий» — обращение к Лемминкяйнелу в записях этого заклинания не является типичным.

«Привораживание парня» — согласно же приладожско-карельской версии парня привораживают с помощью горящего шнура (KVII, 4616).

«Против дождя» — в других текстах упоминаний о России нет.

«От дождя» — записи с изгнанием туч в Пиэтула в публикациях представлены редко.

«При укусе собаки» — в близком варианте боль от укуса собаки отпращивают в Хийтолу, ср. KI₄, 364.

«При работе на гумне» — других публикаций такого заговора нет.

«Рождение огня» — это распространенное в Карелии заклинание особенно поэтично отражает древнюю связь рыболовства и огня. Многочисленные варианты (ср. KI₄, 232—339) в большинстве случаев связываются с именем Вяйнямейнена и только в некоторых записях с именем Лемминкяйнена (ср. KI₄, 321). См. КС, с. 93—95.

«При ранении камнем» — злой дух Лемпо в других текстах упоминается реже.

«При рыбной ловле» — апостол Петр назван рыбьим богом в ряде вариантов этого заговора, ср. KI, 1340—1342; Кр. 9.

«На рану от дерева» — записанное от той же М. Ремшу в 1918 г. заклинание с той же функцией выглядит несколько иначе, ср. KI₄, 2385.

«При сборах на охоту» — в других текстах этого заговора также убеждают медведя, что он сам пожелал быть убитым, стать медвежьей шкурой и войти в избу девицы.

«На сенокосе» — заговор от дождя с упоминанием Пиэтулы близок к другой севернокарельской записи, ср. KI₄, 1794.

«Против забегания ласки в конюшню» — олицетворение ласки в образе Лембоа с земель Хийси в других вариантах не отмечено.

«Оберег молодоженов» — религиозный дуализм в этом заклинании отражен в отождествлении Ильмойлинена со святым Пекка.

«При выгоне скота на пастбище» — близкий вариант ср. KII, 1004.

«Привораживание парня» — здесь, как и в другом тексте (ср. KII, 1038), привораживают с помощью любовной воды, но нет, как там, упоминания шведских одежды и русских мундиров.

«При ранении железом» — широко бытовавшее в Карелии заклинание о рождении железа имеет близкую к публикуемой записи версию (ср. KII, 642, 644, 645 и др.), но в некоторых текстах упомянут кузнец Ильмойллинен (ср. KII, 641).

«При ожоге» — как и другие варианты, эта запись заговора связана с упоминанием об изготовлении сети Вяйнямейненом.

«При ранении железом» — персонифицированное обращение к железу с традиционным вопросом характерно для многих текстов этого заглавия.

«При спуске по порожистой реке» — типичный для Карелии заговор связан либо с упоминанием девы водопада (ср. КІ, 2038, 2041), либо с упоминанием короля воды Литветти (ср. КІ, 2040).

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

«Сампо» — руна А. Малинена наиболее близка к вариантам, записанным от его потомков нескольких поколений, в записях от которых также отмечен мотив купеческих кораблей, попадающих на подводные камни, ср. КІ, 84, 88; КІ, 2134. Отправка кузнеца в Похъелу на ели для других версий этой руны не типична. Например, согласно руне А. Перттунена о Сампо Ильмаринен едет в Похъелу на санях (см. КІ, 54; ИРАП, с. 12—23). Остальные записи руны о Сампо — ср. КІ, 1—133; КЭП, 30, 49; ККРІ, 91; FFPE, 12—15.

«Вяйнямейнен и дева Велламо» в большинстве записей имя Велламо не упоминается. Согласно мало отличающейся от этой версии неудачная ловля девы-лосося приписывается Лемминкяйнену (ср., например, КІ, 251—253), но чаще всего Вяйнямейнену (ср. КІ, 243, 250, 255, 257, 259; ККРІ, 153 и др.).

«Подсека Калевы» — изредка эта руна появляется как отдельный текст, ср. КІ, 236. Но чаще всего она встречается в контаминациях с другими сюжетами — ср., например, КІ, 912, 927, 935—937, 945, 946, 952.

«Игра на кантеле» — сравнение сидящего в лодке Вяйнямейнена со стокгольмским тюком и кулем финской соли в других вариантах не отмечено; близкие варианты ср. КІ, 617—619. В ряде записей до игры на кантеле герой идет искать либо покупать лошадь и затем едет на лодке, ср. КІ, 573—616; КІ, 143—178; КVІІ, 554—627; КЭП, 25, 33, 37, 48, 75, 163, 173; ККРІ, 78, 96, 106.

«Лемминкяйнен» — редкая версия руны, согласно которой Лемминкяйнен погибает от руки слепого старика Улапшалы, которого он пощадил.

«Уход Вяйнямейнена» — в разных вариантах этой северокарельской руны героем, осуждающим поворожденного Калевы, назван то Вяйнямейнен (КІ, 682, 688—698), то Вирокаанас (КІ, 683), ср. также КЭП, 35, 44.

«Ахти и Кюлликки» — руна об уходе Ахти на войну имела узкий ареал распространения, ср. КІ, 906, 907; КЭП, 100; ККРІ, 97; FFPE, 39, 40.

«Лодки на войну» — обычно этот сюжет представлен в ряде вариантов руны о поездке на лодке и изготовлении кантеле, ср. КІ, 573—616; КЭП, 61.

«Возвращение солнца» — сюжет руны преимущественно ижорский, но кроме северокарельских фрагментов (ср. КІ, 679, 680) и приладожско-карельских записей (ср. КІ, 693, 695—697) можно отметить поздние тексты, выявленные в последние десятилетия, где сюжет руны также связан с игрой на кантеле (ср. КЭП, 7, 12).

«Плавка железа и меч Калевы» — редкая контаминация руны о рождении железа с эпическим мотивом об изготовлении кузнецом Ильмариненом меча и щита для сына Калевы.

«У Анкерво Випунена» — есть и другие записи, где Випунен назван также Анкерво (ср. КІ, 407, 409, 410, 419), но чаще он носит имя Антеро или Антерво (ср. КІ, 387, 388, 392—395, 399, 402—405), ср. также КЭП, 6, 34; ККРІ, 116; FFPE, 28, 29.

«Лемминкяйнен и лось Хийси» — другие варианты северокарельской версии часто содержат мотив оценки лыжных палок в мехах и марках. В контаминациях эта руна не отмечена. Ср. КІ, 859—882; КЭП, 9; ККРІ, 10, 67, 117, 131, 140.

«Лемминкяйнен и его сестра» — согласно многим вариантам герой едет платить подати; в одних случаях он назван Лемминкяйненом (КІ, 958, 964), в других — Куллерво (КІ, 954, 960—962, 972—974, 983—991), в третьих — Кейретуйненом (КІ, 954, 956—959, 971, 976—978, 980—982).

«Месть сына Калевы» — по одним записям этой руны герой продан в рабство в порядке натурального обмена, ср. KI, 928, 935—937, 941, 944—946; KKRI, 60, 115. Согласно другой версии, Куллерво сам нанимается в пастухи, ср. KI, 908, 910—914, 917—919, 922—924, 933; KII, 245; KЭП, 19; KKRI, 70, 114.

«Охота на лося Хийси» — в отличие от северокарельской версии для ряда вариантов из приладожской Карелии характерен мотив приглашения всех лопарских мужчин и женщин к охоте и приготовления пищи из мяса лося, ср. KVII, 857—869, 871—885; FFPE, 53, 54.

«Русский и Вяйнмейнен» — упоминание об изготовлении лодки русским, по записи К. Крона, в контаминации с описанием огромной щуки, из челюстей которой делают кантеле, в других вариантах связано только с именами героев руны.

«Поиски дерева для лодки» — если согласно этой руны дерево дает согласие Вяйнмейнену, чтобы из него изготовили военную лодку, то в других записях поиски дерева связаны с другими обстоятельствами, ср. KI, 335—348; KVII, 337—341; KKRI, 72.

«Ранение Вяйнмейнепа» — эта руна редко появляется в контаминациях с другими эпическими сюжетами (ср., однако, KKRI, 150) и, как правило, всегда связана с именем Вяйнмейнена (ср. KI, 281—334; KKRI, 81, 83, 142); генетически эта эпическая песня связана с заклинаниями о рождении железа, ср. КС, с. 95—96.

«Калерво и Унто» — руна о вражде двух братьев обнаружена среди карел лишь в узком ареале ее распространения, ср., например, KKRI, 154; ср. также KII, 234—239; FFPE, 41; КС, с. 102—103.

«Вяйнмейнен в Туонеле» — за исключением одного северокарельского варианта, где герой назван Леммиккяйнемом (KI, 350), во всех записях в Туонелу едет Вяйнмейнен (KI, 351—365, 369—373, 375—380; KKRI, 20), притом в одном тексте он выходит из церкви (KI, 372).

«Вести о смерти родных» — во всех записях этой карельской руны Куллерво оплакивает лишь смерть жены (ср. KI, 993—1007; KII, 248, 258; KVII, 904); согласно многим текстам он едет на шведскую войну (KI, 997; KII, 256, 259; KVII, 900—902), судя по одной записи — на Шунгскую ярмарку (KI, 995). Ср. также KЭП, 70, 97, 110, 130, 168, 186; KKRI, 22, 23, 30, 44, 45, 48—50, 86—88, 94, 98, 125, 127, 138, 139, 145.

«Сватовство Ильмойллинена» — эта версия руны о сватовстве кузнеца в Хийтоле к дочери старухи Хийси распространена в южной Карелии (ср. KII, 88—94, 96, 104—108; KVII, 371, 374—383, 392—415, 421—425; KЭП, 118, 162, 164, 165, 167, 170, 172, 174, 184; KKRI, 21). Кроме того, в другой записи перед сватовством кузнеца дается зачин с чудесным мотивом рождения героев — Вяйнмейнена, Еугамойнена и Ильмойллинена (ср. KI, 2155, 2156; KII, 12, 95, 97—102; KVII, 97—135, 416—420; KЭП, 2, 123, 129, 133, 139, 142, 145, 149, 152, 155, 176, 179; KKRI, 17—19, 25—28, 30, 32 и др.).

«Погоня за лосем» — руна была распространена преимущественно в северной и приладожской Карелии, ср. KI, 858—882; KVII, 856—875; KЭП, 9, 66. Для северокарельской версии характерна оценка лыжных палок в марках и мехах белок и лисиц. Ср. также KKRI, 67, 117.

«Вяйнмейни и Ильмарини» — наиболее близкие варианты записаны от А. Перттунена и его потомков, ср. KI, 469, 473. Сюжет руны распространен преимущественно в северной Карелии и довольно часто включает заключительный эпизод с кованием золотой деды, ср. KI, 438—513; KII, 96, 108, 109, 112, 115, 118; KVII, 429—491. Некоторые варианты этой руны контаминированы с рунами на другие сюжеты, например KЭП, 69; KKRI, 110, 141. Из записей советских фольклористов в публикациях ср. KЭП, 38, 74, 80, 83, 93; KKRI, 1, 3, 13, 49, 123, 128, 158; КС, с. 81—88.

«Вяйнмейни и дева-лосось» — во многих случаях эта руна контаминирована с другими сюжетами, ср. KI, 242—280; KII, 54—57; KVII, 262—266; KЭП, 31, 57; KKRI, 10, 39, 67, 117, 131, 133, 140.

«Вяйнямейни ранит колено» — разные записи этого сюжета ср. К1, 281—334; К1₄, 2144—2149; К11, 58—74; КVII, 267—336; КЭП, 27, 42, 43, 94 и другие публикации карельских вариантов.

«Состязание в пении и сватовстве» — руна о состязании в пении сравнительно редко контаминирована с руной о сватовстве, ср. К1, 149, 442. Чаще всего сюжет «Состязание в пении» появляется как отдельная руна, ср. К1, 144—148, 150—207; К11, 22—38; КVII, 136—206; КЭП, 11, 50, 64, 79, 81; ККР1, 5, 12, 43, 76, 101, 156; ФФРЕ, 10.

«Лемминкяйнен и большой бык» — поездка Лемминкяйнена в Выборг в других вариантах в большинстве случаев не отмечена. Многочисленные записи заметно варьируются, ср. К1, 701—857; К11, 171—226; КVII, 760—841; КЭП, 8, 28, 36, 39, 45, 64, 76, 77, 86, 108; ККР1, 9, 14, 47, 59, 64, 74, 85, 92, 93, 103, 109, 119, 140, 144, 160. Во многих записях эта руна завершается повествованием о большом быке, лишь в некоторых случаях это отдельная руна о большом быке, см. К1, 885, 892—895; ККР1, 80.

БАЛЛАДЫ, ШУТОЧНЫЕ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ

«Четыре девы» — близкие варианты ср. К1, 1217—1229, 1231—1240; КЭП, 40; ККР1, 38, 90, 105, 151. В ряде вариантов упомянута Кандалакша, но исчез мотив дуба, скрывающего движение облаков.

«Потерявшийся в облаках» — из других записей ср. К1, 1171; ФФРЕ, 129.

«Молодуха плакала» — кроме этой записи Ленрота есть и другие тексты, ср. К1, 1161, 1163, 1164; КЭП, 101, 124, 140.

«Ахтонен и Кайя» — ср. К1, 1169.

«Голод» — другие варианты в публикациях не выявлены.

«Пограничная война» — из других записей ср. К1, 1172—1176.

«Василий» — песня достаточно широко распространена, ср. К1, 1193; К11, 382, 383, 1145—1149; КVII, 1381—1385; КЭП, 153, 189; ККР11, 169, 179, 181; КНП, 92.

«Руотус и слуга» — редкая песня легендарного характера.

«Руотус и рождение бога» — другая версия песни «Руотус и слуга».

«Потонувший брат» — другие варианты ср. К1, 1235, 1237—1242; ФФРЕ, 135.

«Хаhti и его родные» — в отдельных вариантах на войну собирается не король острова Хаhti, а его брат, ср. КVII, 932, 933.

«Слезы кукушки» — из близких вариантов ср. КVII, 249—260.

«Хозяин и раб» — сходные тексты ср. К1, 1246—1249; КVII, 1401—1406, 1408—1438; КЭП, 51, 55.

«Поиск коня» — другие записи ср. КVII, 1386, 1388—1394.

«Свадьба в пеленках» — эта шуточная песня в других записях не обнаружена.

«Девушка и дракон» — близкий вариант ср. КVII, 1293.

«Сын счастья» — ср. приладожско-карельские тексты КVII, 1320, 1321; из новых северокарельских записей ср. ККР11, 222, 235.

«Сухой закон» — близкие варианты ср. К1, 1244—1245.

«Огой и попович Кобелч» — ср. КVII, 1309, 1311—1313; ККР11, 174, 192, 195, 213, 257.

«Маркетта» — тексты на тот же сюжет ср. КVII, 700—741, 743—759.

«Сватовство к дочери Коски» — близкие варианты ср. КVII, 449—456, 458, 470. В одной записи сватающийся жених назван немецким купцом Нилом, ср. КVII, 486.

«Морские женихи» — в результате частичной контаминации двух сюжетов в роли жениха с хлебом здесь выступает Лемминкяйнен, ср. ККР11, 225, 226, 234, 254, 264, 265; К1₄, 2198—2200.

«Оклеветанная девушка» — из других публикаций песни на этот сюжет ср. К1, 1195—1210; К1₄, 2207—2209; К11, 388—391; КVII, 1177; КЭП, 90; ККР11, 230, 253, 262; ФФРЕ, 124.

«Дочь царя» — в этой редкой южнокарельской шуточной песне как фрагменте животного эпоса высмеивается бестолковая суматоха дочери царя — свахи, молодого поца Пети в окружении разных животных.

«Закованный кузнец» — южнокарельская версия этой легендарной песни сближается с мифом о закованном Прометее. Ранее публиковавшиеся варианты ср. КII, 315, 317, 320, 322—324; КЭП, 117, 132; ККRII, 167, 168, 174, 208.

«Сватовство сына Похьелайнена» — других вариантов этой южнокарельской песни о свадьбоводе-дружке Мауру Мангингойнене не обнаружено.

«Убийство родителей» — редкая в Карелии баллада встречается лишь в отдельных публикациях, см. КVII, 1291; КЭП, 128; ККRII, 178. Эта баллада более широко известна среди ижор и финнов, см. FFPE, 95, 96.

«Похороны родителей» — сходные записи ср. КII, 298; КVII, 1467, 1468; КЭП, 137, 143, 157; ККRII, 214, 256.

«Анни и морские женихи» — песня широко бытовала, из мало отличающихся друг от друга вариантов ср. KI, 1134—1142; KII, 341—355; КVII, 1178—1234; КЭП, 78, 89, 107; ККRII, 164, 188, 200, 211, 218.

«Павел и Маша» — наиболее близок к этой песне текст старой записи (ср. КVII, 954), согласно которой Иван едет в Питер, Ревель и Олонек.

«Гибель влюбленных» — международный сюжет этой баллады представлен также публикациями других карельских вариантов, ср. KII, 362—364; КVII, 1306—1313; КЭП, 127.

«Молодуха плачет» — другие записи этой распространенной баллады ср. KI, 1161—1164; KII, 367, 368; КVII, 1246—1270; КЭП, 101, 124, 140; ККRII, 194, 215, 231, 237, 238, 240, 242, 243, 261.

«Исакойне» — баллада об Исакойне Суллервойнене отмечена в южной и приладожской Карелии, ср. KII, 49—55; КVII, 234—247; КЭП, 131, 136; ККRI, 82, 118. В одном варианте (КЭП, 166) этот сюжет связан с именем Лемминкяйнена.

«Похититель девичьих парядов» — варианты ср. KII, 268; КЭП, 127; ККRII, 209, 297.

«Проданная дева» — публикации других записей этой карельской баллады ср. KI, 1144—1157; КVII, 1271—1289; КЭП, 88; ККRII, 165, 267.

«Оклеветанная девушка» — варианты этой баллады, отражающие патриархальный быт, ср. KI, 1195—1210; KII, 388—391; КVII, 1177; КЭП, 90; ККRII, 196, 204, 210.

«Поиски сына и закованый кузнец» — севернокарельская версия легендарной песни о борьбе язычества и христианства отличается от южнокарельской тем, что до повествования о закованном язычнике-кузнеце дается зачин о чудесном рождении Христа, ср. KI, 1096—1131; KII, 325—327; КVII, 1062—1116; КЭП, 4, 41; ККRII, 162, 203, 219, 221, 270; Кр., 6.

«Калевайнен и Анни» — опубликованные записи этой распространенной бытовой баллады ср. KI, 208—241; KII, 39—48; КVII, 206—208; КЭП, 5, 15, 23, 52, 82, 104, 106, 113; ККRI, 63, 79, 95, 112, 124. В единичных случаях в этой балладе под влиянием «Калевалы» имена Осмонена Калевайнена подменяются именем Вайпямейнена.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

«Петр I и Ильмаринен» — контаминация песни об осаде Выборга с эпическим мотивом о ковании копья (штыка) кузнецом Ильмариненом имеется также в записи от других южнокарельских сказителей, ср. КЭП, 161; KII, 288.

«Король Карл и Петр I» — в этой исторической песне, как и в других ее вариантах (ср. KI, 1064—1070), своеобразно выражена народная оценка событий Северной войны.

«Петр I, кузнец и хозяин Выборга» — в песне вплетены сказочные мотивы, не отмеченные в других записях, ср. KI, 1040—1042; KII, 289—295; КVII, 1327—1337; КЭП, 91.

«Царь Петр и Якко Пунтус» — шведский полководец Якко Пунтус Делгарди упоминается как антагонист русского царя в ряде текстов, ср. КVII, 1355—1363; ККRII, 276—279; FFPE, 144.

«Царь Иван под Выборгом» — севернокарельская версия чаще всего связывает песню с именем царя Ивана, ср. КІ, 1043, 1047, 1049, 1051, 1052, 1054, 1056; КЭП, 18; ККРІІ, 275.

«Царь Петр и хозяин Выборга» — конфликт царя Петра с попом в стиле Рабле отражен, например, в варианте КІ, 1055. Ср. КЭП, 148, 160, 175; ККРІІ, 277, 279.

«Царь Иван и король Карл» — упоминание царя Ивана вместо Петра можно встретить и в старых записях песни, ср. КІ, 1044, 1050, 1053; ККРІІ, 280.

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

«Мельничная» — тяжелые условия труда на ручной мельнице-жернове отражены и в другой записи, ср. КІ, 3176.

«При окончании работы» — близкие варианты ср. КІІ, 1193—1200, где кроме суоярвских женихов и кангасъярвских казаков упомянуты новгородские «уроды».

«Пастушья перед хозяйкой» — аналогичные записи в приладожской Карелии ср. КVІІ, 3202—3212.

«Пастушья на пастбище» — другие варианты ср. КVІІ, 3294—3302.

«При выделке пряжи» — аналогичные записи ср. КІІ, 1200—1204.

«Прядильная» — здесь вместо парчи девицам дают прясть шелк.

«При выдаивании коровы» — другие варианты ср. КVІІ, 3180, 3181, а также севернокарельские записи КІ, 1780—1788.

«При молотье зерна» — в публикациях других вариантов нет.

«Мельничная» — опубликованных севернокарельских записей не обнаружено, но хромоногий Якко упомянут в приладожско-карельском тексте, ср. КVІІ, 3174.

«Пастушья» — неприязненное отношение пастуха к хозяйке отразилось в ряде опубликованных записей, ср. КVІІ, 3198—3217.

«На пастбище» — ожидание конца трудового дня, чтобы утолить голод, является лейтмотивом и других вариантов, ср. КНП, 122.

«Во время сева» — для некоторых дореволюционных записей типично обращение к земле с просьбой, чтобы поднялись всходы на «бедняцкой пашне», ср. КІІ, 1036.

«При рыбной ловле» — в другой записи упоминают греблю на лодке рыбаков в Рукаваару и Компакку, ср. КІ, 1779.

«Мне не хочется» — в этой контаминированной песне преобладают рыбацкие мотивы.

«Песня рыбака» — в старых записях рыбаков чаще всего обращается за уловом к языческому божеству Ахти (ср. КІ, 1776; КІ₄, 1334) или к христианскому покровителю рыбаков пучеглазому апостолу Петру (ср. КІІ, 972; КІ₄, 1324).

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

«Шуточное величание» — других таких же севернокарельских кратких шуточных величаний в публикациях не обнаружено.

«Приглашение на свадьбу» — эта свадебная песня использована в записях о поездке Лемминкяйнена в Пяйвелу; мало варьирующиеся тексты ср. КІ, 1541—1553.

«При сборах сватов» — сводящаяся к диалогу между женихом и его матерью свадебная песня содержит почти те же вопросы в других записях, ср. КІ, 1556—1560.

«Заботы невесты» — близкие варианты этой свадебной песни ср. КVІІ, 2942, 2943, 2945—2947.

«Величание на смотринах» — записанные в разных деревнях другие подобные величания ср. КІ, 469—471, 473—479.

«Распросы жениха» — несколько отличающиеся от этих вопросы, задаваемые жениху, даны в других записях, ср. КVII, 3026, 3027, 3029, 3030.

«Хула невесте» — близкий текст хулы ср. КII, 559.

«Величальная патьвашке» — патьвашкой (свадьбоводом) выбирался самый уважаемый в селе человек, которого величают здесь также казначеем.

«Утушная при свадьбе» — схожие варианты ср. КVII, 2953—2956.

«Хула свахе» — другие записи в публикациях не обнаружены.

«При встрече невесты» — аналогичные тексты хулы ср. КVII, 3088—3092, 3094—3107.

«При отказе жениху» — это единственная публикация подобной песни.

«При сборах жениха» — другие варианты ср. КII, 461—467.

«Хула жениху» — как в этой хуле, так и в других записях (ср. КI, 1760, 1763) жених подвергнут поруганию за его скупость при одаривании пенцов.

«При встрече жениха» — изображение жениха в образе орла типично для многих записей этой песни, ср., например, КI, 1646—1659.

«При одевании невесты» — из многочисленных вариантов этой песни ср. наиболее близкие — КI, 1597—1659; КС, с. 58—60.

«При возвращении жениха в отчий дом» — аналогичные мотивы имеются и в других записях этой свадебной песни, ср. КС, с. 60—64.

«При встрече жениха в доме невесты» — жених, изображенный одновременно в образе орла и ястреба, появляется и в ряде других записей этой песни, ср. КI, 1489—1539; КI₄, 2224—2231.

«Прилетел орел» — такую же контаминацию нескольких свадебных песен см. КI, 1525—1535; КII, 511—524.

«Советы невесте» — в многочисленных записях свадебной песни, исполняемой в доме жениха, неизменно перечисляются разные советы невесте.

«Молодые в доме жениха» — содержащие разные исторические реалии варианты этой свадебной песни см. КI, 1660—1744.

«При въезде молодых в дом мужа» — мотивы из разных свадебных песен соединяются в один текст не только в этой записи, содержащей и описания встречи молодоженов, и советы новой невестке. Ср. Кр., 15.

«При приходе жениха в дом невесты» — приезд жениха в образе буйного ветра с купеческих проливов изображен также и в ряде других вариантов, ср. КI, 1528—1534; КII, 481—501.

«При одевании невесты» — эту запись можно рассматривать как самостоятельный текст; мотивы из других свадебных песен в нем отсутствуют.

«Советы невесте» — домостровский быт в мужнем доме, персонафицированный в образах старика, смотрящего волком, старухи — медведицы и деверя — лютого зверя, отражен и в других записях песни с советами невесте, ср. Кр., 16.

«Прилетел орел» — полет орла, выбирающего лучшую девушку, наиболее часто изображается в ряде карельских свадебных песен, ср., например, КI₄, 2224—2227, 2230, 2231, 2244, 2249; Кр., 13, 14.

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

«Плач матери перед дочерью» — разные варианты от других исполнительниц ср. Степ., 23, 65—67, 122, 123, 200.

«Плач невесты (в доме жениха)» — другие записи ср. Степ., 57, 58.

«Плач невесты перед патьвашкой» — аналогичное причитание ср. Степ., 16.

«Невеста плачет перед матерью» — близкие варианты этого традиционного плача ср. Аш., с. 62—63, 78—80; Степ., 164.

«Плач в бане» — идентичных текстов причитания подруг невесты в публикациях не выявлено.

«Плач за свадебным столом» — упоминание Шуньгской ярмарки в другой записи от той же сказительницы сохраняется, ср. Степ., 149. Кроме того, Шуньгская ярмарка упомянута в другом свадебном плаче, ср. Степ., 119.

«Плач при растапливании бани» — о вывозке дубовых дров с Царьградских островов говорится в записи причитания на ту же тему от другой вопленицы, ср. Степ., 145.

«Плач подруг перед невестой» — поэтическое сравнение сватов с ушкунниками, палящими из пушки чугунными ядрами и едущими на кораблях, в публикациях других текстов не отмечается.

«Плач невесты при растапливании бани» — здесь невеста согласна с тем, чтобы дубовые дрова были привезены с лесопильных заводов Васильевского острова из Питера. Аналогичное упоминание Васильевского острова имеется в вариантах других воплениц, ср. Степ., 212, 218. Ср. также плач Аһ., с. 66.

«Плач подруг невесты» — в других публикациях карельских причитаний не упоминается о воде, приносимой с Иордан-реки и из колодцев киевских церквей.

«Плач невесты перед отцом» — причитания, адресованные невестой отцу, известны по ряду публикаций, см. Аһ., с. 62, 70—71, Степ., 162.

«Осмотр свадебного стола» — сравнение родителей невесты с торговцами девичьей воли за свадебным столом отмечается и в других записях, ср. Аһ., с. 75—76; Степ., 15.

«Плач при получении подарков» — карельский оригинал этого плача опубликован, см. Степ., 9; другой вариант на эту тему ср. Степ., 57.

«Плач матери, напутствующей дочь» — вложенные матерью в ларец ласковые слова для дочери, выдаваемой замуж, ср. в другой записи (Степ., 191).

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

«Плач матери по умершему ребенку» — близкое по функции и адресованное умершему ребенку причитание матери ср. Аһ., с. 91.

«Плач при постройке гроба» — варианты плачей, адресованных гробовщикам, ср. Аһ., с. 85—86; Степ., 32, 86, 180.

«Плач по отцу на похоронах» — публикации других причитаний, исполняемых во время погребения отца кем-то из детей, ср. Степ., 3, 135.

«Плач по утонувшему сыну» — импровизированный плач сказительницы по случаю гибели ее сына записан через много лет после печального случая.

«Похоронный плач по матери» — иную севернокарельскую версию причитания дочери по покойной матери ср. Степ., 35.

«Весточка на тот свет» — такое же упоминание страны смерти Туонелы встречается в публикации другого причитания, ср. Степ., 38.

«Плач по умершему брату» — импровизация этого причитания в отдельных деталях повторяет традиционные мотивы.

«Плач после обывания покойницы» — другой вариант причитания на эту тему ср. Степ., 31.

БЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

«Плач по бездетности» — других вариантов этого причитания в публикациях карельских плачей не обнаружено.

«Плач при увечьи» — в импровизированном причитании риторический вопрос к получившему увечье: «не серебряные ли монеты щекотали, чтобы купить муку?» — в других плачах не повторяется.

«Рекрутский плач» — причитание исполнялось по случаю проводов двоюродного брата вопленицы на войну в 1914 г.; содержит совет приткнуться в окопах к телам других солдат, чтобы не быть убитым.

«Рекрутский плач» — упоминание в этом причитании царской службы на дорогах германской войны говорит о его былом назначении. Оригинал этого плача см. Степ., 25.

«Рекрутский плач» — в других рекрутских причитаниях либо повторяются традиционные мотивы (ср. Степ., 73), либо появляются исторические реалии XIX в. времен русско-турецких войн (турецкие огни), ср. Степ., 170.

«Плач по горькой доле дочери» — редкая импровизация бытового причитания матери по поводу печальной участи ее дочери, ср. Степ., 70.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

«Сам спую я» — отдельные строки были частично использованы в 1-й руне «Калевалы». В других вариантах (К1, 1273—1277, 1279, 1308) чаще всего эта песня звучит как приглашение певцов к пению, но в записи от М. А. Перттунена (К1, 1281), как и в записи от его отца, певец сам сообщает о своем желании петь.

«Шука знает дно озера» — значительно более слабые записи (К1, 1419, 1421) не содержат упоминания шуки и орла, повторяя лишь пару строк о тяжелой доле старца.

«Ива старше» — эта редкая лирическая песня А. Перттунена частично использована Ленротом в 3-й руне «Калевалы».

«Пил бы пиво» — как образец шуточной лирики песня встречается в нескольких более кратких вариантах (К1, 2022, 2024, 2025).

«Маленькая служанка» — близких карельских вариантов песни не обнаружено.

«Где свинья» — другие близкие варианты в Карелии не выявлены.

«Я не знаю» — такая социальная окраска для карельской лирики не типична.

«Пусть родившая» — ср. более краткий вариант KVII, 1825.

«Был бы кузнецом» — ср. другие варианты KVII, 2126, 2127, 2129—2135.

«Голод гнал» — уникальная по своему социальному звучанию лирическая песня; в аналогичных записях отсутствует.

«Заботы служанки» — публикации других вариантов не выявлены.

«Была красной» — ср. близкие по тематике записи KVII, 2479—2488, 2490—2504, сравнительно мало отличающиеся друг от друга.

«Все, несчастный» — два кратких варианта (KVII, 1949, 1951) повторяют первую строфу песни с вариациями.

«В отчем и мужнем доме» — четыре текста (KVII, 2445, 2447—2449) несколько варьируют приводимую запись песни.

«Иначе раньше» — другие варианты в Карелии не обнаружены.

«Бедная служанка» — ср. мало отличающиеся от публикуемого текста варианты KVII, 2519—2524.

«Петь начну я» — краткие записи KVII, 1921—1923 повторяют отдельные строки публикуемой песни.

«Я не знаю» — начало этой песни перекликается с вышеприведенным текстом К1, 2063, но продолжение несколько отличается, ср. К1, 1287, 1922, 1308.

«Что за песню» — ср. варианты К1, 1281, 1282, 1288.

«Я пагала» — текст песни других вариантов не имеет.

«Слышал руны я» — ср. аналогичный текст песни KII, 415.

«В узелок все песни» — единственная запись короткой песни близка частушке.

«Все равно мой век» — другие варианты этой песни слесом рукописца М. А. Перттунена не отмечены.

«Лучше бы» — скорбные мотивы песни характерны не только для этого рукописца, ср. К1, 1399—1403, 1405—1407, а также KVII, 2136—2142.

«Не поют скамейки» — текст песни лишь в заключительных строках сближается с другими записями.

«Пение — труд рукописца» — другое разночтение также записано в родной деревне М. А. Перттунена, ср. К1, 1327.

«Несчастный парень» — мотив вечерних плачей связывает текст этой песни с рядом ее вариантов: К1, 1900, 1901, 1903.

- «У меня — приятель» — близкие к этой песне записи не выявлены.
- «Отец не плачет» — другие тексты песни варьируются, но их объединяют жалобы певца, ср. KVII, 1771—1779; KII, 419—420.
- «Бобыль непутевый» — имеются лишь отдельные записи, ср. KVII, 2753.
- «Уходить парням» — песни широко распространены в приладожской Карелии, ср. варианты KVII, 2265—2270, 2272—2291.
- «Где мой милый» — другие варианты в регионе не обнаружены.
- «Шилохвост поет» — ср. ряд сходных текстов песни KVII, 1739—1742.
- «Веселитесь-ка, девицы» — ср. близкие записи KVII, 1503—1507.
- «В Выборге я прожил» — песня имеет несколько вариантов: KVII, 2724, 2726.
- «Ты вставай, сынок» — песня узкого ареала, ср. KVII, 2776—2782.
- «Выделяла надел» — другие записи ср. KVII, 2093—2099.
- «У окна я плачу» — песня о горькой доле, ср. KVII, 1900, 1902, 1903.
- «Ну-ка, свояки» — песня о приглашении родни к пению, ср. KVII, 1609—1611.
- «Пел бы я» — песня о вознаграждении за пение, ср. KVII, 1689—1693.
- «Ой, орел» — лирическая песня с историческими реалиями, ср. KII, 1169, 1171, 1172.
- «Пусть волк съест» — другие записи песни отсутствуют.
- «Полная изба» — ср. варианты KII, 434; KVII, 2354—2370; в поэтической обработке песни переведена на многие языки мира.
- «Не найти коня» — песня батрака; ср. KVII, 1783, 1785—1790.
- «Как я рос» — аналогичный текст песни батрака ср. KII, 425.
- «Бедняк» — варианты песни не выявлены.
- «Я не знаю» — своеобразная, но с отмеченным выше традиционным зачином песня в других записях не обнаружена.
- «Три кручины» — ниже приводимая южнокарельская версия «Три березки» является как бы ответом женщин на эту песню.
- «Жениху я благодарна» — в публикациях других вариантов нет.
- «Годик можно было» — образ злой свекрови встречается и в других текстах этой песни.
- «Гости едут» — многочисленные разночтения этой шуточной песни, особенно в южной и приладожской Карелии, ср. KI, 2219; KII, 429, 430; KVII, 2331—2333; Кер., 37, 38; КНП, 154.
- «Песен и земли хватает» — другие записи ср. KI, 1355; KVII, 1532.
- «Три березки» — распространенная в южной Карелии песня; ср. KII, 422.
- «Не учились петь» — оформление этой песни с рефреном и упоминание в ней Черного моря говорит о более позднем ее появлении среди карел, ср. КНП, 172.
- «За рекой» — в народном переводе по-карельски эта песня также получила распространение позднее.
- «На веселый камень» — другой вариант старой записи этой песни без упоминания русских ср. KII, 426.
- «Малое окошко» — горькая доля батрачки-кухарки отражена достаточно ярко в этом тексте.
- «Какую песню спеть» — близкие варианты ср. KI, 1274, 1275; Кр., 1, 8.
- «Покатился горошек» — других вариантов в публикациях не выявлено.
- «Я не богата» — на самом деле песенный репертуар певицы рун Т. А. Перттунен был чрезвычайно обширен.
- «Поднялась на деревья» — мотивы сватовства в лирических песнях девушек нашли достаточно яркое отражение.
- «На заводы шел милый» — уход милого бурлаком заставлял нередко девушку ждать его многие годы.
- «Жизнь моя» — доля голодавшей с детьми беднячки являлась темой не только этой лирической песни.
- «Копал колодец» — любовная песня молодого парня менее минорна, чем девичьи песни.

«Девчонка-невеличка» — лирические песни карел часто сводятся к диалогу между девушкой и парнем. Концовка этой записи свидетельствует о поздней модернизации текста.

«Чудо на дороге» — о любви двух девушек к одному парню говорится и в других текстах этой песни, ср. КНП, 100.

«Долго день тянулся» — песня о приглашении девушкой милого на беседу бытует преимущественно среди сеозерских карел, ср. КНП, 83.

«Вырастила мать дочурку» — тут, как и в других вариантах, имеется перетекстовка в народном переводе на карельский язык русской лирической песни.

«Кукуй, кукушка» — песня исполнялась девушкой в лесу в ожидании, когда кукушка начнет куковать, ср. К1, 2221, 2222.

СТАРЫЕ ЧАСТУШКИ

Систематизированные, как и произведения других фольклорных жанров, по хронологическому принципу старые частушки, сложившиеся на карельских диалектах сравнительно недавно, по своей тематике тем не менее чрезвычайно разнообразны и с трудом поддаются классификации. Поэтому краткие комментарии к ним дать практически невозможно. В связи с тем, что раздел этих дореволюционных коротких четырехстиший-частушек, преимущественно лирического характера, невелик, нет необходимости давать к ним особые примечания. Да это сегодня и невозможно из-за слабой изученности этого окончательно не сложившегося на карельской фольклорной почве жанра, начавшего бытовать в конце XIX в. преимущественно среди южных карел. Отметим, что идейно-историческое содержание частушек определялось отношением дореволюционной карельской молодежи к подневольному труду, к военной обязанности, пьянству, религии, любви, замужеству, женитьбе и другим сторонам быта. Публикации старых карельских частушек, ср. КНП, 104—137.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«Тути, дитятко, судьей» — пожелание вырастить сына судьей встречается и в других записях, ср. К1з, 1845—1847, 1850, 1853; КVII, 3461, 3694. «Спою ребенку» — приглашение смерти к дочери отмечается в ряде вариантов, ср. КVII, 3388—3394, 3718—3737, 3741; Vir. VI, 84.

«Тути-колыбельная» — близкие по тексту зачины ср. К1з, 1826—1840, 1865; КII, 564; КVII, 3504—3508; Гуд., с. 12—13; Vir. VI, 1, 3, 4, 9.

«Байка рыбачки» — ср. Vir. VI, 34, 36, 37, 41.

«Байка беднячки» — мотив обездоленной матери звучит также в записях КVII, 3754, 3756—3758.

«Колыбельная батрачки» — в этом тексте сохранилось упоминание имени вождя раннефеодального крестьянского восстания в Финляндии — Лалли.

«Колыбельная отца» — ср. Vir. VI, 58, 74, 75, 77, 78.

«Колыбельная» — ср. Vir. VI, 55, 56, 60.

«Спрашивает сон» — близкие записи с мотивом, структурно напоминающим зачин руны о ранении колена, см. К1з, 1838, 1839, 2323—2328; КVII, 3480; Vir. VI, 50—52.

«Баю, детку» — отдаленные вариации с зачином «баю» ср. К1з, 1810; Vir. VI, 56—60.

«Бабушкина байка» — отдельные строки байки близки к ряду старых записей, ср. Vir. VI, 133, 134, но мотив приглашения сна из-за границы в публикациях нами не обнаружен.

«Колыбельная матери» — бор Пулккани в других печатных вариантах байки не упоминается.

«Пел ребенок» — упоминание рыб встречается и в других текстах байки, ср. Vir. VI, 41.

«Приходи, хозяин снов» — довольно близкие варианты этой байки ср. К1з, 2290—2295; Vir. VI, 59; КНП, 150.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

«Кто съел масло?» — мало отличающиеся друг от друга варианты ср. КI₃, 1885—1886; КI₄, 2331; KVII, 3996—4000; Vir. VI, 100—104.

«Плыли утята» — ср. близкие тексты КI₃, 1817—1819; Vir. VI, 39—41.

«Мышка с рынка возвращалась» — других опубликованных записей этой детской песни не выявлено.

«Дождик, дождик» — распространенные в ряде соседних деревень близкие варианты см. КII, 1323—1326, 1328.

«Чири-чири» — ср. такое же обращение к солнцу в других записях: КII, 1315—1318, 1320.

«Два слова по-карельски» — другие печатные тексты этой детской считалки не обнаружены.

«Заходите, гуси» — ср. КII, 1165—1167.

«Подойла я коровку» — достаточно близкие записи, но без упоминания Киева, встречаются в следующих публикациях: КI₃, 1892—1901; Vir. VI, 113—117.

«Они-Манни» — широко распространенную детскую кумулятивную песню см. КI₄, 2347—2349; КII, 597—600; KVII, 4005—4034; Vir. VI, 136—144; КI₃, 1938—1940.

«Мы гребем» — ср. КI₃, 1954—1957; Vir. VI, 34—37.

«Дети говорят» — варианты записи от той же исполнительницы почти идентичны, см. КI₃, 1935а, в.

«Ты куда, сестра» — другие варианты не выявлены.

«Измеряю невод» — мотив дележа невода в публикациях не встречался.

«Тап-тап, рученьки» — другие записи не найдены.

«Погребу в Соролу» — ср. Vir. VI, 155—163.

«Считалка» — достаточно отличающиеся тексты см. КI₃, 1963; KVII, 4064—4228; Vir. VI, 98; Кр., 12.

«Щекоталка» — другие варианты в печатных источниках отсутствуют.

«Направлялся Тит гулять» — существенно отличающаяся от этого текста другая карельская версия кумулятивной детской песни многократно подтверждает, что «Тит не может поймать рыбу, и дети Тита умирают с голоду», см. КI₄, 2342; КII, 595; Vir. VI, 129—132; КЭП, 156; КНП, 9, 10.

«Сказку на вешалку» — краткие записи на этот сюжет без упоминания московских молодцов и каргопольских казаков на новгородских проулках см. КI₃, 1949—1954.

«В работники панаялся» — другие записи этой шуточной детской песни в имеющихся публикациях не обнаружены.

«В Ляккойлу отправлялся» — распространенная детская кумулятивная песня о натуральном обмене между пахарем, сапожником, дровосеком представлена многими записями из разных местностей: КI₃, 1916—1920; КI₄, 2340; КII, 607, 1247—1257; KVII, 4035—4039; Vir. VI, 118—128; КНП, 8.

«Мышь на лыжах» — эта детская кумуляция контаминирована с отмеченными у многих народов детскими песнями, содержащими вопросы и ответы: «Где огонь? — Водой он залит. Где вода? — Быком вышита». Близкие варианты см. КI₃, 1885—1887, 1891, 1892, 1894; Vir. VI, 99—104; КII, 1258—1274.

«Дождик льет» — высмеивание станового и старосты в этой детской песне придает ей определенный социальный смысл.

«Кис-кис, кошечка» — ср. Vir. VI, 187.

«Мальчик гребет в Суоми» — упоминание Суоми встречается и в других вариантах, см. КI₃, 1957; Vir. VI, 38; КНП, 11.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

«Медведь и мышь» — другие публикации этой карельской сказки не обнаружены.

«Ленивая лошадь» — карельские варианты не выявлены, но в восточнославянской версии это сюжет «Два осла», ср. СУС, 241.

- «Медведь, лиса и горшок масла» — СУС-АА 15; ср. карельские записи Vir. Vs, с. 99—100; КК, с. 10—13; КНСI, 8, 16.
- «Кот, петух и лиса» — АА* 61 II, АТ 61 В; других текстов этой карельской сказки в печати не встречалось.
- «Лиса и медведь на пожоге» — АА 9; ср. ККNI, с. 105; ККNIИ, с. 84; КНСI, 3; Vir. Vs, с. 54—56, 278—279; Кон., с. 92—93.
- «Кот, петух, пес и свинья в избушке» — публикаций других вариантов этой сказки не найдено.
- «Лисица и кулик» — СУС-АА 60; ср. Vir. Vs, с. 83, 86; MR, с. 10—11; КК, с. 8—19, где вместо кулика появляется журавль.
- «Бык, корова, баран и петух» — АА 125+159 (част.); ср. КК, с. 33—36.
- «Дележ урожая» — АА 154 (1030), АТ 154; ср. КНСI, 55.
- «Свинья и лиса» — героем другого карельского текста является не лиса, а медведь.
- «Волк и белка» — печатных записей карельской сказки на этот сюжет не выявлено.
- «Ледяной и деревянный дом» — АА 43+15; ср. КК, с. 10—13; КНСI, 8.
- «Медведица-плакальщица» — АА 35; ср. Евс., 20.
- «Старушка и лапоть» — СУС-АА 170; ср. КНСI, 12 (част.); КНСII, 4; Кон., с. 51—53.
- «Старик и белка» — АА 20 В; ср. КНСI, 5.
- «Сорока и лиса» — АА 56; ср. КНСI, 7; Паж., с. 89—90; Евс., 35; MR, с. 9.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

- «Сюэтар» — АА 302+400+537; ср. Vir. Vs, с. 114—118 (част.).
- «Безручка» — СУС-АА-АТ 706; ср. КНСII, 37; Паж., с. 71—74; Бел., с. 35—39; ККNI, с. 64—67; ККNIИ, с. 42—43.
- «Сестра девяти братьев» — АТ, 553, АА 533 А; ср. Vir. Vs, с. 279—280.
- «Иван несчастливый» — в другом карельском варианте этой сказки по записи XIX в. боярам служит и вступает с ними в конфликт дворянин; новых записей среди карел не обнаружено.
- «За конем Лембо» — такая карельская сказка, где Лембо дает пшенице коня лучшего, чем у царя, в печати больше не встречалась.
- «Бедный и богатый брат» — СУС-АА 565; ср. Паж., с. 78—79; MR, с. 66—67; Кон., с. 59—60.
- «Синяя борода» — АТ 312; других карельских публикаций этой сказки нет.
- «Гуслер в подводном королевстве» — АТ 677*; других печатных текстов карельской сказки, трансформировавшей сюжет былины о Садко, нет.
- «Окаменевший город» — АТ 410*, АА 410I; ср. Паж., с. 45—50.
- «Чудесные дары» — СУС-АА 563; ср. карельские записи без упоминания крепостных боярина КК, с. 81—85; Vir. Vs, с. 160—163.
- «Черт-дьякон» — другие варианты сказки о черте-дьяконе, выросшем из не освященной молитвой воды, в публикациях отсутствуют.
- «Золотой козел» — СУС-АА 854; единственный печатный текст карельской сказки, где царская дочь, заключенная внутри золотого козла, выходит замуж за иноземного царевича.
- «Три богатыря» — АА 1640; сказка, редко встречающаяся среди карел.
- «Огонь за небылицы» — АТ 1685 А, 1696*, АА 1920; ср. Бел., с. 149—152; Паж., с. 143—145; Кон., с. 188—190.
- «Глиняный мальчик» — АТ 333 В, АА 333* В (2028); ср. КНСI, 18; КК, с. 41—42.
- «Бегство работника» — АА 1885+1132; ср. КНСI, 56; Паж., с. 155—157.
- «Золотая рыбка» — СУС-АА 555; ср. более полный вариант КНСI, 41.
- «Мальчик и старуха Сюэтар» — АТ 313 Н*, АА* 313+327 С; ср. КНСI, 17; КНСII, 8, 10; ККNI, с. 37—46; Паж., с. 33—37 (част.).
- «Исцеление Ильи и Святогор» — СУС 650 С*, АА* 650I; ср. КНСI, 47; КНСII, 30 (част.); Vir. Vs, с. 142—144.

«Кузнец и смерть» — СУС-АА 330; в других вариантах вместо кузнеца Ильмойллинена появляются купец или солдат, ср. КНСII, 11 (част.); Паж., с. 85—86; Евс., 53; Бел., с. 23—24; Vir. III, с. 373.

«Чудесный конь Петра I» — уникальная карельская сказка, перекликающаяся с исторической песней об осаде Выборга.

«Сорок разбойников» — АТ 676; как и большинство публикуемых здесь сказок на международные сюжеты, эта запись имеет специфические черты, ср. также Vir. Vs, с. 13—15.

«Петух и жерновцы» — АТ 715 А, АА 715, СУС 715 А*; во всех карельских вариантах сказки сохранен конфликт петуха с царем, ср. КНСI, 50; КНСII, 41; КК, с. 73—74; ККНИI, с. 62—64.

«Лампа и колечко» — СУС-АА 561+560; как и в сказках других народов, герою помогают в сватовстве к царской дочери чудесные предметы, ср. Vir. Vs, с. 182—187.

«Чудесная птичка» — СУС-АА 567; ср. Евс., 56; КНСII, 25 (част.).

«Шелковый баран» — АА 571+559+842*; в несколько иной контаминации конфликт попа с работником раскрыт в других записях, ср. КНСII, 27, 56.

«Сума дай ума» — АТ 735 А, АА 735; как и в вариантах сказки на этот сюжет у других народов, в карельских ее текстах бедному помогают скатерть, монета и сума, ср. Паж., с. 114—118; Бел., с. 61—68; КНСII, с. 62—64.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

«От судьбы не уйдешь» — СУС-АА 930; имеется и другая запись карельской сказки о предсказании богатому купцу, ср. Бел., с. 111—112.

«Жена купца» — АТ 665, СУС-АА 880*. Печатные варианты карельской сказки на этот сюжет не выявлены, но публикуемый текст является пересказом русской былины о Ставре.

«Чудесный сон» — АТ 664 В*; редкая карельская сказка, имеющая параллели в сказочном репертуаре других народов.

«Уговор не перепивать» — АТ 1376 В*, АА* 1376 В, СУС 1376*; в других вариантах боярин не упоминается.

«Барин и кучер» — редкая карельская сказка.

«Ястреб» — СУС-АА 1535; ср. КНСI, 67; Евс., 36; Паж., с. 119—121; MR, с. 86—88; Кош., с. 164—166.

«Петр I и пьяный солдат» — СУС-АА 1531; редкая карельская сказка.

«Петр I и умный крестьянин» — СУС-АА 921, АТ 921 А; ср. КНСII, 50; Бел., с. 168—169.

«Киндасовский мужик на переправе» — образец карельских сказок о глуцах.

«Барин теленка родил» — АТ 1281, АА 1576; других печатных записей нет.

«Обманутый сусец» — АТ 1544, СУС-АА 1570 А+1570 I; ср. Бел., с. 165—167.

«Муж в душе» — СУС-АА 1380+1730; популярная карельская сказка.

«Разбойник Хомо» — СУС-АА 1737; имеются и другие карельские варианты сказки.

«Поп на яйце» — АА 1676*; редко встречающаяся антирелигиозная сказка.

«Царский работник» — редкая карельская сказка.

«Поездка в Питер» — АА 1697.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИЧКИ

«Пастух и Ахти» — дидактически окрашенный международный сюжет легенды в публикуемом варианте связан с именем карельского божества водной стихии — водяного Ахти.

«Старик и смерть» — юмористический мотив приглашения смерти на помощь в других публикациях не обнаружен, ср. СУС, 845.

«Бог и Вяйнямйёни» — в этой по происхождению католической легенде иерусалимский сапожник в карельской версии не случайно заменен героем рун — Вяйнямйёнепом.

«Создание мира» — карельские тексты легенды на широко известный международный сюжет о мироздании содержат образ тагары.

«Мужик и клад» — публикации других карельских вариантов этой легенды не выявлены.

«Девушка на луне» — других вариантов уникальной записи легенды на этот сюжет не обнаружено.

«Бес увел коров» — другие карельские тексты этой легенды не опубликованы.

«Собака водяного» — в легенду введен мотив собаки, которая «трещит, как пулемет».

«Чудесные лапти» — другие записи этой карельской легенды не обнаружены.

«Водяной в неводе» — легенда о колдунье, освободившей невод от водяного, в других карельских легендах не выявлена.

«Смерть в скорлупе» — имеется несколько разных версий этой карельской легенды, в ряде случаев трансформированной в сюжет эпической песни о кузнеце Ильмойллинене, ср. Бел., с. 123—130; Паж., с. 80—87; КЭП, 146; Евс., 53.

«Бог и ангел» — другие карельские тексты легенды в публикациях не обнаружены.

«Соловецкий монастырь» — имеются и другие варианты легенды (см. SL, с. 122), в которых упоминаются основатели монастыря Зосима и Савватей (см. Leg., с. 115).

«Бог подковал коня» — редкий текст карельской легенды имеет явно юмористический характер.

«Следы богини на камне» — карельский вариант о камне и часовне между отмеченными в легенде деревьями в других местах не встречается.

«Спас излечил хромого» — карельская версия этой легенды имеет независимо трансформированную параллель в ряде вариантов русской былины об излечении Ильи Муромца.

ПРЕДАНИЯ

«Грамота московского князя» — другие варианты этого предания в публикациях не выявлены.

«Тит Лахони» — это пока единственный текст предания, обнаруженный в имеющихся печатных источниках карельского фольклора.

«Правеж с помощью кола» — опубликованных вариантов этого текста не обнаружено.

«Ворна» — ср. вариант КТ, с. 425. Современные записи предания о Ворне (Кон., с. 200—201) лишь частично опубликованы. Имеется ряд старых записей этого предания (KI, 1251—1271).

«Рогаччу и Петр I» — в других неопубликованных вариантах об исцелении даря ни Рогаччу, ни Петр I не названы. Исторические реалии предания связаны с именами Ивана Грозного и Бориса Годунова.

«Рогаччу откудился от шведов» — в печати других вариантов этого предания не обнаружено.

«Враги на беломорском острове» — несмотря на мотив превращения в камни Л. Симонсури дает этот текст как предание.

«Шведский деревянный бык» — международный сюжет с троянским конем в этой особой карельской версии предания локализован упоминанием села Ругозеро.

«Храбрый Трохима» — другие карельские тексты баллады на этот сюжет в печатных источниках не выявлены.

«Кушели» — редкое, занесенное, возможно, с карельского перешейка предание отразило переход Кобылицкой корелы на сторону шведов. Другую, более раннюю запись см. Евс., 64.

«Основание Видлицы» — карельские предания о первооселенцах обычно приурочены к разным версиям о возникновении тех или иных населенных пунктов. См. более раннюю публикацию Евс., 66.

«Побочный сын Петра I» — несколько иначе аналогичный сюжет разработан в другом карельском предании, см. SL, с. 308—312.

«Петр I на Ладожском озере» — текст этого предания ошибочно связан с упоминанием исторически недостоверного прибытия Петра I к городу Сортавалы. В карельских исторических песнях Петр I осаждает Выборг.

«Шведский остров» — ареал распространения этого предания ограничен бассейном озера Сямозеро, которое и упоминается в нем. Более раннюю публикацию см. Кош., с. 198.

«Начало рода Перттуненов» — аналогичное предание записано также от М. А. Перттунена.

«Воровские войны» — эпизод, описанный в предании, не мог стать известным за пределами ограниченного количества деревень.

«Беглые на вохтозерской дороге» — предания о беглых получили какое-то распространение в Карелии, но и они приурочены к упоминанию отдельных карельских деревень.

«Уход лопарей» — в других вариантах предания также звучит мотив исчезновения рыбы в некоторых озерах как следствия отхода саамов-лопарей на север. Более раннюю публикацию см. Евс., 63.

«Рогаччу» — как и старых записях, в этом тексте предания Рогаччу неизменно выступает как антагонист шведов и историческая личность. Его могила до сих пор охраняется местным населением, а по его черепу был восстановлен его внешний облик; скульптурный портрет Рогаччу входит в экспозицию Карельского краеведческого музея.

«Была Литва» — кроме этого варианта записи предания о Литве произведены и в других населенных пунктах, ср. Ряг., с. 249.

УСТНЫЕ БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ

«Спор из-за шубы» — варианты этого устного рассказа в печати не обнаружены, но в его былом бытовании сомневаться не приходится.

«Женитьба старика» — другие аналогичные карельские тексты в публикациях не выявлены.

«Расправа с батраком» — в виду локальной ограниченности рассказа и его давней записи можно предположить, что его разночтения в быту карел не сохранились.

«Поп предсказывает погоду» — в данном случае не исключена местная фольклоризация какого-то произведения литературной самостоятельности.

«Кулак и столяр» — типический эпизод в этом устном рассказе мог появиться из жизни.

«Зимовка на Новой земле» — в основе этого устного карельского рассказа, видимо, лежит имевшее место до революции конкретное событие.

«Встреча с медведем» — удачно рассказанный случай тут имеет юмористическую окраску.

«Немец и русский мужик» — острая социальная сатира в этом карельском устном рассказе имела отдаленное отношение к реальной действительности.

«Старик Кирилл» — такой карельский устный рассказ мог сложиться только после русско-японской войны и до Великой Октябрьской революции, когда Карелия превратилась в «подстолчную Сибирь», откуда политзаключенные иногда бежали в Финляндию.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПОСЛОВИЦАМ

(РЯДОМ — ГОДЫ ЗАПИСИ ПОСЛОВИЦ
И ССЫЛКИ НА БОЛЕЕ РАННИЕ ПУБЛИКАЦИИ,
ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ ОТМЕЧЕННЫЕ СЛОВА)

алтарь 1932
амбар 1962, ср. КППЗ, с. 157; KS, 92; ААЛ, с. 206
бедный 1954, ср. КППЗ, с. 30, 156; KS, 3088, 3112—3116
бедняк 1895, 1930, 1962, ср. КППЗ, с. 163; KS, 3006—3110
белка 1834, ср. KS, 7059—7068
бережливость 1962, ср. КППЗ, с. 75
береста 1962, ср. KS, 11524—11533
бог 1928—1930, ср. Vir., 200—219, 490; KS, 2132—2247
богатство 1895, ср. КППЗ, с. 24, 112, 156; KS, 334
богатый 1895, 1954, 1962, ср. КППЗ, с. 153, 156; KS, 315—335
баяриш 1932, 1968
вдова 1936, ср. Vir., 468—469; KS, 4908—4916
верста 1962, ср. KS, 12803—12804
весна 1962, ср. КППЗ, с. 269; KS, 2967—2980
ветер 1895, 1962, ср. КППЗ, с. 78, 109, 275; KS, 11594—11622
вода 1962, ср. КППЗ, с. 256; Vir., 1076—1080; KS, 12437—12505
война 1932, ср. KS, 12892
волк 1836, 1962, ср. КППЗ, с. 91, 152, 181; KS, 1091—1108
время, времена 1962, ср. КППЗ, с. 29, 258; Vir., 5; KS, 37—76
Влиянмейнен 1836, 1954, ср. КППЗ, с. 163; KS, 13018
глаз 1895, ср. КППЗ, с. 77, 162, 179; KS, 9991—10055
год 1939, ср. КППЗ, с. 98, 270; KS, 12941—12954
голова 1932, 1962, ср. КППЗ, с. 24, 181; KS, 8300—8370
горшок 1895, 1946, ср. Vir., 287, 733; KS, 7215—7227
господа 1946, ср. КППЗ, с. 150; Vir., 87; KS, 915—931
гость 1834, ср. КППЗ, с. 125, 141—143; KS, 668—680
девица, девушка 1846, ср. КППЗ, с. 85; KS, 11686—11736
деньги 1962, ср. КППЗ, с. 104, 162, 183, 194; KS, 2071, 2072
дети 1962, ср. КППЗ, с. 160; KS, 4571—4682
долг 1962, ср. КППЗ, с. 166; Vir., 258; KS, 12363—12378
дорога 1895, ср. КППЗ, с. 217; KS, 466—476
дочь 1962, ср. КППЗ, с. 160; KS, 11748—11767
дубина 1927, ср. Vir., 668
дым 1895, ср. Vir., 1000; KS, 9773—9778
жена 1834, 1932, ср. КППЗ, с. 100, 107, 191; KS, 102—190
женщина 1834, ср. Vir., 596—598; KS, 6299—6319
журавль 1895, ср. КППЗ, с. 195; Vir., 385; KS, 4055—4060
заработки 1939, 1946, ср. Vir., 834
земля 1962, 1968, ср. КППЗ, с. 18, 166; KS, 5829—5894
золото 1962, ср. КППЗ, с. 50, 56, 166; KS, 3924—3962
искра 1932, ср. KS, 4327
Калика 1932, ср. Vir., 332
камень 1946, ср. КППЗ, с. 47, 75, 182; KS, 3399—3414
кантеле 1932
карман 1928, 1962, ср. KS, 3771, 3772
Киев 1895, 1954, ср. Vir., 317; KS, 3222
кнут 1962, ср. КППЗ, с. 74; KS, 8149
конь 1895, 1939, 1946, ср. КППЗ, с. 167; KS, 787—870
корова 1962, ср. КППЗ, с. 270; KS, 4716—4766
коса 1962, ср. КППЗ, с. 33; KS, 12740
кости 1895, ср. Vir., 494—497; KS, 5178—5191.
кот, кошка 1934, ср. KS, 2671—2714; КППЗ, с. 149, 151
котел 1946, ср. Vir., 266, 287; KS, 2745—2751
кровь 1895, 1962, ср. KS, 12422—12428; КППЗ, с. 256
кузнец 1834, 1946, ср. Vir., 867—871; KS, 9830—9853; ККППЗ, с. 31, 39

лес 1962, ср. KS, 5479—5502; КППЗ, с. 13
лето 1845, ср. КППЗ, с. 274; KS, 2910—2954
лиса 1962, ср. КППЗ, с. 179; KS, 9068—9087
лосось 1946, ср. КППЗ, с. 180; KS, 5062
лошадь 1962, ср. КППЗ, с. 176
меч 1928, ср. КППЗ, с. 89; Vir., 558
молитва 1962, ср. KS, 5352
море 1895, ср. Vir., 553; KS, 5443—5462
Москва 1939, 1954, ср. КППЗ, с. 225; Vir., 100, 574; KS, 5825
мужчина, муж 1932, ср. КППЗ, с. 107; KS, 5676—5781
муха 1836, ср. KS, 4373—4383
певеста 1846, ср. KS, 5820—5825
овес 1939, 1946, ср. KS, 2332—2343
овца 1962, ср. КППЗ, с. 152, 181, 191; KS, 4548—4561
Олонег 1932, ср. Vir., 27; KS, 232, 278
отец 1962, ср. КППЗ, с. 119
песня 1895, 1962, ср. КППЗ, с. 269; KS, 4702—4705
пицца 1832, ср. Vir., 839
Питер 1939, 1962, ср. КППЗ, с. 15; KS, 8150—8162
плач 1895, 1954, ср. Vir., 178
поле 1895, 1962, ср. КППЗ, с. 269, 270; Vir., 738; KS, 7856—7866
поп 1928, 1932, 1962, ср. КППЗ, с. 142; KS, 7548—7606
птица 1836, ср. КППЗ, с. 28, 177; KS, 5000—5038
путь 1939, 1962
работник 1962, ср. КППЗ, с. 28, 43
решето 1962, ср. Vir., 874; KS, 9873—9876
рожь 1932, 1962, ср. КППЗ, с. 157; KS, 9497—9506
роса 1962, ср. КППЗ, с. 32; KS, 2730
Россия 1932, ср. Vir., 440; KS, 278, 12395—12402
рот 1962, ср. КППЗ, с. 42; KS, 10550—10654
рубль 1962, ср. КППЗ, с. 154; KS, 9485—9491
руки 1932, ср. КППЗ, с. 25; KS, 4389—4423
рыба 1895, 1946, ср. КППЗ, с. 42; KS, 2454—2482
Саволакша 1836, ср. KS, 9771—9772
сани 1962, ср. КППЗ, с. 119; KS, 9092—9114
свинья 1846, ср. КППЗ, с. 87, 176, 192; AAJ, с. 191
слезы 1895, 1932, 1968, ср. КППЗ, с. 165; KS, 4332, 4333
слово 1932, ср. КППЗ, с. 236, 242; KS, 9687—9720
собака 1932, ср. КППЗ, с. 143, 177; KS, 3528—3632
солнце 1895, ср. КППЗ, с. 84, 201
соль 1932, ср. Vir., 273, 906; KS, 10453—10464
счастье 1932, 1964, ср. КППЗ, с. 198; Vir., 670—674; KS, 5210
табак 1932, 1964, ср. KS, 11390—11395
тепло 1895, ср. Vir., 283; KS, 5246—5254
товар 1962, ср. КППЗ, с. 178; Vir., 5
труд 1836, ср. Vir., 834, 835
Турку 1932, 1939, ср. Vir., 553; KS, 11560
уха 1895, ср. КППЗ, с. 42, 256
хвост 1939, 1968, ср. КППЗ, с. 179; KS, 1667—1672
хлеб 1895, 1968, ср. КППЗ, с. 23, 160; KS, 4773—4856
царь 1895, 1968, ср. КППЗ, с. 150
чайка 1846, ср. KS, 5075
человек 1836, ср. КППЗ, с. 36; KS, 1766—1795
чужая сторона 1962, ср. КППЗ, с. 13; KS, 19548, 19549
шаг 1932, ср. KS, 278
швед-финн 1932, ср. Vir., 852—854; KS, 9549—9580
шило 1895, ср. Vir., 662, 663; AAJ, с. 204
шкура 1895, ср. КППЗ, с. 176
язык 1934, 1954, 1962, ср. КППЗ, с. 185, 215, 238; KS, 3158—3211
ярмарка 1954, ср. KS, 5388, 5389

УКАЗАТЕЛЬ ОТГАДОК К ЗАГАДКАМ

(РЯДОМ С ОТГАДКАМИ — ГОДЫ ЗАПИСИ ЗАГАДОК
И ССЫЛКИ НА ПУБЛИКАЦИИ АНАЛОГИЧНЫХ КАРЕЛЬСКИХ ЗАГАДОК)

- амбар и ключ к нему 1836
безмен 1893, 1957, ср. ОКРІ, с. 199;
Vir., 122
белка 1892, 1932
берега ручья 1917
борода 1972, ср. ОКРІ, с. 185
борона 1917
ботало невода 1972
брусок, точило 1836
бура на озере 1836
веник 1956, ср. ОКРІ, с. 199
веретено 1917, 1926, ср. ОКРІ, с. 200
ветер 1893, ср. ОКРІ, с. 215
воз сена 1964, ср. ОКРІ, с. 205
вымя коровы 1967
вязание на спицах 1926
глаз 1836, ср. ОКРІ, с. 184
глаза 1932, 1972, ср. ОКРІ, с. 184;
Vir., 153—158
гром и молния 1956, ср. Vir., 184—
185
двери в подполье 1935
дверь 1932, 1956, ср. ОКРІ, с. 193;
Vir., 115, 116
дождь 1917
дорога 1932, 1926, ср. ОКРІ, с. 203
дрова в печи 1893, ср. Vir., 6
дужка ведра 1960
дуга 1945
дым 1935, 1962
женщины прыдут 1926
жернов 1962
замок 1892, ср. ОКРІ, с. 195
заяц 1932, ср. Vir., 29
земляника 1960
зубы 1836, 1957, 1962, ср. ОКРІ,
с. 185, Ah., с. 110
зубы и язык 1972, ср. Vir., 44
иголка с ниткой 1956, ср. ОКРІ,
с. 202
иголка 1836
икона 1845, 1909, 1945
имя 1927, ср. ОКРІ, с. 183
каменка в бане 1945, ср. ОКРІ, с. 199
камень 1836
кандалы на узниках 1895
каптеле 1836, 1926
капуста 1895, ср. ОКРІ, с. 191
ключ 1911
книги 1911
кобыла жеребится 1935
колеса телеги 1895, ср. ОКРІ, с. 206
колокол 1960
колокольный звон 1893
колыбель 1945, ср. Ah., с. 107; ОКРІ,
с. 195
кольцо 1956, ср. ОКРІ, с. 188
корабль 1893
корзина из лучин 1962, ср. ОКРІ,
с. 198
котел 1836, 1934, 1956, 1962, ср. Vir.,
41
кошель 1932, 1934, ср. ОКРІ, с. 207;
Vir., 42, 43
кудель прыдут 1972
куль муки 1935, ср. ОКРІ, с. 189
курица 1962, ср. Vir., 33
куст можжевельника 1911
лед на озере 1893, ср. ОКРІ, с. 214
лодка 1892, 1945, ср. Vir., 191, 192;
Ah., с. 107
лодка на берегу 1845
лохань 1892, ср. Ah., с. 109
лукошко и полотенце 1964
лук 1964, ср. Ah., с. 110
луна 1917
луч солнца 1836, ср. ОКРІ, с. 210
малина 1895, ср. ОКРІ, с. 192; Vir.,
93
масло 1836
матицы 1836
медведь 1945, 1962
месяц, луна 1960, ср. ОКРІ, с. 210;
Ah., с. 108
меч 1957
молния 1836
морковь 1932
морощка 1960, ср. ОКРІ, 191, 192;
Vir., 17
муравейник 1892, ОКРІ, с. 216
муха 1962
наперсток 1892, ср. ОКРІ, с. 202
небо и звезды 1967, ср. ОКРІ, с. 211
невод 1892, 1960, Vir., 106—110
невод в проруби 1892, ср. Ah., с. 109
пожницы 1962
овсяный блин на сковороде 1895,
ср. Ah., с. 109
овца 1932
овца, свинья, петух 1927
огурец 1893, ср. Vir., 111; ОКРІ,
с. 191
окно 1956, ср. Ah., с. 109
пазы в стене 1945
пальцы 1962, ср. ОКРІ, с. 186; Ah.,
с. 107
паутина 1962
пень и снег 1972

- перчатка 1893
 печь 1845, 1945, ср. ОКРІ, с. 213
 печь в баше 1926, ср. Vir., 55, 56
 пироги на блюде 1893
 письмо 1934, 1957, ср. Ah., с. 110
 подушка 1926, ср. ОКРІ, с. 188; Ah., с. 110
 поварешка 1893
 поле 1957, ср. ОКРІ, с. 203
 помело 1845, 1893, 1917, 1962, ср. ОКРІ, с. 199
 порог реки 1934, 1956, ср. ОКРІ, с. 214
 постель 1895
 прялка 1934, ср. ОКРІ, с. 201; Vir., 140, 144
 пчела 1962
 радуга 1956
 ребенок в колыбели 1847
 река 1956, ср. ОКРІ, с. 214
 река и кочка 1964
 репа 1909, 1960, ср. ОКРІ, с. 190; Vir., 103
 ружье 1909, ср. Vir., 123, 125
 рукомошник 1892, 1895, 1926, ср. ОКРІ, с. 197; Vir., 74
 рукомошник, икона, полотенце 1845, 1960
 рябчик подстрелен 1957
 самовар 1893, 1932, 1964, ср. ОКРІ, с. 196; Vir., 147—149
 свеча 1895, ср. ОКРІ, с. 198; Ah., с. 110
 седло 1962
 серп 1957 ср. ОКРІ, с. 203; Ah., с. 110
 сеть 1956, ср. ОКРІ, с. 208; Ah., с. 110
 сито 1932, ср. ОКРІ, с. 196
 скирда 1895
 сковорода 1847
 следы лыжных палок 1956, ср. ОКРІ, с. 209
 следы лаптей 1892, 1960
 солнице 1917, 1936, ср. ОКРІ, с. 210
 солнице и луна 1836, ср. Vir., 69; Ah., с. 109
 солонка 1895, ср. Ah., с. 108
 соль 1836, ср. ОКРІ, с. 188; Ah., с. 110
 сорока 1895, 1962, ср. ОКРІ, с. 217; Vir., 8, 10
 соха 1962, ср. ОКРІ, с. 203
 соха в поле 1926
 спицами вяжут 1934
 ставни на окнах 1836
 стол 1957, ср. ОКРІ, с. 195; Vir., 162, 163
 тень 1957
 тепло 1909, ср. Vir., 91
 тесто в квашне 1893, 1934, ср. Vir., 166, 167
 топор 1909, 1945, ср. ОКРІ, с. 206; Vir., 51—53
 ухват 1932
 ушки ушата 1909, ср. ОКРІ, с. 197
 церковь 1972, ср. Vir., 46—48
 часы 1934, ср. ОКРІ, с. 195; Vir., 176—178
 челнок в ткацком станке 1936, ср. ОКРІ, с. 202
 шляпа 1893
 шьют иглой 1956
 язык 1962
 язык во рту 1934, ср. ОКРІ, с. 185; Ah., с. 108
 яйцо 1960, ср. ОКРІ, с. 189; Vir., 97, 98

СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Песни

«Видлицкий десант» — фонографическая запись текста песни расшифрована и неоднократно публиковалась. На ту же тему от очевидца видлицкой трагедии записана другая песня, см. КЭП, 115; КНЦ, 142.

«Поимка шпиона» — та же песня записана в 1937 г. на фонограф и печаталась, см. Гуд., с. 10, 11. Два варианта этой песни от других исполнителей из разных деревень остаются неопубликованными. Ср. КНЦ, 141.

«Онни-Манни» — на основе детской кумулятивной песни этот текст о Великой Отечественной войне сложен карельскими детьми в эвакуации.

«Великая Отечественная война» — другие записи песни от той же исполнительницы несколько отличаются от публикуемой, см. КЭП, 209, 210.

«Родилась в Карелии» — в песне, воспевающей труд советских людей, исполнительница использовала зачин автобиографической песни ее близкого родственника М. А. Пертгунена.

«Электропильщики и сплав леса» — на тему этой песни сложили свои самостоятельные импровизации две другие карельские сказительницы, см. КЭП, 221, 222.

«Сампо для народа» — вариации песни о новом Сампо записаны от трех других исполнителей, см. КЭП, 207, 212, 215.

«Новое Сампо» — несколько отлична от публикуемого текста более ранняя запись от той же певицы рун, исполнявшей песню по радио.

«Герой Советского Союза» — в песне о Марии Мелентевой исполнительница использовала, в частности, традиционный зачин карельской колыбельной песни.

«Ленинские заветы» — широко отмечавшийся везде день памяти Ленина нашел свое выражение в песне карельской сказительницы о том, как советский народ выполняет заветы вождя.

«Антикайнен» — кроме публикуемой песни о рейде красных лыжников в тыл врага, в Кимасозеро, на ту же тему существуют еще две руны от исполнителей из разных населенных пунктов — см. КЭП, 194, 195.

«Время прежде» — эта песня карельской сказительницы о гражданской войне на разных фронтах Советской России еще раз особо отмечает видлицкую операцию, см. КНП, 144.

«Борьба за мир» — песня посвящена советским людям, продолжающим свой мирный труд несмотря на происки империалистов; сложенная певицей рун 30 лет назад, она актуальна и ныне.

«О юбилее Калевалы» — эта песня о праздновании 100-летия народного эпоса в 1949 г. определенно не соответствует ритмике рун «Калевалы».

«Сплавщик» — тема сплава леса свойственна и рунам других сказителей, см. КЭП, 212, 223.

«Полные амбары» — краткая песня об изобилии хлеба других вариантов у карел не имеет.

«Рано утром» — автобиографичность песни сказительницы-карелки не подлежит сомнению.

«Трактор» — для этой новой карельской песни характерен семисложный ритм.

«Песня о прошлом» — имеются и другие варианты песни о безрадостной жизни бедноты до революции.

«Народ с Лениным» — более краткие варианты этой карельской песни записаны еще от двух рунопевцев из разных деревень, ср. КНП, 143.

Ч а с т у ш к и

Возникавшие и бытовавшие главным образом до Великой Отечественной войны карельские советские частушки посвящены темам гражданской войны в Карелии, записи молодежи в комсомол, атеизма, учебы, строительства новой жизни, организации первых колхозов, борьбы бедноты против кулачества, выполнения заданий первых пятилеток, службы в Красной Армии, советского патриотизма. Менее популярны после Великой Отечественной войны, но продолжавшие возникать новые частушки отразили в себе как самоотверженный труд советских людей во время войны, так и послевоенный труд на совхозных полях и покосах. См. КНП, 174—180.

С к а з ы - п л а ч и

«Сказ о Ленине» — исполнительница пыталась выразить свое отношение к многогранной деятельности вождя трудящихся всего мира.

«Плач о Ленине» — имеется запись и от другой исполнительницы, где подчеркнута мысль о бессмертии дела Ленина.

«Плач о Татьяне Ананиной» — плач рассказывает о карельской разведчице-комсомолке, записавшей до войны сказ о Ленине, но замученной и публично казненной оккупантами; в момент записи воленица не знала ее имени и назвала Гумбаревой. Ср. Степ., 171.

«Сказ о Великой Отечественной войне» — после возвращения сказительницы из эвакуации этот сказ был исполнен ею в первый день Победы на площади Ленина во время митинга трудящихся Петрозаводска, но полная магнитофонная запись сделана лишь в 1960 г. Ср. Степ., 151.

Устные рассказы и сказки

«Белые в Святозере» — исполненный колхозником на карельском языке рассказ об эпизодах гражданской войны в его родном селе записан был в сельсовете.

«Как кулака обманули» — запись устного рассказа сделана перед сходом колхозников.

«Белые в Ругозере» — вдова расстрелянного интервентами ругозерского коммунара рассказывала все это со слезами на глазах.

«Два брата» — другой вариант этой советской сказки от той же сказочницы записан почти одновременно и в переводе на русский язык публиковался в «Комсомольской правде» 24 апреля 1940 г.; ср. также Евс., 71.

«Заяц и фашисты» — детская кумулятивная сказка на карельском языке записана от школьника после его возвращения из эвакуации.

«Сампо и Ленин» — сказочную трансформацию руны о чудесной мельнице Сампо сказительница пыталась импровизировать применительно к советской теме о Ленине, завещавшем новое Сампо советскому народу.

«У Ленина в Смольном» — в своем устном рассказе матрос-карел правдиво изложил, как он слушал речь Ленина в Смольном перед штурмом Зимнего дворца. Ср. ОКРП, 68.

Пословицы и поговорки

Новые карельские афоризмы (пословицы и поговорки), записанные в разных населенных пунктах главным образом с 1939 по 1959 г., в значительной мере являются трансформацией традиционных пословиц и поговорок и отражают новые явления советской действительности. Их бытование в силу сложившихся обстоятельств (постепенного затухания родной речи в среде карельской молодежи) довольно ограничено, и они не подлежат точному учету. Частично сохранению этих пословиц и поговорок содействует их публикация в сборниках, подготовленных Г. Н. Макаровым.

Загадки

Записи новых карельских загадок за четверть века (с 1932 по 1957 г.) свидетельствуют об отдельных попытках исполнителей карельского фольклора создать образцы этого жанра на советскую тему и передать их своим внукам, хотя это представляет известные сложности из-за отсутствия карельского литературного языка.

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНККТОВ

(ПО СОВРЕМЕННОЙ РАЙОНИЗАЦИИ)

Акимисто — Пряжинский район КАССР
Алозеро — Калевальский район КАССР
Ангеллахта — Пряжинский район КАССР
Бабья губа — Калевальский район КАССР
Березово — Беломорский район КАССР
Большой лисий берег — Олонецкий район КАССР

Ведлозеро — Пряжинский район КАССР
Вешкелицы — Суоярвский район КАССР
Видлица — Олонецкий район КАССР
Войницы — Калевальский район КАССР
Вокнаволок — Калевальский район КАССР
Вохтозеро — Кондопожский район КАССР
Гайкола — Калевальский район КАССР
Галлеозеро — Кондопожский район КАССР
Гаройла — Пряжинский район КАССР
Гимолы — Суоярвский район КАССР
Емельяновская — Муезерский район КАССР
Заручье — Бежецкий район Калининской области
Запеек — Лоухский район КАССР
Иломанци — район юго-восточной Финляндии
Импиллахти — Сортавальский район КАССР
Калевала (Ухта) — Калевальский район КАССР
Каменное озеро — Калевальский район КАССР
Келловарака — Беломорский район КАССР
Кентозеро — Калевальский район КАССР
Кепа — Калевальский район КАССР
Кескозеро — Олонецкий район КАССР
Кестеньга — Лоухский район КАССР
Кимасозеро — Муезерский район КАССР
Ключина гора — Суоярвский район КАССР
Козлово — Козловский район Калининской области
Койвуниэми — Пряжинский район КАССР
Койвусельга — Пряжинский район КАССР
Коккосальми — Пряжинский район КАССР
Колатсельга — Пряжинский район КАССР
Кольвица — Кандалакшский район Мурманской области
Кольёла — Калевальский район КАССР
Компаково — Беломорский район КАССР
Кондока — Калевальский район КАССР
Кончезеро Западное — Кондопожский район КАССР
Коргуба — Медвежьегорский район КАССР
Кормилисто — Пряжинский район КАССР
Корписелька — район юго-восточной Финляндии
Костомукша — Калевальский район КАССР
Кохтусельга — Пряжинский район КАССР
Крошноезеро — Пряжинский район КАССР
Кудамогуба — Суоярвский район КАССР
Кузьмиха — Лихославский район Калининской области
Куйтежи — Олонецкий район КАССР
Куккосалми — Лоухский район КАССР
Кяргля — Пряжинский район КАССР
Ладвозеро — Калевальский район КАССР
Лакха — Пряжинский район КАССР
Ледмозеро — Муезерский район КАССР
Лехто — Беломорский район КАССР
Лоймола — Суоярвский район КАССР
Лонкка — Калевальский район КАССР
Лоухи — Лоухский район КАССР
Лубосальма — Суоярвский район КАССР
Макарьевская — Калевальский район КАССР
Мандере — Пряжинский район КАССР
Маньга — Пряжинский район КАССР
Маслозеро — Кемский район КАССР
Мегрозеро — Олонецкий район КАССР
Мери — Беломорский район КАССР
Миккелицы — Пряжинский район КАССР

Миозеро — Муезерский район КАССР
Мосеевское — Лихославский район Калининской области
Муезеро (ныне Муезерка) — Муезерский район КАССР
Мутынова сельга — Пряжинский район КАССР
Мяндусельга — Медвежьегорский район КАССР
Небелицы — Валдайский район Новгородской области
Нелгомозеро — Кондопожский район КАССР
Нехпойла — Пряжинский район КАССР
Новая Яблонька — Лихославский район Калининской области
Оланга — Лоухский район КАССР
Олёкка — Пряжинский район КАССР
Олонец — Олонецкий район КАССР
Онгамукса — Суоярвский район КАССР
Ондозеро — Муезерский район КАССР
Паданы — Медвежьегорский район КАССР
Палалахта — Пряжинский район КАССР
Панозеро — Калевальский район КАССР
Пасынок — Лихославский район Калининской области
Педдожи — Пряжинский район КАССР
Печная Сельга — Лихославский район Калининской области
Пиртилакша — Калевальский район КАССР
Погран-Кондуши — Олонецкий район КАССР
Подужемье — Кемский район КАССР
Покровское — Медвежьегорский район КАССР
Поньгагуба — Калевальский район КАССР
Поросозеро — Суоярвский район КАССР
Рамешки — Рамешковский район Калининской области
Реболы — Муезерский район КАССР
Рийхикоски — Кондопожский район КАССР
Родинозеро — Пряжинский район КАССР
Ругозеро — Муезерский район КАССР
Сааренпя — Муезерский район КАССР
Салменицы — Пряжинский район КАССР
Салми — Питкярантский район КАССР
Самбатукса — Олонецкий район КАССР
Сапповарака — Калевальский район КАССР
Святозеро — Пряжинский район КАССР
Селище — Тихвинский район Ленинградской области
Сельга — Медвежьегорский район КАССР
Совдозеро — Суоярвский район КАССР
Сопоха — Кондопожский район КАССР
Софьянга — Лоухский район КАССР
Спаская губа — Кондопожский район КАССР
Суднозеро — Калевальский район КАССР
Суйстамо — Суоярвский район КАССР
Сулойостров — Муезерский район КАССР
Сума — Калевальский район КАССР
Суоярви — Суоярвский район КАССР
Сыссойла — Пряжинский район КАССР
Сямозеро — Пряжинский район КАССР
Сяпчезеро — Кондопожский район КАССР
Сяргозеро — Медвежьегорский район КАССР
Тигвера — Олонецкий район КАССР
Тикша — Муезерский район КАССР
Тикшезеро — Муезерский район КАССР
Тихтозеро — Калевальский район КАССР
Толлонрека — Калевальский район КАССР
Толмачи — Лихославский район Калининской области
Тресна — Максатинский район Калининской области
Труфаново — Весьегонский район Калининской области

Тулмозеро — Пряжинский район КАССР
 Тунгуда — Беломорский район КАССР
 Тухкала — Лоухский район КАССР
 Угмойла — Пряжинский район КАССР
 Улялега — Пряжинский район КАССР
 Ускалы — Суоярвский район КАССР
 Усуна — Кондопожский район КАССР
 Ухта (ныне Калевала) — Калевальский район КАССР
 Хижезеро — Беломорский район КАССР
 Хявоярви — Калевальский район КАССР
 Хлевнаволок — Пряжинский район КАССР
 Хяме — Калевальский район КАССР
 Чалкосельга — Суоярвский район КАССР
 Чамерово — Весьегонский район Калининской области
 Чебино — Медвежьегорский район КАССР
 Чена — Калевальский район КАССР
 Шалговарака — Медвежьегорский район КАССР
 Эссойла — Пряжинский район КАССР
 Ювалакша — Калевальский район КАССР
 Юргелица — Пряжинский район КАССР
 Юостозеро — Кондопожский район КАССР
 Юшкозеро — Калевальский район КАССР
 Янгозеро — Медвежьегорский район КАССР

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ *

Агафья см. Огой.

Ала-Сальми — часть селения Сальми в северном Приладожье.

Анней, Анники — персонаж лирических и эпических песен.

Анкерво см. Випунен.

Антикайнен — легендарный герой гражданской войны в Карелии.

ахкиво — санки в виде лодочки с усеченной кормой.

Ахти — мифическое божество; эпический герой.

бердо — принадлежность ткацкого станка, гребень для утка.

Василейне — герой баллады, покидающий родной дом.

Вилкуна — см. Пийли.

Вильгельм — немецкий кайзер Вильгельм II.

Випунен — по преданию, вросший в землю предок эпических героев.

Виро — карельское и финское название Эстонии.

Вироканнас — мифический герой эпической песни.

Вихки — герой мифической песни.

вица — прут.

Волварь, Воллари, Волмари — встречающееся в исторической песне название населенного пункта в Прибалтике.

«воровские» войны — крестьянские выступления карел против шведов.

Ворна — герой предания, оборонявший Карелию от шведов.

Вуоёла — мифическая страна карельского эпоса.

Вяйнямейнен — мудрый песнопевец и заклинатель.

голбец — деревянная полка от печи к стене избы.

Голь-Голитаевич, он же Гонколицкий парень — герой сказки.

Гумбарева — карельская героиня Великой Отечественной войны Татьяна Ананина.

* Имена героев фольклорных произведений разных жанров в тех случаях, когда оригиналы или их переводы публиковались ранее, даются в сборнике в их канонизированном русском или финском написании, за исключением советских публикаций записей составителя сборника.

Дворцы — деревня южной Карелии, где на Марциальных водах лечился Петр I.
 дроля — персонаж любовных частушек.
 Егамойне, Еугамойне — младший герой эпической песни.
 загуста — каша из ржаной муки, заправленная коровьим маслом.
 Иван Лаппалайне — соперник и враг старого Вийнямейнена.
 Иван-царь — русский царь Иван Грозный.
 Ильмаринен, Ильмойллине — чудесный кузнец, пахарь, брат Вийнямейнена.
 Ирой — мать трех героев эпической песни.
 Калева — мифический герой эпоса.
 Калерво — отец пастуха-раба Куллерво.
 калики — бродячие певцы.
 калитки — ватрушки из пресного теста.
 Капастьярви — деревня южной Карелии, упомянутая в песнях.
 кантеле — карельский щипковый музыкальный инструмент.
 Капо — мастер, делающий лыжи.
 Карл — в исторических песнях шведский король Карл XII.
 Карьяла — Карелия.
 Катей, Катерина — в карельских эпических песнях дочь старухи Хйиси, к которой сватается кузнец Ильмойллине.
 Каукомойне, Каукомизли — воинственный герой карельской эпической песни.
 Кейретуйне см. Туйретуйне.
 Кемь — город на западном берегу Белого моря.
 Кехно — злой дух, мифический персонаж эпической песни.
 киндасовские мужики — карельские «пошехонцы» в анекдотах.
 Киркини — герой севернокарельского предания.
 Кирье — кличка коровы.
 Кобелич — попович, жених девушки Огой.
 Коени — эпический персонаж карельских рун.
 Кола — город за Полярным кругом.
 Комми — теща Коенена.
 Кончезерский завод — чугунолитейный завод конца XIX в. в южнокарельском селе Кончезеро.
 корба — густой темный еловый лес.
 кострика — отбросы лыа и конопки после трепания и чесания.
 Куавех-Похьелайне — соперник кузнеца Ильмойллине, препятствующий ему в сватовстве к дочери Хйиси.
 Куётар — см. Марьятар.
 Куллерво — в карельском эпосе сын Калервы, проданный в рабство сирота-пастух.
 Куопели — отрицательный персонаж севернокарельского предания, эпосом «Кобылицкой Корелы», изменивший России, перебежавший в Швецию.
 Лаври — имя хозяина Выборга в исторической песне.
 ламба — небольшое лесное озеро.
 Лаглуони — ласкательное имя девушки в кумулятивной детской песне.
 Лалли — вождь крестьянского восстания при насаждении католичества в Финляндии; персонаж колыбельной песни.
 лайладец — житель Лаппи.
 Лаппи — название земель, населенных лопарями-саамами.
 Лембой-лембоккане — в южнокарельском заклинании злой дух, метафорическая замена ласки.
 Лемпо — злой дух в карельских эпических песнях.
 Лешенька — в сказке спутник Петра I.
 лийло — междометие в пастушеской песне.
 Луе — в песне бог-творец.
 Лукки — кличка собаки.
 Луоннотар — имя каждой из трех дев природы.
 Люсмикки, Люликки см. Капо.

Люулеллини — ласкательное имя девушки-невесты.

Мана, Манала см. Туонела.

Мария Мелентьева — воспетая в песне героиня Великой Отечественной войны.

Марттиши Исак — крестьянин из села Вокнаволок, прадед сказительницы М. Ремшу.

Марья, Марьяни — имена невесты эпических героев.

Матти — в исторической песне хозяин Выборга, сын Лаври.

Мауру Мангингойне — свадьбовод.

Московский молодец — царь Петр I, персонаж исторических песен.

Мустикки, Муурики — кличка коровы.

Наримон — сын литовского князя Гедимина — Наримонт.

Нийкой — поповский батрак.

Николай — русский царь Николай II.

Огой — в балладах девушка, похищенная шведами Руоччи; девушка, покончившая с собой из-за трагической любви.

Ойюнгайне — в балладе другое имя девы Марии.

Олена — женский персонаж в балладах, жертва сына Коенена.

Олопец — город в Карелии, ныне районный центр.

Они-Манни — персонаж детской кумулятивной песни.

Осмотар — мастерица варить пиво.

Оулу — город в северной Финляндии.

Пагап — в песне языческая община.

Палага см. Олена.

патъвашка — свадьбовод.

Пелони — рыбак-рулевой, спутник Куллерво.

Пекка — персонаж сказок.

Петр — в исторической песне и в сказках царь Петр I; святой, рыбий бог в заклинаниях.

Пивори — мясник, пытающийся зарезать большого быка.

Пийли Вилкуна — девушка, к которой сватается Коени.

Пизгула — в заклинании местность, куда должны уходить тучи.

Повенец — уездный город на берегу Онежского озера.

полица — железный лист, из которого делают прены для солеварення.

Похъела — в эпических песнях северная страна, куда уходят свататься Вайнямейнен и Ильмаринен.

похъেলাйне — в эпической песне житель страны севера.

Проконий — персонаж детского фольклора.

Пухари — в заклинании хозяин мороза.

Пяйвела — в эпической песне страна солнца, в которой незванным появляется Лемминкяйнен.

Пяйватар — дочь солнца, хозяйка Пяйвелы.

Пяння — в предании о Ворне водопад.

Рахе — город в средней Финляндии.

Рогачу — в предании защитник карел от шведских набегов.

Руоччи — то же, что Швеция.

самбатукские ребята — молодежь олонецкой деревни Самбатукса.

Сампо — в карельском эпосе название чудесной мельницы и вообще мифического источника благосостояния.

Самса — сын сеятеля Пеллервойнена.

Сапосалма — деревня северной Карелии.

Святогор — в карельской сказке русский былинный богатырь.

Сермакса — в исторической песне река, протекающая по территории нынешнего Олонецкого района.

Сортавала — город в юго-западной части КАССР.

сотка — водоплавающая птица, утка.

Сюэ́тар — в песнях злая хозяйка пастуха Куллерво; в карельских сказках злая ведьма.

Сямозеро — название озера и села в южной Карелии.

Сяркиниэми — в предании о лопарях название местности в северной Карелии.

Табиола, Тапиола — в карельских эпических песнях лесной край.

таймень — рыба из вида лососевых.

Телтамоини — персонаж свадебной песни.

торжок — место торговли, базар.

Торнио — город северной Финляндии.

Туиретуйнен — прозвище странствующего героя, узнающего в своей возлюбленной сестру.

тукач — сноп соломы.

Туонела, Туони — река на границе потустороннего мира в карельских эпических песнях.

Тухкимус — персонаж карельских сказок.

Увандолайнен, Уванто см. Вийнямейнен.

Укко — главное божество карельской мифологии.

Уманто, Ументолайнен см. Увандолайнен.

Унтамо — в карельских эпических песнях брат Калервы.

уток — поперечная нить ткани.

ушкуйник — персонаж свадебного причитания; ушкуйники — пришельцы, осваивавшие новые земли.

Ухта — крупнейшее село Калевальского района, ныне Калевала.

Халли — кличка собаки.

Хийзи, Хийси — в эпических песнях злой дух.

Хийхте, Химех, Хиттолайне см. Хийзи.

Хяме — летописная емь, финское племя.

целовальник — продавец в питейном заведении, кабаке.

Челли, Ченни — персонаж карельского предания о лопарях.

Чена — севернокарельская деревня.

чиби-чиби — междометие, звукоподражание в детской песне.

Чурула — название местности.

Шведская война — Северная война России со Швецией.

Юнти Пунтуккайнен — в исторической песне искаженное имя шведского полководца Понтуса Делагарди.

Якко Пунтус см. Юнти Пунтуккайнен.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- А — Архив фольклора ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР.
 АА — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929.
 АФ — Архив фонотеки ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР.
 Бел. — *Белова К.* Карелиян рахвахан суарнат. Петрозаводск, 1939.
 Гуд. — *Гудков В., Леви Н.* Песни народов К-ФССР. Петрозаводск, 1941.
 Евс. — *Евсеев В.* Карельский фольклор. Петрозаводск, 1949.
 ИРАП — *Евсеев В.* Избранные руны Архипа Перттунена. Петрозаводск, 1948.
 Кер. — *Кершнер Л. М.* Карельские народные песни. М., 1962.
 КНП — *Кондратьева С.* Карельская народная песня. М., 1977.
 КНСИ — Карельские народные сказки, I. Подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963.
 КНСИИ — Карельские народные сказки, II. Подгот. У. С. Конкка и А. С. Тупицына. Л., 1967.
 Кон. — *Конкка У.* Карельские народные сказки. Петрозаводск, 1959.
 КНПЗ — *Макаров Г. Н.* Карельские пословицы, поговорки, загадки. Петрозаводск, 1959.
 Кр. — *Краснополская Т.* Песни Карельского края. Петрозаводск, 1977.
 КС — Карельский сборник. Л., 1929.
 КЭП — Карельские эпические песни. Сост. В. Я. Евсеев. М.; Л., 1950.
 ОКРІ — *Макаров Г. Н.* Образцы карельской речи. М.; Л., 1963.
 ОКРІІ — *Макаров Г. Н., Рягоев В. Д.* Образцы карельской речи. Л., 1969.
 Паж. — *Пажлаков И.* Карельские сказки. Петрозаводск, 1947.
 Ряг. — *Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.
 Степ. — *Степанова А. С., Коски Т. А.* Карельские притчания. Петрозаводск, 1976.
 СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Сост. Л. Г. Баран, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
 ААJ — *Jyrinoja V.* Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku, 1965.
 Ah. — *Ahtia E. V.* Rahvahan Kandleh. Viiburi, 1922.
 AT — *Thompson S.* The types of the folktale. Helsinki, 1961.
 FFPE — *Kaasi M.* Finnish Folk Poetry Epic. Helsinki, 1977.
 KI — Suomen kansan vanhat runot, I. Helsinki, 1903.
 KI₃ — Suomen kansan vanhat runot, I₃. Helsinki, 1919.
 KI₄ — Suomen kansan vanhat runot, I₄. Helsinki, 1921.
 KII — Suomen kansan vanhat runot, II. Helsinki, 1927.
 KVII — Suomen kansan vanhat runot, VII. Helsinki, 1929.
 KVII₃ — Suomen kansan vanhat runot, VII₃. Helsinki, 1931.
 KK — *Timonen E.* Karjalasia kansansatuja. Petroskoi, 1951.
 KKN I — Karjalan kielen näytteitä, I. Helsinki, 1930.
 KKN II — Karjalan kielen näytteitä, II. Helsinki, 1931.
 KKN III — Karjalan kielen näytteitä, III. Helsinki, 1932.
 KKR I — *Jevsejev V.* Karjalan kansan runot, I. Tallinn, 1976.
 KKR II — *Jevsejev V.* Karjalan kansan runot, II. Tallinn, 1980.

- Kr. — *Krohn K.* Suomalaisia kansan satuja, I. Helsinki, 1886.
 KS — Karjalaisia sanapolvia. Helsinki, 1971.
 KT — Kotiseudun tarinoita. Helsinki, 1951.
 Leg. — Legendat. Kansankertomuksia Suomesta ja Karjalasta. Helsinki, 1981.
 Meh. — Mehiläinen. Helsinki, 1834—1837.
 MR — *Kuikka P.* Maria Remsu, Karjalais-Suomalaisia kansansatuja. Petroskoi, 1945.
 Pel. — *Pelkonen E.* Karjalan meren äärellä. Helsinki, 1961.
 Raus. — *Rausmaa P.-L.* Suomalaiset kansan sadut, I. Ihmesadut. Helsinki, 1972.
 SI — Suomi, I jakso. Helsinki, 1847.
 SII — Suomi, II jakso. Helsinki, 1885.
 Sar. — *Sarala A.* Suistamolaisia sananparsia. Turku, 1968.
 SKS — Suomalaisen kirjallisuuden seuran arkisto.
 SL — Satuja ja legendoja. Vammala, 1976.
 Vir. — *Virtaranta P.* Karjalaisia sananlaskuja ja arvoituksia. Helsinki, 1976.
 Vir. III — *Virtaranta P.* Lyydiläisiä tekstejä, III. Helsinki, 1964.
 Vir. K — *Virtaranta P.* Juho Kujola. Helsinki, 1960.
 Vir. VI — *Virtaranta P.* Vienalaisia lastenlauluja. Helsinki, 1973.
 Vir. Vs — *Virtaranta P.* Vienalaisia satuja ja legentoja. Kultarengas korvaan. Helsinki, 1971.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Заклинания	9
Эпические песни	27
Баллады, шуточные и легендарные песни	87
Исторические песни	116
Трудовые песни	126
Свадебные песни	131
Свадебные причитания	145
Похоронные причитания	154
Бытовые причитания	158
Лирические песни	161
Старые частушки	191
Колыбельные песни	206
Детские песни	211
Сказки о животных	223
Волшебные сказки	236
Бытовые сказки	287
Легенды и былички	310
Предания	317
Устные бытовые рассказы	327
Пословицы и поговорки	332
Загадки	338
Современное народное поэтическое творчество (песни, частушки, сказы-плачи, устные рассказы и сказки, пословицы и поговорки, загадки)	345
Комментарий	381
Список условных сокращений	410

КАРЕЛЬСКОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

*Утверждено к печати Институтом языка, литературы и истории
Карельского филиала АН СССР*

Редактор издательства *Н. А. Румянцева*. Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Г. В. Семерикова* и *Г. И. Тимошенко*

ИБ № 20117

Сдано в набор 20.10.81. Подписано к печати 17.12.81. М-19339, Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 25³/₄=25.75 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 26.05, Тираж 12000 (2-й завод 2001—5000). Изд. № 7860. Тип. зак. 1076.
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

